ВЫСОКИЙ ДОЛГ

Феликс Эдмундович Дзержинский

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

К 70-летию ВЧК — КГБ

МИНСК
«БЕЛАРУСЬ»
1985

ББК 67.99(2)116.2
В 93

Составители:
полковник П. А. КИЕНЯ, капитан В. А. ЖУР

В $\frac{1203030000-338}{М\ 301(05)-85}$ БЗ 206—85

Всякая революция
лишь тогда чего-нибудь стоит,
если она умеет защищаться.

В. И. ЛЕНИН

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Вот уже почти семь десятилетий твердой поступью шагает по планете реальный социализм — общественно-экономический строй, несущий людям мир, социальный прогресс, уверенность в будущем для себя и своих потомков.

Идут годы, и с каждым нашим шагом вперед все новые и новые миллионы людей встают под коммунистические знамена. Опираясь на созданный экономический, политический и нравственный потенциал, социалистическое общество надежно обеспечивает свою безопасность и с каждым годом все более убедительно доказывает свои преимущества перед капитализмом во всех сферах жизнедеятельности человека. Капитализм же, уже давно превратившись в путы на ногах человечества, все более отчетливо обнаруживает свою несостоятельность и историческую обреченность.

Вместе с тем каждый советский человек, все прогрессивные силы на Земле отдают себе отчет в том, что сам по себе капитализм не исчезнет. И чем отчетливее проявляется его обреченность, тем яростнее он пытается защищать свои позиции, используя в этом самые изощренные средства, попирая нормы международного права, элементарные правила человеческого общежития.

Еще В. И. Ленин указывал: «...первой заповедью нашей политики, первым уроком ...который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку...» * В нынешней сложной международной обстановке эта заповедь вождя революции является исключительно актуальной.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 296.

На всех этапах развития Советского государства империализм вел против него как явную, открытую, так и тайную, скрытую борьбу. Последняя, вошедшая в политический лексикон понятием «подрывная деятельность», осуществлялась и осуществляется разведывательными и иными спецслужбами. В настоящее время мы видим настойчивое стремление спецслужб империалистических государств значительно расширить масштабы своей враждебной деятельности, направленной на то, чтобы подорвать социалистический строй или хотя бы затруднить его развитие. В этих целях они используют шпионаж, идеологические диверсии, пытаются создавать препятствия на пути развития нашей экономики.

Если еще в недалеком прошлом правящие круги империалистических держав хотя бы формально открещивались от подрывных акций, проводимых их спецслужбами, то сейчас они отбросили даже этот фиговый листок. Так, на одной из пресс-конференций в октябре 1983 года президент США Р. Рейган открыто провозгласил «право» американского ЦРУ готовить и осуществлять диверсионно-подрывные акции против стран, проводящих политику, «неугодную» США. «Тайные операции являются составной частью деятельности властей,— заявил он.— Страна, полагающая, что ее интересы наилучшим образом обеспечиваются проведением тайной деятельности, имеет право на такую деятельность» *.

С первых дней своего существования молодая Советская власть приступила к созданию институтов, призванных защищать завоевания первой в мире победившей социалистической революции. Одним из таких органов была созданная 20 декабря 1917 года по инициативе Владимира Ильича Ленина Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. С этого времени началась героическая биография советских органов государственной безопасности, ставших щитом и мечом победившего народа.

Вскоре после образования Белорусской Советской Социалистической Республики, опираясь на опыт ВЧК, Большой Президиум Исполнительного комитета Белоруссии 18 февраля 1919 года принял постановление об

---

* Правда, 1983, 21 окт.

образовании Минской губернской и уездных чрезвычайных комиссий.

Уже в первые годы Советской власти в суровой борьбе с ее врагами выросли и закалились замечательные кадры чекистов, воодушевленных идеалами и знаменем Октября. Именно с деятельностью этих людей связан живущий в народе образ чекиста — страстного революционера, человека кристальной честности и огромного личного мужества, непримиримого в борьбе с врагами, сурового во имя долга и готового к самопожертвованию ради народного дела, которому он посвятил свою жизнь.

Почти за семь десятилетий в органах ВЧК — КГБ сменилось не одно поколение чекистов. И каждое из них оставило в истории Отчизны свои имена, свои боевые дела. По мере развития и упрочения социалистического общества совершенствовалась и деятельность органов государственной безопасности. Но при этом чекисты сохраняли преемственность в главном: сыновняя преданность народу и партии, глубокая коммунистическая убежденность, неразрывная связь с массами и опора на трудящихся, беспощадность к врагам в соединении с величайшей чуткостью к советским людям, высочайшая политическая бдительность, готовность к самопожертвованию во имя интересов Родины.

Традиции Ф. Э. Дзержинского, традиции чекистов, заложенные при В. И. Ленине, и ныне служат верным критерием оценки каждого работника органов государственной безопасности.

В современных условиях, когда резко возросла агрессивность империализма, органы государственной безопасности, действуя под постоянным руководством партии, успешно срывают замыслы спецслужб империалистических государств, применяют решительные меры в отношении тех, кто посягает на наш государственный и общественный строй.

«Защищая интересы нашего государства и общества,— отмечал в своем выступлении перед избирателями член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР В. М. Чебриков,— органы госбезопасности тем самым защищают интересы и каждого советского гражданина, ибо эти интересы в социалистическом обществе полностью совпадают. Именно поэтому органы государственной безопасности в своей деятельности,

которую они проводят при строгом соблюдении социалистической законности, неизменно находят полное доверие и поддержку трудящихся» *.

Образы чекистов разных поколений, одинаково непримиримых в борьбе с классовым врагом, всегда обладали притягательной силой. Посвящаемые им произведения литературы и искусства оказывали и оказывают большое воспитательное воздействие на советских людей, особенно на молодежь, помогают формировать у них классовое чутье, умение правильно ориентироваться в сложных ситуациях, способность на деле быть патриотами-интернационалистами.

Книга, которая предлагается читателю, посвящена борьбе органов госбезопасности с подрывной деятельностью противника на территории Белоруссии. Открывает книгу очерк А. Ф. Хацкевича о верном соратнике В. И. Ленина, пламенном большевике и революционере, нашем славном земляке Ф. Э. Дзержинском. При непосредственном участии Феликса Эдмундовича органы ВЧК смогли разгромить ряд контрреволюционных мятежей и своевременно обезвредить несколько заговоров, нити которых проходили через Белоруссию, а также пресечь преступную деятельность матерого врага Советской власти Б. Савинкова. Насколько сложными, опасными и напряженными были для чекистов эти операции, видно из публикуемых в книге документальных очерков И. И. Майданова «Операция «Крот» и И. С. Борисова «Бумеранг».

Ряд очерков посвящен деятельности чекистов в годы Великой Отечественной войны на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Белоруссии. Герои очерков — командиры специальных отрядов и групп О. С. Бычек, С. А. Ваупшасов, Б. Л. Галушкин, Н. В. Зебницкий, П. Г. Лопатин, Е. И. Мирковский, Н. А. Михайлашев, В. Л. Неклюдов, Ф. Ф. Озмитель, К. П. Орловский, А. М. Рабцевич, М. С. Прудников и А. Н. Шихов за особые заслуги перед Родиной, отвагу и мужество удостоены звания Героя Советского Союза. В глубоком вражеском тылу под руководством подпольных партийных органов и в тесном взаимодействии с партизанскими формированиями специальные чекистские подразделения выполняли слож-

* Правда, 1984, 21 февр.

ные и ответственные задания в борьбе с оккупантами. Особенно важной была их разведывательная деятельность, в результате которой удалось выявить 22 разведывательно-диверсионные школы противника, 36 резидентур, пресечь деятельность значительного числа агентов фашистских карательных органов, выполнить ряд других специальных заданий партии и правительства.

Деятельность чекистов в тылу врага — яркий образец служения социалистической Отчизне. Думается, что в год 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне читателям интересно будет встретиться с ее героями на страницах этого сборника.

Материалы книги позволят читателю познакомиться в определенной мере и с деятельностью советских органов госбезопасности в послевоенный период. Успешное продвижение нашей страны по пути социалистического и коммунистического строительства вызывает бешеную злобу у наших врагов, порождает потоки лжи и клеветы в отношении советской политической системы, реальных завоеваний социалистического строя. Планируя идеологические диверсии, враг ориентируется на лиц с ограниченным политическим кругозором, отрицательными моральными качествами, а также подверженных религиозным и националистическим предрассудкам. Об этом, в частности, рассказывают В. П. Прокудин и Д. П. Свиржевский в очерках «Провал «Славянской миссии» и «Агент не пришел на явку».

В переживаемое нами время классовая борьба достигла небывалой остроты. Правящие круги Запада во главе с США открыто и цинично провозглашают свою классовую цель — «уничтожить социализм как общественно-политическую систему». Но эти силы пытаются осуществить недостижимое — остановить прогресс, вернуть себе роль вершителей судеб народов. Империализму не вернуть те времена, когда только он мог решать вопросы войны и мира. Сегодня за мир борются все прогрессивные силы.

Как подчеркнуто в решениях XXVI съезда КПСС, партия Ленина будет и дальше делать все для сохранения жизни нынешних и грядущих поколений.

Монолитно единство партии и народа. Но это явно не устраивает наших классовых противников. Поэтому

идеологическое противоборство двух политических систем не только резко обострилось, но стало качественно иным по содержанию. В этих условиях актуально требование нашей партии к вопросам политической бдительности, надежной защите интересов социалистического Отечества.

В нашем обществе прочно утвердились социалистический образ жизни, социалистические нормы нравственности.

Советскому человеку присущи высокий патриотизм, самоотверженность в труде, нетерпимость ко всему, что мешает активно жить и трудиться.

Всеобщее осуждение в нашем обществе вызывают чуждые социализму, но еще встречающиеся разного рода антиобщественные проявления, нарушения норм социалистического общежития, элементы политической беспечности, демагогии и очернительства.

Коммунистическая партия и Советское государство многое делают для того, чтобы искоренить преступность, предотвратить правонарушения, укреплять социалистическую законность.

Но это и задача всего нашего общества, гражданский долг всех советских людей.

Сотрудники Комитета госбезопасности Белоруссии, как и все советские чекисты, активно помогают партии в проведении в жизнь ее внутренней и внешней политики, делают все возможное для обеспечения надежной защиты государства от происков империалистических разведок. Попытки противника осуществить свои подрывные замыслы неизменно заканчиваются провалами. Залогом этого является идейно-политическое единство советского общества и обеспечение государственной безопасности.

Сила советских органов, стоящих на страже государственной безопасности,— в постоянном руководстве и неослабном контроле со стороны Коммунистической партии.

Сила их — в подчинении всей своей работы интересам народа и Советского государства, в том, что они ведут эту работу, опираясь на постоянную и органическую связь с народом, снискав его доверие, при поддержке широких трудящихся масс.

Генерал-лейтенант В. БАЛУЕВ

ПЕРВЫЙ ЧЕКИСТ

«Всякая революция,— указывал В. И. Ленин,— лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...» *.

За революцией всегда следует контрреволюция, которая стремится задушить ее и реставрировать старые порядки. Так было во всех революциях, так было и после победы Великого Октября. Свергнутые им эксплуататорские классы и их партии при содействии и прямом участии международного империализма делали отчаянные усилия ликвидировать власть рабочих и крестьян и восстановить капиталистический строй в России. С первых дней контрреволюция организовывала мятежи, заговоры, провокации, террор против руководителей партии и Советского государства, активных большевиков-ленинцев. Наряду с открытыми формами борьбы враги широко использовали скрытые методы и приемы подрывной деятельности (саботаж, подкуп, провокации, развращение отдельных неустойчивых работников и т. д.), то, что В. И. Ленин называл «пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников...» **.

Коммунистическая партия, Советское государство вынуждены были пойти на принятие чрезвычайных мер для подавления открытого и скрытого сопротивления контрреволюции. По инициативе В. И. Ленина 7 (20) декабря 1917 года создается Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) во главе с выдающимся революционером, несгибаемым большевиком-ленинцем Ф. Э. Дзержинским. За плечами этого удивительного человека было почти 11 лет тюрьмы, ссылок и каторги за подпольную работу в рядах Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Он не имел специального профессионального образования для руководства таким

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.
** Там же, т. 35, с. 244.

чрезвычайно трудным и важным органом Советской власти, но у него был богатый опыт революционной борьбы, следственной работы по разоблачению провокаторов в подпольных социал-демократических организациях и привлечению их к партийному суду. Все это, безусловно, учитывал В. И. Ленин, предлагая Ф. Э. Дзержинского на пост председателя ВЧК.

Владимир Ильич впервые познакомился с Феликсом Эдмундовичем на IV (Объединительном) съезде в Стокгольме в 1906 году. Позже неоднократно встречался с ним на партийных конференциях и совещаниях. Задолго до революции Ф. Э. Дзержинский стал не только верным учеником, но и преданным сподвижником, боевым товарищем Владимира Ильича. В. И. Ленину нравились у Ф. Э. Дзержинского его партийная принципиальность, непримиримость ко всякого рода оппортунизму, исключительная дисциплинированность, самокритичность и преданность делу революции, идеалам коммунизма. Эти качества Ф. Э. Дзержинского отмечали многие товарищи, которые впервые соприкасались с ним еще в дооктябрьский период.

«Меня трогала необычайная кристальная, почти детская его чистота,— вспоминал один из профессиональных революционеров, соратников В. И. Ленина, известный советский писатель А. А. Богданов,— словно все его существо было заключено в горный хрусталь... Но с этой кристальной чистотой и мягкостью соединялась решительная преданность и самоотверженность делу революции. Ильич очень любил Дзержинского. Впоследствии я понял, почему именно его, этого идеально чистого человека, он выдвинул на такой ответственный пост, как Чека» *.

Вместе с Ф. Э. Дзержинским в ВЧК направили Я. Х. Петерса, И. К. Ксенофонтова, Д. Г. Евсеева, В. В. Фомина, С. Е. Щукина и других видных большевиков, профессиональных революционеров. Под руководством ЦК партии и лично В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинский и его ближайшие помощники принимают энергичные меры по борьбе с контрреволюцией как в центре, так и на местах, по обеспечению государственной безопасности молодой Республики Советов.

---

* *Богданов А.* Избранная проза: Рассказы, очерки, воспоминания, статьи. М., 1960, с. 258.

До создания губернских и уездных чрезвычайных комиссий функции борьбы с врагами Советской власти выполняли специальные отделы или комиссии по борьбе с контрреволюцией в местных Советах рабочих и солдатских депутатов и фронтовых комитетах. В Минске, например, еще в начале декабря 1917 года в составе комиссариата внутренних дел областного исполнительного комитета Западной области (облискомзапа) была создана комиссия для борьбы с контрреволюцией в составе К. И. Ландера (председатель), Н. И. Кривошейна, Л. П. Резаусского и других.

26 января 1918 года ВЧК направила телеграмму исполкому комитета Западного фронта в Минск. В ней говорилось, что обнаглевшая контрреволюция готовит во всероссийском масштабе заговор против Советской власти, покушения на видных деятелей революции. Ею мобилизованы все черные силы — юнкера, офицеры калединцы и корниловцы, вся белая гвардия, а также развращенные и голодные подонки общества. Для беспощадной, решительной и быстрой ликвидации контрреволюционного заговора, подчеркивалось в телеграмме, «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией при Совете наркомиссаров предлагает всем Советам и комитетам немедленно создать отделы борьбы с контрреволюцией и немедленно же прислать своих представителей за получением инструкций и секретных данных в отделе борьбы с контрреволюцией Всероссийской комиссии. Петроград, Гороховая. Председатель Дзержинский, секретарь Полукаров» *.

В составе Минского Совета рабочих и солдатских депутатов такой отдел был создан 22 января 1918 года. В него вошли Л. П. Резаусский (руководитель), И. Я. Алибегов, И. П. Жуков, Н. И. Кривошейн, К. И. Ландер.

25 января в местной печати появилось сообщение об образовании отдела, его местонахождении (гостиница «Европа») и что в нем организовано круглосуточное дежурство для приема граждан.

Аналогичные отделы были созданы и в других Советах страны.

---

* Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: Док. и материалы. Мн., 1957, т. 2, с. 845.

В марте 1918 года коллегия ВЧК приняла решение о немедленной организации на местах чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлениями по должности и злоупотреблениями печатным словом. Эти комиссии должны работать под общим руководством местных Советов. В апреле — мае 1918 года губернские ЧК были созданы в Витебске (29 апреля), Вятке, Туле, Рязани, Могилеве, Орле, Астрахани и других городах *.

По поручению Ф. Э. Дзержинского в организации ЧК на территории Белоруссии принимали непосредственное участие заведующий иногородним отделом ВЧК В. В. Фомин и сотрудники отдела Р. С. Мороз, П. И. Путилова.

15 апреля 1918 года по предложению председателя Северо-Западного комитета РКП(б) А. Ф. Мясникова и по согласованию с ВЧК облискомзап принял решение создать Западную областную чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности во главе с бывшим председателем военно-революционного комитета 10-й армии Западного фронта большевиком В. И. Яркиным **.

Ф. Э. Дзержинский уделял большое внимание подбору, расстановке и воспитанию кадров чекистов. Он часто напоминал им свой излюбленный афоризм: «У чекиста должны быть чистые руки, горячее сердце и холодная голова». Именно такими были сам Дзержинский, его ближайшие друзья и соратники, большинство сотрудников его школы. Известно и другое его выражение: «Чекист — это три слова, начинающиеся на букву «ч»: честность, чуткость, чистоплотность. Душевная, конечно» ***. «Тот, кто стал черствым,— неоднократно напоминал Ф. Э. Дзержинский,— не годится больше для работы в ЧК» ****.

Ф. Э. Дзержинский тесно связывал строжайшее соблюдение революционной законности и правопорядка каждым сотрудником ВЧК с его морально-этическими качествами. Эта связь четко просматривается и в до-

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1977, с. 153.

** Полымя, 1967, № 12, с. 222.

*** *Серебрякова Г.* О других и о себе. М., 1971, с. 49.

**** Рыцарь революции. М., 1967, с. 136.

кументах, написанных лично председателем ВЧК. Так, в инструкции об обысках и арестах он писал, что каждый чекист «должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что каждый его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть». Инструкция заканчивалась предупреждением, что виновные в угрозах и грубости подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из комиссии и высылке из Москвы *.

Когда Ф. Э. Дзержинскому стало известно о том, что один из его сотрудников позволил себе ударить арестованного, он лично провел расследование этого факта. На протоколе допроса арестованного рукой Феликса Эдмундовича написано: «Комиссия рассмотрела и решила сделать самые энергичные внушения виновным и в будущем предавать суду всякого, позволившего дотронуться до арестованного» **.

Самое тяжкое наказание грозило тому, кто стал на путь предательства. В таких случаях Ф. Э. Дзержинский был беспощаден. Ярким подтверждением этому является приговор по делу члена коллегии Петроградской губернской ЧК Чудина. Последний был изобличен в сожительстве с любовницей крупного спекулянта. По ее просьбам Чудин освобождал крупных спекулянтов от наказания или предупреждал их об опасности. Чудина приговорили к расстрелу. «Вина Чудина,— написал в протоколе Ф. Э. Дзержинский,— усугубляется еще тем, что он, состоявший несколько лет в рядах Коммунистической партии и занимавший такой ответственный пост, как пост члена чрезвычайной комиссии, не мог не понимать, как предательски он нарушает интересы партии и злоупотребляет доверием своих товарищей по ЧК» ***.

Ф. Э. Дзержинский считал недопустимым для ЧК использование метода провокации и учил чекистов не ждать, пока совершится преступление, а предупреждать его. Это, «разумеется, в смысле внешнего эффекта,— указывал он,— производит меньше впечатления,

---

* Из истории ВЧК, 1917—1921: Сб. док. М., 1958, с. 103—104.

** Там же, с. 103.

*** Там же, с. 314—315; Сов. государство и право. М., 1977, № 10, с. 121.

по существу же дает несравненно большие результаты» *.

Благодаря повседневному партийному руководству и помощи широких масс трудящихся возглавляемая Ф. Э. Дзержинским ВЧК стала грозой для буржуазии, карающим мечом в руках пролетариата. По словам В. И. Ленина, она являлась «нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас» **.

Благодаря оперативным и энергичным действиям ВЧК уже в первые месяцы своего существования разоблачила и ликвидировала в Петрограде, Москве и других городах ряд штабов, вербовочных пунктов и других контрреволюционных центров и организаций, занимавшихся сбором и отправкой на Дон и Южный Урал к атаманам Каледину и Дутову белогвардейских офицеров для борьбы с Советской властью.

ВЧК удалось сорвать попытку контрреволюционеров, сгруппировавшихся вокруг так называемого «Союза защиты Учредительного собрания», свергнуть Советское правительство и передать власть этому Учредительному собранию.

Деятельность внутренней контрреволюции особенно активизировалась в связи с наступлением немецких войск на Западном фронте. Выполняя директиву Советского правительства, ВЧК провела в этот период огромную работу по ликвидации шпионов, саботажников, спекулянтов и прочих врагов народа.

В период временной передышки, наступившей после заключения с Германией Брестского мирного договора, чекисты разоружили в Москве, Тамбове, Воронеже, Саратове, Витебске и других городах крупные анархистские банды, терроризировавшие население. Разоблачили большое количество крупных спекулянтов и фальшивомонетчиков. По данным ВЧК, только за 7 месяцев (с января по июль включительно) 1918 года было конфисковано у спекулянтов различных товаров и наложено на них штрафов на сумму свыше 13 млн. рублей ***.

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 155.

** *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 327.

*** *Хацкевич А. Ф.* Солдат великих боев. Мн., 1982, с. 238.

В апреле — мае 1918 года при непосредственном участии Ф. Э. Дзержинского ВЧК разоблачила и ликвидировала очень опасную широко разветвленную военно-заговорщическую организацию «Союз защиты родины и свободы» с центром в Москве и с филиалами в других городах страны. Эта организация имела шифры, пароли, сложную внутреннюю структуру, была связана с американской, английской и французской разведками, получала от них деньги. Во главе ее стоял известный правый эсер-террорист Борис Савинков. Заговорщики внедрили своих агентов в советские органы и в некоторые воинские части и военные учреждения. Они ставили цель свергнуть Советскую власть, установить военную диктатуру во главе с Савинковым, возобновить войну с Германией.

Ф. Э. Дзержинский вместе с начальником отдела по борьбе с контрреволюцией, членом коллегии ВЧК М. Я. Лацисом лично допрашивали первых арестованных заговорщиков и изучали изъятые у них при обыске документы и вещи. От арестованного в Москве Пинки (Пинкуса) Ф. Э. Дзержинский узнал явки и пароли казанского филиала этой организации. Вскоре по его распоряжению в Казань под видом членов «Союза» выехали два сотрудника ВЧК. Воспользовавшись явками и паролями, добытыми в ходе следствия в Москве, они проникли в местное отделение «Союза» и с помощью казанских чекистов арестовали заговорщиков *.

Феликс Эдмундович личным примером показывал оперативным работникам ВЧК, как нужно вести расследование, как по крупицам собирать и анализировать факты, вплоть до самых мельчайших деталей. «Он делал многое сам, а главное, учил своим примером следователей и комиссаров, как надо работать,— вспоминал Я. Х. Петерс.— И нетерпеливые комиссары и следователи учились у него, как, работая над расшифровкой мелких бумажек, можно найти ценнейшие нити для дальнейшего раскрытия контрреволюционных заговоров» **.

Любопытное воспоминание о Ф. Э. Дзержинском, его искусстве беседовать с людьми и выяснять интере-

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 158; Рассказы о Дзержинском: Сб. воспоминаний. М., 1965, с. 130.

** Рассказы о Дзержинском, с. 130.

сующие факты оставил Ф. И. Шаляпин. «Мне случилось увидеть и самого знаменитого из руководителей Чека Феликса Дзержинского,— писал Ф. И. Шаляпин.— На этот раз я не искал встречи с ним, а он пожелал увидеть меня. Я думаю, он просто желал подвергнуть меня допросу, но из внимания, что ли, ко мне избрал форму интимной беседы.

...И вот, получаю я однажды приглашение на чашку чая к очень значительному лицу, и там находится Дзержинский. Дзержинский произвел на меня впечатление человека сановитого, солидного, серьезного и убежденного. Говорил с мягким польским акцентом. Когда я пригляделся к нему, я подумал, что это революционер настоящий — фанатик революции. В деле борьбы с контрреволюцией для него, очевидно, не существует ни отца, ни матери, ни сына, ни святого духа. Но в то же время у меня не получилось от него впечатления простой жестокости. Дзержинский держался поразительно тонко. В первое время мне долго не приходила в голову мысль, что меня допрашивают.

— Знаю ли Ш.? Какое впечатление он на меня производит? И т. д. и т. п.

Ш. Отделался легкой карой» *.

Итоги деятельности ВЧК в первые месяцы существования и ее дальнейшие задачи обсудили на 1-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в июне 1918 года. Конференция приняла решения об организации ЧК на всей территории Советской Республики, о мерах борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, о связи с массами, о создании корпуса войск ВЧК для подавления контрреволюционных выступлений в тылу, о создании пограничных и железнодорожных ЧК и по другим важным вопросам **.

Конференция дала отпор анархистским проискам левых эсеров, входивших тогда в ВЧК, и закрепила выдвинутый Ф. Э. Дзержинским принцип двойного подчинения чрезвычайных комиссий — вышестоящим чекистским органам и одновременно местным Советам. Решения конференции имели очень важное значение в

---

* *Шаляпин Ф. И.* Штрихи воспоминаний.— Известия, 1962, 19 окт.

** Из истории ВЧК, с. 134—138.

дальнейшем совершенствовании структуры и деятельности ВЧК.

Одной из гнусных провокаций врагов против власти рабочих и крестьян был мятеж левых эсеров в июле 1918 года в Москве. Левые эсеры Блюмкин и Андреев проникли в германское посольство и убили посла Мирбаха, надеясь таким образом спровоцировать войну с Германией и покончить с Советской властью.

Одновременно левые эсеры, используя один из отрядов ВЧК под командованием своего единомышленника Д. И. Попова, подняли в ночь с 6 на 7 июля 1918 года мятеж в Москве и пытались захватить стратегически важные объекты столицы.

Узнав о случившемся, Ф. Э. Дзержинский с тремя сотрудниками ВЧК, пренебрегая смертельной опасностью, выехали в штаб изменников и потребовали выдачи убийц германского посла. Мятежники обезоружили и арестовали председателя ВЧК и сопровождавших его лиц. Находясь под арестом в стане врага, Феликс Эдмундович со свойственными ему смелостью и мужеством клеймил позором изменников, разъяснял обманутым бойцам смысл происходивших событий.

Известие об аресте Ф. Э. Дзержинского вызвало большую тревогу у трудящихся Москвы и особенно у В. И. Ленина. «Владимир Ильич,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— нельзя сказать побледнел, а побелел. Это бывало с ним тогда, когда охватывал его гнев или нервное потрясение при весьма опасных и неожиданных обстоятельствах» *.

По указанию В. И. Ленина приняли срочные меры по подавлению мятежа, и 7 июля он был подавлен. Еще до захвата штаба мятежников организаторы «петушиного восстания» позорно бежали. Караул освободил Ф. Э. Дзержинского и других большевиков, арестованных левыми эсерами. Возвратившись в ВЧК, Феликс Эдмундович продолжал руководить поимкой главарей мятежа. В тот же день он подал в Совнарком заявление с просьбой освободить его от обязанностей председателя ВЧК и вообще от работы в комиссии, мотивируя это тем, что он — один из главных свидетелей по делу об убийстве Мирбаха. СНК удовлетворил просьбу

---

* *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине. М., 1969, с. 309.

2 Зак. 1823

Ф. Э. Дзержинского, назначив временно председателем ВЧК Я. Х. Петерса.

Не являясь формально председателем, руководство комиссией фактически продолжал осуществлять Ф. Э. Дзержинский. 22 августа 1918 года Совнарком снова назначил его председателем ВЧК.

Ф. Э. Дзержинский принимает меры по дальнейшему укреплению аппарата ВЧК и местных ЧК, повышению эффективности их работы, строгому соблюдению революционной законности.

Контрреволюция тем временем перешла к открытому террору против видных партийных, советских и чекистских работников. 30 августа 1918 года эсер-террорист убил председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. В тот же день враги совершили злодейское покушение на В. И. Ленина.

Весть о ранении Владимира Ильича вызвала бурю негодования трудящихся. ВЦИК объявил республику военным лагерем. 5 сентября Совнарком по докладу Ф. Э. Дзержинского принял постановление о красном терроре, как временной чрезвычайной мере, являющейся ответом на белый террор. Проведение в жизнь постановления СНК возлагалось на ВЧК.

В ночь на 1 сентября 1918 года чекисты арестовали в Москве главаря «заговора послов» английского дипломата Локкарта и участников руководимой им шпионско-заговорщической организации. Одновременно по распоряжению Ф. Э. Дзержинского была арестована группа заговорщиков (около 40 чел.) и в Петрограде. Заговорщики ставили задачу арестовать Советское правительство во главе с В. И. Лениным и совершить государственный переворот. Однако эти планы благодаря бдительности чекистов и помощи им со стороны многих советских граждан потерпели крах.

Заслуги чрезвычайных комиссий перед революцией были громадны. Отмечая их, В. И. Ленин в канун первой годовщины Октября говорил: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров,— нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом» *.

---

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 174.

Окрыленные столь высокой оценкой вождя, чекисты под руководством верного ленинца Ф. Э. Дзержинского продолжали наносить новые удары по врагам революции.

Весной и летом 1919 года военно-политическое положение Советской Республики снова обострилось. На востоке перешел в наступление Колчак, на юге — Деникин, на северо-западе — Юденич, на западе — войска буржуазно-помещичьей Польши. В ряде районов страны вспыхнули контрреволюционные мятежи. В одном лагере с белогвардейцами находились партии эсеров, меньшевиков, анархистов, буржуазных националистов.

На плечи Ф. Э. Дзержинского и всей ВЧК легла огромная работа по укреплению советского тыла в условиях гражданской войны.

По предложению председателя ВЧК объявили на военном положении местности, где происходили антисоветские мятежи. Приняли меры по пресечению подрывной работы партии эсеров, меньшевиков и других контрреволюционных элементов. 31 мая 1919 года В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский обратились к трудящимся с воззванием «Берегитесь шпионов!». «Все сознательные рабочие и крестьяне,— говорилось в воззвании,— должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников» *.

Опубликование и разъяснение этого документа способствовало повышению бдительности трудящихся и активизации борьбы с врагами.

18 августа 1919 года по решению ЦК РКП(б) Ф. Э. Дзержинский по совместительству с должностями председателя ВЧК и наркома внутренних дел РСФСР назначается на должность начальника Особого отдела ВЧК — органа, созданного в конце 1918 года для борьбы со шпионажем в армии и на фронтах, а также со спекуляцией и должностными преступлениями. Особый отдел ВЧК совместно с особыми отделами

---

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 399.

2*

фронтов, армий и военных округов провел большую работу по проверке командного состава, железнодорожного аппарата, технического персонала, выявлению и пресечению фактов предательства, дезертирства и шпионажа в действующей армии и тыловых частях.

В 1919 — начале 1920 годов ВЧК и ее Особый отдел раскрыли такие опасные контрреволюционные военно-заговорщические организации, руководимые кадетами, как «Национальный центр», «Тактический центр», штаб «Добровольческой армии Московского района», а также террористическую группу анархистов подполья в Москве, шпионскую организацию в Петрограде во главе с английским резидентом Полем Дюксом и другие антисоветские гнезда. Феликс Эдмундович принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении операций по обезвреживанию этих контрреволюционных центров, лично допрашивал наиболее видных заговорщиков и шпионов.

Неоценимую помощь чекистам в разоблачении вражеских организаций оказывали простые люди — рабочие, крестьяне, красноармейцы и другие советские патриоты. В этом отношении весьма характерен факт с раскрытием шпионской организации Поля Дюкса в Петрограде, о котором рассказал сотрудникам ВЧК Ф. Э. Дзержинский. Один красноармеец заметил, что идущая впереди его девушка уронила сверток, поднял его и окликнул девушку, но та в испуге бросилась бежать. Это показалось бойцу подозрительным, он задержал беглянку и вместе со свертком доставил в Петроградскую ЧК. В свертке оказались чертежи военных сооружений и другие документы шпионского характера. Выяснилось, что задержанная — дочь руководителя французской шпионской группы в Петрограде Э. В. Бажо. Его затем тоже арестовали. На допросе шпион нагло заявил Ф. Э. Дзержинскому:

— Вы поймали меня совершенно случайно, лишь из-за оплошности моей дочери.

— Нет, вы ошибаетесь,— спокойно возразил председатель ВЧК.— Если бы масса нас не поддерживала, если бы каждый рабочий и каждый красноармеец не сознавал, что борьба с врагами революции — это дело не только ЧК, но всего народа, тогда потеря свертка не привела бы к раскрытию вашей организации. Дочь ваша случайно уронила сверток, но красноармеец не слу-

чайно заинтересовался им, не случайно задержал вашу дочь и доставил ее в ЧК. Именно в этом наша сила... *

Вот это обстоятельство, то есть помощь рабочих и крестьян в разоблачении заговоров, имел в виду В. И. Ленин, выступая с заключительным словом по докладу ВЦИК и Совнаркома на VII Всероссийском съезде Советов 6 декабря 1920 года: «...когда Советская власть переживает трудные минуты, когда среди буржуазных элементов организуются заговоры и когда в критический момент удается эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натыкаются на людей, которые идут в эти, как здесь говорят, плохо организованные ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры» **.

В ходе борьбы с контрреволюцией создавались новые чрезвычайные комиссии не только в РСФСР, но и на Украине, в Белоруссии. Этот процесс проходил под руководством Ф. Э. Дзержинского и при его непосредственной помощи местным ЧК. Во Всеукраинскую ЧК и ЧК Литовско-Белорусской республики из центра направлялись более опытные кадры чекистов, инструкции и другие нормативные документы, материалы о подрывной деятельности врагов Советской власти на их территории. С самого начала возникновения ЧК в советских республиках Ф. Э. Дзержинский требовал тесной координации их действий, строгой централизации руководства и пресекал имевшие иногда место опасные тенденции к самоизоляции, «самостийности».

Наряду с руководством ВЧК и Наркоматом внутренних дел (с марта 1919 г.) Ф. Э. Дзержинский по поручению партии принимал непосредственное участие в руководстве боевыми действиями на фронтах гражданской войны. В январе 1919 года он вместе с И. В. Сталиным выезжал на Восточный фронт как член партийно-следственной комиссии ЦК РКП(б) и Совета Обороны для расследования причин сдачи врагу города Перми 3-й армией этого фронта.

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 185.

** *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 418.

Комиссия ЦК приняла срочные меры по укреплению тыла, армии, чистке советских и партийных учреждений в прифронтовой полосе. Был создан Вятский военно-революционный комитет, сконцентрировавший в своих руках всю власть в губернии, образованы ревкомы в уездах и революционные организации в деревнях. По инициативе Ф. Э. Дзержинского укрепили партийными работниками Вятскую губернскую ЧК.

Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин разобрались с положением дел в 3-й армии, помогли укрепить ее проверенными командными кадрами, пополнить резервами, вооружением и боеприпасами, улучшить политическую работу в войсках. Свои выводы и наблюдения о положении в 3-й армии и в целом в войсках Восточного фронта и вытекающие из них рекомендации комиссия изложила в отчете на имя В. И. Ленина. Эти выводы и предложения выходили далеко за рамки изучения и устранения причин сдачи Перми колчаковцам и касались ряда важных проблем советского военного строительства и ведения гражданской войны. Они были учтены в решении VIII съезда партии по военному вопросу.

Что касается 3-й армии, то уже к концу января на занимаемом ею участке фронта произошел перелом. Армия перешла в контрнаступление и сорвала планы империалистов Антанты объединить войска Колчака и интервентов на севере.

В начале мая 1920 года Ф. Э. Дзержинский по просьбе Совнаркома Украины и по решению ЦК РКП(б) с большой группой работников ВЧК и двумя батальонами войск ВЧК прибыл в Харьков, где находились правительственные и центральные учреждения УССР, Реввоенсовет Юго-Западного фронта, штаб фронта и штаб Украинского (Харьковского) сектора войск внутренней охраны (ВОХР). Ему предстояло вместе с партийными, советскими органами Украины ликвидировать бандитизм в тылу войск фронта, организовать работу по проведению всеобщей трудовой повинности, борьбу со спекуляцией и должностными преступлениями, оказать содействие в выполнении решения ЦК РКП(б) о партийном строительстве и советской работе на Украине, в частности, о перерегистрации членов КП(б)У с целью очищения ее рядов от чуждых и случайных элементов и решить другие неотложные вопросы.

Обстановка на фронте в тот момент была весьма сложной. Войска Пилсудского 6 мая заняли Киев, переправились на левый берег Днепра, продвигались к Каневу. Враги рвались к Одессе и Николаеву. Польские интервенты и Врангель стремились соединиться. В тылу подняла голову контрреволюция. Петлюровцы, махновцы, белогвардейцы, буржуазные националисты, монархисты и анархисты, кулацкие и деклассированные элементы — все они объединились для борьбы с Советской властью. Широкий размах принял политический бандитизм. Вооруженные бандиты и лазутчики Пилсудского и Врангеля нападали на штабы наших войск, на советские учреждения, разрушали транспорт и связь, грабили и терроризировали население. Повсеместно вспыхивали кулацкие восстания. Словом, обстановка в тылу на Украине, по словам Ф. Э. Дзержинского, представляла собой «кипящий котел».

Феликс Эдмундович со свойственной ему энергией и энтузиазмом быстро вникает в сложную обстановку и совместно с ЦК КП(б)У, правительством республики и РВС фронта принимает меры по укреплению тыла, по организации борьбы с бандитизмом, шпионажем, спекуляцией и другими негативными явлениями. Он готовит и вносит на рассмотрение ЦК, ВУЦИК, Совнаркома, РВС Юго-Западного фронта предложения по ряду важнейших вопросов внутриполитического и военного характера, по многим из них выступает докладчиком. Большое внимание он уделяет работе Центрального управления ЧК Украины (Цупрчрезком), губернских ЧК и особых отделов ВЧК, на которых лежала главная тяжесть борьбы с контрреволюцией на внутреннем фронте. Председатель ВЧК инструктирует местных чекистов, делится с ними своим опытом, дает советы, как лучше организовать дело. Он часто выезжает на места, на боеучастки, организует слаженность в работе всех звеньев, боровшихся с контрреволюцией. «Не было дня, когда бы товарищ председатель, как мы все звали Феликса Эдмундовича, не побывал у нас в Цупрчрезкоме,— вспоминал старый чекист И. П. Судаков.— Приезжал, как правило, поздно вечером или ночью и не допускал, чтобы кто-то его встречал или сопровождал, сразу проходил в отведенный ему кабинет. По телефону приглашал к себе начальника Цупрчрезкома Василия Николаевича Манцева или другого нужного работ-

ника. Давая поручения, терпеливо разъяснял, что и как делать, всегда предоставлял сотруднику возможность проявить в исполнении собственную инициативу» *.

Предметом особой заботы Ф. Э. Дзержинского была скорейшая ликвидация разобщенности между тылами армий и их войсковыми подразделениями и частями ВОХР и ВЧК и создание единого органа управления всеми силами охраны тыла с единым общим планом действий. Его волновали и другие, не менее важные и пока нерешенные вопросы на Украине. Феликс Эдмундович обратился в ЦК РКП(б) с просьбой продлить срок его пребывания в республике. 18 мая Политбюро ЦК по предложению В. И. Ленина удовлетворило просьбу Ф. Э. Дзержинского. Одновременно рассмотрело вопрос об изменениях в руководстве и в организации управления тылом Юго-Западного фронта **.

29 мая Ф. Э. Дзержинского назначают начальником тыла Юго-Западного фронта. В его функции входило общее руководство борьбой с бандитизмом и кулацкими восстаниями, поддержание революционного порядка в тылу Красной Армии. Феликс Эдмундович с головой окунается в военно-боевую работу. Он с согласия РВС фронта вносит важные изменения в организацию управления тылами. Штаб тыла фронта объединяет со штабом Украинского сектора ВОХР. При объединенном штабе создает политотдел и намечает организовать политсекции. Весь тыл фронта разделил на четыре зоны, внутри которых образовал губернские, уездные (с подразделением на комендатуры), районные тылы (участки). В подчинение начальников тылов передал все приданные полевые войска и части ВОХР.

Такая реорганизация управления способствовала усилению результативности боевых действий по ликвидации банд, особенно мелких, обнаруженных в том или ином районе. Феликс Эдмундович принял меры по увеличению численности войск ВОХР и войск железнодорожной обороны на Украине, улучшению их вооружения. Он добился выделения в его распоряжение кавалерийской бригады и нескольких кавалерийских эскадронов, а также звена самолетов, что значительно

---

* Цит. по: *Куварзин А. И.* Дорогами нескончаемых битв. Киев, 1982, с. 18—19.

** Там же, с. 19—20.

повысило маневренность войсковых отрядов, участвовавших в преследовании бандитов.

Ф. Э. Дзержинский внес большой вклад в разработку тактики борьбы с бандитизмом и кулацкими мятежами. Он предложил и начал осуществлять новую — маневренную, наступательную тактику вместо прежней — окружение банд небольшими силами, которая не давала желаемого эффекта.

К разработке и осуществлению боевых операций по ликвидации банд Феликс Эдмундович привлекал С. А. Тер-Петросяна (Камо), А. Я. Пархоменко, И. Э. Якира, Г. И. Котовского и других крупных военных и партийных работников.

Для координации действий всех звеньев по борьбе с бандитизмом и контрреволюционными выступлениями при начальниках тылов фронта, армий, губернских участков создали «постоянные совещания», куда вошли представители партийных, советских, военных, чекистских органов *.

Большую роль в решении задач по ликвидации бандитизма и укреплению тыла Ф. Э. Дзержинский отводил агитационно-пропагандистской работе среди местного населения, особенно среди украинских крестьян. В этой работе наряду с местными партийными и советскими органами активное участие принимали политотдел войск охраны тыла, политсекции при штабах армий, армейские партийные и комсомольские ячейки.

Феликс Эдмундович продолжал интересоваться и чекистской работой в тылу действовавших советских армий, подчиняя ее решению главной задачи: искоренению бандитизма, ликвидации контрреволюции и наведению порядка в городах и сельской местности.

Председатель ВЧК и начальник тыла фронта не засиживался в Харькове, а постоянно выезжал в другие города и села Украины, инструктировал ЧК и особые отделы, войска охраны тыла и западной границы, военные комендатуры. Он всегда находился там, где складывалось особо опасное положение, где нужно было принимать быстрые и решительные меры.

В начале июня 1920 года Ф. Э. Дзержинский прибыл в Одессу. В городе процветали спекуляция, саботаж, предательство, плелись нити антисоветских заго-

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 239.

воров и шпионажа. Контрреволюция в Одессе насчитывала до 30 тысяч офицеров, большое количество местной буржуазии и деклассированных уголовных элементов. Вражеское подполье возглавлял В. Шульгин — депутат трех царских Дум, бывший редактор черносотенной газеты «Киевлянин», бежавший в Одессу с фальшивым паспортом на имя мещанина И. Д. Веденецкого. Шульгин создал в Одессе военный повстанческий штаб, развернул подготовку к вооруженному восстанию, установил связь с Петлюрой, Махно и Врангелем, которого торопил к скорейшему наступлению на город.

Ознакомившись с военно-политической обстановкой, Ф. Э. Дзержинский вместе с Одесским губкомом партии, губисполкомом и губернской ЧК начал принимать энергичные меры по ликвидации антисоветского подполья, наведению революционного порядка в городе и укреплению его обороны. Чекисты арестовали ряд видных членов подпольных заговорщических центров, захватили тайные склады с оружием и боеприпасами, обезвредили многие боевые офицерские группы, вражескую агентуру в советских учреждениях и воинских частях.

По предложению Ф. Э. Дзержинского РВС фронта и высшие органы власти республики объявили Одессу на осадном положении и создали чрезвычайный орган — ревком. Он обеспечил нормальную работу хлебопекарен, общественных столовых, детских учреждений, организовал восстановление разрушенных интервентами и белогвардейцами железнодорожных мостов и причалов порта. Обстановка в городе постепенно стабилизировалась. Видя безнадежность своего положения, главарь контрреволюции Шульгин бежал из Одессы * в Крым, а оттуда после разгрома Врангеля — за границу. Лишь в 1945 году после разгрома гитлеровской Германии его настигло возмездие: Шульгин был арестован и предан суду.

Враги всеми фибрами души ненавидели Ф. Э. Дзержинского и хотели его уничтожить. Уже вскоре после приезда Феликса Эдмундовича в Харьков на него совершили покушение, но, к счастью, безрезультатно, пуля пролетела мимо. Об этом случае со слов Феликса Эд-

---

* *Куварзин А. И.* Дорогами нескончаемых битв, с. 29—35.

мундовича впоследствии рассказала его племянница Софья Владиславовна Дзержинская, которая в это время вместе с матерью, работавшей в штабе Юго-Западного фронта, находилась в Харькове.

«Ранним утром,— пишет Софья Владиславовна,— когда Дзержинский вышел из машины у подъезда ВУЧКа, к нему подскочила молодая женщина.

— Я,— говорил Феликс Эдмундович,— и не понял сначала, что ей нужно. Успел лишь увидеть ее лицо, расширенные зрачки, перекошенный рот. Она целилась в меня из револьвера прямо в упор. Не спуская с нее взгляда, я мгновенно отвел в сторону голову. Пуля просвистела мимо. Рука у нее дрогнула, она, очевидно, не выдержала моего прямого взгляда. Испугалась самообладания своей «жертвы»... Второй раз выстрелить она не смогла. Наши товарищи ее обезоружили» *.

Находясь на Украине, Ф. Э. Дзержинский направлял борьбу с анархо-бандитизмом, шпионажем, дезертирством и другими преступными антисоветскими действиями не только в этой республике, но и в соседней с ней Советской Белоруссии. Здесь польские оккупанты также пытались создать разветвленную шпионскую и диверсионную сеть. Лазутчики Пилсудского, нередко переодетые в красноармейскую форму, взрывали мосты, склады, портили связь, терроризировали население. Диверсантам удалось повредить мост на реке Плиса и взорвать несколько складов боеприпасов, снабжавших советские войска Западного фронта. Шпионы и диверсанты пытались пролезть в советские и хозяйственные учреждения Белоруссии. Однако везде их настигала карающая рука трудового народа **.

В начале июня 1920 года жители небольшого белорусского городка Пропойск (ныне Славгород Могилевской области) обратились к В. И. Ленину с телеграммой, в которой просили принять срочные меры по защите их от бесчинств банд мародеров и погромщиков, орудовавших в окрестных лесах. Эту телеграмму немедленно направили Ф. Э. Дзержинскому из Москвы в Харьков. Феликс Эдмундович тотчас же по телеграфу отдал следующий приказ Гомельской губчека, начальнику Западного сектора частей ВОХР и комбригу этих

---

* Рыцарь революции, с. 200—201.
** *Хацкевич А. Ф.* Солдат великих боев, с. 298.

частей, расположенных в Гомеле: «Гор. Пропойск окружается бандитами и дезертирами, занимающимися избиением населения и погромами. Приказываю в 24 часа прекратить это безобразие, перестрелять бандитов. Исполнение мне донести» *. Приказ Ф. Э. Дзержинского выполнили и банды в районе Пропойска ликвидировали.

Благодаря самоотверженной работе, которую провел Ф. Э. Дзержинский вместе с ЦК Компартии Украины и РВС Юго-Западного фронта, анархо-бандитизму и контрреволюции нанесли сокрушительные удары, советский тыл серьезно укрепили, что способствовало успеху наших войск на фронте.

В начале июня войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, прорвали оборону противника и стали теснить его по всему фронту. 12 июня интервенты оставили Киев. Через месяц началось наступление советских войск на Западном фронте. 11 июля они освободили столицу Белоруссии Минск. К концу июля вся территория Белоруссии и Украины стала свободной.

13 июля по вызову ЦК Ф. Э. Дзержинский выехал из Харькова в Москву. Здесь его ожидало новое поручение. 19 июля Оргбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании специального органа (Польского бюро) ЦК для работы на Западном фронте в составе 5 человек во главе с Ф. Э. Дзержинским.

Перед отъездом на Западный фронт Ф. Э. Дзержинский в письме заместителю председателя ВЧК И. К. Ксенофонтову изложил согласованные с ЦК партии некоторые принципиальные вопросы работы коллегии ВЧК на время его отсутствия. Он требовал от каждого сотрудника четкости, оперативности, персональной ответственности за порученное дело. Повседневную связь с ЦК партии, В. И. Лениным и их информирование по всем важнейшим делам Ф. Э. Дзержинский предложил осуществлять члену коллегии ВЧК В. Р. Менжинскому. Секретарю ВЧК В. Герсону поручил по прямому проводу систематически информировать его по всем принципиальным вопросам работы ВЧК, а также о ходе борьбы с бандитизмом на Украине.

С конца июля до конца сентября 1920 года Феликс

---

* *Хацкевич А. Ф.* Солдат великих боев, с. 300.

Эдмундович находился на Западном фронте (сначала в Белостоке, а с 23 августа в Минске) как председатель Польбюро ЦК РКП(б) и член Реввоенсовета фронта. Вместе с Ю. Мархлевским, Ю. Уншлихтом, Ф. Коном, Э. Прухняком он входил в состав образованного 30 июля Временного революционного комитета Польши (Польревкома), вел большую политическую, организационную и военную работу на освобожденной от врага территории Белоруссии, Литвы и восточной части Польши. Подбор кадров для партийных, советских, хозяйственных органов, формирование частей Красной Армии, налаживание работы фабрик и заводов, снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости, борьба со шпионажем и диверсиями в тылу и на фронте — таков далеко не полный перечень вопросов, которыми занимался в то время Ф. Э. Дзержинский. Феликса Эдмундовича волновала сохранность исторических памятников и живописных уголков природы, в частности Беловежской пущи. С этой целью он поручил сотруднику Польревкома С. Бобинскому «ознакомиться с состоянием лесного дела в Беловежской пуще». По свидетельству С. С. Дзержинской, Феликс Эдмундович и другие члены Польревкома порекомендовали Новогрудскому уездному ревкому издать специальный приказ о взятии под охрану дома в Новогрудке, в котором жил великий польский поэт Адам Мицкевич, книг и вещей, принадлежавших поэту и его родителям, и создании в доме музея или библиотеки.

16 сентября 1920 года такой приказ был издан *.

На освобожденной территории враг оставил немало шпионов и диверсантов, которые стремились пролезть в штабы Красной Армии, советские, хозяйственные, военные органы и учреждения. Нужна была чрезвычайная бдительность со стороны особых отделов фронта и армий, местных ЧК. Предвидя это, Ф. Э. Дзержинский еще в Москве распорядился мобилизовать всех поляков, работавших в ВЧК и тыловых губчека, и направить их в распоряжение Особого отдела Западного фронта и Польбюро ЦК РКП(б).

---

* Революционные комитеты БССР, июль — дек. 1920 г.: Сб. док. и материалов. Мн., 1957, с. 391—392; В июне 1941 г. гитлеровские захватчики сожгли этот дом, в 1951 г. дом был восстановлен и в нем открыт литературный музей Адама Мицкевича.

1 августа с дороги он сообщил военкому штаба Западного фронта С. Будкевичу: «Всех чекистов-поляков Москва должна направлять к Вам в Минск для распределения...» *.

На следующий день Феликс Эдмундович обратился к начальнику Особого отдела ВЧК В. Р. Менжинскому (он в 1920 году сменил на этой должности Ф. Э. Дзержинского) с просьбой сообщить ЦК партии и Реввоенсовету республики о большой нужде в 3-й и 4-й армиях Западного фронта «в людях для усиления особых отделов». 7 августа Дзержинский телеграфно отдал распоряжение начальнику Особого отдела Западного фронта: «Из всех мобилизованных и направляемых Вам чекистов оставляйте себе необходимое количество (для) Белоруссии и Литвы, остальных направляйте (в) мое распоряжение». Несколькими днями позже Феликс Эдмундович снова напомнил В. Р. Менжинскому о мобилизации всех поляков «особоотделистов для работы в армиях польского фронта и присылке уполномоченного ВЧК при Польревкоме для руководства Особым отделом на территории Польши» **.

Все члены Польбюро ЦК РКП(б) и Польревкома работали в те дни с исключительным напряжением. И несмотря на это, всех их поразили неутомимость, энтузиазм и энергия Ф. Э. Дзержинского. «Он,— по словам Ф. Кона,— работал за десятерых. На занятой Красной Армией территории не было налаженного государственного аппарата, какой был в Советской России. Его приходилось налаживать на ходу, с огромными трудностями. Трудности эти лишь усиливали энергию «железного Феликса» ***.

Менее двух месяцев пришлось поработать Ф. Э. Дзержинскому и его соратникам в Польбюро ЦК и Польревкоме в Белостоке. Военные неудачи наших войск на фронте в силу известных объективных и субъективных причин, которые проанализировал В. И. Ленин на IX конференции РКП(б), вынудили их отступить из-под Варшавы и Белостока, оставить значительную часть освобожденной ранее территории Белоруссии и Литвы.

---

* *Хацкевич А. Ф.* Солдат великих боев, с. 313.

** Там же, с. 313.

*** *Кон Ф.* Феликс Эдмундович Дзержинский: Биограф. очерк. М., 1939, с. 75.

Во время отступления Ф. Э. Дзержинский лично руководил эвакуацией раненых и больных красноармейцев, партийных и советских работников. Ему не один раз угрожала большая опасность, но, невзирая ни на что, он всегда отходил последним.

23 августа Феликс Эдмундович и его спутники прибыли в Минск. В письме жене С. С. Дзержинской из Минска он писал: «...Опасение, что нас может постигнуть катастрофа (т. е. неудачное наступление советских войск под Варшавой.— *А. X.*), давно уже гнездилось в моей голове, но военные вопросы не были моим делом, и было ясно, что политическое положение требовало риска. Мы делали свое дело и... узнали о всем объеме поражения лишь тогда, когда белые были в 30 верстах от нас, не с запада, а уже с юга. Надо было сохранить полное хладнокровие, чтобы без паники одних эвакуировать, других организовать для отпора и обеспечения отступления. Кажется, ни одного из белостокских работников мы не потеряли» *.

25 августа в Минске под председательством Ф. Э. Дзержинского состоялось заседание Польбюро ЦК РКП(б). Бюро пересмотрело и утвердило своих представителей по армиям, приняло решение об организации курсов для подготовки польских партийных и советских работников. Ф. Э. Дзержинский установил тесную связь с ЦК Компартии Белоруссии и Минским губкомом, оказывал им помощь в решении многих вопросов. Свое главное внимание Феликс Эдмундович сосредоточил в то время на работе в Реввоенсовете фронта, принимая все меры по укреплению его и подготовке к переходу к контрнаступлению наших войск.

В конце августа Ф. Э. Дзержинский вместе с А. X. Артузовым, В. Л. Герсоном провели проверку работы Минской ЧК и Особого отдела Западного фронта. Они вскрыли недостатки в ведении комиссией следственных дел, а также в работе Особого отдела. Ф. Э. Дзержинский, в частности, обратил внимание на предписание Особого отдела фронта Минской ЧК о регистрации каждого жителя города и губернии с предъявлением удостоверения личности с фотокарточкой. Ознакомившись с объяснением начальника Особого

---

* *Дзержинский Ф.* Дневник заключенного. Письма. М., 1966, с. 263—264.

отдела И. А. Апетера, Феликс Эдмундович квалифицировал эти действия как ошибочные и поручил А. Х. Артузову произвести расследование *.

Проведенные Ф. Э. Дзержинским проверки работы Минской ЧК и Особого отдела Западного фронта, помощь им кадрами способствовали улучшению их работы, укреплению революционной законности и правопорядка.

Ярким штрихом в деятельности Ф. Э. Дзержинского в то время в Минске является открытие по его инициативе в городе детского дома для беспризорных и голодных детей. Детдом открыли в районе нынешней улицы Комсомольской. В нем поместили несколько десятков детей-сирот **.

В 20-х числах сентября Ф. Э. Дзержинский и другие члены Польбюро ЦК РКП(б) выехали из Минска в Москву. В связи с тем, что функции Польбюро на Западном фронте после заключения перемирия с Польшей были исчерпаны, оно прекратило свое существование и слилось с Польбюро отдела пропаганды и агитации ЦК РКП(б).

20 сентября 1920 года Пленум ЦК РКП(б) постановил демобилизовать Ф. Э. Дзержинского и возвратить его к работе в ВЧК, «обязав отбыть отпуск для лечения» ***.

В условиях перехода от войны к миру необходимо было провести реформу органов государственной безопасности, определить их функции и компетенцию и ограничить работу задачами политическими. Эту идею выдвинул и глубоко обосновал В. И. Ленин в докладе на IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 года. «...Та обстановка, которая у нас создалась,— указывал он,— повелительно требует ограничить это учреждение (т. е. ВЧК.— *А. Х.*) сферой чисто политической...» ****.

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил Всероссийскую чрезвычайную комиссию и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 200.

** Автору об этом рассказали С. С. Дзержинская и воспитанник детдома известный белорусский художник Г. Ф. Бржозовский (родственник Ф. Э. Дзержинского).

*** *Хацкевич А. Ф.* Солдат великих боев, с. 324.

**** *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 328.

РСФСР. Председателем ГПУ стал нарком внутренних дел Ф. Э. Дзержинский.

В связи с образованием СССР (30 декабря 1922 г.) постановлением ЦИК СССР 15 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР во главе с Ф. Э. Дзержинским *.

На органы ГПУ — ОГПУ возложили задачу по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом, охране границ СССР.

Ф. Э. Дзержинский обеспечивает неукоснительное выполнение ГПУ — ОГПУ возложенных на них функций по охране государственной безопасности Страны Советов в период мирного социалистического строительства. Он учит чекистов, как нужно разоблачать и пресекать коварные замыслы врагов, ушедших в глубокое подполье и осуществлявших подрывную антисоветскую деятельность. Только в течение мая — июня 1921 года органы ВЧК раскрыли и обезвредили «Петроградскую боевую организацию» во главе с бывшим помещиком Таганцевым, Западный областной комитет «Союза защиты родины и свободы», «Сибирский областной союз трудовых крестьян» и другие контрреволюционные шпионско-заговорщические организации, связанные с зарубежными разведками, а также с эсерами и меньшевиками.

Под руководством Ф. Э. Дзержинского, при активном участии его заместителя В. Р. Менжинского, начальника контрразведывательного отдела ОГПУ А. Х. Артузова, была разработана и успешно осуществлена операция «Синдикат-2» по переводу из-за границы и аресту «короля заговоров», руководителя «Союза защиты родины и свободы», правого эсера Савинкова. В этой операции активное участие принимали сотрудники центрального аппарата ОГПУ А. П. Федоров, Н. И. Демиденко, Р. А. Пиляр, С. В. Пузицкий, Я. П. Крикман, а на заключительном этапе — заместитель полномочного представителя ОГПУ по Белоруссии И. К. Опанский и другие белорусские чекисты. 15 августа 1924 года Савинков в сопровождении своих ближайших единомышленников «нелегально перешел» со-

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 260.

ветско-польскую границу, в сопровождении чекистов был доставлен в Минск и в тот же день арестован.

Провал Савинкова означал не только конец руководимого им «Союза защиты родины и свободы», но и явился серьезным ударом по иностранным разведкам, которые его финансировали. Это замечательный триумф советской контрразведки, руководимой первым чекистом, верным ленинцем Ф. Э. Дзержинским.

Не менее яркой страницей в историю ОГПУ вошла и другая операция, разработанная под руководством Ф. Э. Дзержинского и известная под названием «Трест». В ходе этой операции арестовали одного из крупных английских шпионов Сиднея Джорджа Рейли, который совершил против нашей страны большие преступления. Он являлся организатором покушения на В. И. Ленина в 1918 году, делал попытку подкупа охраны Кремля, спровоцировал мятеж эсеров в Ярославле и Муроме, был активнейшим участником «заговора послов». Рейли всячески вдохновлял и поддерживал авантюриста Савинкова. Фортуна до поры до времени улыбалась — ему удавалось ускользать от возмездия. Новое поручение, которое он получил от своего шефа Уинстона Черчилля,— установить более тесные связи с контрреволюционным подпольем в нашей стране и возглавить его — оказалось для шпиона последним. Рейли и не подозревал, что «разведывательную информацию», которую он получал из нашей страны, передавали по указанию Ф. Э. Дзержинского органы ОГПУ *. Он и не догадывался, что «нелегальная переправа» его из Финляндии в Россию осенью 1925 года, поездка в Ленинград и Москву, посещение конспиративных явок — все это организовано чекистами-дзержинцами, которые «сопровождали» его вплоть до ареста.

Фиаско Рейли было крупнейшим поражением английской разведки, равного которому она не знала за всю свою историю. И кто нанес этот не джентльменский удар? Чекисты под руководством «железного Феликса».

Потерпев поражение в открытых боях, внутренние враги и вышвырнутые за рубеж белогвардейцы при прямой поддержке иностранных правительств и их разведок пытались сорвать восстановление и развитие

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 265.

народного хозяйства страны путем организации политического и уголовного бандитизма. На советскую территорию из сопредельных буржуазных государств забрасывались бандитские группы, завербованные из остатков разгромленных белогвардейских армий. Здесь к ним присоединялись кулаки, анархисты, буржуазные националисты и уголовно-деклассированные элементы. В 1921—1922 годах политический и уголовный бандитизм принял довольно широкие размеры на Украине, Кубани, в Тамбовской губернии, Сибири, Белоруссии, Средней Азии, Карелии и на Кавказе. Бандиты терроризировали население, зверски расправлялись с коммунистами, комсомольцами и беспартийными активистами, грабили банки, поезда, пароходы, склады, магазины. «В бандитизме чувствуется влияние эсеров,— говорил В. И. Ленин.— Главные силы их за границей; они мечтают каждую весну свергнуть Советскую власть... Эсеры связаны с местными поджигателями» *.

Борьба с бандитизмом приобрела общегосударственный характер. Для руководства этой борьбой создали специальную комиссию во главе с Ф. Э. Дзержинским. Феликс Эдмундович мобилизовал на эти цели органы и войска ГПУ — ОГПУ. По его предложению в составе ГПУ усилили специальный отдел по борьбе с бандитизмом. В Белоруссию направили заместителя председателя ГПУ И. С. Уншлихта. Он совместно с партийными, советскими, военными и чекистскими органами республики организовал борьбу с бандитизмом.

Ф. Э. Дзержинский вошел в ЦК партии с предложением о предоставлении ГПУ соответствующих прав и полномочий. Предложение Дзержинского одобрили. 16 октября 1922 года ВЦИК «в целях скорейшего искоренения всякого рода бандитских налетов и вооруженных ограблений» предоставил ГПУ право репрессировать вплоть до расстрела всех лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях **.

В целях более успешной борьбы с бандитизмом 9 мая 1924 года Политбюро ЦК РКП(б) и ЦИК СССР согласились с предложением Феликса Эдмундовича о

---

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 349.

** СУ РСФСР, 1922, № 65, с. 844.

подчинении ОГПУ в оперативном отношении периферийных органов милиции и уголовного розыска *.

Под руководством ЦК партии, В. И. Ленина, при поддержке местных партийных и советских органов, широких масс трудящихся части Красной Армии, органы и войска ГПУ — ОГПУ, части особого назначения (ЧОН) к середине 20-х годов ликвидировали политический и уголовный бандитизм на Украине, в Белоруссии и других районах страны.

Чекисты под руководством Ф. Э. Дзержинского успешно боролись со шпионажем в области экономики, вредительством, контрабандой, фальшивомонетничеством, спекуляцией и другими формами контрреволюции в восстановительный период. Они раскрыли десятки крупных вредительских организаций, задержали и наказали (особенно в западных районах страны) большое количество контрабандистов, диверсантов, спекулянтов, фальшивомонетчиков и других политических и уголовных преступников, как правило, связанных с зарубежными антисоветскими центрами.

Особый вред экономике и финансам Советского государства приносили изготовление и сбыт фальшивых денег. В целях более успешной борьбы с этой формой экономической диверсии в августе 1923 года комиссия Совета труда и обороны по инициативе Ф. Э. Дзержинского приняла решение объединить всю работу по борьбе с фальшивомонетчиками при Экономическом управлении ГПУ **.

В 1923—1925 годах органы ГПУ — ОГПУ вскрыли на территории страны более 200 организаций, занимавшихся изготовлением и сбытом фальшивых денег, в том числе 12 в Белоруссии. За этот же период привлечено к уголовной ответственности около 2 тысяч фальшивомонетчиков ***.

Так в короткий срок было покончено с организованным фальшивомонетничеством, наносившим огромный ущерб делу укрепления советского рубля.

Как руководитель ВЧК — ОГПУ Ф. Э. Дзержинский внес большой вклад в организацию охраны государственной границы СССР, вписал яркую страницу в историю пограничных войск, подготовку и воспитание

---

* Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 270.

** Сов. государство и право, 1977, № 10, с. 116.

*** Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография, с. 276.

командных и политических кадров чекистов в зеленых фуражках.

В ноябре 1923 года по инициативе Ф. Э. Дзержинского открывается Высшая пограничная школа ОГПУ. Феликс Эдмундович, обращаясь к первому выпуску слушателей школы в сентябре 1924 года, писал: «Ограждать страну от проникновения агентов международного капитала, их шпионов, организаторов восстаний, поджигателей, взрывателей, пресекать в корне попытки экономической контрабандой сорвать монополию внешней торговли — вот основные задачи, которые лежат перед вами и пограничной охраной в целом...» Далее в своем приветствии Ф. Э. Дзержинский изложил требования, каким должен отвечать чекист-командир и политработник, постоянно помня, что он слуга рабочего класса и представитель боевого органа диктатуры пролетариата *.

Эти требования и сегодня лежат в основе подготовки и воспитания личного состава и командно-политических кадров пограничных войск, бдительно охраняющих священные рубежи нашей Родины.

Феликс Эдмундович вошел в историю Коммунистической партии и Советского государства, в историю международного рабочего движения не только как рыцарь революции, но, по образному определению А. В. Луначарского, и как рыцарь любви, любви к жизни, к людям, особенно к детям. В результате империалистической и гражданской войн и разразившегося в 1921 году голода в Советской России оказалось огромное количество беспризорных детей. Развивалась детская преступность. Партия и правительство принимали меры по спасению детей, но возможности по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в то время были слишком ограничены. В ноябре 1920 года провели первую Неделю ребенка, преследовавшую цель привлечь внимание всей общественности к оказанию помощи детям и организовать сбор хлеба для голодающих детей Москвы и Петрограда. В ходе этой недели специальная комиссия Наркомпроса и Наркомздрава РСФСР обследовала детские учреждения Владимира, Тулы, Харькова, Ростова, Царицына, Краснода-

---

* *Дзержинский Ф. Э.* Избр. произведения. М., 1977, т. 2, с. 65—66.

ра и некоторых других городов юга страны. Картина оказалась весьма плачевной. Свои впечатления от поездки члены комиссии изложили в докладе и передали его Ф. Э. Дзержинскому. «Прочтя доклад,— вспоминает работник Наркомпроса РСФСР А. Д. Калинина,— тов. Дзержинский на следующий же день вызвал меня к себе. Увидев меня, он воскликнул: «Как я сильно пережил все это, прочитав ваш доклад о положении детей!» *

Феликс Эдмундович немедленно распорядился ознакомить с докладом комиссии всех уполномоченных ВЧК и принять срочные меры по оказанию помощи детям. «Его светлый ум,— пишет А. Д. Калинина,— помог ему быстро разобраться и понять, какая опасность угрожает детям и... всему обществу. Он сразу оценил всю остроту положения и со свойственной ему энергией и решимостью поставил вопрос прямо, стал действовать: лично доложил о детском вопросе В. И. Ленину и заручился его поддержкой; ставил вопрос о помощи детям в высших органах Советской власти; коротко, но сильно и красочно обрисовал картины детской нужды и страданий; с неопровержимой логикой доказывал, что государство, невзирая ни на какие недостатки и другие неотложные нужды, должно пойти на помощь детям немедленно...» **.

Ф. Э. Дзержинский предложил создать при ВЦИК специальную комиссию по борьбе с детской беспризорностью из представителей различных ведомств. Это предложение ЦК партии, В. И. Ленин поддержали. 27 января 1921 года Президиум ВЦИК утвердил состав комиссии по улучшению жизни детей во главе с Ф. Э. Дзержинским. Его заместителем утвердили члена коллегии ВЧК В. С. Корнева.

12 февраля в «Известиях ВЦИК» опубликовали положение о комиссии, а через два дня она уже начала работу.

В активную борьбу с детской беспризорностью Ф. Э. Дзержинский включил как центральный, так и местные аппараты ЧК, всех сотрудников. Особенно он заботился о детях-правонарушителях. «Детям не место

---

* *Калинина А. Д.* Десять лет работы по борьбе с детской беспризорностью. М.— Л., 1928, с. 50.

** Там же, с. 57.

в тюрьмах»,— говорил Ф. Э. Дзержинский. «Труд — лучший воспитатель такого ребенка и подростка»,— неоднократно подчеркивал Феликс Эдмундович. По его инициативе и при его активном участии создали новый тип исправительно-трудового учреждения для несовершеннолетних — трудовую коммуну.

По предложению Ф. Э. Дзержинского первую такую коммуну организовали в Болшеве под Москвой. Это живописный уголок. Рядом, в деревне Костино, находился совхоз, где отдыхали чекисты. В 1922 году в совхозе побывал В. И. Ленин. Ему понравились эти места, и он посоветовал организовать детскую коммуну именно в Болшеве.

Писатель Юрий Дмитриев так рассказывает о начале организации Болшевской коммуны: «Утром Дзержинский вызвал сотрудника ОГПУ Матвея Погребинского. Он не раз разговаривал с ним, не раз поручал ему трудные и опасные задания. Но сегодня Феликс Эдмундович не торопился...

— Недавно мы с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной были недалеко от станции Болшево,— задумчиво начал Дзержинский,— чудесное место! Просто удивительное! А когда мы уезжали, Ильич сказал: «Вот здесь бы надо поселить беспризорных ребят! Здесь и природа будет помогать их воспитанию!..

— Так вот, товарищ Погребинский... вы поедете в Болшево. На разведку, так сказать... Поезжайте немедленно» *.

И вскоре чекист Погребинский уже вез первую партию малолетних преступников, будущих коммунаров, в Болшево. Здесь они содержались без вооруженной охраны, с широким самоуправлением и занимались полезным трудом — возводили жилые дома, мастерские, сочетая физический труд с учебой.

В коммуне неоднократно бывал Ф. Э. Дзержинский. Он наблюдал за жизнью своих подшефных и помогал им в решении воспитательных и хозяйственных задач. По единодушному пожеланию коммунаров и их воспитателей коммуне присвоили имя Ф. Э. Дзержинского.

Пристально следил за развитием коммуны в Болшеве и Максим Горький. Он вел большую переписку с известным педагогом А. С. Макаренко, получал много

* *Дмитриев Ю.* Первый чекист. М., 1967, с. 192—193.

писем от самих коммунаров и считал своим долгом помогать им.

Корреспондент «Известий», который однажды сопровождал Максима Горького в трудовую коммуну в Болшево, вспоминает: «Пора уезжать. Алексея Максимовича приглашают зайти на минуту в контору. «Книга посетителей» трудкоммуны обогащается новой записью: «Как бывший социально-опасный, искренне свидетельствую: здесь создано совершенно изумительное, глубоковажное дело. М. Горький» *.

Трудовые коммуны, подобные Болшевской, создавались по всей стране, в том числе и в Белоруссии. Сотни тысяч детей и подростков нашли в них приют, тепло и заботу, нашли свое призвание и дорогу в большую жизнь, стали полезными гражданами Страны Советов. Но все они с большой теплотой вспоминают своего первого учителя, «всероссийского попечителя о детях» Ф. Э. Дзержинского.

Феликс Эдмундович до конца своей короткой, но яркой жизни возглавлял органы государственной безопасности ВЧК — ГПУ — ОГПУ. Под его непосредственным влиянием складывались и развивались славные чекистские традиции, сформировалась замечательная школа Дзержинского.

«Феликс Эдмундович Дзержинский,— говорил Ю. В. Андропов,— исходя из ленинских указаний, заложил славные традиции работы чекистских органов... Дзержинский учил чекистов быть беспредельно преданными делу партии, нашей социалистической Родине» **.

Партийное руководство органами ВЧК — ГПУ — ОГПУ Ф. Э. Дзержинский считал важнейшим условием их успешной работы и до конца своих дней был активным проводником и исполнителем коллективной воли партии, ее ленинского Центрального Комитета.

Партия и сегодня видит одну из главных своих задач в том, чтобы и впредь неустанно укреплять органы государственной безопасности, повышать их бдительность и направлять их карающий меч против агентуры,

---

* *Рыклин Г. Е.* Перо и сердце большевика. М., 1968, с. 24.

** *Андропов Ю. В.* Коммунистическая убежденность — великая сила строителей нового мира: док. на торжествен. собр. в Москве, посвященном 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского. М., 1977, с. 10.

засылаемой в нашу страну империалистическими разведками.

«Надежно охраняют советское общество от подрывных действий разведок империалистических государств, разного рода зарубежных антисоветских центров и иных враждебных элементов **органы государственной безопасности**,— говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии.— Их деятельность строится в соответствии с требованиями, вытекающими из международной обстановки и развития советского общества. Наши чекисты берегут и развивают традиции, заложенные рыцарем революции Феликсом Дзержинским» *.

Высокую оценку деятельности органов государственной безопасности СССР дал и XXVI съезд КПСС. «Зорко и бдительно следят чекисты за происками империалистических разведок. Они решительно пресекают деятельность тех, кто становится на путь антигосударственных, враждебных действий, кто посягает на права советских людей, на интересы советского общества. И эта их работа заслуживает глубокой признательности партии, всего нашего народа» **.

Богатый опыт органов государственной безопасности нашей страны в борьбе с врагами, прекрасные чекистские традиции школы Ф. Э. Дзержинского используются органами госбезопасности стран социалистического содружества.

Замечательный советский публицист М. Е. Кольцов еще в 1928 году напутствовал наших зарубежных друзей по идее и борьбе: «...Дзержинский создал Чека, ОГПУ — эти поистине страшные слова для каждого врага революции, слова и то, что стояло за этими словами. Разящий меч пролетарской диктатуры для отпора ее уцелевшим врагам — разве может любая из будущих советских республик обойтись без него? Готовьтесь, братья-иностранцы, обладать таким мечом! И готовьте крепкие, как у Дзержинского, руки, могущие этот меч удержать. Трудно будет без таких рук» ***.

Известно, что Ф. Э. Дзержинский по совместительству с руководством органами ВЧК — ГПУ — ОГПУ по

* Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 82—83.
** Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 65.
*** *Кольцов М.* Чужие и свои. М., 1936, с. 292—293.

решению партии занимал и другие не менее ответственные государственные посты: народный комиссар путей сообщения (1921—1923 гг.), председатель ВСНХ СССР (1924—1926 гг.), председатель Высшей правительственной комиссии по металлопромышленности (1924—1925 гг.), председатель правления Главметалла (1924—1926 гг.). Он, начиная с VI съезда партии, бессменно избирался членом ЦК, являлся (с июня 1924 г.) кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б), членом Оргбюро ЦК РКП(б), членом комиссии обороны при Политбюро ЦК ВКП(б), членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Феликс Эдмундович был тесно связан с международным, особенно с польским, рабочим и коммунистическим движением. Он участвовал в работе ряда конгрессов и пленумов Исполкома Коминтерна, делился с зарубежными коммунистами своим богатым опытом революционной борьбы, всячески помогал им в их деятельности.

Ф. Э. Дзержинский в течение всей жизни неутомимо боролся за единство партии, за торжество идеалов коммунизма. Он беспощадно бичевал тех, кто нарушал это единство, отступал от генеральной линии партии, от заветов В. И. Ленина. Феликс Эдмундович был в руководящем ленинском ядре нашей партии одним из активных борцов с троцкистской оппозицией в 1923 году, с так называемой «новой» оппозицией в 1925 году, с троцкистско-зиновьевским блоком в 1926 году, с другими антиленинскими течениями и группами.

«Рыцарем революции», «пролетарским якобинцем», «железным Феликсом» называли Дзержинского товарищи по партии, соратники по революционной борьбе,— говорил Ю. В. Андропов.— Сам он называл себя куда скромнее — солдатом революции. И как солдат, верный долгу и присяге, Дзержинский до последнего удара сердца защищал дело партии, боролся за счастье трудового народа» *.

Таким он и вошел в историю нашей партии, в летопись борьбы за социализм и коммунизм.

А. Ф. ХАЦКЕВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы БССР

* *Андропов Ю. В.* Коммунистическая убежденность — великая сила строителей нового мира, с. 4.

ОПЕРАЦИЯ «КРОТ»

Осень 1920 года. В один из поздних октябрьских вечеров в Гомеле на квартиру к Э. О. Опперпуту, помощнику начальника войск внутренней службы (ВНУС) Западного фронта, зашел его знакомый, бывший штабс-капитан Магаршак. С ним Опперпут познакомился несколько месяцев назад в Смоленске, в доме княгини Щербатовой, где по вечерам хозяйка гостеприимно встречала друзей и знакомых из военспецов Красной Армии, бывших царских офицеров и чиновников. Уже тогда в разговорах о судьбах России Опперпут понял, что Магаршак что-то скрывает. «Мы,— говорил он,— стоим за Советы, но без коммунистов. Мы — за вольную демократическую народную Россию».

И вот откровенный разговор. Опперпут узнал, что в Польше находится один из «вождей» белой эмиграции Борис Савинков, который возглавляет контрреволюционную организацию по борьбе с Советской властью «Союз защиты родины и свободы».

Опперпут согласился вступить в «Союз» и получил задание создать в Гомеле подпольную группу. В начале 1921 года она уже функционировала. Ее основное ядро составляли начальник снабжения Гомельского губернского военкомата Масанин, начальник курсов младшего командного состава Красной Армии Щерба, командир 145-го батальона ВНУС Хорьков.

В конце января Опперпут под видом инспекторской проверки частей выехал в Минск. Но в действительности же он тайно перешел границу и прибыл в местечко Рубежевичи к вахмистру Туора, начальнику сторожевого поста польской разведки. Предупрежденный заранее главарями «Союза», тот немедленно доставил его в Варшаву.

В гостинице «Брюль» Опперпут встретился с Савинковым и представителями французской и польской разведок майором Марино и полковником Квятковским и рассказал им о создании в Белоруссии подпольной

группы. Кроме того, он передал руководству шпионские сведения о Красной Армии и частях ВНУС.

Первые шаги Опперпута были оценены, и его причисляли членом центрального комитета «Союза», назначили уполномоченным по Западному краю для создания контрреволюционных организаций на территории Белоруссии, а иностранные разведки включили его имя в списки своих агентов.

Вернувшись из Польши, Опперпут создал в Гомеле антисоветский центр — Западный областной комитет, члены которого весной 1921 года развернули бурную деятельность: появились Гомельский губернский, Могилевский, Рогачевский, Игуменский и другие уездные комитеты и подчиненные им волостные организации. Намечались диверсии и налеты на исполкомы и парткомы. Для уничтожения личного состава частей Красной Армии во время вооруженного выступления контрреволюционеров было ввезено из-за границы два килограмма цианистого калия.

21 февраля 1921 года пограничным нарядом Житковичского погранпоста были задержаны два нарушителя границы, у которых изъяли печать Западного областного комитета «Союза защиты родины и свободы», несколько воззваний, 500 000 рублей советских денег. На допросе задержанные назвали себя агентами Савинкова и сообщили, что идут из Польши в Минск к фельдшеру П. И. Мезену, у которого должны отдохнуть, получить билеты для проезда по железной дороге до Гомеля и там передать деньги, печать и воззвания по известному адресу.

...Февральским вечером в дом Мезена по улице Сосновой осторожно постучали. Открыв дверь, хозяин увидел двух мужчин в крестьянских тулупах.

— Кого надо?

— Мы к Павлу Ивановичу. Привезли подарок от его отца,— негромко назвал пароль один из незнакомцев.

— Прошу,— пригласил Мезен гостей в дом и плотно закрыл дверь.

Словоохотливым оказался хозяин: многое в тот вечер узнали чекисты, выступавшие в роли савинковских курьеров.

Доставленный в Чрезвычайную комиссию Белоруссии, Мезен признался, что был завербован Опперпутом

в качестве содержателя явочной квартиры, и просил чекистов дать ему возможность искупить свою вину перед Родиной...

В кабинет председателя ЧК Белоруссии И. К. Опанского собрались сотрудники центрального аппарата, пограничники, работники армейских особых отделов.

— На территории нашей республики,— сказал, открывая совещание, Опанский,— созданы и действуют контрреволюционные подпольные организации савинковского «Союза защиты родины и свободы». Они готовят по указанию своих зарубежных хозяев вооруженное восстание против Советской власти. Наша задача — упредить врага, в кратчайший срок вскрыть все звенья белогвардейской паутины...

Перед всеми чекистскими органами Белоруссии ставилась задача в сжатые сроки проникнуть в контрреволюционные организации и парализовать их деятельность. Внимание начальников Минского, Житковичского, Слуцкого, Полоцкого особых пограничных отделений ВЧК обращалось на усиление охраны государственной границы и контактов с местными чекистами.

На совещании был подробно рассмотрен и принят план разгрома вражеского подполья. Операцию по ликвидации Западного областного комитета условно назвали «Крот».

Скромно, без семьи жил в Гомеле секретарь уездного военкомата Волк. На работе его считали трудолюбивым, исполнительным работником. Среди соседей он слыл внимательным и обходительным человеком. И только немногие из его окружения знали, что Волк — бывший белогвардейский офицер, участник кровавых погромов известного в Белоруссии атамана Булак-Балаховича. Последний находился в Польше и служил у Савинкова в качестве «командующего русской народной армией». Затаившись, Волк ждал указаний из-за границы и очень обрадовался прибытию варшавских «эмиссаров», доставивших ему для передачи руководителю Западного областного комитета печать, деньги и воззвание «Союза». Уговорив гостей отдохнуть, Волк ушел в город. Он торопился к личному связнику — курьеру Опперпута, работнику Гомельского земельного отдела Зенкевичу с радостной вестью. Незаметно следовали за ним гомельские чекисты.

В конце апреля к Мезену, в квартире которого чекисты устроили засаду, явился Зенкевич. Он шел в Варшаву с отчетом о деятельности контрреволюционеров. Зенкевича арестовали. Материалы, изъятые у него, в которых содержался подробный перечень враждебных организаций в БССР, помогли чекистам распутать сложную сеть заговоров.

В ходе операции «Крот» сотрудники ЧК Белоруссии Марченко и Терпигорев, имея специальные мандаты Западного областного комитета на право контроля уездных организаций, выехали в Могилев, Бобруйск, Мстиславль. Они проникли в среду контрреволюционеров, от их главарей получили подробные данные о враждебной работе и, установив полный состав формирований в уездах, совместно с местными ЧК ликвидировали их.

В руководящее звено Западного областного комитета Чрезвычайная комиссия Белоруссии сумела ввести своих опытных разведчиков Лисуна и Павловича. Выступая в роли представителей крупных вооруженных банд, прибывших из-за рубежа в помощь местным подпольным организациям, они «координировали подготовку» вооруженного восстания против Советской власти.

К середине мая чекисты установили участников всех крупных контрреволюционных организаций: Западного областного, Гомельского, Смоленского губернских и уездных подпольных комитетов.

В это же время начальник Житковичского пограничного пункта Коровников предупредил красноармейцев о необходимости усиленной охраны границы. По сообщению ЧК Белоруссии, именно на этом направлении ожидался переход из Польши крупного контрреволюционера.

25 мая рано утром пограничный наряд зафиксировал переход на нашу сторону нарушителя границы. По указанию начальника пункта задерживать его не стали, и тот благополучно пешком добрался до Житковичей, а оттуда под наблюдением чекистов приехал в Минск. Немного побродив по городу, он зашел в знакомый сотрудникам ЧК дом на улице Сосновой. Это был Опперпут, вернувшийся из Варшавы, где он лично получил инструктаж о вооруженном выступлении контрреволюционных сил не позднее июня.

Опперпута, кроме хозяина дома, встречали два «родственника» Мезена, якобы приехавшие в Минск на базар. В роли их выступали чекисты Николаев и Алексеев. Позавтракав, Опперпут предложил понравившимся ему скромным деревенским парням выйти во двор и поиграть с ним в крокет. Он вынул из кармана брюк браунинг и положил его на скамейку. Игра началась. Опперпуту явно не везло. К концу игры Алексеев забрал оружие главаря, а Николаев, обращаясь к Опперпуту, сказал: «Игра окончена, Эдуард Оттович. Вы арестованы».

В конце мая чекисты Белоруссии нанесли сокрушительный удар контрреволюционному подполью. В ходе операции «Крот» были арестованы все члены Западного областного комитета и подчиненных ему нижестоящих организаций. Газета «Известия ВЦИК» 24 июля 1921 года писала: «Арестованы сотни членов организации и ряд савинковских курьеров и связников, захвачено много уличающих документов, десятки пудов контрреволюционной литературы».

И. И. МАЙДАНОВ

БУМЕРАНГ

В январе 1922 года чекисты задержали после перехода польско-советской границы некоего В. Свежевского, бывшего подполковника царской армии. Он непродолжительное время служил в Красной Армии, затем очутился в вооруженной банде. Когда ее разгромили, Свежевский бежал в Польшу. Там его и нашли руководитель «Союза защиты родины и свободы» Савинков и возглавлявший террористическую службу этого «Союза» бывший казачий полковник М. Гнилорыбов. По их ходатайству польские власти освободили интернированного Свежевского. Руководители «Союза» поручили ему убить В. И. Ленина. Выполняя приказ Савинкова, он и перешел польско-советскую границу...

А в сентябре того же 1922 года возле Заславля наши пограничники задержали Леонида Шешеню, адъютанта Бориса Савинкова.

И Свежевский, и Шешеня были хотя и опасными, но всего лишь рядовыми членами подпольной организации, исполнителями, их знали, пожалуй, только чекисты, пристально следившие за деятельностью «Союза». Другое дело — Борис Савинков. Имя, а главное — дела его знали многие в нашей стране и за границей. От него можно было ожидать всего.

Один из руководителей партии эсеров, в свое время организовавший покушение на министра внутренних дел, шефа жандармов В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Романова, террорист Савинков пришелся по душе Керенскому. Глава Временного правительства назначил его комиссаром на Юго-Западном фронте, а затем управляющим военным министерством. После Октябрьской революции Савинков становится лютым врагом Советской власти. Он участвует в походе генерала Краснова на Петроград, помогает генералу Алексееву формировать белогвардейскую Добровольческую армию на Дону. Занимает должность посла самозваного «верховного правителя» адмирала Колчака, служит Врангелю. Позже один

из его сообщников некий атаман Искра написал: «Савинков так часто менял свою веру, что укрепиться в ней ему было некогда. Служил Керенскому — предал Керенского, служил Колчаку — предал Колчака, служил Врангелю — стал издеваться над Врангелем, прикрывался Булак-Балаховичем — стал изобличать Балаховича».

Разочаровавшись в различных временных верховных правителях, Савинков сам потянулся к власти и в начале 1918 года создал в Москве подпольный «Союз защиты родины и свободы», стремившийся свергнуть Советскую власть. Весной того же года от президента буржуазной Чехословакии Масарика он получил 200 тысяч рублей для организации террористических актов против руководителей молодой Советской Республики, устроил слежку за Владимиром Ильичем и другими членами Советского правительства. «Предполагалось в Москве убить Ленина... и для этой цели было установлено наблюдение»,— цинично писал Савинков в опубликованной в 1920 году за границей брошюре.

Савинковским «Союзом» при поддержке империалистических государств были организованы белогвардейские мятежи в Ярославле, Рыбинске и Муроме в 1918 году. Но авантюры потерпели крах, чекисты разгромили «Союз». Савинков бежал за границу. Обосновавшись в Париже, а затем в Варшаве, он становится одним из наиболее опасных и коварных лидеров контрреволюционной эмиграции. Филиалы воссозданного им «Союза», к которому в демагогических целях было добавлено слово «народный», действовали в Варшаве, Праге, Вильно. На территории Советской Республики орудовали вооруженные банды, руководимые членами этого «Союза».

Опираясь на эти банды и рассчитывая спровоцировать крестьянский мятеж, Савинков делает ставку на вожаков белорусских националистов из так называемого «Белорусского политического комитета» и сформированную этим комитетом кулацкую организацию «Зялёны дуб», главной задачей которой являлось «ведение беспрерывной борьбы с большевиками». Он «признает» независимость «белорусского государства» во главе с буржуазными националистами и заключает с ними соглашение о совместной борьбе против Советской власти. И савинковский «Союз», и националистический

3 Зак. 1823

комитет никого не представляли и для широко задуманной авантюры не имели необходимых материальных средств. Это не смущало Савинкова: он по-прежнему рассчитывал на щедрую помощь иностранного капитала. Сразу же после подписания соглашения с «Белорусским политическим комитетом» Савинков торопливо сообщает правительствам Франции, Англии и Польши: приступил к формированию «повстанческих сил» на территории Белоруссии и некоторых губерний России, для координации их деятельности создал «Информационное бюро»...

Общее руководство «повстанческими силами» осуществлял полковник С. Э. Павловский, правая рука Савинкова. Особенно нагло действовали эти банды на Минщине, в Игуменском уезде (ныне Червенский район), где оперировала так называемая «Североминская группа повстанческих отрядов» «Союза защиты родины и свободы». Возглавляемая бывшим офицером царской армии Лабуковым-Катиным, группа даже планировала захватить Игумен. Но чекисты, своевременно получившие сведения о замыслах бандитов, вместе с Минским и Игуменским отрядами особого назначения июньской ночью 1921 года разгромили бандитский штаб, расположившийся в лесу около деревни Лочин. В ходе операции чекисты захватили антисоветскую литературу и документы «Североминской группы повстанческих отрядов». Были обнаружены различные бланки с печатью Игуменского уездного военкомата и подписями военкома Жилинского и другие документы, свидетельствующие о том, что Жилинский и его заместитель Канопацкий являлись агентами савинковского «Союза» и сотрудничали с бандитами. Жилинскому удалось бежать в Польшу, но он не ушел от возмездия.

В Игуменском уезде стало спокойнее. В других же уездах бандиты по-прежнему терроризировали население. Многочисленная банда Короткевича орудовала в разных районах.

Около десяти тысяч человек насчитывали савинковские формирования. Чтобы положить конец разгулу бандитизма, Реввоенсовет страны в июне 1921 года принял постановление о создании специального органа для борьбы с бандитизмом — Реввоенсовета Минского района. В Реввоенсовет, который возглавлял командующий И. П. Уборевич, вошли председатель ЧК

Я. К. Ольский и нарком по военным делам И. А. Адамович.

Политический бандитизм свирепствовал в те годы и в других районах нашей страны.

По степям Украины разгуливали банды Махно. Тамбовщину терроризировали многочисленные банды А. С. Антонова. Это было прямым продолжением гражданской войны. Империалисты всячески поддерживали мятежников и бандитов. Только савинковцы ежемесячно получали от Антанты по 17 миллионов польских марок.

Разгул мятежей и бандитизма В. И. Ленин охарактеризовал как более опасный для Советской власти, чем деятельность Колчака, Деникина и Юденича, вместе взятых.

Органы безопасности стремились прежде всего отсечь, нейтрализовать вдохновителей бандитизма от поддерживающих их стран и организаций. Ведь Савинков пользовался поддержкой главы буржуазной Польши Пилсудского, его принимали Бенеш, Муссолини, Черчилль.

Позже в своих мемуарах лидер английских консерваторов писал: «И как это вы уживаетесь с Савинковым? — спросил я у господина Сазонова, встретив его летом 1919 года в Париже. Бывший царский министр иностранных дел, как бы защищая себя ладонями, ответил: «Да, да, это убийца. Я и сам диву даюсь, как это нахожу с ним общий язык. Но что поделаешь, когда это в высшей степени деловой человек, крайне изобретательный и решительный? Мне и не снилось, что когда-нибудь я буду сотрудничать с ним».

Вскоре после разговора с Сазоновым к Черчиллю на прием заявился Савинков. Черчилль так передал впечатление от этого самозваного кандидата в диктаторы: «Хотя ему было около сорока, его лицо бороздили морщины, густо сходясь у глаз, из-за чего местами у век кожа напоминала старый пергамент. Из этих непроницаемых глаз исходил решительный взор, чуть отрешенный и безличный, в котором я читал печать судьбы и рока. Я хорошо знал, кем он был и как складывалась его жизнь. Всю свою жизнь Савинков посвятил заговорам. Жил без веры, в церковном понимании этого слова. Без моральных устоев, как это свойственно большинству людей. Без права и родины».

3*

Да, Черчилль хорошо понимал, с кем имеет дело. Именно такой — убийца без веры и моральных устоев — был нужен им. А главное — савинковская агентура снабжала шпионскими сведениями польскую, французскую, английскую разведки.

Советское правительство через своего посла во Франции Л. Б. Красина сделало Савинкову предложение прекратить контрреволюционную деятельность и явиться с повинной на родину. Савинков мечтал вернуться в Россию, но не с повинной. Получая щедрую поддержку и помощь от врагов Советской власти, он считал, что пробил, наконец, его час: он свергнет большевиков и станет диктатором России. Претендент на этот пост развернул бурную деятельность по насаждению в Советском Союзе контрреволюционных организаций. О размахе этой деятельности говорят следующие факты. Только в 1921—1923 годах органами ВЧК — ОГПУ были ликвидированы савинковские организации «Западный областной комитет», «Юго-восточный областной комитет», отдельные организации на Украине, в Белоруссии, Москве, Самаре, Саратове, Туле. Разгромленные чекистами ячейки савинковского «Союза» в Петрограде насчитывали свыше 200 человек. Но чтобы обезглавить и парализовать деятельность «Союза защиты родины и свободы», надо было раскрыть подлинную личину «выдающегося представителя белой идеи», как именовали Савинкова на Западе, обезвредить матерого врага Советского государства.

Чекистам предстояло разработать против него такую операцию, чтобы в конечном итоге побудить Савинкова к тайной поездке в нашу страну и здесь обезвредить.

Руководил операцией Ф. Э. Дзержинский. Об операции знал В. И. Ленин, одобрил ее основной замысел и строго предупредил: проиграть такое дело непозволительно. К осуществлению операции были привлечены лучшие, наиболее опытные чекисты.

Арест видного савинковца Шешени оказался весьма кстати. Это позволило чекистам разгромить организации «Союза» в Москве и Смоленске. Были арестованы и резиденты Савинкова в этих городах — Зекунов и Герасимов.

Ярый антисоветчик Герасимов служил Савинкову верой и правдой. После ареста его судили. Зекунов же

только числился резидентом Савинкова. Обманным путем втянутый в савинковскую организацию, он вскоре разочаровался в «вожде», пославшем его «на работу» в Москву, начал осознавать обреченность антибольшевистского движения, поручения Савинкова не выполнял. Чекисты помогли Зекунову глубже понять, насколько чужды ему дела и интересы савинковцев, и Зекунов становится активным помощником чекистов.

Так началась «игра» с Савинковым. Суть ее состояла в следующем: от Михаила Зекунова Савинков должен был узнать, что в Москве якобы действует мощная подпольная организация «Либеральные демократы», но ее раздирают внутренние противоречия: в то время как одна часть «либералов» занимает выжидательную позицию, другая рвется к активной борьбе против Советской власти. «Либералы» в основном интеллигенты, но у них нет опытного, авторитетного руководителя. Расходятся они и в вопросе о необходимости объединения с «Союзом» Савинкова.

Из Москвы в Вильно, Варшаву, Париж отправляются курьеры «либералов» — Михаил Зекунов и чекисты Андрей Федоров, Григорий Сыроежкин. Они обстоятельно информируют зарубежных деятелей «Союза» и самого Савинкова о «деятельности либералов», их трудностях и разногласиях, просят совета, сетуют на то, что у «либералов», к сожалению, нет авторитетного, опытного организатора, который смог бы положить конец разъедающим организацию спорам. Иными словами, «либеральным демократам» ох как нужны опыт, ум, смелость, авторитет и известность Савинкова.

Опытный конспиратор, умный и осторожный враг, Савинков долго не решается на поездку в нашу страну. Он все сомневался, колебался, устраивал курьерам всевозможные проверки, испытания, провокации. Так, угрожая расстрелом А. П. Федорову, ближайший сподвижник Савинкова полковник Павловский требовал от него прямого признания, кто он на самом деле — «либерал» или чекист. Соратник Ф. Э. Дзержинского, убежденный коммунист, Федоров мужественно выдержал испытания. Не довольствуясь этим, Савинков прибег к помощи небезызвестного английского шпиона Сиднея Рейли, пригласил его на встречи с представителями «либералов»: не заметит ли матерый шпион чего-ни-

будь подозрительного. Рейли, слывший «специалистом» по Советской России, ничего не заметил.

Однако и это не убедило Савинкова. Одного за другим направлял он своих эмиссаров в Москву для проверки работы «либералов». Все они беспрепятственно переходили границу. И это, конечно, не случайно: на пограничной заставе, километрах в десяти от Заславля, служил начальником «свой», «проверенный» человек Иван Петрович Батов.

— В этой роли,— рассказывал сослуживцам позже Ян Петрович Крикман,— выступал перед савинковцами я. Они и не подозревали, кто я на самом деле.

Выбор для «заведования окном» на границе, через которое курсировали эмиссары Савинкова, не случайно пал на чекиста Я. П. Крикмана. К тому времени он прошел уже достаточно сложный жизненный путь, судьба революционера не раз испытала его в самых суровых обстоятельствах.

Семья батрака Петра Крикмана не вылезала из нищеты и лишений. Две его дочери батрачили у кулака, старший сын подался на заработки на завод в Лиепаю. Младший, Ян, хотел учиться. Но учеба была не по карману сыну батрака. И подросток Ян отправился в город, к старшему брату, который с 1904 года был членом РСДРП. По поручению Либавской (Лиепайской) подпольной организации Ян хранил нелегальную литературу, приглашал батраков и рабочих на собрания, распространял листовки. В 1907 году, в период разгула черной реакции, Ян Крикман вступил в РСДРП. А через два года, когда он раздавал большевистские листовки призывникам, его арестовали. Приговор суда был жестоким — пожизненное поселение в Сибири, лишение всех прав и состояния.

— Лишили меня даже того, чего я не имел,— не без юмора говорил по этому поводу Ян Петрович.— Никаких прав, а тем более состояния у меня и не было.

Такие жестокие приговоры в годы реакции выносились, конечно, не только в Риге. К лишению всех прав, состояния и пожизненному поселению в Сибири весной 1909 года Варшавская судебная палата приговорила и Феликса Дзержинского.

Сослали Яна Петровича в Канский уезд Енисейской губернии. В эту же губернию был сослан и Феликс Эдмундович, но, пробыв там меньше трех месяцев, бежал.

Вот тогда и услышал впервые Ян Крикман имя Дзержинского, узнал о его дерзком побеге. Крикман, как и другие ссыльные революционеры, тоже не собирался оставаться здесь на вечное поселение: примером для них служил Феликс Дзержинский. Не забывали их и боевые товарищи, оставшиеся на свободе. Рижская партийная организация прислала ссыльным поддельные документы, снабдила их деньгами. В мае 1912 года Ян Петрович вместе с товарищами бежит из ссылки. Петроград — Рига — Франция — Нью-Йорк — такой путь проделал он из Сибири.

В Америке работать пришлось на различных заводах. Но Ян Крикман продолжал борьбу и там. Товарищи избрали его секретарем местной партийной организации, он входил в стачечный комитет.

Одна из стачек была особенно успешной. Рабочие добились крупных уступок от предпринимателей. Организатору этой «смуты» хозяева не простили: Крикман оказался за проходной. Пришлось искать работу на другом заводе.

Политические эмигранты жили в Америке надеждами на скорое возвращение на родину и внимательно следили за революционными событиями, которые там развертывались. В феврале 1917 года за океан наконец пришла радостная весть: в России свергнуто самодержавие! Вместе с группой политических эмигрантов Ян Крикман отправился на родину. В начале сентября они были во Владивостоке, оказали помощь местным большевикам в организации Совета рабочих и солдатских депутатов и двинулись дальше — в Петроград. Здесь Ян Петрович встал на партийный учет в Выборгском райкоме партии, вступил бойцом в Красную гвардию, штурмовал Зимний, подавлял мятеж юнкеров. Затем участвовал в разгроме банд казачьего атамана Каледина на Дону. Был ранен, лечился в Харькове...

Летом 1918 года он участвовал в подавлении эсеровского восстания в Ярославле. Там и увидел кровавые злодеяния эсеров, впервые услышал фамилию Савинкова.

Пройдет некоторое время, и активному защитнику молодой Советской республики не раз придется встречаться с черными делами савинковцев в Белоруссии, громить их банды, а затем «принимать» самого «вождя». А тогда, после подавления савинковского мятежа

в Ярославле, его направили на разгром других мятежников — на этот раз белочехов. Позже он формировал новые подразделения Красной Армии, личным примером и пламенным словом комиссара водил красноармейцев в бой.

Разгромлены внешние враги, закончилась гражданская война, но Ян Петрович в боевом строю. Для него битва продолжалась: храброго воина и опытного партийного работника в 1920 году партия направила на службу в ЧК Белоруссии.

В Белоруссии в то время орудовали многочисленные и разношерстные банды. «Зеленые», так тогда называли бандитов, состояли из царских офицеров, кулачества, дезертиров. Они убивали коммунистов, грабили население, препятствовали налаживанию мирной жизни. На разгром «зеленых» направили части Красной Армии, чекистов, отряды ЧОН. И как пригодился здесь опыт Яна Крикмана! Умение вести за собой людей, личную храбрость и смекалку молодого чекиста высоко ценили его товарищи, руководители. Особенно вырос авторитет Крикмана в глазах товарищей после того, как под видом дезертира он побывал в самом логове банды Монича.

Хитрым и опасным врагом Советской власти был Егор Монич. Жестоко мстил он Советам и «голопузым красным», так бесцеремонно нарушившим все его жизненные планы. Ведь до них, до Советов, все так шло хорошо. Сын зажиточного крестьянина из деревни Жаберичи Борисовского уезда, он еще до первой мировой войны окончил учительскую семинарию. Два года учительствовал. В войну с немцами и совсем в гору пошел — двумя георгиевскими крестами наградили. А главное — дослужился до офицерского чина. И когда приехал на побывку в январе 1917 года в Жаберичи, его отец, Адам Иванович, сияя от радости, то и дело повторял:

— Ну порадовал меня, сынок, ну и осчастливил.

Старший Монич уже почти решил вопрос о женитьбе сына на Ядвиге Жуковской — дочери местного помещика: кто же откажет боевому офицеру, да еще с двумя крестами?

Но власть взяли в свои руки большевики. В 12-й армии вершить делами стали солдаты во главе с каким-то Виктором Яркиным. Они же, солдаты Щукин, Фо-

мин, Яркин, даже перемирие заключили с немцами. Смех да и только — солдаты-дипломаты! И Монич не на жизнь, а на смерть начал бороться с большевиками — сначала в составе польских легионеров, потом в «народной добровольческой армии» Булак-Балаховича. А когда тех и других разгромили, Монич переметнулся к Борису Савинкову. Он верил ему и с усердием выполнял его приказы. Надеялся, что, когда разгромят Совдепию и Савинков возглавит правительство, заслуги Монича не забудут. А приказы Савинкова были короткими — создавать банды, убивать из засад командиров Красной Армии, партийцев и комсомольцев, захватывать секретные документы. Этим и занималась банда Монича.

Проникнуть в нее поручили Яну Крикману.

В местечке Зембин Борисовского уезда располагался конный отряд красноармейцев. Кавалеристы несли караульную службу, охраняли местечко от бандитов, не раз пытавшихся разжиться здесь спиртом. Дел хватало и командиру отряда Корзуну, и его подчиненным. Правда, Корзун находил время и для сердечных дел: и зембинцы, и красноармейцы не раз замечали его в доме вдовушки Авдотьи Габец, на весь уезд славившейся своей красотой.

А бандиты наглели, местный спиртзавод не давал им покоя. Поэтому никто не удивился, когда в Зембине появилось подкрепление — конный взвод во главе с Иваном Шпаковским. Удивило другое: новый командир, как и Корзун, зачастил в дом Габец. Было отчего чесать затылки зембинцам: по местечку ходили упорные слухи, что раньше к Авдотье часто наведывался атаман «зеленых» Егорка Монич.

— Красота Дуськи сделала глухими и слепыми красных командиров. Плохо, ой плохо кончатся их амуры с этой зазнобой,— пророчили кумушки.

И пророчества оправдались. Однажды из-за ревности в доме Авдотьи вспыхнула горячая ссора между командирами. Почти одновременно грянули два выстрела. Схватившись за окровавленную грудь, грохнулся на пол Корзун. Шпаковский же метнулся из дому, за ним опрометью с громкими причитаниями выскочила Авдотья. Пока улеглась суета, пока красноармейцы разобрались, что к чему, Шпаковского и след простыл. Захватив с собой пять верных дружков, он бежал в лес.

Исчезла из местечка и Авдотья. Раненого Корзуна отправили в полковой госпиталь в Борисов. Вскоре по Зембину поползли слухи: одни говорили, что Корзун умер в госпитале, другие — что он жив и из Борисова его перевезли в Минск.

— Говорили же, что любовь их к этой стерве добром не кончится,— вспоминали свои пророчества зембинские старухи.

И нелегко было понять, чего было больше в их словах: то ли сожаления за так нелепо пострадавшего Корзуна, то ли гордости, что их предсказания все же сбылись.

Но доморощенные зембинские пророчицы явно ошиблись: Корзун остался жив и невредим, во время перестрелки не получил даже легкой царапины. Дело в том, что под именем Ивана Шпаковского выступал Ян Крикман. Перестрелка была инсценирована, разыграна по заранее разработанному плану. Что же касается крови, то это была кровь теленка: пузырек с нею Корзун заранее положил в нагрудный карман и сразу после выстрела раздавил его.

— Не скажу, что операция отличалась филигранной отработкой, но то, что благодаря ей мы достигли цели,— бесспорно,— уверенно говорил Ян Петрович и продолжал: — Мы хорошо знали, что Авдотья Габец была любовницей Монича, поддерживала с ним постоянную связь, но, конечно, и виду не подали, что знаем ее подлинную роль. Бывая у нее, нет-нет да и «выбалтывали» секретные сведения о предстоящих операциях своих конников. Так мы через Авдотью водили, что называется, за нос главарей «зеленых». А затем решили проникнуть непосредственно в банду, разыграли этот спектакль с перестрелкой...

Так Крикман-Шпаковский вместе с пятью конниками оказался в лесу. А на второй или третий день к нему пробрался гонец от Монича и передал письмо атамана «зеленых». Монич восхищался Шпаковским, решительно порвавшим с большевиками, поздравлял его со смелым поступком и приглашал прибыть к нему для «дружеских» переговоров.

Крикман-Шпаковский приглашение принял, но в ходе переговоров долго не соглашался стать под начало Монича. Лишь после того, как атаман напомнил, что Шпаковскому, убившему красного командира, отреза-

ны все пути назад и осталось единственное — примкнуть к «зеленым», стать помощником самого атамана, Шпаковский «согласился».

Свыше двух недель пробыл Крикман в бандитском логове. За это время он и его конники многое узнали о делах и планах бандитов, об их явочных квартирах, пособниках из местных кулаков. Банду в итоге разгромили. Моничу с небольшой группой, правда, все же удалось бежать.

В начале 1921 года чекиста Крикмана направили на учебу в Москву. Вначале он пытался возражать: дел полно, столько бандитов еще шастает по лесам, Монич ускользнул от возмездия, а его, Крикмана, от настоящей работы отрывают, посылают на какую-то учебу.

— Не до учебы сейчас. Вот ликвидируем всех бандитов, тогда можно и подучиться,— заявил он заместителю председателя Белорусской ЧК Иосифу Казимировичу Опанскому.

— Ликвидация банд — дело серьезное, но далеко не главное для нас. Сейчас перед чекистами встают новые, более сложные задачи. Для их решения потребуются кадры с опытом практической работы и хорошей теоретической подготовкой,— ответил Опанский.

Приказ есть приказ. Крикман согласился. Полгода он упорно «грыз гранит» еще молодых в то время чекистских наук. Успешно учиться ему помогали врожденная настойчивость, большой опыт подпольной, партийной и чекистской работы. А когда окончил курсы, ожидал направления на запад, в Белоруссию. Но начальство распорядилось по-другому: Крикмана оставили в Москве, в центральном аппарате ГПУ, зачислили в резерв отдела, который занимался борьбой с бандитизмом. Шли дни, недели, а нового сотрудника почему-то не приглашали на боевые операции, занимался он канцелярскими делами.

«Вот уже целый месяц я считаюсь прикомандированным к отряду по борьбе с бандитизмом, но по существу исполняю лишь техническую, письменную работу, для которой я совершенно не подхожу. С 1918 по 1921 год я работал на западе, в Белоруссии, знаю местные условия. Поэтому настоятельно прошу откомандировать меня в Западный военный округ для настоящей работы»,— писал он в рапорте

Через несколько дней Крикмана вызвал Ф. Э. Дзержинский.

«За беспощадную борьбу с контрреволюцией», как было сказано в приказе, подписанном Дзержинским, Яна Петровича наградили нагрудным знаком почетного чекиста. Феликс Эдмундович тепло поздравил награжденного и, прикрепляя знак к его гимнастерке, тихо, как бы рассуждая вслух, повторил записанные в удостоверении к награде слова:

— Почетное звание чекиста требует бдительности, решительности и храбрости.— Затем добавил: — Вы, товарищ Крикман, своей многолетней борьбой с врагами революции хорошо доказали, что обладаете этими качествами. Уверен, что и впредь вы будете настоящим большевиком, образцовым чекистом, примером для других.

— За дело коммунизма готов отдать жизнь! — взволнованно произнес Ян Петрович.

— За торжество великих идей коммунизма надо бороться, но и жизнь, свои силы надо беречь,— улыбнулся председатель ГПУ.— Сколько дел впереди! Кстати, мне сообщили, что вы проситесь в Белоруссию. Чем же вам не понравилась Москва?

— Я считаю, что в Белоруссии принесу бóльшую пользу делу революции,— ответил Крикман.

— Ваше стремление похвально. Там назревает довольно интересное дело.

Так осенью 1922 года в городке Заславль появился новый командир-пограничник Иван Петрович Батов. Лет тридцати, среднего роста, худощавый, подвижный, но неразговорчивый. То ли солидная должность начальника заставы, то ли сильный акцент сдерживали его. Да и разговаривать ему, собственно, не так уж много приходилось. Поселился он в корчме, стоявшей у самой границы. Корчмарь, старый еврей Натансон, тайком занимался контрабандой, и новый жилец пришелся ему не совсем кстати: контрабанда не любит лишнего свидетеля, да еще начальника. Притаился корчмарь, тут не до разговоров. А дочь Мима — тоже не собеседница. От большого потрясения во время налета на корчму банды Павловского она лишилась рассудка.

Прошло некоторое время, и наблюдательный корчмарь заметил, что его молчаливый квартирант не такой уж святой, каким показался вначале. Натансон сам

видел, как новый начальник подносил чемодан какому-то незнакомцу, должно быть, помогал ему перейти границу. За «будь здоров» такое не делают. «Видно, пользуясь служебным положением, важный квартирант тоже занимается контрабандой? Объединиться бы с ним. Вот была бы коммерция!» — прикинул корчмарь и однажды пригласил своего постояльца на ужин. Тот согласился, не отказался и от чарки водки. А вот разговора о «совместной коммерции» не получилось. Видно, не пара. Ну и ладно, лишь бы не мешал.

Ян Петрович не мешал. В его память глубоко врезались слова, сказанные ему при направлении сюда, на заставу:

— Действовать будете в основном один, решения принимать самостоятельно. Мобилизуйте всю свою сноровку, выдержку. Не обращайте внимания на мелочи, не отвлекайтесь от главного. Главное у вас — работа государственной важности.

Обидно было Крикману от подозрений корчмаря, но утешало то, что Натансон не догадывался о главном, о характере его настоящей работы.

Работа же пошла вовсю. Курьеры «либеральных демократов», эмиссары Савинкова несколько раз переходили границу туда и обратно. И всегда их встречал и провожал немногословный, но хорошо знающий свое дело и четко работающий Иван Петрович Батов. Савинковцы считали его своим надежным человеком и были довольны, что ему удалось занять такой важный и столь необходимый пост.

Доволен был и Ян Петрович. Особенную радость ему доставила встреча с русоволосым богатырем Григорием Сыроежкиным, с которым он познакомился вскоре после возвращения из банды Монича. Друзья виделись редко, но тем более желанной была для них каждая встреча. С Григорием Ян Петрович, что называется, отводил душу.

— Ну дела пошли. Гриша из чекиста переродился в «либерального демократа»,— подтрунивал Крикман над Сыроежкиным.

— А Ян Петрович к савинковцам переметнулся,— не оставался в долгу Сыроежкин.

Поздно ночью Крикман провел друга через границу и с нетерпением ожидал его возвращения. Вернувшись, Сыроежкин не без юмора рассказал, как в Вильно его

случайно встретил и опознал дезертир, бывший сослуживец по Красной Армии, а ныне агент дефензивы. Дезертир привел жандармов в гостиницу, где остановился Сыроежкин, и кричит:

— Он в красном трибунале служил! Он чекист!

А Григорий схватил дезертира за шиворот, вышвырнул из номера и обрушился на жандармов:

— Я пришел из Совдепии, жизнью рисковал, чтобы выполнить задание Савинкова, а вы с каким-то плюгавым пьяницей врываетесь сюда! Позвоните капитану Секунде, он подтвердит!

Ну и досталось тогда жандармам от Секунды: начальник экспозитуры успел ознакомиться с принесенными Сыроежкиным материалами и понял, что чекист таких сведений не принесет. А тут жандармы впутываются...

Слушал Крикман рассказ друга и думал: только исключительное самообладание спасло Гришу, а он улыбается. Швырнул плюгавенького, обругал жандармов. Дурное дело нехитрое. И плюгавенький мог испортить все.

Операция продолжалась. И савинковцы и курьеры «либеральных демократов» шли через надежную лазейку на границе — «окно», которое им обеспечивал Батов. Только Павловский прорвался, миновав «окно», и, ступив на нашу землю, вновь принялся за кровавые дела: убивал коммунистов, с помощью банды Иванова остановил поезд и ограбил кассира, везшего зарплату рабочим...

Между тем тщательно разработанная чекистами операция шла своим чередом. «Либералам» надоели советы Савинкова издалека: что дельного может порекомендовать «вождь», оторванный от русской действительности, давно не бывший в России? «Мощной антисоветской организации», имевшей свои филиалы во многих городах и районах страны, нужен сам Савинков, его воля, опыт, ум. Нет, Савинкова не просят и не упрекают, от него не требуют немедленной поездки в Советскую Россию, чтобы на месте посмотреть и убедиться, какая большая сила эти «либеральные демократы». Прямолинейно, что называется, в лоб никто из чекистов, выступавших от имени «либералов», не настаивал на приезде Савинкова в СССР. Они только все ча-

ще высказывали сожаление, что «либералам» нелегко без лидера крупного калибра.

Самолюбию Савинкова льстило, что такая организация не может обойтись без него. Он уже представлял, как с помощью «либералов» свергнет власть большевиков и станет диктатором России. Эти планы всячески подогревали преданные ему эмиссары Шешеня, Зекунов, Павловский, Фомичев. В своих сообщениях каждый на свой лад, но аргументированно и обстоятельно они рассказывали ему о больших и заманчивых возможностях «либералов» и просили, советовали Савинкову ехать в Москву...

Не знал Борис Савинков, что Шешеня и Зекунов давно уже разочаровались в нем и стали помощниками чекистов, что Павловский, хотя и прорвался через границу, не миновал уготованной ему участи. Был арестован и, стараясь во что бы то ни стало спасти свою жизнь, усердно выполнял волю чекистов. А. И. Т. Фомичев был просто пешкой в руках ЧК. Несколько раз направлялся он Савинковым в Советскую Россию, и всякий раз людям Ф. Э. Дзержинского удавалось убедить его, что «либеральные демократы» не только существуют, но и представляют из себя большую угрозу большевистской власти. Вернувшись в Париж, он настоятельно просит Савинкова отправиться в Россию, навести порядок среди раздираемых распрями «либералов», возглавить эту мощную организацию. «Либерал» Федоров тоже, конечно, убежден, что Борис Савинков направит деятельность его организации в нужное русло.

И Савинков, наконец, решается ехать.

Двухгодичная, ювелирная работа чекистов успешно завершилась. Возмездие, подобно бумерангу, настигло Савинкова: ОГПУ удалось заманить его на территорию Советской страны. 10 августа 1924 года он вместе со своими ближайшими помощниками Иваном Фомичевым, Александром Деренталем и его женой Любовью тайно выехал из Парижа. С ним ехал и чекист А. П. Федоров.

Ян Петрович Крикман получил распоряжение приготовиться к приему «высокого гостя».

Встречать «вождя» на границу приехали видные деятели: начальник военного отдела «либералов» Новицкий (на самом деле начальник отдела ОГПУ

С. В. Пузицкий) и начальник связи юго-восточного бюро ЦК этой организации чекист Н. И. Демиденко.

Как и было предусмотрено заранее, Крикман на этом участке ночью наряда не выставлял. Чекисты в густых зарослях кустарника стали ждать сигнала с польской стороны. Время тянулось, вокруг стояла звенящая тишина. Наконец с польской стороны замигал огонек фонарика: это подавал сигнал Федоров. Навстречу гостям пошел Пузицкий. Вскоре он, а с ним Федоров, Савинков, Фомичев, Деренталь и его жена подошли к Крикману и Демиденко. Двое остались на польской стороне. Это были польские офицеры-разведчики Секунда и Майер.

Как и было определено заранее, «командование парадом» взял на себя Крикман и во избежание каких-либо недоразумений при передвижении в пограничной зоне предложил «гостям» сдать оружие. Савинков и Деренталь охотно протянули свои револьверы. Фомичев оружия не сдал: всем своим поведением он хотел показать Савинкову, что здесь он свой человек, все знает. Как старый знакомый, он подошел к Крикману, поздоровался за руку, похлопал по плечу.

Чтобы показать «гостям», что переход границы не такая уж простая вещь, Крикман вел их петляющими тропами и часто останавливался, прислушивался, пока не вывел к оврагу, где были спрятаны две запряженные повозки. Рядом стоял красноармеец. Отдав честь Крикману, он доложил, что все готово, и извлек из-под сиденья одной повозки красноармейские шинели и буденовки. Ян Петрович предложил спутникам переодеться, чтобы своей гражданской одеждой не вызвать подозрение у населения. Военные на границе — явление обычное.

— Я же говорил, Борис Викторович, что здесь дело поставлено серьезно,— не преминул похвастаться Савинкову Фомичев.

В первую повозку сели Савинков, Пузицкий, Любовь Деренталь, Федоров, во вторую Крикман, Фомичев и Александр Деренталь. Километрах в пятнадцати от границы, у небольшого озерца сделали привал.

— Пограничную зону миновали, теперь можно ехать в штатском,— сказал Ян Петрович и предложил «гостям» снять шинели и буденовки.

— Да, да,— поспешно согласился Фомичев.

Он снова старался показать, что он здесь свой человек, чуть ли не хозяин. Когда расстелили шинели на траве, Фомичев достал из саквояжа бутылку вина, закуску. Его деловой вид убеждал Савинкова и его спутников, что все опасности позади, можно чуточку расслабиться. Словом, Фомичев неожиданно оказался хорошим помощником.

«Гости» выпили. Пузицкий и Крикман отказались.

— Вы проделали большую дорогу, устали, и вам нужно подкрепиться,— сказал им Пузицкий.

Перекусив, опять сели в повозки. Вторично остановились недалеко от Минска.

— В город лучше войти пешком, разделившись на группы. Так будет безопаснее,— посоветовал Пузицкий.

Савинков не возражал.

— Иван Петрович, проводите Фомичева в гостиницу и сразу же отправляйтесь на вокзал за билетами,— продолжал Пузицкий, обращаясь уже к Крикману.— Сегодня же нам надо выехать в Москву.

— Я должен был сопровождать Фомичева,— уточняя детали операции, рассказывал позже Ян Петрович,— так как мы не могли отпустить его вместе с Савинковым: он не раз бывал на нашей территории, много знал, к тому же был вооружен. Его нужно было взять отдельно. Мы пришли в гостиницу, располагавшуюся в двухэтажном доме на Советской улице.

А там Фомичева уже ждали. Когда Крикман постучал в дверь, та сразу же распахнулась. Фомичев опешил: перед ним была пустая комната. Он сделал шаг назад, не решаясь войти. Ян Петрович подтолкнул Фомичева в комнату, и три выскочивших из-за двери чекиста тут же обезоружили его, надели наручники и сразу же отправили на вокзал: там стоял специальный вагон для «высоких гостей».

Крикман же, взяв заранее приготовленные билеты, отправился на квартиру, где остановились Савинков и его спутники.

Савинков, Любовь Деренталь, Пузицкий и Федоров сидели за столом, пили чай. На столе шипел пузатый самовар. Со стен комнаты чинно смотрели портреты, мебель в комнате была старинная, заранее приготовленная для приема «гостей». И те чувствовали себя спокойно, в полной безопасности. Александр Деренталь, развалясь на диване, отдыхал. В этот момент распахну-

лась дверь и в комнату вошли несколько красноармейцев во главе с чекистом Р. А. Пиляром.

— Вы арестованы,— объявил он Савинкову.

«Гости» были потрясены. Деренталь вскочил с дивана. Испуганно вскрикнула его жена. Только Савинков казался спокойнее всех. Он пристально посмотрел на своего соседа — начальника военного отдела «либеральных демократов» Новицкого, на Крикмана. В их спокойных, но полных сдержанного торжества взглядах он прочел: «Да, арестованы! Игра окончена!»

— Чисто сделано,— выдавил наконец из себя опытный конспиратор.

В тот же день «гостей» отправили в Москву.

А Яна Петровича вызвал к себе Опанский. Когда Крикман вошел в кабинет Иосифа Казимировича, там был и Григорий Сыроежкин. Друзья обнялись. Заместитель председателя ГПУ Белоруссии поздравил их с успешным завершением операции.

— С Савинковым, можно сказать, покончено,— прохаживаясь по кабинету, сказал Опанский,— но с савинковцами еще нет. Правда, многие его группы уже ликвидированы. Разгромлены банды братьев Жигаловых, Короткевича. Короткевич и его преемник Нехлебов убиты. Убит и ваш старый знакомый,— Опанский повернулся к Яну Петровичу,— Монич. При ликвидации его отличился чекист Корнеичев. Но банда Данилы Иванова пока продолжает орудовать. С ней нужно кончать, и чем быстрее, тем лучше. Так вот, в ликвидации банды Иванова мы большие надежды возлагаем на Григория Сергеевича,— Опанский кивнул на Сыроежкина,— и на полковника Павловского.

— Какого Павловского? — от удивления у Крикмана взметнулись густые брови.

— На того самого полковника Павловского, который пренебрег «окном» на границе,— ответил Опанский,— убил нескольких красноармейцев, а затем вместе с бандой Иванова разбойничал под Горками.

— Но как же Павловский поможет уничтожить банду? — не понимал Крикман.

— Своими письмами он уже помог нам вытянуть из-за кордона Савинкова. А сейчас написал посланьице Иванову: любезно приглашает его в Москву, в Бутырку,— и улыбка вновь осветила открытое лицо Опанского.

В мае 1919 года в Горецком уезде на Могилевщине вспыхнул кулацкий мятеж. Возглавил его бывший прапорщик Карп Прудников из деревни Овсянка. Владельцу десятков гектаров земли, ветряной мельницы, молотилки не по душе была Советская власть. К кулачью примкнули дезертиры, уголовники, эсер Иван Скороходов, годом раньше убивший комиссара Горецкого ревкома Степана Погодина. Восстание охватило несколько волостей Горецкого и Шкловского уездов, но буквально за один день было разгромлено частями Красной Армии. Тогда Прудников и Иванов из уцелевших мятежников сколотили банду. Озверевшие подкулачники и дезертиры нападали на небольшие группы чоновцев, охотились за бойцами продотрядов, убивали коммунистов, терроризировали местное население. Летом 1920 года отряд чоновцев окружил банду. В бою многие «лесные братья» были уничтожены, но и на этот раз главари спаслись. Отсидевшись у родственников, Прудников, Иванов и еще около десятка бандитов осенью направились в Польшу. Там их тепло встретили Савинков и начальник 2-го (разведывательного) отдела 4-й польской армии капитан Майер. Тому и другому нужны были шпионские сведения. Так Иванов и Прудников стали эмиссарами Савинкова и агентами «двуйки».

Прудникова хозяева определили начальником информационного пункта в Столбцах, ему поручалось обеспечивать бандитам переход в Советскую Белоруссию, снабжать их оружием и антисоветской литературой. Не остался без дела и Иванов. Савинков и Павловский поручили ему перейти польско-советскую границу и совершить налет на пограничное местечко Койданово.

Подобрав два десятка бывших балаховцев, Иванов переодел их в красноармейскую форму и под покровом ночи благополучно перешел границу. В Койданове ему удалось захватить значительное количество документов, за которые Савинков получил потом свыше ста тысяч франков от польской и французской разведок.

Весной 1921 года Майер и Савинков опять направили Иванова с группой бандитов на Могилевщину. Майера интересовала прежде всего разведывательная информация. Шпионских сведений требовал и Савинков, но, кроме того, поручил Иванову готовить базу для

восстания крестьян против Советской власти, распространять среди населения антисоветскую литературу, подбрасывать ее в гарнизоны красноармейцам. И конечно же, Савинков требовал как можно больше крови: нападать на исполкомы, грабить и жечь, убивать коммунистов и сельских активистов. Руководствуясь этим, за лето 1921 года бандиты Иванова трижды нападали на волостные исполкомы, забрали там все документы, ограбили текстильную фабрику и спиртзавод в Дубровно. На заводе Иванов решил показать себя добреньким: собрав рабочих завода, он разглагольствовал перед ними о «великих» целях «Союза защиты родины и свободы», ругал большевиков, а позже, ради «приятного знакомства» с ним, атаманом Ивановым, заставил рабочих пить спирт.

Осенью Иванов отправил курьера в Польшу — к Савинкову и Майеру. Брат Карпа Прудникова Петр понес им похищенные документы, собранные шпионские сведения, деньги. Иванов же с сообщниками затаился в лесу. О бункерах, в которых отсиживалась банда, знал только один человек — лесник Савелий. Весной банда опять принялась за кровавые дела.

Чекисты и чоновцы не раз нападали на банду. Она редела, но хитрый и осторожный Иванов, словно оборотень, при первой же опасности бросал свое лесное воинство, уходил от преследования в заранее подготовленные тайные места. Осенью он вернулся в Польшу, а весной вновь объявился в Горецком уезде...

— Итак, Гриша, ты отправляешься к Иванову с письмом от Павловского? Что же пишет ему полковник? — спросил Сыроежкина Ян Крикман (шла отработка очередной ответственной операции).

— Вызывает в Москву на съезд «Союза защиты родины и свободы», требует быть готовым к переброске людей на Кавказ: там, дескать, в горах действует большая организация савинковцев и лучшие условия для работы.

— Но поедет ли Иванов?

— Этот вопрос возникал,— задумался Сыроежкин.— Сам Павловский сомневается в этом. Так и сказал: «Данила — стреляный воробей. Его на мякине не проведешь. Он даже по нужде без охраны не выходит, а после гибели Монича и Короткевича вообще никому

не доверяет. Придется тебе, молодой человек, повозиться с ним основательно».

— Сложное поручение. По собственному опыту знаю,— вздохнул Крикман.

Сыроежкин так и не понял: то ли Ян Петрович жалеет, что на этот раз с таким ответственным заданием в банду направили не его, Крикмана, то ли переживает за его судьбу.

— Но я уверен, Гриша, что ты справишься с заданием, выманишь Иванова из лесу. Главное, не робей, держись смело: ты же посланец самого Павловского!

— Как бы там ни было, в банду проберусь,— ответил Сыроежкин.

Друзья встретились вновь уже после судебного процесса над Савинковым. Тогда и рассказал Григорий Сыроежкин о перипетиях проведенной операции.

Августовский погожий день клонился к вечеру, когда Сыроежкин пришел в деревню Лихачево. Встретившийся мальчишка провел его к дому Афанасия Шидловского. Мужчина лет тридцати, давно не бритый, с копной густых черных волос, усердно стуча молотком, ремонтировал во дворе телегу. Тут же, то и дело покрикивая «Машка, стой, не топай!», доила отбивавшуюся от оводов корову босоногая женщина. Во дворе густо пахло дегтем.

Занятая своим делом женщина, казалось, не обращала никакого внимания на незнакомого пришельца. Совсем по-иному вел себя хозяин. Сразу же, только закрыл калитку, Сыроежкин скорее почувствовал, чем увидел, его испытывающий, спрашивающий взгляд: «Кто ты, пришелец? Какая судьба занесла тебя ко мне?»

— Помогай бог,— приветствовал хозяев Григорий.

— Говорил бог, чтоб и ты помог,— буркнул в ответ хозяин.

— Пацан меня не обманул? Вы Шидловский Афанасий?

— Я,— маленькие глазки заметались, ощупывая Сыроежкина.

— Вам передает привет Иван Семенович из Орши.

— Но он же болен,— отозвался на пароль Шидловский.

— После воспаления легких поправился и даже собирается на охоту.

— Но у него же ружье сломалось.

— Ружье Иван Семенович новое купил — «Винчестер».

— Охотник он неплохой.

— Особенно по уткам,— завершил Сыроежкин пароль-диалог, придуманный Ивановым.

— Зайдем в хату,— уже доверительно предложил Афанасий.— Значит, вы оттуда, из Варшавы? — спросил, как только они вошли в хату.

— Я — Барсуков. Направлен к Даниле его друзьями,— уклонился от прямого ответа Сыроежкин.

— А Данила вас знает?

— Мы с ним не знакомы лично, но я его знаю.

— Как же это так, не знакомы, а знаете?

— А не много ли вопросов?

— Но я-то должен знать, кто вас послал,— не сдавался Афанасий.

— Об этом я могу сказать только атаману.

— Ну ладно, ладно,— засуетился Шидловский.— Сейчас мы поужинаем. Вы отдохнете на сеновале. А утром?.. Утро вечера мудренее.

Ужин оказался сытным. Хозяйка поставила на стол миску с молодой картошкой, яичницу, нарезала домашней колбасы, сала, принесла из огорода несколько луковиц. Появилась на столе и бутылка с самогоном.

Ужинали вдвоем. Хозяйка, сославшись на дела, вышла из хаты. Хозяин старательно подливал самогон. «Пытается споить, черт лохматый»,— догадался Барсуков-Сыроежкин.

— Значит, к Даниле идешь? Один? — пытался продолжить разговор Шидловский.

— Нет, не один, с тобой.

— Я не в счет. Это, так сказать, само собой. И все же: кто тебя послал?

— Уж не запродал ли ты душу чекистам? — возмутился Сыроежкин.

Назойливые вопросы Шидловского и в самом деле начали надоедать ему.

— Что вы, что вы?! — подхватился хозяин.— Каким чекистам? Тоже скажете! Я их боюсь, может, побольше Данилки Иванова. Ему что? Он в лесу. А мне вот торчи здесь, все время дрожи.

— Завтра мы будем у Иванова?

— Может быть, может быть,— неопределенно от-

ветил хозяин явочной квартиры.— Данилка с хлопцами далековато.

«Вышколил бандюгу атаман»,— подумал Сыроежкин, а вслух сказал:

— Дело срочное и важное. Медлить нельзя.

Однако Шидловский почему-то не спешил. Только на вторые сутки, в полдень, отправились они к Иванову. Впереди, с косой на плече Шидловский, за ним — Григорий.

Дорога шла через луг. На лугу паслось стадо коров. Сыроежкин заметил, что Шидловский обменялся с пастухом каким-то сигналом. «Что-то недоброе замышляет Афоня»,— подумал. Но тревоги не испытывал: он же шел к атаману курьером самого Павловского, главаря всех здешних бандитов. Дорога свернула в лес. Пройдя еще с километр по березовому гаю, Шидловский остановился возле стоявшего у самой дороги разлапистого дуба и стал ожидать своего спутника. Когда Григорий подошел, Шидловский предложил закурить.

— Закурим, чтоб дома не журились,— и полез в карман. Но вместо кисета выхватил... пистолет. В то же мгновение из-за кустов на Сыроежкина набросились трое дюжих мужиков, молча извлекли из его карманов пистолет, две гранаты, даже перочинный нож и спички.

Лицо Сыроежкина побагровело от гнева, но, к большому удивлению бандитов, он только брезгливо обронил:

— Ну и вояки: вчетвером на одного!

— Так надо, господин Барсуков.

Шидловский почему-то чувствовал себя виноватым перед этим здоровяком, который без всякого сопротивления отдал им оружие. Бандиты о чем-то перешептывались между собой.

Петляющими лесными тропинками прошли еще километров пять. На небольшой поляне их встретила вооруженная группа людей. По одежде, оружию, а главное — по выработанной годами бандитской манере держаться, Сыроежкин сразу узнал среди них главаря.

— Кто и с чем пришел? — властно спросил Сыроежкина Иванов.

— Прежде всего я требую, чтобы мне вернули оружие, иначе разговаривать не буду,— спокойно сказал Сыроежкин.

— О!..— вырвалось у некоторых бандитов.

Обычно пленники просили, умоляли. Этот же здоровяк требовал...

— Я здесь хозяин. И условия ставлю я, только я! — вспылил Иванов.

— Прикажите вернуть оружие, а потом поговорим о хозяине и самодурстве,— оглядевшись, Григорий присел на пень.

— За оскорбление меня, лесного атамана, я могу и шлепнуть.

Григорий молчал.

— Ладно, отдай ему пистолет и гранаты,— распорядился Иванов.

Продолжая сидеть, Сыроежкин спокойно взял все это, положил в карманы.

— А нож и спички решили зажилить?

— Отдайте ему все, бродяги! — прикрикнул Иванов на конвоиров Сыроежкина.— Ну, теперь, надеюсь, вы ответите, кто вы и зачем пришли.— Иванов почему-то перешел на «вы».

— Нет!..

— Это что еще за комедия? — терял самообладание атаман.

— Я могу говорить только наедине.

— Опять условия?

— Нет, необходимость соблюдения конспирации.

— Скороходову и Яковлеву остаться, остальным отойти,— распорядился Иванов.— Это мои ближайшие помощники, от них у меня нет секретов,— объяснил он Сыроежкину.

— Но у меня от них есть секреты...

Кончилось тем, что Иванов отослал Скороходова. Только после этого Сыроежкин заговорил.

— Я — Барсуков. Послан в ваш отряд полковником Павловским. Почему вы со мной решили так дико поступать, не знаю. Замечу, господа, что со специальными курьерами настоящие командиры-офицеры так безобразно, как вы, не обращаются. Кроме того, ваши подчиненные не могут даже квалифицированно обыскивать задержанных. Ваша бдительность при таких условиях — настоящая фикция. А за беспечность можете дорого поплатиться,— с этими словами Сыроежкин извлек из заднего кармана брюк маленький пистолет.

— Да, да, опростоволосились наши хлопцы,— растерянно пробормотал Яковлев.

— Я их строго накажу,— пообещал раздосадованный Иванов.

— Они заслуживают этого,— снисходительно согласился Сыроежкин и вручил Иванову письмо Павловского.

— Значит, сперва в Москву на съезд «Союза», а затем на Кавказ? — спросил тот у Сыроежкина, прочитав письмо.

— Да, мы находимся накануне больших событий. И Борис Викторович Савинков, и наш непосредственный командующий полковник Павловский требует активизации деятельности. В этих лесах ваш отряд долго не протянет. Надо перебираться на Кавказ. Там, я это хорошо знаю, гораздо лучшие условия для работы,— ответил Сыроежкин.

— Но здесь мы знаем каждую тропинку, каждый кустик, во многих деревнях у нас свои люди. А там, в горах? Там же мы попадем как кур во щи.

— Конечно, вы многое знаете, но и о вас, надо полагать, чекистам известно не меньше. Сколько вас было вначале, а сколько осталось? А главное — приказ не обсуждают...

— Так-то оно так, но...— задумался главарь.

— Какие могут быть «но», если сам полковник Павловский приказывает вам приехать в Москву?

— Я не могу оставить свой отряд и уехать в такую даль.

— Плох тот командир, которого подчиненные чувствуют, так сказать, только на глаз.

— Я — офицер. Знаю, что вы хотите сказать. Но отряд-то специфический... Есть и второе «но». Этими днями я должен встретиться со своими людьми из Горок и Орши. Их знаю только я.

— А говорили, что у вас нет секретов от Скороходова и Яковлева,— усмехнулся Сыроежкин.

«Но» было много. И все это были только отговорки главаря «специфического отряда». Главное же, как понял Сыроежкин, состояло в том, что Иванов, без малейших угрызений совести убивший десятки и десятки людей, дрожал за свою шкуру, не хотел рисковать.

— Полковник Павловский может обвинить вас в трусости. А вы, конечно, хорошо знаете, чем это может кончиться,— попытался припугнуть бандита чекист.

Да, Иванов знал жестокий нрав полковника: ослу-

шание грозило смертью. Но он боялся, очень боялся ехать в Москву.

— Ну уж в трусости ни полковник Павловский, ни сам Борис Викторович обвинить меня не могут,— запальчиво возразил Иванов.— Кто дважды нападал на Койданово? Кто разгромил пять большевистских волисполкомов? Кто потрепал в бою горецкий отряд чоновцев? Кто дал на дорогу полковнику Павловскому сорок тысяч рублей? Все это я! — бойко перечислял свои «заслуги» бандитский атаман.

— Слов нет, сделали вы немало,— сдерживая гнев, спокойно сказал Сыроежкин.— Это мы знаем. Но былые заслуги не дают вам права отсиживаться в дебрях без дела и не подчиняться приказу самого Павловского. К тому же вы, Данила Яковлевич, явно преувеличиваете свои заслуги.

— Я еще не все перечислил, а вы — «преувеличиваете»...— обиделся Иванов.

— Да, преувеличиваете. Полковник Павловский сам рассказал нам, что сорок тысяч он лично реквизировал в кассе поезда на станции...— Сыроежкин задумался, вспоминая название станции.— Зубатой, кажется.

— Зубры,— поправил чекиста обиженный бандит.— Да, Павловский был на этой операции, но ей предшествовала основательная подготовка, ее провели мои хлопцы и я. Как же после этого полковник может приписывать себе эту операцию? — Иванов уже не сдерживал себя.— Ануфрий, мой человек из деревни Лихачево, сообщил мне, что в такой-то день и в такой-то час через Зубры проедет кассир с деньгами для железнодорожников. Я с хлопцами решил забрать кассу. На операцию вызвался пойти и Павловский. Мы тогда взяли сорок тысяч, а кассира и двух охранявших его милиционеров отправили на тот свет. Эти деньги и взял с собой в Москву Павловский.

— Да, именно так обстояло дело. Я тоже принимал участие в операции,— вступил в разговор молчавший до сих пор Яковлев.

— И Скороходов Иван тоже скажет. Можно его позвать? — обратился Иванов к Сыроежкину.

— Я не собираюсь проводить расследование деятельности нашего командующего. Но пусть подойдет и Скороходов,— согласился Сыроежкин.

Скороходов не только слово в слово повторил рассказ своего главаря о налете на станцию Зубры, о захвате кассы и расстреле кассира и милиционеров, но и рассказал, как лично он, Скороходов, убил им же помогавшего Ануфрия.

— Многое знал о нас и слишком любопытным оказался.

— Да, мы не только с Ануфрием расправились,— распалясь, продолжал Иванов,— но и с Егоровым и Глушенковым из деревни Овсянка, Романенкой из Ходоровки, Киреевым из деревни Слежи. Всех большевистских помогатых, уничтоженных нами, и не упомнишь сразу.

— А Погодина забыли,— напомнил Яковлев.

— Да, убили мы военного коменданта Горок Погодина и председателя следственной комиссии Горецкой ЧК Стрепетова. Стрепетова убил Петр Прудников, а с Погодиным расправился он,— показал Иванов на Скороходова.

— Крови вы пролили много. Чекисты не простят вам этого. Тем более нужно подчиняться приказу Павловского и перебираться на Кавказ,— стоял на своем Сыроежкин.

— Надо подумать, хорошенько обмозговать, что к чему. Завтра решу окончательно,— ответил ему атаман.

На следующий день, рано утром, Иванов сообщил Сыроежкину о своем окончательном решении. Как и предвидел чекист, главарь бандитов отказался ехать в Москву. Вместо себя на съезд «Союза» он решил направить Яковлева и Скороходова. Он согласился с тем, что отряду придется перебазироваться на Кавказ: уж больно стали донимать его в последнее время чекисты, здесь, конечно, отряд долго не протянет.

На этом и расстались.

Выбираясь из леса, по дороге на станцию Темный Лес, Скороходов и Яковлев предложили Барсукову зайти к леснику Савелию. Сыроежкин согласился. Лесник, бандитский разведчик, дал им на дорогу две буханки хлеба, большой кусок сала, несколько бутылок самогона.

«Ох и охочи же вы, бандюги, до этой сивухи»,— подумал Сыроежкин.

На станции народу было мало, и Скороходов сразу же взял билеты. Только поезд тронулся с места, как

Яковлев и Скороходов достали из сумки ее содержимое.

— Давайте подкрепимся на дорожку,— пригласил Сыроежкина Скороходов, разливая самогон в кружки.

— Выпьем за успешное завершение поездки,— предложил Григорий Сергеевич.

— За такой тост я кружку осушу до дна,— тост явно понравился Скороходову.

Они чокнулись кружками. Поборов отвращение, Сыроежкин выпил. Бандиты быстро захмелели. Подъезжая к станции Горки, Скороходов стал хвастаться тем, как он в Горках убил комиссара Степана Погодина.

— Голодранец из голодранцев был. Сразу же после того, как большевики захватили власть в Питере, он вернулся в Горецкий уезд из Донбасса и стал заводилой таких, как сам. Организовал отряд Красной гвардии, в комиссары пробрался. Нам, крепким мужикам, житья от него не стало. Вот и постановили мы порешить Степана. Только добраться до него было нелегко. Вначале мы захватили председателя ревкома Моисеева, бросили его в каталажку. На выручку его в Горки прискакал Погодин с отрядом, освободил Моисеева и других большевиков. Туговато нам пришлось. Горожане собирались на митинг, к Погодину тут, конечно, не подступиться. Но я с него глаз не спускал. И когда его отряд проходил по Малой Садовой улице, стрельнул из-за угла в комиссара. Не довелось шахтеру повластвовать над людьми.

— А дальше что было? — спросил Григорий Сыроежкин.

— Я еле ноги унес. А вместо Погодина комиссаром стал такой же голодранец Цыркунов. Одолели большевики окончательно. Одна у нас теперь надежда на Бориса Викторовича Савинкова.

В Смоленске во время стоянки поезда Скороходов, пошатываясь, вышел на привокзальную площадь и через несколько минут потрясенный и словно протрезвевший вернулся в вагон.

— Читайте! — подал он газету Сыроежкину.

«В двадцатых числах августа на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков...» — прочитал Сыроежкин то, о чем уже хорошо знал и к чему он основательно «приложил руку».

И Скороходов, и Яковлев были в отчаянии. Они с

надеждой смотрели на невозмутимого и сохранявшего спокойствие Барсукова.

— Что же нам делать? — спросил Яковлев.

— Только не паниковать,— коротко ответил Сыроежкин.

— А может, лучше все же вернуться в лес? — начал колебаться Скороходов.

— Эх ты, храбрец! Только что распинался в любви к Савинкову, а сейчас, когда он попал в беду, хочешь сигануть в кусты. А еще морочил голову нам рассказами о своих подвигах! — возмутился Сыроежкин.

— Но как же нам быть? Ведь сам Савинков за решетку угодил...— встревожился и Яковлев.

«Посланцы Данилы» явно заколебались — ехать ли им после этого в Москву или сойти на ближайшей станции, вернуться в лес к Иванову. С трудом удалось Сыроежкину уговорить их ехать к Павловскому, который вызвал их и который, конечно же, постарается что-то сделать для спасения Савинкова. А в этом ему должны помочь они — Барсуков, Скороходов, Яковлев.

Бандиты согласились. В Москве их арестовали. При попытке к бегству Скороходова убили, а Яковлев на допросах, узнав о судьбе Павловского, Шешени и других сподвижников Савинкова, не стал запираться. Через несколько дней его привезли в Горки. Стараясь во что бы то ни стало сохранить свою жизнь, Яковлев указал все бандитские пристанища в лесу, выдал явки. Банду окончательно ликвидировали.

Процесс по делу Савинкова имел огромное политическое значение. «Союз защиты родины и свободы» перестал существовать.

«Белое движение разбито не только физически, но и идеологически и морально,— говорилось в передовой статье газеты «Известия» от 30 августа 1924 года.— Его наиболее решительный сторонник признал, что это движение антирусское, антинародное, что это движение антикрестьянское и антирабочее, что оно может жить только при поддержке иностранного капитала и что оно может быть только шпионской организацией иностранных генеральных штабов».

Ян Петрович Крикман до последних дней жизни бережно хранил документ:

«Из протокола Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 5 сентября 1924 года.

Принимая во внимание успешное завершение, упорную работу и проявление полной преданности к делу, в связи с исполнением трудных и сложных заданий ОГПУ... Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

...Товарищу Артузову А. Х., Сосновскому И. И., Гендину С. Г. и Крикману Я. П. объявить благодарность рабоче-крестьянского правительства Союза ССР за их работу.

Председатель Президиума ЦИК СССР М. Калинин.
Секретарь А. Енукидзе».

Этим же постановлением Григория Сыроежкина наградили орденом Красного Знамени.

В последующие годы Григорий Сергеевич Сыроежкин служил в органах государственной безопасности в Белоруссии, Якутии, Москве. В 1937 году долг коммуниста-интернационалиста привел его в ряды защитников Испанской республики. Григорий Сыроежкин, или, как его звали испанцы, Гриша Грандэ, стал старшим советником 14-го партизанского корпуса, готовившего партизан для заброски во франкистский тыл...

Ян Петрович Крикман был отозван из Белоруссии, работал в Москве, в Краснодарском крае. И куда бы ни забрасывала его служба, какое бы задание он ни получал, он всегда и везде нес гордое имя чекиста. Родина отметила его заслуги орденами Ленина и Красного Знамени.

Илья БОРИСОВ

ПОД ПСЕВДОНИМОМ БЫСТРЫЙ

Олежка любил грозу. Неистовое буйство природы, когда темное небо режут косые молнии и все вокруг гремит и клокочет, завораживало его своей таинственной и могучей силой. Закатав штаны, он выскакивал под дождь, бегал по лужам, кричал что-то непонятное, радостное и торжественное. В эти минуты мальчишка чувствовал себя частицей природы, ему казалось, что весь он наливается сказочной силой, обладая которой можно творить чудеса.

Детство давно прошло, а непонятная тяга к грозному явлению природы осталась на всю жизнь. Вот и теперь он, командир спецотряда, не усидел в землянке, когда над лесом, который только-только распустил свои майские листочки, разразилась первая весенняя гроза.

Здесь, в отряде, почти никто не знал его настоящей фамилии. Знали только псевдоним — Быстрый, который он принял перед тем, как покинуть Большую землю. Это была обычная предусмотрительность — родные Олега жили на захваченной врагом Черниговщине.

Гитлеровцы боялись Быстрого. Партизанский отряд имени Дзержинского («Третьи»), которым он командовал, появлялся всегда неожиданно для них и так же неожиданно исчезал, оставляя обломки пущенных под откос эшелонов, пожарища складов, взорванные мосты и автомашины...

Военная биография Олега Бычека началась в 1940 году. Накануне войны он окончил пехотное училище. На фронт юного лейтенанта не отправили, хотя он и просился. Наконец повезло: зачислили в чекистский отряд, который с особым заданием направлялся в тыл врага.

26 сентября 1941 года под Смоленском отряд перешел линию фронта. Громя небольшие гарнизоны, взрывая мосты, но не втягиваясь в затяжные бои с крупными силами врага, он продвигался к месту назначения — в треугольник Смоленск — Орша — Витебск.

Прибыв на место, командование отряда решило разгромить гарнизон гитлеровцев в деревне Красный Луг.

Солдаты следовавшей на фронт части беспечно спали. Бесшумно сняв патрулей, партизаны забросали здание школы, где размещался штаб, гранатами. В одном белье выскакивали гитлеровцы из окон, но попадали под меткий огонь автоматчиков. Однако часть из них все же прорвалась. На автомашине и броневике они пытались выбраться из деревни. Но за околицей немцев ожидал Бычек со своими бойцами.

60 фашистских трупов насчитали после боя партизаны. Были уничтожены 7 грузовиков и одна легковая автомашина, броневик, три полковых миномета, захвачены важные документы.

Прошло несколько дней. Разведка сообщила, что в деревне Скрытня находится склад артиллерийских снарядов. Группу по уничтожению его возглавил лейтенант Бычек. И на этот раз успех сопутствовал отряду. Сняв часовых, бойцы ворвались в казарму, перебили охрану.

— Эх и рванем сейчас! — глядя на штабеля ящиков со снарядами и доставая бикфордов шнур, обрадовался партизан Иван Чумак.

— Отставить,— приказал лейтенант.— Надо оповестить население, вывести его из деревни.

Так и сделали. А вскоре огромной силы взрыв потряс землю.

Отряд все время был в дороге. Бойцы прошли сотни километров по Смоленской, Витебской, Калининской областям. Народная молва обгоняла их. Нередко партизан принимали за передовую часть наступающей Красной Армии. Население искало у них защиты от гитлеровских мародеров.

Однажды, когда партизаны остановились в деревне Яскино, к ним прибежал колхозник Виноградов из соседней деревни Туд:

— Спасите, родные! Немцы грабят все подчистую.

Расправиться с «заготовителями» из грабьармии отправился лейтенант Бычек. Взяв с собой отделение бойцов, он огородами пробрался в деревню. Зашли в ближайшую хату. Евдокия Курбанова растерялась от неожиданности: перед ней стояли красноармейцы.

— Да свои мы, свои,— успокоил ее лейтенант.— Покажи нам, хозяйка, где тут орудуют фашисты.

— Ироды окаянные,— посмелела Евдокия Александровна.— Были и у меня, забрали все из сундука. Отправили уже несколько подвод награбленного, а теперь самогон у старосты хлещут.

Решение созрело быстро. Лейтенант вместе с тремя бойцами бесшумно подкрались к дому, где бражничали мародеры. Уставившись охмелевшими глазами на автоматы, гитлеровцы, словно соревнуясь между собою, начали пьяными голосами орать:

— Аллес капут!

— И вам, гады, капут! — вынесли приговор партизаны.

Жители деревни окружили народных мстителей. Они благодарили их за возвращенное имущество, спрашивали, скоро ли придет Красная Армия.

В ноябре 1941 года, выполнив боевую задачу, чекисты вернулись на Большую землю. Вскоре член Военного совета Московского военного округа дивизионный комиссар К. Ф. Телегин вручил награжденным ордена и медали. Лейтенант О. С. Бычек был удостоен ордена Ленина.

Прошло несколько месяцев. Разгромив отборные части фашистов, Красная Армия отбросила врага от Москвы. Лейтенанта Бычека, который находился в резерве, вызвали в штаб.

— Читал ваш рапорт,— сказал генерал.— Проситесь в действующую армию. Что ж, хорошо. Только на фронт мы вас не отправим. Ваше дело отныне — партизанское. Думаем назначить вас комиссаром отряда. Справитесь?

Бычек смутился — не ждал такого назначения. Потом сказал:

— Постараюсь, товарищ генерал!

Будущие партизаны размещались в пригородном лесу.

Среди кандидатов для отправки в тыл врага был Григорий Гулевич. Этот черноволосый широкоплечий здоровяк сразу приглянулся Бычеку.

Как-то утром Олег увидел этого парня на физзарядке. Тот шутя играл двухпудовой гирей.

— А ну давай попробуем, кто сколько раз выжмет,— предложил Олег новому знакомому.

Олег выжал гирю одиннадцать раз, Григорий — тринадцать.

4 Зак. 1823

— Силен, чертяка! — с восхищением сказал Бычек и похлопал богатыря по крутому плечу.

Вечером они встретились в бильярдной. Сыграли несколько партий. Олегу понравилось, что Григорий ловко владеет кием. У парня был точный расчет и острый глаз.

Вышли из клуба поздно. Под ногами поскрипывал снег.

— Ты откуда родом-то? — спросил Бычек у Гулевича.

— Из Белоруссии. Работал в Молодечно участковым милиционером.

— Опасная работенка?

— Случалось всякое.

— На фронте был?

— А как же! Во Второй Пролетарской дивизии. Недавно из госпиталя. А теперь получил назначение сюда. Сидим в резерве. В бильярдик поигрываем. Надоело!

— Хочешь в тыл врага?

— А мне хоть в тыл, хоть на фронт, лишь бы фашистов бить.

— Я назначен комиссаром спецотряда чекистов. Могу зачислить тебя в свою команду,— предложил Олег.

— Конечно, товарищ комиссар! — обрадовался Григорий.— Лишь бы в дело поскорей!

Внимательно присматривался Бычек к каждому новому бойцу. Люди подобрались бывалые, такие, как Григорий Гулевич и минчанин Филипп Сергеенко. Одни побывали в тылу врага, другие на фронте и не раз, как говорится, смотрели смерти в глаза. А были и совсем молодые парни и девчата. Володе Буданцеву и Жене Ступикову едва исполнилось по семнадцать. Оба из Тамбова, добровольцы, окончили по девять классов. А Саша Татаренкова и Аня Тюленева — совсем еще девчонки. Никто из них пороха не нюхал. Как поведут они себя в бою? Но Олег верил им так же, как и себе. Ведь и у него был когда-то первый бой и первая радость победы...

Наконец отряд сформировался, прошел подготовку, получил снаряжение.

Теплой апрельской ночью 1942 года отряд подняли по тревоге и на машинах повезли к фронту. Проехали

Калинин, Старую Торопу. Здесь еще только-только налаживалась жизнь. Большинство зданий разрушено, люди жили в подвалах, в землянках. Не доезжая поселка Усвяты, остановились, машины отправили назад, а сами пошли к переднему краю. В этом районе, как потом узнали, на стыке двух немецких армий был «коридор» шириной около сорока километров. Он удерживался нашими армейскими частями с помощью партизан.

Без единого выстрела отряд перешел линию фронта.

Весенняя ночь коротка. Партизаны спешили быстрее уйти глубже в тыл противника. А дорога нелегкая. То и дело приходилось преодолевать разбухшие от вешних вод многочисленные реки и речушки.

Комиссар шел впереди растянувшейся цепочки. Иногда останавливался и, пропуская отряд, вглядывался в лица бойцов.

Глядя на Бычека, даже самые уставшие подбадривались: комиссар, хоть и навьючил на себя, пожалуй, самый тяжелый вещмешок, шел быстро и уверенно. Немало весила и объемистая сумка с литературой. Он знал, что людям не менее, чем хлеб, требуется правдивое печатное слово. Поэтому набрал с собой листовок, свежих номеров «Правды» и «Красной звезды».

Отшагав сотни километров, отряд без потерь достиг места назначения. Предстояло действовать в весьма важных для противника районах вблизи Полоцка, Витебска, Орши, Лепеля, Молодечно. Через железные и шоссейные дороги, которые здесь проходили, фашисты питали армейские группы «Центр» и «Север».

Учитывая прошлый опыт, решили действовать небольшими группами. Группа комиссара стала лагерем вблизи станции Дретунь и «обслуживала» железную дорогу между Невелем и Полоцком. Неподалеку от станции Оболь базировался Николай Братушенко со своими бойцами. Под Молодечно ушла группа Григория Гулевича.

Предстояло отряду найти верных помощников — подпольщиков, связных. Комиссар умел находить нужных людей. В окрестных деревнях, где постоянно бывал, у него вскоре появились надежные друзья. Такие же люди были подобраны и другими командирами групп.

Опытным проводником и умелым подрывником по-

4*

казал себя стрелочник Апанас Васильевич Зеньков, работавший на станции Оболь. Ценные сведения о враге поступали из Орши от Прасковьи Григорьевой. Но настоящей находкой для отряда были однофамильцы Ивановы из деревни Порубье Полоцкого района — бывший учитель Алексей, работник кирпичного завода Василий и самый молодой — Владимир. Владимир Иванов, как и Апанас Зеньков, работал на железной дороге и не раз ходил проводником с комиссаром. Он и рассказал Владимиру, что и его отец был железнодорожником — машинистом на паровозе.

— А я-то думал, что вы сами работали на «железке»,— удивился Владимир.

— С чего это ты взял?

— Да уж очень хорошо знаете железнодорожную службу! Все сигналы, огни...

— Это, брат, у меня наследственное,— усмехнулся Бычек.

Комиссар отряда и Володя Иванов слыли среди товарищей специалистами по железным дорогам.

Однажды они решили пустить под откос эшелон у родной деревни Ивановых.

— А что, если минировать днем? — предложил Владимир.— Немцы привыкли, что мы ходим к «железке» ночью.

— Согласен,— поддержал его Олег,— хотя есть и риск: уж больно близко от гарнизона.

Через два дня, когда Владимир Иванов разузнал все необходимое об охране участка, комиссар приказал готовиться к операции. В ней кроме группы Бычека принимала участие и группа Гулевича, возвратившаяся из-под Молодечно. Вышли из лагеря утром. К часу дня подошли к дороге, залегли в придорожном кустарнике. Комиссар еще раз напомнил каждому боевую задачу:

— Ставить мину будем мы с Владимиром Ивановым. Гулевич с Алексеем Ивановым держат охрану слева, Андрей Корчемах и Анатолий Пономарчук — справа.

Как только по шпалам прошагал патруль, подрывники поползли к полотну. Олег копал яму для мины, а его напарник проворно собирал землю в мешок. Уложив заряд и поставив взрыватель, аккуратно заровняли землю, осторожно скатились с насыпи и так же незаметно отползли в кустарник.

Ждать пришлось недолго. Вскоре гулкое лесное эхо принесло далекие вздохи паровоза. По всему чувствовалось: эшелон приближался.

— Идет из Полоцка к фронту,— обрадовался комиссар.— Ну, будет дело!

А поезд все ближе. Вот уже явственно слышится перестук колес. Наконец из-за поворота показалась тяжелая громада паровоза. Бычек привстал:

— Неужто не сработает?

И тут грянул взрыв. Паровоз развернуло. Со скрежетом и треском полезли друг на друга вагоны. Снова загремели взрывы — начали рваться боеприпасы...

Когда охрана и солдаты, уцелевшие в эшелоне, опомнились и открыли огонь, подрывникам уже ничто не угрожало.

Вечером, когда друзья вернулись в отряд, захотелось посидеть у костра, спеть песню. Ее, как обычно, начал комиссар. Голос у Олега был звучный, красивый:

Мы шли на дело ночкой темной
Громить коварного врага...

Песню подхватили Володя Буданцев, Григорий Гулевич, Валя Ларькова...

Взрывы в районе действия отряда имени Дзержинского гремели один за другим. Когда кончился тол, стали выплавлять его из неразорвавшихся снарядов и бомб. Пошел в ход и аммонал, который, как выяснилось, Владимир Иванов спрятал еще до прихода гитлеровцев неподалеку от смолокурни. Под самым носом у гитлеровского коменданта станции Дретунь этим аммоналом был взорван железнодорожный мост.

В Центр сообщали:

«...На железной дороге Полоцк — Двинск пущены под откос два эшелона. Один с танками, другой с автомашинами.

...Взорван мост на большаке возле Невеля.

...В боях за деревни Котляны и Борисовка убито 28 солдат противника.

...На железной дороге Полоцк — Невель возле разъезда Алеща пущен под откос эшелон с живой силой...»

В июне 1943 года приказом Центра Бычека назначили командиром отряда.

Новая должность требовала более вдумчивого подхода ко всем делам, и особенно к организации разведки. Гитлеровцы уже не раз пытались разбить отряд. Но все эти попытки оказались безуспешными — четко работали партизанские связные. Они вовремя сообщали партизанам о намерениях фашистов, и командир уводил своих бойцов на другое место либо устраивал засады и громил гитлеровцев на подходе.

Летели под откос вражеские поезда. Особенно много неприятностей причинили партизаны коменданту станции Дретунь.

— Быстрый, он и есть быстрый,— в который раз говорил комендант своим подчиненным.— Сегодня здесь взорвал мост, завтра в другом месте пустит под откос эшелон. А направленная в отряд агентура как в воду канула. Только и удалось узнать фамилию — Быстрый.

Связные сообщали, что на станции Дретунь, в деревне Порубье и в других окрестных населенных пунктах появились объявления. Тому, кто доставит живого или мертвого партизанского командира Быстрого, комендант выплатит крупную сумму денег и наделит его землей.

Но предателей на нашлось. Бычек по-прежнему появлялся в самых неожиданных местах. Наиболее сложные и опасные операции командир отряда возглавлял сам.

Однажды во время операции на железной дороге группу Федора Москалева гитлеровцы обнаружили и начали окружать. Партизаны, отстреливаясь, отходили, стараясь оторваться от противника. Один из бойцов — Василий Кулыгин — «оторвался» не только от фашистов, но и от партизан. К вечеру, когда все уже были в сборе, он появился в лагере.

— Как же это случилось, Кулыгин? — спросил Бычек.

— Виноват, товарищ командир,— опустив голову, ответил боец.— Боялся, как бы второй раз к врагу в плен не попасть, вот ноги сами собой и понесли меня от них.

— Кем работал до армии?

— Кузнецом.

— Эх ты, кузнец! Рабочий человек, а повел себя совсем не по-рабочему.

— Больше такого не будет. Поверьте, товарищ командир.

«Поверить ли? — Бычек задумался.— Кулыгин оробел. В фашистском плену побывал, вот и оробел. Можно поверить, но пусть его судьбу решает весь отряд».

Разговор получился откровенный, строгий. Быстрый хотел, чтобы сам Кулыгин и каждый боец поняли, как важно в сложной обстановке сохранять хладнокровие, не поддаваться панике.

Кулыгин сдержал слово, данное отряду, и впоследствии стал одним из лучших подрывников. Он участвовал в подрыве 16 вражеских эшелонов, 8 автомашин с гитлеровцами, а главное — больше ни разу не сплоховал.

Лес благоухал. Тонкий аромат цветов и молодой травы плавал в воздухе. Пахло медом. Звенели пчелы. Где-то поблизости, словно на флейте, заливался дрозд. А вон на верхушке березы красовалась в своем малиновом жилетике зарянка, серебристым колокольчиком возвещая о наступившем дне. И кукушка подала голос.

Почему-то вдруг стало грустно. Захотелось вот так же, как только что пролетевший аист, подняться в небо и податься в родные места.

Из задумчивости Олега вывел дятел. Он простучал по сухому дереву быстро и звонко. Потом на поляну вышел погреться на солнышке еж. Постоял несколько минут на одном месте, забавно ворочая во все стороны носиком, и снова пошел в лес по каким-то своим хлопотливым делам.

Командир радовался: с приходом тепла стало легче. Каждый куст становился домом. Если же отряд соединится с советскими войсками, он, Олег, обязательно поедет в Бобровицы, на побывку к матери. Не стыдно будет смотреть в глаза родным и знакомым. Есть о чем доложить и руководству: у отряда немалый боевой счет...

С любовью думал партизанский командир о своих бойцах. Радовали его и успехи действовавшего по соседству отряда «Удалые», недавно выделившегося от них. Способным командиром его оказался Тимофей Ефимович Ульянов.

— Как быстро идет время,— не раз говорил Олег.— Кажется, совсем недавно нас была горстка, а сейчас уже два отряда.

Шел 1944 год. Отряд уже перебазировался в Вилейскую область, в район озера Нарочь.

В один из погожих дней командир и парторг отряда Иван Кухтинов готовили представления к наградам наиболее отличившихся партизан. Бычек достал канцелярскую книгу и начал переворачивать плотные листы.

Нередко приходилось ему заглядывать в эту книгу, и каждый раз не мог удержаться от улыбки, вспоминая историю ее появления. После того как партизаны провели первые боевые операции, они решили вести учет проделанной работы. А бумаги не было. Тогда кто-то из связных принес эту большую и увесистую, невесть как сохранившуюся еще с дореволюционных времен канцелярскую книгу. В ней и вел свои записи Бычек. В графу «Краткое содержание бумаг и время их получения» заносились пущенные под откос эшелоны, взорванные мосты, уничтоженные гитлеровцы. Нашлось что записывать и в графе «Когда и за каким номером бумага исполнена». В ней указывали время операции и фамилии участников. Оставалась незаполненной только графа «В какую часть канцелярии бумага поступает».

— Надо бы и тут заполнять,— лукаво улыбаясь, посоветовал однажды Буданцев.

— Как? — удивился Бычек, хотя хорошо знал Володю как острослова.

— Мы отправляем фашистов с их техникой на тот свет. Вот и пишите их точный адрес: небесная канцелярия, ад.

Обсуждение кандидатур на правительственные награды начали с Владимира Буданцева. Командир коротко зачитал все, что числилось на счету отважного комсомольца: 15 вражеских эшелонов, участие во взрыве 2 железнодорожных мостов, склада с продовольствием. Кроме того, Буданцев лично уничтожил несколько гитлеровцев, в том числе офицеров.

Представление на Григория Гулевича получилось самым большим. Отмечалось, что этот смелый, волевой командир своим личным примером обеспечил успешное выполнение многих боевых операций. На счету его группы 31 вражеский эшелон, железнодорожный мост, несколько автомашин.

В тот же день были оформлены материалы на Владимира Иванова, Николая Шека, Романа Фролова, Вла-

димира Суконкина, Александру Татаренкову, Филиппа Сергеенко, Василия Кулыгина.

— Впрок пошел Кулыгину тот разговор,— напомнил Кухтинов.

— Да,— согласился командир,— и я очень рад за него.— Он немного помолчал, подумал, потом сказал: — Все как будто хорошо, только одно тревожит: взрывчатка кончается.

Радировали в Центр. Оттуда обещали прислать. Но сначала отряд вел бои. Потом испортилась погода и самолеты не летали. Словом, ничего не получили.

Когда Бычек узнал, что неподалеку, вблизи деревни Куренец, приземлились бойцы партизанской группы «Буря» во главе с Н. А. Михайлашевым, он сразу же поспешил к «новоселам».

Николай Афанасьевич Михайлашев уже много слышал о дзержинцах и их командире. И вот перед ним Быстрый. На нем вылинявшая, но чистая гимнастерка. Густые курчавые волосы над высоким лбом. Из-под кустистых бровей смотрят умные, немного усталые глаза. В уголках губ улыбка.

Бычек коротко рассказал о своем отряде, о соседях, познакомил Михайлашева с обстановкой. И вздохнул:

— Одна заковыка: взрывчатка кончилась. Приближается Первомай. Надо бы как следует отметить праздник, а мы сидим на голодном пайке.

— Много дать не могу. Так, килограммов с тридцать.

— Тридцать килограммов! — Олег даже привстал от радости.— Как отблагодарить тебя, дорогой? Знаешь, Николай, бери на память вот эти часы.— Олег начал расстегивать ремешок.

— Нет, Олег, это ты зря. Не возьму! — решительно ответил Михайлашев.

Бычек смутился, умолк. И вдруг вблизи раздалось ржание.

— Знаешь что? Возьми в подарок моего коня. Лихой жеребец, трофейный. Я сам с него автоматной очередью срезал немецкого офицера!

Михайлашев вырос на Кубани, знал толк в лошадях. Конь ему понравился. Подарок был принят.

Новыми боевыми операциями встретили дзержинцы Первомай. Построив отряд, Бычек поздравил своих соратников с праздником и, огласив первомайский при-

каз Верховного Главнокомандующего, коротко рассказал об успехах Красной Армии.

— Подумайте, время-то какое! Приближается освобождение Белоруссии! Надо нам, товарищи, усилить операции на железной дороге.

И усилили. Почти каждый день возвращались с победой. Но вот на одной из очередных операций не повезло: эшелон, правда, подорвали, но Григория Гулевича ранило пулей в правую ногу.

Бычек сбросил с себя вещмешок и, передавая его Николаю Шеку, крикнул:

— Поскорей! Я Гришу сам вытащу.

Он тянул его под пулями метров триста, потом еще минут двадцать нес на руках.

— Спасибо, командир,— говорил позже Гулевич.— Ты мне жизнь спас. Я этого никогда не забуду. Такое не забывается!

Когда рана зажила и Григорий снова смог ходить на «железку», он никогда теперь не оставлял командира одного. Да и Олег не хотел расставаться с другом.

Однажды Бычек вместе с Гулевичем отправились на очередную диверсию: связные сообщили, что на ближайшую станцию гитлеровцы пригнали путеразрушительную машину.

При отступлении с помощью этой машины они намеревались вывести из строя полотно железной дороги. Нужно было сорвать замысел фашистских вояк. Командир решил не только уничтожить «адскую машину» гитлеровцев, но и по пути к станции подорвать вражеский эшелон.

Когда шли по своей, партизанской зоне, Бычек, глядя на густой, низко колыхавшийся над землей туман, вполголоса запел любимую песню:

В чистом поле, поле под ракитой,
Где клубится по ночам туман,
Там лежит в сырой земле зарытый,
Там схоронен красный партизан.

Я сама героя провожала
В дальний путь на славные дела,
Боевую саблю подавала,
Вороного коника вела...

— Олег, а тебя провожала девушка? — спросил Гулевич командира.— Ждет, наверное?

— Нет, Гриша, не провожала. И не ждет. Так уж получилось: окончил училище — и сразу же в часть.— Олег улыбнулся товарищу своей доброй улыбкой и продолжал: — Но верю я: ждут нас, ждут! Прикончим врага, вернемся домой, и встретят нас любимые. Определенно встретят!

Минировать «железку» решили на рассвете. Гулевич взглянул на командира. Весь он собран, губы плотно сжаты, на волевом лице — выражение решимости. Казалось, это вовсе не он напевал недавно песню о павшем в бою красном партизане, не он мечтал о победе, о встрече с любимой девушкой...

Бычек взял мину, кивнул Василию Немкову и пополз к полотну. Вот и стальной путь... Начинались самые решающие минуты в этой опасной работе.

Гулевич видел, как командир приподнялся, вытащил из вещмешка мину... И тут раздался взрыв. Затем затрещали автоматные очереди. Засада! Бычек упал. Рядом со стоном повалился Немков.

— Огонь, ребята! — крикнул Гулевич, бросаясь к командиру.

У Олега были оторваны кисти рук, растерзана осколками грудь. Он умер на руках своего друга Григория Гулевича. Лейтенанту Олегу Сергеевичу Бычеку было всего двадцать три года.

«Тов. Бычек имеет на своем счету много десятков диверсий... Погиб наш любимый боевой командир. Мы никогда тебя не забудем. Слава о тебе никогда не померкнет в наших сердцах...» — писали бойцы отряда в стенной газете.

Парторг отряда Иван Кухтинов писал: «Партийная организация нашего отряда потеряла кристального большевика, который всю свою энергию отдавал делу защиты Родины... Мы должны еще крепче сжать автоматы и винтовки и громить врага до полного уничтожения».

Каждую весну над могилой отважного партизана гремят грозы, шумят дожди. А по улице бегают, закатав штаны, босоногие мальчишки. Так бегал когда-то и Олег Бычек, ставший в годы опасности для Родины настоящим героем.

Илья БОРИСОВ,
Александр СУСЛОВ

ДОБРОВОЛЕЦ — ВСЮ ЖИЗНЬ

Испания. 1937 год. Бои под Эбро...

— Мы все здесь танцуем танго смерти.

Эту эффектную фразу произнес высокий черноволосый испанец с маленькими холеными усиками, сидя на столе в одной из штабных землянок республиканской армии. Он называл себя то коммунистом, то анархистом, то просто республиканцем, но воевал, честно говоря, неплохо. После боя он обычно брал гитару и наигрывал танцевальные мелодии, чаще всего танго. Отсюда, видимо, и родилась у него эта вслух брошенная фраза, которая, может быть, выражала сущность его артистической натуры (он был бродячим актером) или равнодушие к горькой судьбе, уже нависшей над республиканской Испанией.

— А как думаете вы, товарищ Альфред? — обратился он к своему собеседнику, невысокому коренастому человеку, аккуратно одетому в защитного цвета френч и брюки навыпуск.

Альфред притронулся ладонью к деке гитары — пусть помолчит минутку — и чуть глуховатым простуженным голосом на не совсем чистом испанском языке ответил:

— Нам тут не до вальсов и не до танго. А что касается смерти, то пусть о ней думают фашисты. Нам надо жить и бороться.

Заметив ироническую улыбку на губах черноволосого, Альфред добавил:

— Да, да, надо думать не о смерти, а о жизни. И бороться!

— Даже если нас того?..

— Безусловно!

Черноволосый с силой рванул струны гитары и воскликнул:

— Вот вы все такие — русские.

— Советские,— мягко поправил Альфред.

— Ну, ладно, советские,— примирительно согла-

сился гитарист.— Удивляюсь, из какого теста вы сделаны?

Для того чтобы понять, из какого теста сделаны такие люди, как Альфред, гитаристу надо было по крайней мере поинтересоваться биографией этого человека, добровольно приехавшего в Испанскую республику и занимавшего должность старшего советника в 14-м партизанском корпусе. Но вряд ли старший советник стал бы распространяться о себе, о своей жизни. Во-первых, ни к чему, во-вторых, не положено, в-третьих, ему надо было спешить, так как предстояло выполнить новое, очень ответственное задание. Поэтому Альфред молча приложил руку к пилотке и вышел из землянки...

Ныне биографию бывшего старшего советника, командира испанского партизанского корпуса следовало бы рассказать подробно, но в небольшом очерке это сделать невозможно — так богата фактами и событиями жизнь этого человека.

Воложинов, Малиновский, товарищ Альфред, подполковник Градов... Все эти и еще некоторые другие фамилии и клички принадлежали одному человеку, чья настоящая фамилия по воинским документам и партийному билету — Ваупшасов, Станислав Алексеевич. Хотя, если покопаться поглубже, и Ваупшасов — фамилия тоже сочиненная. В 1914 году московский околоточный надзиратель за 25 целковых оформил с искажением паспорт на имя паренька из Литвы Стася Ваупшаса. На недоуменный вопрос парня — как же так, он же Ваупшас и родители Ваупшасы — околоточный погрозил кулаком и приказал немедленно убираться, пока он не передумал и не посадил Стася в каталажку или в солдатские казармы для новобранцев.

Так и появился на земле московской сын литовского батрака и сам батрак Станислав Ваупшасов. Пройдя с малолетства свои первые университеты в помещичьей усадьбе в родном местечке Грузджяй Шяуляйского уезда, вдоволь намаявшись в поле и в коровниках, Стась решил попытать счастья в Москве, где стал землекопом, затем арматурщиком на заводе «Проводник», потом перекочевал на Выксунские заводы, вскоре опять вернулся в Москву.

Возвращение в Москву не было добровольным: обстоятельства заставили. Не по росту крепкий парень,

Станислав с трудом подавлял в себе гнев, когда видел, как капиталисты издеваются над рабочими. Им ничего не стоило обругать рабочего, снизить заработок или выгнать с завода любого, кто проявлял какое-либо недовольство. Февральская революция не очень-то встревожила этих наглых типов, и они даже позволяли себе разглагольствовать о том, что, мол, революция ударит по головам самих рабочих, а им, владельцам капиталов, волноваться нечего, тем более что их капиталы лежат в сейфах заграничных банков.

И вот однажды, не стерпев издевательств, Станислав Ваупшасов и его товарищ Максим Борташук схватили двух капиталистов загрудки, втиснули в тачку и выволокли на мусорную свалку.

Вот так и начал свой путь в революцию, в бои и походы литовский бедняк, русский пролетарий Станислав Ваупшасов. А то, что ему часто приходилось менять фамилии, клички, то такая уж выпала ему доля — доля красногвардейца, бойца Красной Армии, партизана времен гражданской войны, подпольщика, чекиста, снова подпольщика и партизанского командира. Нелегкая это доля...

Всю жизнь Станислав Ваупшасов был добровольцем. Да, добровольцем и являлся в нужные, самые горячие места без вызовов и повесток. И в годы гражданской войны, и на подпольной работе в Западной Белоруссии, когда она стонала под сапогом буржуазно-помещичьей Польши, и в далекой иссушенной зноем и ветрами Испании, и в сугробах Карельского перешейка, и на Великой Отечественной — всегда и всюду он был добровольцем. И даже когда отгремела, отбушевала вторая мировая война, и уже Нюрнбергский трибунал готовил возмездие главным фашистским преступникам, он — снова добровольцем! — поспешил добивать бандитские шайки, укрывавшиеся в Маньчжурии. И даже больше: уже находясь на пенсии, в дни суэцкого кризиса, а точнее, объединенного англо-франко-израильского нападения на Египет в 1956 году, когда мир был поставлен под угрозу, в те дни уже седой, но еще крепкий Станислав Ваупшасов подает рапорт, в котором пишет:

«...Советские люди никогда не были и не будут пассивными зрителями международного разбоя, когда колониальные государства силой оружия пытаются по-

давить народы Востока, борющиеся за свою независимость.

Считаю своим долгом коммуниста принять непосредственное участие в этой борьбе.

Прошу зачислить меня в число добровольцев, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа с англо-французскими и израильскими агрессорами. Имея некоторый опыт в партизанской войне и диверсионно-разведывательной работе, думаю, что смогу быть там полезным...»

Обратите внимание на эти слова: «...имея некоторый опыт в партизанской войне...» Так скупо и скромно писал о себе человек, который был партизаном еще в годы гражданской войны, а в Великой Отечественной командовал крупным партизанским отрядом, наводил страх на гитлеровских комендантов, гебитскомиссаров и бургомистров, который всем смертям назло выводил по топким белорусским болотам из-под ударов карателей усталые, измученные боями отряды, кто, наконец, вел многомесячную подпольную работу под Минском и в самом Минске и чья грудь украшена четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Золотой Звездой Героя Советского Союза и многими медалями.

Как ни заманчиво, я не буду вдаваться в годы гражданской войны. Не буду писать о подпольной работе в Западной Белоруссии. Моя тема — Великая Отечественная война. И все-таки не могу удержаться от соблазна еще раз, хотя бы конспективно, вспомнить Испанию, где Станислав Алексеевич — товарищ Альфред — впервые услышал выспреннюю фразу о танго смерти, а уже позднее — в сорок втором — сорок четвертом, в болотах и лесах под Минском, иногда вспоминал ее.

14-й партизанский корпус дрался против чернорубашечников Муссолини на Каталонском и других фронтах, где республиканцы отстаивали честь и свободу Испании. Корпус потому и назывался партизанским, что задания он выполнял не обычные: проникал в тылы фашистов и бил их сзади, в спину. Опыт старшего советника здесь пригодился в полной мере. Он учил командиров отрядов пробираться через узенькие промежутки между частями противника, внезапно нападать на них, деморализовывать, громить и так же незаметно исчезать. Только такая тактика могла дать и

давала корпусу возможность добиваться успехов. После каждой операции командир корпуса удовлетворенно потирал руки и охотно читал сообщения о панике и потерях врага.

Командир корпуса товарищ Унгрия — невысокий, стройный испанец, коммунист, в прошлом шахтер — обычно пожимал руку своему советнику товарищу Альфреду и горячо благодарил его, стараясь почаще повторять известное ему русское слово:

— Спасибо. Грацио! Спасибо!

Но товарищ Альфред был еще и опытным разведчиком. И когда стало известно, что в Мадриде нагло действует немецкий резидент Отто Кирхнер, выдающий себя за шведского коммерсанта Кобарда, именно ему, товарищу Альфреду, поручили «переиграть» гитлеровского лазутчика и выудить у него шпионские материалы.

Но как это сделать? Кобард-Кирхнер жил в мадридской гостинице «Севилья» вместе со своей помощницей, игравшей роль жены, держался весьма скромно, знакомств не заводил, поэтому установить с ним контакт да еще добыть ценные сведения было почти невозможно.

Изучив обстановку и уяснив смысл задания, товарищ Альфред разработал детальный план операции. В помощники ему выделили коммуниста Санчеса Ортиса, превратившегося в ходе хитроумной комбинации в франкистского майора Ласта. Подлинный же Ласт был тайно арестован за шпионаж и надежно охранялся республиканцами.

Итак, однажды портье из отеля «Севилья» по имени Педро (еще один помощник Альфреда) сообщил Кобарду, что некий Казимир Кобецкий, коммивояжер и торговец старинными драгоценностями, ищет покупателя коллекции картин фламандской школы.

— Казимир Кобецкий? Должно быть, поляк,— небрежно сощурился Кобард.

— Видимо, так,— подтвердил портье и поспешил добавить, что поляк очень нуждается, а на картинах можно неплохо заработать.

Господин Кобард несколько минут обдумывал предложение и наконец, к удовлетворению портье, кивнул:

— Хорошо, я поговорю с этим поляком. Пусть при-

дет завтра в холл и, конечно, принесет товар. Только не дрянь.

Портье откланялся, а Кобард несколько минут стоял на месте, будто взвешивая собственное решение. В эти минуты он еще не знал, что уже попал в сети, расставленные ему Альфредом. У того был тонкий расчет и почти безупречный нюх разведчика. Альфред понимал, что Отто Кобарду-Кирхнеру наплевать на полотна и всю фламандскую школу живописи, но небезразлично воспользоваться возможным каналом для пересылки шпионских материалов. А пан Кобецкий намеревался «случайно» предложить свои услуги для передачи сувенира, ну, например, в Латинскую Америку, в Буэнос-Айрес, служивший в ту пору каналом связи гитлеровской агентуры.

Правда, весь план был рискованным и мог каждую минуту закончиться трагически: пулей в затылок. Не зря же обычно в холле сидели и прохаживались с беспечным видом различные молодые люди в штатских костюмах, но с военной выправкой. Это была охрана гитлеровского резидента, и свои обязанности она выполняла вполне исправно. Однако портье Педро, лейтенант Ортис и Альфред, вступая в схватку с гитлеровцами, были начеку. Продумав свое поведение до мельчайших подробностей, они вели себя вполне естественно и не дали повода охранникам Кобарда в чем-либо усомниться. Но если говорить откровенно, то, когда Ортис под видом пана Кобецкого на следующее утро отправился в отель «Севилья» с одной из картин, Альфред почувствовал, как холодок пробегает у него по спине.

Но все обошлось благополучно. Присев на краешек дивана, пан Кобецкий (у него был вид потрепанного жизнью человека) засунул руки между колен и терпеливо дожидался появления Кобарда, не обращая внимания ни на портье Педро, ни на молодых людей, делавших вид, что читают газеты.

Первые же фразы, которыми Кобард обменялся с Кобецким, подтвердили, что, разыгрывая ценителя живописи, Кобард ищет столь необходимого ему «нейтрального» курьера. Отвечая на вопросы Кобарда, лейтенант Санчес Ортис-Кобецкий не мог не подивиться про себя поразительной проницательности товарища Альфреда.

После того как Кобард осмотрел принесенную картину и осведомился, сколько еще картин есть у пана Кобецкого, мнимый поляк пояснил, что всю свою коллекцию он собирается увезти в Буэнос-Айрес, а вот несколько картин готов продать, так как появились некоторые затруднения с деньгами. Паспорт и виза на выезд уже готовы, вот они, пожалуйста, если желаете взглянуть.

По тому, как Кобард тщательно изучал паспорт и визу, видно было, что они его интересуют куда больше, чем полотна фламандской школы. Он заметно оживился, пригласил Кобецкого к себе в номер, сказав, что его жена аргентинка (Ортис и Альфред знали, что она чистокровная немка) и будет рада повидаться с человеком, уезжающим на ее родину.

За чашкой кофе после ничего не значащего разговора Кобард заявил, что охотно купит принесенную картину, но просит передать ее своему родственнику в Буэнос-Айресе. К утру он упакует картину, подготовит письмо родственнику и известит его, чтобы тот встречал Кобецкого на аэродроме.

Ранним утром следующего дня посыльный доставил упакованную картину на квартиру Кобецкого. А когда стемнело, лейтенант Ортис со всеми предосторожностями отправился в особый отдел, где товарищ Альфред и его друзья распаковали картину и внимательно исследовали ее. Все получилось так, как они и предполагали. Сто метров микропленки и шифрованные донесения оказались в подрамнике. Этого было достаточно, чтобы обезвредить не только гитлеровского резидента Отто Кирхнера и его напарницу Эльзу Тумм, но и большую группу шпионов, состоявшую из немцев и испанцев-франкистов. К этой группе относился и ранее арестованный майор Ласт, который должен был связаться с Кобардом и передать ему указания главарей мятежников.

Из этого коротенького рассказа ясно, как пригодились в Испании опыт и умение партизана и разведчика товарища Альфреда-Ваупшасова.

Перед Великой Отечественной С. А. Ваупшасов успел побывать на войне с финнами, потом немного «отдыхал» на дипломатической работе. Лето 1941 года застало его далеко от Родины. С большими трудностями добрался до Москвы.

— Пора бы тебе и отдохнуть, Станислав Алексеевич,— осторожно намекнул начальник управления.

— Возраст не помеха,— твердо возразил Ваупшасов.— Есть еще порох в пороховницах!

— А дом, семья?

— Ей не привыкать. Халат и домашние туфли не по мне.

— Я так и думал,— обрадовался начальник.— Ну, тогда решай, куда податься: на Украину или в Белоруссию?

Ваупшасов Белоруссию знал хорошо, к ее болотам и лесам привык, когда-то нанюхался там пороху, будучи разведчиком и подпольщиком. Надо тряхнуть стариной, несмотря на то, что есть опасность быть узнанным.

— В Белоруссию.

— Быть по сему,— решил начальник.— Станешь Градовым, на всякий случай. Поведешь небольшой отряд особого назначения. Доберешься до самого Минска и начнешь... Задача — непрерывная разведка и помощь в развертывании партизанского движения. Мы на тебя надеемся.

— Спасибо.

Сначала отряд особого назначения «обстрелялся» под Москвой, где не раз участвовал в открытых боях с фашистскими подразделениями, проникал во вражеский тыл, громил гитлеровские штабы, истреблял парашютные десанты. Затем часть бойцов, пройдя первую выучку, ушла в другие подразделения, а Ваупшасов с небольшой группой чекистов и подрывников стал готовиться к переходу линии фронта.

Сведения, поступавшие из Белоруссии в начале января 1942 года, были отрывочными. Там уже действовали отдельные партизанские отряды. Но какова их численность? Кто ими командовал? Каковы их возможности? Есть ли подпольщики и в каких местах?

Больше всего Ваупшасова-Градова интересовало положение в Минске и вокруг него: ведь предстояло идти именно туда. Партийные работники, ранее переправленные в район Минска для организации партизанского движения, между собой связаны не были и сведений о себе не подавали. Так что, по существу, Ваупшасову придется двигаться в неизвестность и пер-

вое время надеяться на самого себя. Это подтвердил и ночной разговор в кабинете начальника управления.

Ваупшасов был вызван к начальнику поздней ночью. Там уже находились два незнакомых генерала. Поздоровавшись, они продолжали начатый разговор о тактике партизанской войны. Вскоре Станиславу Алексеевичу стало ясно, что товарищи не совсем правильно представляют возможности и сюрпризы, ожидающие разведчиков на оккупированной территории.

Один из генералов повернулся к Ваупшасову и произнес:

— Если доведете до Минска отряд, будем считать вас героем.

Ваупшасов спокойно ответил:

— Если бы я не рассчитывал на это, не стоило бы огород городить.

— Вот как! — удивился второй генерал.— А вы учитываете, какая нынче зима? Морозы, вьюга, неизбежны столкновения с врагом.

— Все учитываю, товарищ генерал. И все же я обязан довести отряд.

За окном плыла морозная московская ночь. По пустынной площади шли закутанные в теплые полушубки военные патрули. Ни огонька, ни звука. Начальник управления, стоявший у зашторенного окна, объявил свое решение:

— Сегодня подпишу приказ о вашем выступлении, Станислав Алексеевич. Отдыхайте, готовьтесь, тренируйтесь — и в путь. Только не забывайте, что вы чекисты и ваша задача не только и не столько партизанская борьба, сколько разведка. Мы должны знать все.

— Будет выполнено! — ответил Ваупшасов.— А успех разведки во многом зависит от помощи партизан. На месте будет виднее.

5 марта 1942 года небольшой отряд, хорошо обмундированный и вооруженный, имея две рации, в маскхалатах, двинулся из Москвы.

— Будто на лыжную тренировку собрались,— пошутил комиссар отряда старший лейтенант Георгий Семенович Морозкин.

— Тренировки еще впереди,— в тон ему ответил начальник штаба капитан Алексей Григорьевич Луньков.

— Пока этот груз придется на себе таскать,— отозвался начальник разведки старший лейтенант Дмит-

рий Алексеевич Меньшиков, имея в виду лыжи — новенькие, смазанные, подогнанные каждому по ноге.— Зато потом они нам ой как пригодятся.

— Правильно,— поддержал его секретарь парторганизации Константин Прокофьевич Сермяжко.

На первый взгляд может показаться странным: в отряде всего 25 человек, включая командира, а высоких должностей — вон сколько: и комиссар, и начальник штаба, и начальник разведки... Но это лишь вначале. Потом будет ясно, что этот отряд представлял собой ядро будущего партизанского формирования.

В районе города Торопец отряд стал на лыжи и, минуя сожженные, пустынные деревни, с помощью армейской разведки перешел линию фронта. Не стану описывать подробности этого необычного перехода, который заслуживает отдельной главы в большой книге, упомяну только, что за несколькими строчками в очерке кроется трудная, полная опасностей боевая работа, в которой каждый проявил себя мужественным бойцом. Не все прошло гладко. В одной из непредвиденных стычек с гитлеровскими автоматчиками был ранен боец и переводчик отряда, политэмигрант из Австрии Карл Антонович Добрицгофер. Он был очень нужен отряду, так как знал несколько иностранных языков. Высокорослый тяжеловес, он, шагая по земле, казалось, вдавливал ее крупными сапогами, сшитыми, кстати, по специальному заказу — с двойными подошвами. Партизаны окрестили его коротко и точно: Дуб. Эта кличка и закрепилась за ним.

Ночью вьюжило. Армейские лыжники-сибиряки, отвлекая на себя внимание гитлеровцев, помогли отряду проскочить во вражеский тыл. И на первых же километрах родной, но временно оккупированной земли Ваупшасов убедился, как велика ненависть жителей к захватчикам.

А какова же судьба раненого Добрицгофера? Его спрятал у себя и выходил лесник под Минском, а еще ранее, в деревне Кайки, один из крестьян с великой радостью накрыл стол и потчевал утомившихся бойцов всем, чем мог. Здесь же Ваупшасова ожидал сюрприз. Он предложил хозяину дома позвать старосту, чтобы строго спросить с него за переход на службу к оккупантам, но оказалось, что староста принял этот «высокий»

пост по просьбе односельчан и свою позицию сформулировал немногословно, но выразительно:

— Фашистам служить не собираюсь. Человек я советский. Если что — рассчитывайте на меня.

Итак, в конце апреля 1942 года отряд добрался до пригородов Минска, где вовсю хозяйничали оккупанты. Ваупшасов привел отряд полностью, если не считать двух раненых. Почти под самым носом у немцев, в урочище Княжий Ключ, в бывшем имении князя Радзивилла, примерно в 50 километрах от столицы Белоруссии, Ваупшасов и обосновался со своим отрядом. Это было удобно во всех отношениях: во-первых, недалеко от города, где предстояло развернуть подпольную сеть, а во-вторых, из всех ближайших лесных массивов Княжий Ключ был наиболее густым и просторным для маневра.

Бойцы оборудовали добротные землянки с окнами и запасными выходами, подготовили окопы — подлинные и ложные, заминировали ближайшие подходы. Привели в порядок оружие.

Настроение в отряде было отличное, и Ваупшасов почти с отцовской гордостью и нежностью приглядывался и прислушивался к разговорам бойцов. Он не раз вспоминал поколение комсомольцев и коммунистов первых лет Советской власти и с каждым днем все больше убеждался в том, что сыны первых солдат революции — достойные наследники и продолжатели их славы, их героических дел.

Началась трудная партизанская жизнь. Прошло не так уж много времени, и отряд стал центром и связующим звеном между различными отрядами, действовавшими до сего времени разрозненно. Из отряда Ваупшасова в населенные пункты и на партизанские базы потянулись связные, разведчики, инструкторы-подрывники. Действия всех групп и отрядов приобрели организованный и целеустремленный характер. Люди почувствовали единую руку, единую волю, и это сразу сказалось на их боеспособности.

Сам отряд Ваупшасова также постепенно увеличивался за счет попавших в окружение и бежавших из лагерей военнопленных, за счет местного населения. Жители деревень и городов, как только узнавали, что поблизости действует партизанский отряд, вступали в

него или становились надежными подпольщиками-связными.

Хорошо изучив тактику партизанской войны и психологию людей, оторвавшихся от привычного армейского или гражданского коллектива, Ваупшасов не стал уповать на силу одних лишь приказов. Конечно, как и в регулярной армии, здесь приказ — закон. Но кроме приказа нужно было нечто большее: добиться, чтобы партизаны чувствовали себя не только подчиненными, но и хозяевами отрядов, а силу приказов подкрепляли коллективной волей.

Такая постановка вопроса многим казалась тогда «партизанщиной» и встречала сопротивление. А практика показала, что эта, условно выражаясь, коллегиальность полностью оправдала себя. И в боевых операциях, и в работе подпольщиков.

Так родилась идея созыва конференций представителей партизанских отрядов. На первой же такой конференции был создан Военный совет партизанского движения северо-восточной части Минской области. В совет вошли: председатель — командир отряда особого назначения подполковник Градов, он же Станислав Алексеевич Ваупшасов; заместитель председателя — командир отряда «Мститель» майор Василий Трофимович Воронянский, которого все уважительно называли «Дядя Вася»; члены совета: комиссар «Мстителя» Иван Матвеевич Тимчук, ставший впоследствии Героем Советского Союза; командир отряда «Борьба» лейтенант Сергей Никанорович Долганов, а также комиссар этого отряда, бывший секретарь Смолевичского райкома партии Иван Иосифович Яснович.

Делегаты конференции утвердили текст партизанской присяги и первыми торжественно зачитали и приняли ее. После окончания конференции были проведены практические занятия по подрывному делу. Ими руководил начальник штаба отряда Ваупшасова капитан Луньков. На прощание он снабдил всех делегатов толовыми шашками и капсюлями.

Все делегаты были в приподнятом настроении и, принимая из рук Лунькова «подарки», шутили:

— Теперь есть возможность все материалы конференции довести до сведения фашистов.

— Правильно! Пусть знают и запоминают.

Участившиеся взрывы, поджоги, налеты на карательные отряды свидетельствовали о том, что лесная партизанская конференция дала свои плоды.

Примерно через месяц, 13 июля 1942 года, проводилась вторая конференция. На сей раз присутствовали представители 28 отрядов из северной части Минской области. Прикинули общие силы: получилась довольно внушительная цифра в три с половиной тысячи человек.

— Для кадровой армии,— сказал Ваупшасов, оглядывая устроившихся на нагретой и пахнувшей хвоей и листвой земле делегатов,— эта цифра, может быть, и невелика, что-то вроде стрелкового полка или чуть больше. Но для нас, партизан, это хороший ударный костяк.

На этой же конференции Ваупшасов сообщил весть о создании Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Делегаты встретили это сообщение настолько восторженным и громким «ура!», что Луньков даже замахал руками:

— Что вы, товарищи, забыли, где находитесь?

Теплая улыбка озарила усталое лицо Ваупшасова. Разве мог он сердиться на боевых друзей, которые уже много времени были оторваны от Большой земли, а теперь почувствовали свое место в общем строю. Станислав Алексеевич понимал, что чем веселее на сердце у партизан, тем сильнее они будут громить врага, тем с большей охотой пойдут на любое, самое опасное задание.

— Ну что ж, Егор,— сказал Ваупшасов, обращаясь к Морозкину,— теперь очередь за твоими подарками.

Кроме боеприпасов и взрывчатки Егор (кличка комиссара) раздал газеты и брошюры. Радости партизан не было конца. Они наперебой набрасывались на газеты, по нескольку раз перечитывали статьи и заметки.

Вторая конференция неожиданно закончилась боем. Гитлеровцы заранее скрытно перебросили из Минска значительные силы карателей и попытались одним ударом разделаться с партизанами в этом районе.

Выполняя замысел фашистского командования, гитлеровские части охватывали лес и медленно сжимали кольцо.

— Этот бой помнится мне,— говорил позже Ваупшасов,— до мельчайших подробностей. Ведь решалась судьба наших партизанских отрядов, решалось все, что

было поручено мне в Москве. Ну, а если по порядку, то вот так.

19 июля, когда мы закончили свою конференцию и отдыхали, в лагерь прискакал на лошади начальник разведки отряда «Мститель» Владимир Романов. Хриплым от волнения голосом он доложил, что в поселке Валентиново скопилось много машин с карателями. Они начали движение по направлению к нашему «аэродрому» — посадочной площадке, где приземлялись самолеты с Большой земли.

Воронянский и Тимчук вскочили на ноги и подбежали к нам.

«Подсчитал?» — быстро спросил Тимчук.

«Около тысячи»,— ответил Романов, поняв суть вопроса.

Всем нам стало ясно, что предстоит тяжелый бой, так как скрытно уйти отсюда уже не удастся. Медлить было нельзя. На опушку леса направились наблюдатели с приказом как можно дольше не обнаруживать себя. Прибыл отряд Долганова — Ясиновича. Сгрудились делегаты. Всего набралось около 300 человек. Маловато, конечно, но знают ли немцы наше точное расположение и наличные силы? Если знают, тогда нам придется плохо. Почему-то, совсем некстати, вспомнился мне тот испанец со своей философией о танго смерти. Смерть приближалась к нам неумолимо, однако надо было сделать так, чтобы она, эта костлявая, ударила по фашистам и плясала на их, а не на наших могилах.

Эсэсовцы двигались, по сообщению разведчиков, двумя колоннами. Удобнее было встретить их на подступах к посадочной площадке. Все партизаны, разбитые на боевые расчеты, заняли круговую оборону, не оставив непростреливаемых мест. Все были готовы к ожесточенному бою, а я, честно говоря, в эти мгновения ощущал всем своим существом, как прекрасна жизнь, как весело щебечут птицы, перелетавшие с дерева на дерево, да еще чувствовал, как учащенно бьется сердце.

Эта тишина была страшнее любого грома. Слышал я где-то выражение, будто тишина звенит. Так поэт воспринимал тишину перед боем. Я, конечно, не поэт, и мне было не до поэтических сравнений, но когда я уже без бинокля увидел первые цепи карателей, расходившиеся по сторонам площадки, то понял, что через мгно-

вение призрачная тишина действительно взорвется, закричит, застонет на все голоса.

Отряд Воронянского остался в центре, отряд Долгова переполз на правый фланг, а группа бойцов во главе с Серегиным — на левый.

Каратели внезапно залегли и дальше стали пробираться по-пластунски.

И вот наконец тишина после возгласа Воронянского «Огонь!» взорвалась. Дымчато-серая полоса пороховой гари разделила партизан и фашистов. А когда легкий ветерок рассеял эту полосу, мы увидели, как уползали в кусты уцелевшие гитлеровцы.

Это было только начало. Фашисты, оправившись от первого удара, снова пошли в атаку, стреляя на бегу. Знаете их излюбленный прием: приклад автомата прижат к животу, а пули веером расчищают путь. Что-то вроде психической атаки. Но мы сбили с них спесь. Снова с тыла ударили наши ребята, загремели ручные гранаты, и фашисты заметались, затанцевали на месте, подгоняемые своими офицерами. «Вот это и есть танго смерти»,— облегченно подумал я и во весь голос подхватил клич комиссара:

— «За Родину! За жизнь! Бей фашистскую сволочь!»

Заработали наши автоматы, пулеметы, ахнули два ротных миномета...

Не так страшен черт, как его малюют, но бить этого черта надо умеючи, со всей силой ненависти и злости. И мы били. Раненых партизан быстро перевязывал наш врач Иван Лаврик. Легко раненные снова занимали свое место в цепи. Уже подошла ночь, стало совсем темно. Бой затих. Зато с утра все повторилось снова. Гитлеровцы применили новую тактику: долго, методично обстреливали из минометов и пулеметов один какой-либо участок леса и лишь после этого двигались туда, затем начинали вести огонь по другому участку. Мы разгадали тактику врага и, нанеся ему удар, быстро отходили, точнее — ускользали, маневрировали и не давали возможности эсэсовцам захлопнуть нас или обнаружить. На обработанных вражеским огнем квадратах каратели находили лишь стреляные гильзы.

— Этот бой стоил противнику около двухсот раненых и убитых,— закончил свой рассказ Станислав Алексеевич.

Но чаще партизаны сами навязывали противнику бои, отвлекая на себя кадровые части вермахта, направлявшиеся на фронт. Это была неоценимая помощь частям Красной Армии. Таких боев, стычек, налетов — не перечесть. Взлетали на воздух эсэсовские казармы, падали под откос воинские эшелоны, и высокое гитлеровское начальство в Минске буквально металось в поисках способов уничтожения партизан. Но сломить волю, боеспособность советских патриотов не могли ни фашистские гауляйтеры, ни карательные отряды, ни воинские части, «прочищавшие» местность под Минском.

Разведывательные данные, поступавшие из отряда Ваупшасова в Центр, всегда представляли большую ценность для Ставки Верховного Главнокомандования.

Разведывательные данные... За каждым фактом, за каждой цифрой скрывался рискованный труд разведчиков, подпольщиков и связных. Ваупшасов ежедневно трижды «выходил в эфир» и докладывал Москве о самом важном: дислокации гитлеровских войск и подтягивании резервов, размещении складов с боеприпасами, политическом и экономическом положении фашистской администрации, передвижении воинских эшелонов на фронт и с фронта — все это и многое другое сообщалось Центру.

Командование Красной Армии, в частности К. К. Рокоссовский, очень ценило разведывательную работу чекистов-партизан. Во время подготовки Белорусской операции К. К. Рокоссовский, командовавший тогда 1-м Белорусским фронтом, перебросил в отряд Градова двух штабных офицеров с рациями для непосредственной передачи разведывательных сведений в штаб фронта.

Летом было еще сравнительно легко: можно лежать и спать на земле и относительно сносно устраивать свой походный быт. Но зимой все осложнялось: в сугробах долго не полежишь, лишние костры разводить нельзя, да и сами походы, налеты и бои с гитлеровцами затруднялись, так как сужались возможности для маневрирования. И все-таки партизаны били врага и летом и зимой.

Несколько смелых налетов на вражеские гарнизоны в январе 1943 года породили среди фашистского командования панические слухи о том, что в лесах под

Минском высадился крупный советский десант численностью в 15 тысяч человек с артиллерией и танками. Несколько дней подряд гитлеровцы бомбили лесные массивы, а затем, сгруппировав значительные силы пехоты, артиллерии и танков, попытались блокировать партизан. Это была широко задуманная операция, и наша задача заключалась в том, чтобы, не принимая открытого боя, своевременно выбраться из блокированного района.

Фашисты уже заняли многие населенные пункты на юге и юго-востоке от Минска, вдоль шоссе Слуцк — Минск. Партизанское командование решило отходить в вороничские болота, затем на песчаные острова близ деревни Вороничи.

Посоветовавшись с разведчиками и проводниками, тщательно изучили маршрут и тихой звездной ночью, в тридцатипятиградусный мороз, утопая в глубоком снегу, снялись с места. Но при подходе к Вороничам еще издали увидели, что деревня была охвачена огнем.

Партизанские отряды стали отходить в гресские леса, сбивая передовые заслоны противника. Пешком и на санях Ваупшасов двигался вместе с новым комиссаром Иваном Максимовичем Родиным по кличке «Гром» (Г. С. Морозкин получил новое назначение и уехал). Это был опытный партийный работник и боевой командир, ранее воевавший в отряде «Юных». В самых запутанных ситуациях Ваупшасов и Родин находили общий язык. По совету Родина Ваупшасов принял решение возвращаться на старое место и выслал вперед разведчиков Николая Ларченко, Тимофея Денисевича и Валю Васильеву.

Оказалось, что лагерь еще не был занят. В районе деревни Вороничи продолжался артиллерийский обстрел, затем гитлеровцы двумя колоннами направились на штурм других деревень, где ранее располагались партизаны, а они тем временем расстреливали с флангов и из засад войска противника и уходили к Варшавскому шоссе, чтобы скрыться на Полесье, в Любанском районе.

Бои, бои, бои... Лошади выбивались из сил, затворы пулеметов и автоматов замерзали, но партизаны наносили врагу один удар за другим. Боевые успехи вселяли в сердца уставших, измученных, но не сломленных духом народных борцов веру в победу. Они убеждались,

что скоро врагу придется убираться прочь с советской земли.

Понимая, как важна каждая весточка с Большой земли, Ваупшасов подозвал радиста и спросил:

— Связаться с Москвой сможешь?

Тот оглянулся на пылавшие вдалеке деревни, потоптался на месте и ответил:

— Попробую, товарищ командир.

Ваупшасов стянул варежки и окоченевшими пальцами еле нацарапал на клочке бумаги: «Противник проводит карательную экспедицию. Из блокированного района прорываемся на Полесье. Держать с вами связь этими днями не будем. Ждите наших позывных».

Радист быстро передал радиограмму и сразу же настроился на прием. Из Москвы он услышал и записал приказ Верховного Главнокомандующего. Пока радист записывал текст, вокруг столпились партизаны, которые с неотрывным вниманием следили за карандашом радиста.

«...Взято более 200 тысяч военнопленных, 13 тысяч орудий и много другой техники противника... Красная Армия продвинулась вперед на 400 километров... Наступление наших войск продолжается...»

Вверх полетели шапки, взметнулись руки с автоматами. Комиссар Родин буквально вырвал из рук радиста эту бумажку, уселся в сани, перепечатал на пишущей машинке текст в 20 экземплярах и тут же раздал связным, чтобы распространили в боевых порядках. Эти цифры, сообщенные из Москвы, были дороже хлеба, курева, писем... Они предвещали победу!

— Будем биться до последнего вздоха! — звонко крикнул Денисевич.

— Смерть фашистам! — поддержал его пулеметчик Аркадий Оганесян.

В последующих боях люди партизанских отрядов показали, что клич «Смерть фашистам!» не был для них отвлеченным или беспредметным. Они действительно несли врагу смерть, не жалели своей крови ради победы над фашистами, ради жизни на земле.

Как известно, в дни временной оккупации гитлеровцы разместили в столице Белоруссии многочисленные военные и административные учреждения, войсковые штабы, в том числе штаб корпуса охраны тыла армейской группы «Центр», управления войск СД и полевой

полиции и громадный, разветвленный аппарат генерального комиссара Белоруссии фон Кубе. Кроме постоянного пятитысячного гарнизона в городе находились резервы центральной группировки войск, и почти все дома, школы и другие здания были наводнены гитлеровской солдатней и офицерами.

В этих условиях подпольная организация в Минске должна быть хорошо законспирирована. Два провала, последовавшие один за другим, нанесли страшные раны подпольщикам, но не ослабили их волю к борьбе. Минский подпольный горком партии действовал. Секретарями его стали Савелий Константинович Лещеня и Георгий Николаевич Машков. Членами горкома утвердили Станислава Алексеевича Ваупшасова (Градова) и комиссара его отряда Ивана Максимовича Родина.

К январю 1944 года на различных предприятиях представителями подпольного горкома и отряда Ваупшасова были созданы десятки боевых групп, объединявших более 300 человек. Константин Мурашко, Рая Волчек, Катя Карпук, Олег Фалитар, Борис и Игнат Чирко, братья Владимир и Константин Сенько, Капитолина Гурьева... Именно они и многие другие в те трудные дни бесстрашно рисковали собой, чтобы помочь Родине, партии бороться с врагом.

Вот один эпизод из борьбы минских подпольщиков.

В одном из учебных зданий минского университетского городка, где до войны шумела веселая студенческая молодежь, была оборудована столовая для офицеров-эсэсовцев. На работу в эту столовую удалось устроить двух подпольщиц, молодых девушек-комсомолок Капитолину Гурьеву и Ульяну Козлову. Партизаны, охотившиеся на палача белорусского народа фон Кубе, рассчитывали, что в один из дней Кубе «осчастливит» своим посещением офицерскую столовую, и поручили девушкам взорвать здание.

В зале столовой на перевернутой бочке, обтянутой цветной бумагой, обычно для экзотики стояла пышная пальма. Гурьева и Козлова незаметно, с большими трудностями пронесли в зал взрывчатку и заложили ее в бочку вместе с магнитной миной.

— В тот вечер,— рассказывал позже Станислав Алексеевич,— я чувствовал, что будто сам нахожусь на краю смерти, хотя непосредственная опасность угрожала Гурьевой и Козловой и помогавшим им под-

польщикам Гуриновичу, Иванову, Матузову. Но ведь задание-то давал я, и в случае неудачи гибель этих товарищей тяжким грузом легла бы на мои плечи.

Последние часы и минуты, оставшиеся до взрыва, тянулись чрезвычайно медленно...

Наши люди не пострадали, а Гурьевой лишь за несколько минут до взрыва удалось убежать из столовой, где уже звенели стаканы и хлопали пробки, и присоединиться к поджидавшим ее партизанам. Взрыв получился первоклассным: около 30 эсэсовцев были разорваны на куски, 50 ранено... Кубе на сей раз не приехал и избежал гибели. Но она его настигла позже, в собственной постели. Но это уже другой разговор...

— А Капитолина Гурьева, отважная девушка, жива-здорова,— рассказывал нам Ваупшасов,— живет и работает в Минске... О былых делах ей напоминает боевой орден Отечественной войны 1-й степени...

Служба СД отлично знала, что под Минском действует чекист подполковник Градов, и усердно охотилась за ним. Начальник следственного отдела Кроль, попавший позднее в плен, рассказал, скольких трудов стоили немецким карательным органам поиски следов самого Градова. Но труды пошли прахом, так как Ваупшасов умело маневрировал, часто менял базы и, как вода в решете, «просеивался» сквозь гитлеровские ловушки и заслоны.

Когда Кроль увидел наконец Градова, ловить его уже было поздно. Фашистский офицер вскочил со стула, вытянул руки по швам и испуганно таращил глаза на невысокого, чуть сутулого партизанского командира.

Отряд С. А. Ваупшасова (Градова), находившийся в тылу врага 28 месяцев, олицетворял собой в миниатюре нерушимую дружбу и братство народов. Не зря партизаны шутливо говорили: «Мы — полный интернационал!»

И действительно, в отряде плечом к плечу сражались русский Николай Малев, белорус Тимофей Денисевич, поляк Павел Рулинский, еврей Даниил Сорин, австриец Карл Добрицгофер, немец Гейнц Линке... Русские, украинцы, белорусы, армяне, литовцы, удмурты, чехи, словаки составили единый боевой коллектив, который вписал немало славных страниц в историю партизанской борьбы против фашистских захватчиков.

19 ноября 1976 года Станислава Алексеевича Ваупшасова не стало.

Но память о нем жива.

Вся его яркая, полная кипучей деятельности жизнь — образец верного служения делу партии Ленина, своему народу.

Родина по достоинству оценила боевые подвиги С. А. Ваупшасова: он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Юноши, обдумывающие житье, и убеленные сединой ветераны зачитываются его книгами: «На разгневанной земле», «Партизанская хроника», «На тревожных перекрестках». Одна из улиц белорусской столицы носит имя этого мужественного чекиста и отважного партизанского вожака.

Борис СКОРБИН

ВЕРНЫЙ ТОВАРИЩ

Борис Галушкин спрыгнул к нам в районе озера Палик с группой московских парашютистов в июне 1943 года, в самый критический для нас момент. За два часа до его появления наша бригада, измотанная пятидневными изнурительными боями с крупными силами карателей, оставила свою базу, переправилась на левый берег Березины и приготовилась к отходу на север, в сторону труднопроходимых Домжерицких болот. Ждали только самолет с десантом. Из-за отсутствия подходящей поляны принимать решили на залитом водой лугу размером с гектар, не более.

Никогда не забуду ту памятную ночь. Отряды растянулись вдоль прибрежной опушки фронтом к Березине. До нее — 200 метров луга, поросшего густым рогозом. За рекой темнеет лес. Он подступает к самой воде. Там в любую минуту могут появиться гитлеровцы. Если это случится (хотя мы сняли отряды с обороны скрытно, в темноте, враг мог все-таки узнать об этом), наши парашютисты станут легкой мишенью для вражеских снайперов. Где-то недалеко за рекой, в лесу, вспыхивают осветительные ракеты. Видны ракеты и позади, и с востока враг спешит к Березине, надеясь прижать нас к реке, охватить плотным кольцом. Успеем ли мы выскочить из мешка неширокой полоской заболоченного леса — единственным свободным путем?

Чем меньше оставалось времени до появления самолета с парашютистами, тем больше закрадывалось в душу беспокойство за их благополучное приземление. А тут, как назло, враг выпустил беглым огнем штук двадцать снарядов и мин, разорвавшихся на лугу, прямо перед нашим носом.

Но вот вражеские минометчики успокоились. Наступила тревожная тишина. И в этот миг в небе послышалось ритмичное дыхание самолета. Нашего, родного, советского! На лугу вспыхнули условные костры. Отряды приготовились, на случай возможного боя, отвести

6 Зак. 1823

удар противника по парашютистам. Самолет развернулся, предельно снизился и зашел на выброс. Мы видели, как от него отделялись один за другим мутновато-белесые, чуть подкрашенные заревом костров купола парашютистов. Почти все десантники приземлились вокруг костров, на лугу. И только двое угодили за реку. Мы встревожились. А когда узнали, что это сам командир группы Галушкин со своим ординарцем Петром Юрченко оказались отрезанными от нас Березиной, нервы напряглись до предела. Многие, не сговариваясь, бросились к реке. Но им навстречу уже шли оба десантника. Они знали обстановку и, не колеблясь, перебрались через Березину вплавь.

И вот все 24 десантника сгрудились возле нашего костра, юные, возбужденные, но несколько скованные, по-видимому, еще не обстрелянные. И только их командир сразу же повел себя так, будто вернулся домой, в расположение своего отряда.

От его спокойного, по-хозяйски внимательного взгляда, от литой боксерской фигуры и даже от приятного сочного баритона исходила какая-то притягательная сила. Он сразу пришелся нам по душе. Перезнакомившись со всеми, Борис подошел к командиру бригады П. Г. Лопатину — к «Дяде Коле» и уже по всем правилам представился:

— Лейтенант Галушкин со своим отрядом в количестве двадцати четырех автоматчиков прибыл в ваше распоряжение!

— Добро,— сказал комбриг.— Поступайте в личное распоряжение моего заместителя Ивана Федоровича Золотаря.

Следует отметить, что незадолго до этой высадки десантников гитлеровское командование бросило против нашей Борисовско-Бегомльской партизанской зоны многотысячную армию. Наши отряды вынуждены были вести тяжелые бои, отходить, маневрировать. Это тревожило Центр в Москве. Там знали, что два отряда и множество диверсионных и разведывательных групп отрезаны наступавшими карателями и что силы наши значительно ослаблены. Поэтому решили сбросить нам на помощь два отряда автоматчиков. Первый в составе 25 человек под командованием пограничника старшего лейтенанта Федора Озмителя спрыгнул к нам 29 мая, а вскоре и второй, галушкинский.

Десять дней, отбиваясь от наседавших гитлеровцев, мы отходили на север, к Домжерицким болотам. В пути теплыми летними ночами мы часто шагали рядом с Борисом Галушкиным, отдыхали вместе, и он постепенно рассказал мне о себе.

Война застала двадцатидвухлетнего Бориса студентом 4-го курса и заместителем секретаря комитета ВЛКСМ института физкультуры в Москве. В первые же дни нападения на нашу страну немецко-фашистских полчищ Галушкин обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой отправить его на фронт. Вскоре он с группой таких же комсомольцев-добровольцев прибыл под Ленинград, во 2-ю Ленинградскую ополченскую дивизию, в которой стал командиром взвода. Во время боевой операции под станцией Веймар Галушкина тяжело ранили, и он попал в один из ленинградских госпиталей.

Но Борис не принадлежал к тем, кто мог долго залеживаться. Он рвался на передовую, но врачи были неумолимы: пока раны как следует не заживут, никакого фронта. Тогда Борис добыл у сестры-хозяйки гимнастерку, брюки, сапоги и бежал из госпиталя. Бежал прямиком в свою часть. В ту ночь, когда он явился в штаб части, в наш тыл просочилась эсэсовская рота.

— А, Лаврентич! — обрадовался его появлению комиссар полка Никифоров.— Отдохнул? Ты кстати вернулся! Бери-ка свой взвод и чеши вслед за фашистами. Надо во что бы то ни стало нагнать их и уничтожить!

И Борис во главе своего взвода, обрадовавшегося возвращению командира, начал погоню. Всю ночь пробирались бойцы по болоту, часто по пояс в студеной воде, и только на рассвете настигли эсэсовцев. В коротком ожесточенном бою враг был уничтожен. За мужество, проявленное в этой операции, всех солдат взвода наградили орденами и медалями. Их командир Борис Галушкин был удостоен ордена Красного Знамени.

Но погоня по болоту, долгая холодная ванна, старая рана не прошли даром. Борис заболел тяжелой формой туберкулеза. И был уволен из рядов армии по чистой.

Грустным он вернулся в Москву, на улицу Казакова, в родной институт. Но никого из друзей-студентов не застал: кое-кто эвакуировался, а большинство ушло на фронт. Бесцельно бродил он по улицам, никого и ничего не замечая. И вдруг его дернули за рукав.

— Борька, друг, ты что, не слышишь?

5*

Борис оглянулся. Перед ним стояли его друзья-однокашники — Паша Маркин, Борис Бутенко и преподаватель института Алексей Захарович Катулин, все — в военной форме, подтянутые, сильные, радостные. Все они служили в ОМСБОНе *. Со дня на день ожидали отправки в тыл противника на выполнение спецзаданий.

Разговорились. Борис сбивчиво, неохотно рассказал о пережитом.

— Может, взять его с собой? — спросил Маркин товарищей.

— Ребятки, милые, выручите! — загорелся Борис.— Уговорите начальство принять меня!

И Борис с помощью своих друзей стал бороться за право воевать. Вначале, когда он обратился к командиру 1-го полка ОМСБОНа В. В. Гридневу, тот и слушать не захотел.

— Да вы что? Вам лечиться надо, вы же еле на ногах держитесь!

Тогда Галушкин отправился к комиссару бригады А. А. Максимову. Комиссару парень пришелся по душе, да и орден Красного Знамени на груди подкупал. И комиссар взялся обрабатывать врачей.

И вот Борис стал командиром взвода 1-го полка ОМСБОНа. А в день 25-й годовщины Красной Армии ушел с отрядом М. К. Бажанова в тыл врага. На этот раз в должности заместителя командира отряда.

Отряд Бажанова сражался в треугольнике Смоленск — Орша — Витебск. Борис участвовал в разгроме вражеских гарнизонов, пускал под откос поезда, появлялся всюду, где шел бой. За это его и любили партизаны. Но особенно уважали его за то, что никогда он не оставлял в беде товарища.

В одном из ожесточенных боев был тяжело ранен подрывник Несынов — осколок зацепил позвоночник. Как быть с раненым? Госпиталя в лесу нет. Опытного хирурга — тоже.

— Надо переправить его на Большую землю,— сказал Борис.

— Как? Его же нельзя трясти — не выдержит! — с грустью отозвался командир отряда Бажанов.

* Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. Многие из омсбоновцев мужественно сражались в рядах партизан.

— На руках донесем. Носилки помягче сделаем и донесем! Выделите мне в помощь ребят покрепче, и донесем!

Как ни трудно было расставаться со своим заместителем и группой самых выносливых, боевых партизан, которых он отобрал, командир отряда согласился. И вот теплым летним вечером группа Галушкина двинулась на восток. Вместе с Галушкиным Несынова несли мастер спорта С. С. Щербаков, студенты института физкультуры Паша Маркин, Виктор Правдин и другие товарищи-омсбоновцы. Всю дорогу, все 120 километров от станции Гусино до Торопца, несли они ночами раненого Несынова, благополучно переправили через линию фронта и в городе Торопце сдали в госпиталь.

За исключительное мужество и отвагу, проявленные в этом беспримерном походе, Борис Галушкин получил второй орден Красного Знамени...

...13 июня мы подошли наконец к деревне Custрежье — последнему селению перед Домжерицкими болотами. На колхозном поле, раскинувшемся западнее деревни, мы подготовили площадку и ночью приняли самолет. Перешедшего на сторону партизан немецкого офицера Карла Круга и «сопровождавших его лиц» отправили в Москву.

Отправив Круга, мы вздохнули свободнее. Домжерицкие болота раскинулись на площади 25 квадратных километров со множеством лесистых островов. Враг поочередно обстреливал эти острова. Десять суток мы переходили с острова на остров, спасаясь от обстрела на болотах.

Утром 22 июня, когда только что расположились на небольшом островке, наблюдатель с дерева крикнул:

— Немцы идут с Большого острова!

Большой остров лежал в ста метрах от нашего — Павловского. Наступало более сотни эсэсовцев. Положение создалось очень тяжелое. За первой сотней могли появиться другие, и тогда... Днем, на маленьком пятачке, каким был островок Павловский, нам несдобровать.

— Товарищ комбриг,— сказал Галушкин Лопатину.— Разрешите нам с отрядом Озмителя встретить фашистов. Отгоним, а потом и отойдем!

Колебаться не приходилось. Предложение Галушкина было единственным, что могло нас выручить из

беды. Отряды Галушкина и Озмителя заняли оборону. Левее их залегли партизаны 1-го отряда. Москвичи дрались отчаянно. Сразив нескольких эсэсовцев и многих ранив, они бросились в атаку. И враг не выдержал, побежал. Мы выиграли драгоценные минуты. Пока в стане противника пришли в себя, бригада ускользнула с острова. Позади бушевала артиллерийская канонада, рвались снаряды, мины. Над болотом появились самолеты-разведчики. Но мы уже были вне опасности. Через день гитлеровцы сняли блокаду, длившуюся более месяца.

Отряд Галушкина двинулся на юг, под Смолевичи, выполнять новое задание. Случилось так, что с двумя отрядами нашей бригады я отправился в том же направлении и все лето прожил по соседству с отрядом Бориса.

На моих глазах росла боевая слава Галушкина. Его отряд был известен смелостью, решительностью. Сам Борис показал себя замечательным мастером короткого боя, засад, внезапных налетов. А если речь шла о спасении товарищей, попавших в беду, его ничто не могло удержать...

В знойный августовский день по пыльному проселку катила повозка. В повозке сидели трое. Впереди справа Борис Галушкин. Он правил лошадьми и потихоньку напевал песенку про Мишку-моряка. Ворот гимнастерки расстегнут, каштановый чуб развевается на ветру.

К его широкой спине привалился заместитель командира по разведке лейтенант Б. И. Жуков. Попыхивая самокруткой, он размышлял о предстоящей встрече со связным Семенюком, поджидавшим неподалеку от станции Жодино магнитные мины для подкладывания под буксы вражеских воинских эшелонов.

Ординарец Бориса Лаврентьевича — Петр Николаевич Юрченко полулежал позади командира. Изредка он приподнимался, становился на колени и внимательно осматривал горизонт.

Вправо от дороги поднималась пологая лесистая возвышенность. За ее гребнем прятался районный центр Логойск. В нем стоял крупный гарнизон гитлеровцев.

Слева тянулось унылое торфяное болото, покрытое

травянистым кочкарником, по которому разбросались купы густых зарослей кустарника.

Повозка миновала широкий овраг, взобралась на косогор, и сразу же впереди слева появились соломенные крыши деревни Мглё, рассыпавшейся по южной обочине логойского шоссе. Несмотря на то что Мглё было связано шоссейной дорогой с Логойском, оккупанты в нем почти не появлялись. Зато партизанские разведчики и минеры гостили тут часто. Словом, где-где, а в этой деревне трудно было ждать встречи с противником.

И вдруг, когда до перекрестка, где проселок пересекало шоссе, оставалось менее двух километров, из-за гребня выскочили два немецких грузовика.

— Фашисты! — крикнул Юрченко.

Галушкин бросил в руки Жукова вожжи и схватил бинокль. Но рассмотреть гитлеровцев не успел — повозка повернула в овраг.

— Ставь коней под кручу, бери оружие и за мной! — крикнул Галушкин, соскакивая на землю.

Все трое залегли у кромки обрыва. В машинах — теперь это уже было видно и без бинокля — около пятидесяти фашистов.

— Неужели сюда? — обеспокоенно сказал Жуков.— И как их сюда занесло?

— Черт их знает, куда они несутся,— спокойно заметил Галушкин.— Свернут сюда — будем драться. Ты,— он кивнул Жукову,— останешься здесь, я подползу поближе к дороге. Петро — между нами. Сначала — гранаты, потом чесанем из автоматов. А в случае чего — сюда и ходу! — Борис указал пальцем в заросли справа.

Между тем машины приближались. До того места, где засели партизаны, оставалось несколько десятков метров...

Вот машины поравнялись с ними и с шумом промчались мимо, к Мглё.

— Пронесло! — с облегчением вздохнул Жуков, поднимаясь с земли и отряхивая пыль с колен.

Галушкин некоторое время молчал.

— Ну, что, двинем? — наконец сказал он.

— Думаешь, проскочим по проселку? — спросил Жуков.

— Попробуем! А ну, Петро, подгоняй!

Юрченко пригнал коней, подождал, пока расселись, и хлестнул вожжами. Кони вытащили повозку из оврага, понеслись вскачь по проселку.

— Жаль, мало нас,— подмигнул Борис товарищам,— а то намяли бы фашистам бока!

Повозка перемахнула шоссе, не останавливаясь, пронеслась мимо деревни Хотеново и затарахтела дальше. Еще немного — и Мглё останется слева позади.

Неожиданно в деревне затрещали пулеметные очереди, защелкали винтовочные выстрелы. В повозке все инстинктивно пригнулись, схватились за автоматы. Но стреляли не по ним. Огненные трассы пуль тянулись из Мглё в противоположную сторону, к болоту.

— Кого-то из наших застукали, сволочи! — выругался Галушкин.

Он приказал остановить лошадей, поднялся во весь рост и приложил к глазам бинокль.

— Так и есть! От деревни к болоту бежит человек пятнадцать партизан. Эх, не добегут до леса, прижмут их на голом месте!

Борис спрыгнул на землю, подошел к лошадям и потрогал зачем-то сбрую.

— Ну, вот что, хлопцы,— сказал он.— Видно, придется Семенюку подождать. Поедем на выручку!

— Ты что, шутишь! — изумился Жуков.— Ведь их в деревне не меньше пятидесяти!

— Какие там шутки! Не можем, не имеем мы права проехать мимо, когда товарищи в опасности!

Галушкин распорядился:

— Сворачивай, Петро, вон на ту дорогу!

Лошади снова понеслись вскачь. Боевой азарт командира передался и Юрченко, и Жукову. Они расправили плечи, расстегнули вороты.

У крайнего двора Галушкин соскочил с повозки и из-за угла посмотрел вдоль улицы. На противоположном конце стояли две немецкие машины, а чуть ближе к центру, распластавшись по обочине шоссе, залегли немцы. Гитлеровцы вели огонь из пулеметов, винтовок, автоматов. Видимо, они были уверены в своем подавляющем превосходстве, поэтому ни на флангах, ни с тыла не выставили никакого охранения. Борис сразу же это заметил.

— Сейчас мы им дадим прикурить,— сказал он, возвращаясь к повозке.— Поворачивай в объезд!

Лошади понеслись вдоль околицы мимо конюшен, бань, лепившихся по краю болота. Стрельба гитлеровских солдат становилась все ближе, вот она уже громыхает совсем рядом, за домами.

— Стой!

Оставив лошадей за сараем, Галушкин, Юрченко и Жуков перелезли через изгородь и вошли во двор. Осмотрелись.

— Сюда, сюда, родненькие! — раздался позади них старушечий голос.

Партизаны оглянулись. Из-под хвороста, прикрывавшего яму, на них смотрело сморщенное, искаженное страхом лицо.

— Мамаша, у вас немцев во дворе нет? — тихонько спросил ее Жуков.

— Нету, милый, нету! Они все на улице лежат как раз за нашим забором! Чуешь, как стреляют!

К старухе жалось четверо малышей.

Глядя на них, Борис почувствовал, как дрогнуло его сердце, как подступил к горлу горячий комок. Он подошел к яме.

— Мать, там за сараем стоят наши лошади и повозка. Так вы того... Если не вернемся, возьмите себе.

— Да вы прячьтесь, прячьтесь скорее! Места хватит! — старуха принялась раздвигать хворост.

Но Галушкин только головой покачал:

— Нельзя!

Пригнувшись, партизаны подошли к забору, заглянули в щели. Борис, не торопясь, подсчитал: в цепи лежало больше пятидесяти фашистов.

— Значит, так, Петро...— повернулся было Борис к ординарцу. Но не успел договорить. В заборе над самыми их головами появилось несколько рваных пробоин.

«Заметили!» — обожгло Бориса. Мысли понеслись с лихорадочной быстротой: «Что делать? Выскочить на улицу?» Левая его рука потянулась было к гранате... «Нет, нельзя! Подождем...»

Галушкин вновь посмотрел в щель: к калитке с автоматами наизготовку приближались два рослых немецких солдата.

Борис махнул рукой товарищам. Все трое юркнули в раскрытую дверь хлева. Не успел Юрченко закрыть ее за собой, как калитка скрипнула, и во двор вошли немцы. Они осмотрелись и направились в сторону хлева.

— Трр... Трррр... Тррррр,— по стенам простучали автоматные очереди.

Затаив дыхание, партизаны приготовились без шума взять немцев. Но те в хлев не пошли, а остановились у колодца, достали воды, напились и вышли со двора.

— Не заметили! — обрадовался Борис.

— Как не заметили, а кто же стрелял? — спросил Юрченко.

— В заборе от своих пробоины,— пояснил Галушкин.— Ну, а здесь, во дворе, немцы пальнули для собственного успокоения. Пошли!

Партизаны снова подошли к калитке.

— Мчись, Петро, вон к той хате,— скомандовал Галушкин.— Как только услышишь мою команду, швырни в самую гущу гранату, а потом крой их из автомата. Понял?

— Есть!

Между тем стрельба со стороны болота усилилась. Послышались гулкие удары противотанкового ружья. Одна из вражеских автомашин вспыхнула. Несколько немцев кинулись ее тушить, но уже было поздно — пламя охватило всю машину.

И тут, за спиной у немцев, в нескольких шагах от них, прогремел зычный голос Галушкина:

— Взвод справа! Взвод слева! Ого-о-нь!!!

Загремели взрывы гранат. Ударили длинные очереди автоматов.

— Ура-а-а!!! На-ши!!! — донеслось со стороны болота.

Ободренные неожиданной помощью, партизаны поднялись в атаку.

Гитлеровцев охватила паника.

Противник оставил на дороге 10 убитых и 16 раненых.

Остальные успели удрать на уцелевшей машине. Спасаясь бегством с поля боя, они так и не узнали, что с тыла их атаковали всего трое партизан...

Когда на следующий день я, пользуясь правом старшего начальника, стал было журить Галушкина за чрезмерный риск, он передернул плечами, улыбнулся.

— Товарищ замкомбрига, победителей же не судят... Но раз на то пошло, скажу: риск был вполне оправдан. Не думайте, что в бой я полез очертя голову. Нет, я сначала взвесил все «за» и «против». На нашей

стороне были все три решающих фактора: внезапность, быстрота, натиск. А ведь еще Суворов говорил, что на войне это самое главное!

— И еще четвертый фактор — они уж на всю жизнь запомнят твой голосище, за это я ручаюсь,— усмехнулся Жуков.

А вот еще случай.

В Логойске разместился на отдых изрядно потрепанный советскими войсками немецкий полк. Резкое сокращение продовольственного пайка солдаты компенсировали ограблением близлежащих деревень. А когда там ничего не осталось, решили организовать набег на Юрьево, Сутоки, Антополье — населенные пункты, входившие в партизанскую зону. Голод подталкивал их на риск.

Однако командир полка фон Флик рисковать не хотел. Намнут партизаны бока — стыда не оберешься. Но когда узнал, что два крупных отряда партизанской бригады «Дяди Коли» ушли на озеро Палик, а в бригаде «Смерть фашизму», охранявшей подступы к этим деревням, осталось мало боеприпасов, фон Флик решился...

С утра бушевала метель. Порывистый ветер вихрил снежные хлопья, раскачивал скрипучие сосны, рвал в клочья клубы дыма, валившего из труб партизанских землянок.

Галушкин, майор И. П. Федотов и я сидели в жарко натопленной землянке и пили чай.

Незадолго до этого я вернулся из Москвы, куда улетал после убийства гауляйтера фон Кубе, к которому был причастен. В Москве было решено объединить мелкие отряды, выросшие из групп ОМСБОНа, переброшенных в тыл врага. Меня назначили командиром сводного отряда, названного «Артуром».

— У тебя, Лаврентич, весь народ в сборе? — спросил Галушкина начальник штаба отряда И. П. Федотов.

— К вечеру должны все собраться,— прихлебывая чай, ответил Галушкин.— Не придется ли нам сразиться с фронтовиками из Логойска! Ты чего улыбаешься? Все деревни вокруг поселка обчистили! Как бы и к нам не пожаловали!

В этот момент в землянку вошли Петр Юрченко и мой ординарец Паша Конюхов.

— Слышите, товарищи командиры? — спросил Паша, придерживая дверь приоткрытой.

В землянку ворвался гром далекой канонады. Мы выбежали наружу.

— Это возле Юрьева,— прислушиваясь, сказал Юрченко.

— Точно... Там! — подтвердил Галушкин.

В это время на тропинке, ведущей к нашей землянке, показался связной бригады «Смерть фашизму!». Командир ее, капитан В. Ф. Тарунов, сообщал, что крупная колонна немцев из Логойска внезапно нагрянула в Юрьево, опрокинула заслоны бригады и ворвалась в деревню. «Патроны на исходе, вынуждены отходить,— писал комбриг,— выручайте!»

Я распорядился срочно доставить Ивану Михайловичу Демину — командиру отряда имени М. И. Кутузова бригады «Смерть фашизму!» — патроны.

— Чем еще помочь соседям?

— Разрешите мне! — загорелся Галушкин.

Подумав, я решил, что Галушкин прав: помочь Демину надо...

Юрьево немцы не только ограбили, но и зажгли со всех сторон. Однако командиру вражеской колонны — ею командовал сам фон Флик — этого показалось мало. Он повернул на Сутоки. Не встретив сопротивления, немцы осмелели. «Что там партизаны,— думал, наверное, фон Флик,— сброд!..»

А Галушкин уже поджидал немцев у хутора Кривая Поляна, лежавшего на пути к Сутокам. Одетый в белый маскировочный халат, он лежал за косогором, по которому пролегала дорога. Рядом с Борисом, в таких же халатах, расположились пулеметчики Ваня Гудзь и словак Володя Факете, перебежавший на сторону партизан из части, состоявшей из насильно мобилизованных в гитлеровскую армию словаков. Метрах в двадцати слева от командира на опушке небольшого лесочка ждали врага москвичи-омсбоновцы Владимир Федорович Шимичев и Василий Федорович Дмитриев, на таком же расстоянии справа — коммунист Степан Федосеевич Панин и комсомолец Женя Пузакин. Всего семь человек.

Ветер стих. С пасмурного неба срывались редкие снежинки. Короткий декабрьский день быстро тускнел. Далеко по полю разносились деревянный перестук ко-

лес, шум легкового автомобиля, возбужденные голоса немецких солдат.

По бокам вражеской колонны двигалась конная охрана, дальше — длинная вереница повозок с солдатами, пулеметами, минометами. Голова колонны уже приближалась к Кривой Поляне, а из белесых сумерек выползали все новые и новые повозки.

«Что-то уж слишком много их!.. Как бы мои хлопцы не растерялись!» — беспокойно подумал Галушкин, раскаиваясь, что не взял с собою весь отряд.

А враг подходил все ближе и ближе. Вот Борис уже стал различать лица гитлеровцев. Еще миг — и, как привидение в белом халате, на дороге выросла мощная фигура Галушкина.

— Батальон справа! Батальон слева! Ого-о-онь! Бей гадов, не робей! — загремел Борис.

По колонне полоснули очереди.

Фашисты, видно, узнали по голосу того, кто уже однажды проучил их в деревне Мглё, шарахнулись в сторону, начали поворачивать лошадей. Флик поднялся в автомашине во весь рост, но не успел он подать команды, как был сражен насмерть.

Человек двадцать вручную развернули машину вспять.

Увидев, что гитлеровцы отходят, партизаны бросились было преследовать врага, но Галушкин тут же удержал своих бойцов.

— Назад! Подбирать трофеи!

Захватив 2 повозки, 2 пулемета, 19 винтовок и автоматов, партизаны отошли. На заснеженной дороге осталось несколько десятков трупов убитых врагов.

Только после Юрьева гитлеровцы пришли в себя и широким фронтом повели наступление на Кривую Поляну. Но там их уже поджидала более мощная засада — отряд имени М. И. Кутузова бригады «Смерть фашизму!», возглавляемый опытным боевым командиром Иваном Михайловичем Деминым, к которому уже поступили наши боеприпасы. И гитлеровскому полку пришлось убираться в Логойск не солоно хлебавши.

Расскажем еще об одном эпизоде, героем которого был Борис Галушкин.

В туманное февральское утро сорок четвертого года немцы повели наступление на партизанскую деревню Ганцевичи, где стоял партизанский отряд бригады «Дя-

ди Коли». Гитлеровцев собралось около тысячи — почти втрое больше, чем партизан. Впереди двигались танки.

После короткого, но жаркого боя партизаны вынуждены были оставить Ганцевичи и пробиваться на север, к деревне Замошье. Но гитлеровцы охватили отряд с трех сторон и стали теснить его к заболоченной пойме реки Цна.

По просьбе командира отряда имени В. И. Чапаева Яши Жуковского, примчавшегося к нам в Застенок, я послал на выручку 70 автоматчиков и пулеметчиков во главе с Галушкиным.

— Ты крой с ребятами прямо — ударишь гитлеровцам во фланг,— приказал Галушкин своему помощнику,— а я двину в Замошье. Видишь: туда пошли танки! Закупорят последний выход — тогда хлопцам придется туго.

С собою в сани Галушкин взял Петра Юрченко и Гришу Шимана. Когда они влетели в Замошье, по деревне уже мчались танки. Вот они приблизились к центру. И вдруг из морозного тумана прямо перед ними возник человек, дал несколько очередей из автомата и тут же исчез. По броне защелкали пули. Передний танк остановился. Очевидно, немецкие танкисты решили, что в деревне засада. Они перестроились клином и открыли пулеметный огонь. По тому месту, откуда за минуту до этого стрелял человек (то был Борис Галушкин!), ударила пушка. Но Борис с друзьями был уже возле саней.

— Ванька, немцы! — крикнул Галушкин жеребцу.

Лошадь, приученная к этому возгласу, рванула в галоп. Дело было сделано: небольшой заминки хватило, чтобы выиграть драгоценную минуту. Партизаны прорвались из окружения.

— Когда решается судьба целого отряда, стоит пойти на любой риск! — с жаром доказывал Галушкин после боя. Потом он тихо добавил: — Даже если бы мне пришлось погибнуть...

В начале июня 1944 года крупные силы немецко-фашистских войск окружили на сравнительно небольшом участке в районе озера Палик, что находится в Борисовском районе, несколько партизанских отрядов. Все эти отряды незамедлительно объединились под командованием Б. Л. Галушкина и по его указанию повели упорные бои со значительно превышавшими по численности

войсками врага. Бойцы и командиры сражались мужественно. У них была одна цель — прорвать кольцо окружения, состоявшее из трех оборонительных рубежей, выйти на оперативный простор.

В напряженные минуты боя Галушкин неизменно находился на главных направлениях удара, там, где отрядам угрожала наибольшая опасность. Своим примером он увлекал бойцов и командиров на смелые и решительные действия, то и дело шел впереди атакующих. Нелегко было взломать оборону врага. Партизанам не однажды приходилось залегать под перекрестным огнем. И все-таки кольцо окружения было прорвано. Большая часть отрядов, хотя и понесла потери, вырвалась из него, и партизаны, совершив трудный переход, ушли от преследования разъяренных неудачей гитлеровцев.

Это был последний бой Б. Л. Галушкина. Он пал в нем смертью храбрых. Случилось это 15 июня сорок четвертого года.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, лейтенанту Галушкину Борису Лаврентьевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Захоронен Б. Л. Галушкин в братской могиле в деревне Маковье, что неподалеку от места его последнего боя.

Иван ЗОЛОТАРЬ

НЕ РАДИ СЛАВЫ

Нелегко в двадцать с небольшим лет взваливать на свои плечи огромный груз ответственности за судьбу и за жизнь десятков людей. Нелегко, а надо: другого выхода нет...

Эта мысль и это решение все больше и больше крепли у Николая Зебницкого, когда синим июльским вечером он стоял над свежим холмиком рыхлой земли, где похоронили командира их отряда «Вторые» Павла Павловича Качуевского. Нерушимая, напоенная летними запахами тишина лежала вокруг, и в тишине этой, как ни вслушивайся, ни единый звук не напоминал о недавнем бое и о гитлеровцах, которые опять могут нагрянуть в любую минуту. Показалось на миг, что, если зажмурить глаза,— не земля белорусская, испепеленная и истоптанная врагами, а родные карагандинские степи обнимут и обласкают со всех сторон. Точно так же, как там, в Караганде, в синем небе звенит невидимый жаворонок. Точно так же скрипит-стрекочет где-то рядом, в траве, неугомонный прыгун-кузнечик. И только свежий могильный холмик неумолимо напоминает о действительности, о том, что не родное карагандинское село Новосухотино лежит неподалеку, а разграбленная и разрушенная фашистами белорусская деревня Кляшино, где нашел свою смерть истекший кровью Павел Павлович Качуевский.

Сколько видел уже таких населенных пунктов Николай Зебницкий, сколько черных, закопченных труб на месте сожженных деревень насчитал с тех пор, как два с лишним месяца назад вместе с диверсионно-разведывательным отрядом и с командиром его Павлом Качуевским пробился на территорию Белоруссии, временно оккупированную немецко-фашистскими захватчиками! Что ни день — новое пожарище, что ни переход по вражеским тылам, то новый бой с противником. И не видно конца. Не будет конца до тех пор, пока хоть один фашист ходит с оружием в руках по нашей советской земле!

— Пора,— кто-то тронул Зебницкого за руку.— Надо двигаться. Успеть бы засветло в лагерь.

Оглянулся — рядом приземистый, широкоплечий боец Петр Рябикин с трофейным немецким автоматом на груди. У Рябикина запыленное, очень усталое лицо, а в суровых, с покрасневшими веками, глазах нескрываемая, неугасимая боль тяжелой утраты. «Да,— подумалось,— любили ребята Павла. Нелегко будет без него...»

— Что ж, пошли,— вздохнул Николай и глубже, чтобы ветками не сорвало, натянул фуражку.— Поднимайте людей.

Шли гуськом, в затылок друг другу. Шли, чутко вслушиваясь в тишину ночного леса и все время держа оружие наготове. И хотя никто не произносил ни слова, Зебницкий знал, что все, как и сам он, думают об одном и том же. Николай любил вот так, на переходах, вспоминать о том, что уже пережито, и думать о предстоящем. Эти раздумья помогали еще больше сосредоточиться, еще точнее определить свое собственное место в общем боевом строю, еще строже и беспристрастнее оценить свои промахи и ошибки, чтобы впоследствии не повторять их. А кому из двадцатилетних, лишь перед самой войной вступивших в жизнь, не суждено было ошибаться, хотя бы на самых первых порах гигантской всенародной битвы с кровавой гитлеровской нечистью?!

Так и в их отряде, и у него самого ошибки бывали. Разве он, Николай Зебницкий, не считал, что война закончится в считанные недели? «Будем бить врага на той территории, откуда он посмеет на нас напасть...» А фашисты захватили всю Белоруссию, всю Украину, докатились до подступов к Москве. Почему? Откуда у них такие несметные силы? Или в самом деле непобедимые, как трубит геббельсовская пропаганда на весь белый свет?

Только после зимнего разгрома немцев под Москвой, только после того, как сам Николай дважды побывал со специальными заданиями во вражеском тылу, начал он понемногу разбираться во всех этих «почему» и «откуда». И его радовало то, что он своими глазами увидел в тылу у гитлеровцев: их панический страх перед внезапными, сокрушительными ударами Красной Армии, их патологический ужас перед парти-

ванами, их беспомощность перед жгучими русскими морозами.

А увидев все это, с особой отчетливостью понял, где и, главное, как должен он драться, чтобы быстрее и до конца сломить, уничтожить, развеять в прах ненавистную вражью силу.

Потому и в диверсионно-разведывательный отряд добровольцем пошел — комиссаром к Павлу Качуевскому. Потому и обрадовался, когда в самом конце апреля 1942 года их отряд перебросили через линию фронта на оккупированную белорусскую землю.

Сколько времени прошло с той темной апрельской ночи? Май, июнь да последние четыре июльских дня. Не так уж и много. А если вспомнить все, что выпало на долю отряда за недолгий этот срок, хватило бы, пожалуй, на целые годы. Даже самое главное перечислить трудно: день за днем — переходы, разведка, засады, налеты на вражеские гарнизоны, стычки с гитлеровцами, бои с карателями. Ночь за ночью. В мае — шесть боев, в июне — тринадцать. А в итоге?

И, шагая в затылок идущему впереди проводнику, примкнувшему к группе уже здесь, на Полесье, Зебницкий как бы мысленно перелистал страницы своих донесений, припомнил: за два месяца спущено под откос пять немецких воинских эшелонов, уничтожено более двадцати автомашин и четыреста с лишним гитлеровцев, взорвано двадцать два моста.

— Что же дальше? — спросил он себя.— Ведь Павла-то нет...— И с досадой скрипнул зубами: — Как нелепо, как глупо все получилось!

Качуевский не сомневался в успехе налета на гитлеровцев, разместившихся в большой деревне Омкиничи. «Не впервой, да и вряд ли каратели сумеют оказать сильное сопротивление». Поначалу все так, как он думал, и получилось, но вдруг на машинах еще нагрянули немцы. Может, лучше было бы отойти, но Павел решил гитлеровцев встретить огнем, а Николай, как всегда в минуты опасности, поддержал командира.

Бой гремел в одном и другом конце деревни, и накал его нарастал с каждым новым убитым фашистом. Охватив гитлеровцев железным кольцом, партизаны теснили их к центру Омкиничей, где пылали подожженные немецкие машины. Все слабее становился ответный огонь противника: из семи немецких офицеров и

пятнадцати солдат, нагрянувших в деревню, еще отстреливалось два-три последних.

— Может, этих живыми возьмем? — крикнул командир.— Пригодятся...

Комиссар не успел ответить: Качуевский вскочил, рванулся вперед и тут же упал, подсеченный автоматной очередью. Подобрали его минуту спустя, когда вытянулся на пыльной земле и затих последний немец. Павел был еще жив, но короткие, предсмертные вздохи вместе с кровавой пеной срывались с его быстро синеющих губ. Партизаны чуть не бегом несли его к лагерю, к врачу, а сумели донести только до деревни Клянино, где осталась теперь одинокая могила их командира. А домой, на лесную стоянку, повел группу комиссар Николай Зебницкий.

Когда добрались наконец до лагеря, комиссар приказал поднять по тревоге и построить весь отряд: Николай Васильевич Зебницкий вступал в обязанности командира партизанского отряда особого назначения.

И опять, как прежде, переходы, разведка, бои, диверсии. Каждый день, каждый час в изматывающем, на пределе боевом напряжении: война. Даже трудно поверить, что так могло быть, что могли эти люди вынести такую нечеловеческую перегрузку, когда вчитываешься сегодня в лаконичные, более чем скупые строки радиодонесений, поступавших из отряда Зебницкого на Большую землю.

Вот лишь некоторые из этих строк:

«24 июля: на дороге между деревнями Полесье и Волосовичи уничтожено шесть вражеских автомашин, убито и ранено 69 гитлеровских солдат и офицеров.

14 августа: бой в деревне Малаевка. Во время боя убито и ранено 37 немецко-фашистских карателей.

28 августа: в деревне Медведи уничтожено волостное управление. На железнодорожной линии пущены под откос эшелон с войсками противника и эшелон с продовольствием.

2 сентября: совместно с другим отрядом бой с гарнизоном противника в деревне Акуличи. Уничтожены 13 врагов, захвачены станковый пулемет, миномет, винтовки, мины и патроны.

2 октября: уничтожен немецкий бронепоезд.

С 25 по 28 октября: совместный с другими партизанскими отрядами поход на железнодорожную стан-

цию Белынковичи. Взорвано 75 метров железнодорожных путей, уничтожено 75 фашистов.

12 декабря: взорван железнодорожный мост...».

И так — все лето, всю осень, большую половину последовавшей за нею зимы 1942/43 года. Сначала в Белоруссии: Могилевская область, Гомельская, Полесье. Потом Черниговщина на Украине. А напоследок, в середине января, отряд Зебницкого перебрался в клетнянские леса Орловской области и продолжал сражаться там до самого воссоединения с частями Красной Армии. И люди, зачастую до предела измотанные в предыдущих боях, покидали только-только обжитое место, чтобы завтра, а может быть, и нынешней ночью опять вступить в бой.

Но покидали не просто густой лес, не просто глухую полянку, заросшую диким кустарником, какою была их стоянка всего лишь неделю-две назад. Уходили, оставляя вместо себя боевую партизанскую смену, и эта смена продолжала дальше бить врага. Так было и в Быховском районе Могилевской области, где группа Николая Зебницкого создала и вооружила местный партизанский отряд из 62 человек. И в Пропойском районе, на левом берегу реки Сож, где семь бойцов Зебницкого во главе с Виталием Ефимовичем Волонцевичем организовали партизанский отряд, командиром которого стал Иван Алексеевич Стефаненко. Отряд вскоре вырос до 67 человек. И в Хотимском районе, где Борис Александрович Зубкевич по заданию Зебницкого организовал первый отряд.

Неудержимо рос, набирал силы и сам отряд Николая Васильевича. Если весной, в конце апреля, при переходе линии фронта в отряде «Вторые» было лишь 43 человека, вооруженных пятью автоматами и винтовками, то к концу года отряд особого назначения уже насчитывал в своих рядах 215 человек, вооруженных трофейными и отечественными автоматами, ручными и станковыми пулеметами, минометами и добрым запасом патронов и мин.

Суровая зима несла с собой новые тяготы и испытания, но Николай Зебницкий сумел заблаговременно подготовиться к ним. Нужны были лыжи для стремительных бросков по глубокому снежному покрову — и в отряде появилась лыжная мастерская. За лето и осень износилась, истрепалась обувь. Начали сами катать

удобные, теплые, легкие валенки из отбитой у фашистов овечьей шерсти. Во время налета на вражеский гарнизон захватили склад с льняным полотном, подготовленным к отправке в Германию,— и женщины-партизанки шили из него белье для бойцов и маскировочные халаты. Не хватало хлеба — сумели походную пекарню организовать.

Редко, очень редко обращался Зебницкий по радио на Большую землю с просьбами перебросить в отряд на самолетах что-либо наиболее необходимое из снаряжения и медикаментов. Зато сам регулярно сообщал все новые и новые разведывательные данные, имевшие неоценимое значение для Красной Армии, готовившейся к сокрушительным ударам по врагу.

«В Речице,— сообщал он,— на территории гвоздильного завода, на восточной окраине по улице Десятого Октября, справа в бывших складах «Заготзерно» размещены немецкие склады с боеприпасами и обмундированием. Пять складов деревянных, один каменный. Слева в каменной двухэтажной школе живет офицерский состав, сорок человек. На юг от него, в трехэтажном каменном общежитии, тоже обмундирование и боеприпасы...»

Можно ли требовать более точных ориентиров для бомбовых ударов советских самолетов? И на рассвете вражеские склады, боеприпасы, не чуявшие беды гитлеровские офицеры вместе с общежитием взлетают на воздух!

А отряд уже опять продолжает путь: все дальше и дальше в глубь оккупированной территории, от одного населенного пункта к другому, от гарнизона к гарнизону...

В деревне Новая Буда Костюковичского района на Могилевщине особенно свирепствовал вражеский гарнизон. Выслуживаясь перед своими хозяевами, гитлеровские холуи во главе с местным бургомистром свозили сюда из окрестных деревень награбленный у населения хлеб, сгоняли для отправки в Германию на каторжные работы молодежь. Решив покончить с этим паучьим гнездом, Зебницкий сам повел бойцов на разгром гарнизона. Камня на камне не оставили партизаны от волостного управления, уничтожили и бургомистра, а захваченный в складах хлеб раздали тем, у кого он был награблен.

Труден был путь партизанского отряда особого назначения по глубоким гитлеровским тылам. Много бесценных могил оставил он на своем пути. Смертью храбрых погиб первый его командир Павел Павлович Качуевский. Пали в жестоких боях с противником командир подразделения Алексей Иванович Полюшкин, рядовые бойцы Иван Арсентьевич Бездетный, Григорий Антонович Меркачев, Петр Семенович Рябикин.

Но несгибаемым, полным сил вывел окрепший и выросший, овеянный боевой славой отряд на соединение с частями Красной Армии новый его командир — Герой Советского Союза Николай Васильевич Зебницкий. Вывел, себя не щадя в сражениях, не ради славы, а ради нашей Великой Победы над ненавистным врагом.

Александр ***МИРОНОВ***

РАЗВЕДЧИК ГРЯДУЩЕЙ ПОБЕДЫ

Война застала Петра Лопатина в командировке за тысячи километров от дома — на берегу Тихого океана. В железнодорожном эшелоне Петр Григорьевич спешил на запад, навстречу войне. Но в Минск не успел: уже на шестой день войны в столице Белоруссии орудовали гитлеровцы.

В дороге прочитал газету с речью И. В. Сталина. Особенно ему запомнились слова о том, что в занятых врагом районах необходимо организовывать партизанские отряды, диверсионные группы, создавать невыносимые условия для оккупантов.

В июле П. Г. Лопатин стал бойцом отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Здесь как раз формировались и готовились к заброске во вражеский тыл разведывательно-диверсионные группы и отряды. По существу вся бригада была школой, где будущие разведчики и подрывники постигали азы сложного и трудного искусства партизанской борьбы.

Одним из первых в сентябре 1941 года отправился в дальнюю дорогу отряд Дмитрия Медведева, состоявший из трех десятков добровольцев. Командиром одного из отделений назначили Лопатина.

Сотни километров прошли медведевцы по оккупированной Брянщине и Могилевщине, провели около пятидесяти боевых операций. В отряд вливались выходившие из окружения красноармейцы, местные жители. Рос отряд, крепчали его удары по врагу. Мужали бойцы и командиры. И одним из самых смелых командиров был Петр Лопатин. Его отделение отличилось при разгроме фашистских гарнизонов в Хотимске и Жиздре, при налете на аэродром во Мглине. Медведев быстро заметил умного отделенного, назначил его командиром взвода, стал давать ему самые ответственные задания. Именно взводу Лопатина в конце декабря поручили взорвать железнодорожный мост возле станции Зикеево на дороге Брянск — Сухиничи.

Декабрь в том году выдался морозный и снежный. Стороной обходя населенные пункты, не один десяток километров проделал Лопатин со взводом по снежной целине. Тщательная разведка, отличное знание каждым бойцом своей задачи обеспечили успех операции: мост был взорван, охрана перебита.

У реки скопились вражеские эшелоны. Немедленно по радио были даны координаты для наших самолетов. Они нанесли удар по образовавшейся пробке.

Благодарность от командира получили тогда Лопатин и бойцы его взвода. А вернувшись на Большую землю, в Москву, в конце января 1942 года, Медведев представил Петра Лопатина к государственной награде. «Лопатин,— писал он в наградном листе,— образцовый командир... показал себя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками как подлинный патриот. Он участвовал в большинстве боевых операций и налетах на коммуникации врага. Наиболее активно проявил себя в следующих операциях: разгроме 576-го саперного батальона, когда была уничтожена группа офицеров, захвачено знамя батальона и ряд ценных военных документов; подрыве железнодорожного моста близ станции Зикеево, железнодорожного полотна Кричев — Унеча, уничтожении самолета «Хейнкель-111» и ряде других операций. Лопатин достоин награждения орденом Красной Звезды».

Петр Лопатин получил орден уже будучи «Дядей Колей» — командиром группы «Бывалые». Столь солидное название ей дали не случайно: боевую выучку в отряде Медведева прошла бо́льшая половина ее участников — Алексей Езубчик, Александр Красовский, Иван Соколка, Григорий Батура, Петр Хмелевский.

В ночь на 18 марта 1942 года вблизи Торопца группа перешла линию фронта и направилась в сторону Борисова. Нелегкая дорога заняла без малого два месяца, но «Бывалые» не потеряли ни одного бойца и 12 мая достигли места назначения — паликовских лесов.

К этому времени в Борисовском районе уже действовали партизанские отряды имени Сталина, имени Чапаева и «Коммунар». Вскоре Лопатин побывал у соседей, познакомился с командирами отрядов Спиридоном Верховодко, Яковом Жуковским и Евгением Егоровым. Его подробно расспрашивали о Большой земле, о Мо-

скве. Жадно интересовались событиями на фронте. Но Лопатин не только рассказывал. С интересом сам слушал рассказ комиссара отряда имени Сталина журналиста Даниила Копыткова об истории здешнего края и развитии партизанского движения сейчас.

Город Борисов давно вошел в мировую историю. В ноябре 1812 года возле деревни Студенка, в десяти километрах от города, русские войска при активном участии партизан нанесли серьезное поражение отходившей от Москвы армии Наполеона. Мужественно и стойко боролись борисовчане за Советскую власть в годы гражданской войны. Дерзкими вылазками против врага отличался тогда отряд, состоявший в основном из жителей деревни Боровляны. Командовал им учитель Григорий Сидоренко. Базировался отряд в улесском лесу, на острове Багун.

А когда пришли немецко-фашистские захватчики, бывшие ученики Григория Сидоренко с оружием в руках подались на Багун и восстановили землянки партизан гражданской войны. Так возник отряд имени Сталина. Через несколько дней народные мстители разгромили волостную управу в Корсаковичах, провели другие операции. Активно начали борьбу и партизаны отрядов имени Чапаева и «Коммунар».

С прибытием группы «Бывалые» встал вопрос об усилении диверсий на коммуникациях противника. К «обслуживанию» довольно большого участка важнейшей железнодорожной магистрали Берлин — Москва, по которой гитлеровцы везли на фронт живую силу и технику, и приступили теперь партизаны. Эту работу «Дядя Коля» поручил капитану Кузнецову, имевшему десятилетний стаж службы в саперных частях и подготовившему немало специалистов-подрывников для Красной Армии.

Алексей Кузнецов оказался не только опытным сапером, но и талантливым учителем. О премудростях подрывных устройств он рассказывал доходчиво, интересно. Небольшой курс теоретических занятий новички закрепляли «на практике» — вместе с Кузнецовым минировали железную дорогу.

На первую операцию Кузнецов отправился вместе с Рудаком и Батурой. Капитан не хотел, чтобы первый блин получился комом, и поэтому взял с собой самых лучших, самых надежных учеников. К тому же Григо-

рий Батура был довоенным коллегой «Дяди Коли», работал в этих местах на железной дороге, хорошо знал подходы к ней. И блина комом не получилось: удачно пустили под откос вражеский эшелон. А дня через два, когда стали известны результаты диверсии, радист отстучал телеграмму в Центр: 7 июля группой совершена первая диверсия на железной дороге вблизи деревни Плиса. Под откос пущены паровоз и четыре вагона с техникой.

Прошло несколько дней, и тот же Кузнецов, но с другими напарниками пустил под откос более солидный эшелон — паровоз, четыре вагона с живой силой и три платформы с боеприпасами.

Почин «Бывалых» подхватили другие отряды.

В конце июля появился новый сосед — прибывший из-за линии фронта отряд «Буря» во главе с Василием Лаворчуком. «А что, если объединиться всем отрядам в бригаду?» — задумался Петр Лопатин. 12 августа 1942 года на базе «Бывалых» собрались командиры, комиссары и начальники штабов соседних отрядов. Прибыли и представители Минского подпольного городского комитета партии. Присутствовавшие единогласно постановили: создать бригаду под командованием Петра Лопатина и назвать уже ставшим популярным среди партизан и местного населения именем «Дяди Коли». 250 человек стала насчитывать бригада. На вооружении имела винтовки, автоматы, пулеметы и даже одно орудие.

Новые, еще более сложные обязанности легли на плечи Петра Лопатина. Согласившись на создание бригады и указав одновременно на необходимость усиления диверсионных ударов по врагу, Центр требовал и активизации разведывательной работы.

Петр Лопатин, комиссар Николай Чулицкий, заместитель командира по разведке Владимир Рудак хорошо понимали, что бригада имеет многое для того, чтобы выполнить задание Центра: действует на стратегически важном направлении, вблизи железной и шоссейной дорог Минск — Орша, рядом с крупными городами, в которых расположились не только оккупационные службы, но и части вермахта, разведывательные и контрразведывательные подразделения абвера и СД. Проникнув в них, можно многое получить для Красной Армии. Люди подобрались в бригаде боевые,

обстрелянные. В добровольцах на самые трудные и опасные задания недостатка не было.

Однако разведчики пока не радовали Лопатина.

— Сами понимаете, товарищ комбриг, тонкое это дело,— говорил Владимир Рудак.— Надо подобрать надежных товарищей, обучить их премудростям разведки, конспирации, а затем послать в лагерь противника. На это требуется время. Кое-что уже сделано. В Борисове неплохо работают Борис Качан, Николай Капшай, Артур Ржеутский, Люся Чаловская. Галина Финская поддерживает связь с минскими подпольщицами Марией Осиповой и Мариной Молокович. Сейчас мы многое знаем об обстановке в городе, о расположенных там объектах противника, пропускной системе.

Рудак высоко ценил жизненный и боевой опыт комбрига, его неторопливую, но умную рассудительность, любил за заботу о подчиненных и часто советовался с ним. Но Владимир был скуп на слова, не распространялся о своих предположениях, предпочитал говорить лишь о тщательно продуманном, взвешенном, любил иногда преподнести комбригу приятный сюрприз. Лопатин верил в разведывательный талант молодого чекиста Рудака, видел его старательность и поэтому не торопил, а только посоветовал:

— Надо шире и смелее опираться на помощь патриотов, проникать в самое логово противника. Центр ждет от нас большего.

Вскоре гитлеровцы не только в Борисове и Смолевичах, но и в Минске почувствовали постоянное внимание к себе разведчиков бригады «Дяди Коли». В октябре связные из Минска доставили в бригаду список 182 агентов, заброшенных фашистской разведкой в тыл Красной Армии. Бóльшая часть из них прошла специальную подготовку. Из паликовских болот одна за другой полетели в Центр телеграммы с данными на фашистских лазутчиков.

Тогда же, накануне 25-й годовщины Великого Октября, разведчик Анатолий Бинкис привез из Борисова шефа деревообрабатывающего комбината капитана Гольдмана, а 26 ноября партизаны бригады проникли в Борисов и освободили из лагеря 180 военнопленных.

К концу 1942 года один за другим пали гарнизоны гитлеровцев, находившиеся вблизи паликовских лесов.

Оставался только один — в деревне Зембин. Расположенный на возвышенности, на перекрестке дорог, ведущих в Борисов, Плещеницы, Логойск и Бегомль, сильно укрепленный полутысячный гарнизон противника сковывал действия партизан, терроризировал местное население. На совещании командиров бригад «Дяди Коли», «Дяди Васи» и отряда имени Кирова было решено разгромить этот гарнизон. Руководство всей операцией поручили Петру Лопатину.

Началась тщательная разведка. Вскоре выявили все огневые точки противника, изучили подступы к гарнизону. Разведчики установили, что гитлеровцы кроме винтовок и автоматов имеют на вооружении свыше двадцати пулеметов, несколько ротных минометов.

7 декабря к 6 часам утра три ударные группы партизан сосредоточились на исходных позициях у Зембина. Заградительный отряд расположился у веселовских мостов через реку Гайна с целью задержать подкрепление противнику со стороны Борисова. Группа партизан была послана и на дорогу Плещеницы — Зембин.

В 7 часов 10 минут, когда немцы выключили электросвет, партизаны устремились к Зембину. «Первая ударная группа,— вспоминал позже Петр Лопатин,— без выстрела заняла Озерную улицу. Немцы, стоявшие на посту, заметили партизан, но приняли за своих, то есть за полицейских, и начали подзывать к себе. В ответ партизаны открыли огонь. Ударная группа под руководством Жуковского ворвалась на базарную площадь... Третья ударная группа проникла на Борисовскую улицу, заняла ее северную сторону и гараж».

Застигнутые врасплох, гитлеровцы в нательном белье выскакивали через окна, метались по улицам. Многие из них были уничтожены в первые же минуты боя. Вскоре ударные группы заняли почти всю деревню. Партизаны грузили на сани трофеи: оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие.

Однако бой еще продолжался. Из дзотов и подвалов каменных домов гитлеровцы вели ураганный огонь из пулеметов и автоматов. Особенно ожесточенная схватка разгорелась в районе церкви. Укрывшиеся за ее толстыми стенами и деревоземляным валом, окружавшим церковь, гитлеровцы оказали упорное сопротивление. По приказу Лопатина в ход пустили артиллерию. Ору-

дийный расчет, подкатив пушку, прямой наводкой ударил по церкви. Но в это время партизаны услышали разрывы снарядов и гранат, дробь пулеметных очередей у мостов через реку Гайна. Было ясно, что заградительный отряд вступил в бой с гитлеровцами, спешившими на помощь гарнизону. А через полчаса Лопатин увидел две красные ракеты, повисшие в морозном воздухе. Они означали, что партизаны у мостов не в силах сдерживать наступление врага. «Ввязываться в затяжной бой с противником — не дело для партизан, нельзя дальше оставаться в Зембине»,— решил Лопатин и послал ординарцев в ударные и заградительные отряды с приказом начинать отход.

В этом бою партизаны уничтожили десятки гитлеровцев, взорвали вражеские склады, сожгли гараж, 7 автомашин, казармы, волостную управу, захватили богатые трофеи.

Итоги боя сказывались долго. Гитлеровцы из зембинского гарнизона умерили свою прыть и одни, без подкреплений из Минска или Борисова, вылазок против партизан не предпринимали. Фашисты, что называется, на собственной шкуре убедились в силе народных мстителей. На первое место в борьбе с партизанами теперь гитлеровцы выдвинули иные методы. Изрядно набившие руку на всевозможных провокациях, они распустили слухи, что командир бригады потому и маскируется под какого-то дядю Колю, что не все у него, дескать, чисто: раньше якобы служил у немцев и сейчас якшается с ними, тайком выезжает в Борисов и даже в Минск, где кутит с гестаповцами в ресторанах, обсуждает с ними план сдачи бригады.

Гнусная клевета, разумеется, успеха не имела. Тогда гитлеровцы снова изменили тактику. Над паликовскими лесами однажды завихрилась бумажная карусель. Листовки призывали партизан бросить «бандита дядьку Кольку» и переходить на службу к немцам — в полицию. Одна из таких листовок, суливших партизанам золотые горы за измену, была подписана комиссаром Минского округа доктором Кайзером. Через несколько дней в Минске, Борисове, Смолевичах гитлеровцы читали листовки — ответ партизан. «Слушай, Кайзер, ответ партизан,— писалось в ней.— Ты зовешь нас к себе на службу. Мы придем в Минск, не струсим. Но придем к тебе предъявить свой счет за тысячи уби-

тых и замученных, за кровь невинных детей и слезы матерей. А если ты явишься к нам, мы гарантируем тебе, что не тронем и волоска на твоей плешивой голове и передадим тебя на суд тех, у кого ты отнял мать и отца, на суд тех, кого ты оставил без крова».

Матерый фашист Кайзер, разумеется, не спешил воспользоваться приглашением партизан и не явился в паликовские леса. Зато другие в плен попадали.

Приходили добровольцы. В первых числах мая 1943 года прибыл честный немецкий офицер, не нацист. И хотя чин у него был не ахти какой высокий — обер-лейтенант, о переходе его на сторону партизан сразу же узнали в Москве и Берлине.

А все началось с телеграммы из Москвы. Она была короткой. Центр просил достать немецкий противогаз новейшего образца. Лопатин и его заместитель по разведке Владимир Рудак сразу же приступили к выполнению задания.

— Надо, Андреевич, подключить к этому делу подпольщиков Борисова, Минска, Колодищей,— дал задание Рудаку Петр Григорьевич.

О Колодищах командир бригады упомянул не случайно. На станции успешно действовала подпольная группа во главе с Мариной Молокович, а рядом, в военном городке Уручье, располагался штаб военно-воздушных сил гитлеровской группы армий «Центр». Связь с Молокович по-прежнему поддерживалась через Галину Финскую. Она и передала ей поручение командования бригады.

Марина начала искать подходы к строго засекреченному и усиленно охраняемому военному городку. И нашла.

Вскоре Лопатин получил сообщение: в офицерском общежитии в городке работает уборщицей Вера Тоболевич. Однажды в комнате одного из офицеров она включила приемник. Заслушавшись радиопередачей из Москвы, не заметила, как вошел хозяин. Офицер вопросительно уставился на нее. Вера вначале испугалась, а затем, взяв себя в руки, сказала:

— Что ж, можете выдать меня.

Но офицер, ни слова не говоря, повернулся и вышел.

Вера боялась, что Карл Круг — так звали офицера — сообщит о ней в СД. Однако никто ее не разыскивал, а Карл, как заметила наблюдательная Вера, ста-

рался уходить из комнаты именно в то время, когда Москва передавала последние сообщения. Через несколько дней он попросил ее рассказать, о чем говорит в своих радиопередачах «Москау».

С тех пор они слушали московское радио вместе. Карл коротко поведал о себе. Он — офицер-связист военно-воздушных сил вермахта. До прихода Гитлера к власти состоял в Союзе социалистической рабочей молодежи. Карл не раз с сожалением говорил о разрушениях, которые приносит война, но более откровенных бесед избегал.

Комбриг заинтересовался Кругом.

— Надо внимательно присмотреться к этому офицеру и сделать все возможное для перехода его на сторону партизан, и, конечно, не только с новым противогазом,— посоветовал Владимиру Рудаку Петр Григорьевич.

Вскоре наказ Лопатина был передан Марине Молокович. Та встретилась с Верой Тоболевич и в свою очередь передала ей просьбу «Дяди Коли».

Карл производил впечатление порядочного человека. Но предложение бежать в партизаны вызвало у него замешательство... Наконец согласился. И перешел не с пустыми руками: захватил с собой пулемет, противогаз последнего выпуска для офицерского состава. Но главное было не в этом. И даже не в картах коммуникаций воздушных сил группы армий «Центр» и списке десятков действовавших и строившихся аэродромов, системе их охраны, не в секретных инструкциях по радиотелеграфной службе фашистской авиации.

Важнейшее значение имели доставленные им в бригаду сведения о планах гитлеровской ставки. Ссылаясь на личный разговор с помощником начальника штаба группы войск, расположенных в Орле, Карл Круг сообщил следующее.

Гитлером утвержден план операции о наступлении немецких войск летом 1943 года в районе Орла и Курска. Используя новую технику, особенно танки «тигр» и штурмовые орудия «фердинанд», сильная группировка войск должна прорвать оборону русских, окружить их под Курском и разгромить. Развивая дальше наступление, немецкие войска двинутся к Волге и форсируют ее, тем самым отрежут Москву от кавказской нефти. Затем начнется генеральное наступление на Москву.

Карл рассказал также, что в начале мая из Минска на фронт специальным самолетом вылетел личный представитель Гитлера. Он должен был обсудить с командованием армий, входящих в группу «Центр», вопросы, связанные с предстоящей операцией. Но вблизи Борисова самолет сбили партизаны.

При этих словах Круга Лопатин посмотрел на своих помощников — Владимира Рудака и недавно прибывшего из Москвы для усиления бригадной разведки Ивана Золотаря. Ни он, комбриг, ни они ничего еще не знали о сбитом самолете гитлеровцев, о причастности к этому бойцов бригады.

Спустя несколько дней вернулся из очередной вылазки на «железку» командир группы подрывников и доложил, что ими пущен под откос вражеский эшелон и «попутно» из противотанкового ружья сбит самолет. Упал он в лесном массиве в районе деревень Скуплино и Завидное. Спускавшиеся на парашютах два летчика обстреляны. Найти самолет не удалось: возможно, он упал в болото. Безрезультатными оказались и поиски летчиков.

Позже стало известно, что один из летчиков убит, а второму удалось бежать. Он и сообщил гитлеровскому командованию о случившемся. «И вот 12 мая 1943 года,— вспоминал позже Петр Григорьевич,— отряд гитлеровцев в количестве 120 человек выступил на розыски самолета. Узнав о движении гитлеровцев в партизанский район, я приказал 3-му и 4-му отрядам сделать засаду на опушке леса у Скуплино. 13 мая гитлеровцы вошли в деревню Скуплино, забрали здесь кур, яйца и другие продукты и двинулись колонной в направлении деревни Замошье. 4-й отряд в это время подтягивал свои силы на опушку скуплинского леса, готовился к бою.

Первый взвод 3-го отряда под командованием Тимофея Абрасимова, находясь в засаде, подпустил гитлеровцев на близкое расстояние и открыл из пулеметов и винтовок фланговый огонь по колонне. Гитлеровцы в замешательстве бросились к другой опушке леса, но тут их встретил пулеметным огнем 4-й отряд. Гитлеровцы залегли и начали отстреливаться, а часть их стала отходить к деревне Скуплино. Но к этому времени подошел 2-й взвод 3-го отряда под командованием Корогозина и открыл по отходившему противнику пулемет-

ный огонь. Одновременно из деревни Корсаковичи на северную сторону деревни подтянули пушку и оттуда открыли огонь прямой наводкой по высоте, на которой залег противник. В этом бою было убито и ранено 52 гитлеровца».

Руководил боем с поисковым отрядом гитлеровцев П. Г. Лопатин, но в приведенных воспоминаниях он, по существу, умалчивает об этом. Петр Григорьевич не любил говорить о себе. В частых телеграммах в Центр — бригаде было о чем сообщать руководству — а позже в отчете рассказывается о мужестве и героизме многих десятков организаторов и исполнителей боевых и разведывательных операций. И только о себе, о своих заслугах, которые хорошо знали его соратники, он предпочитал не писать. И не говорить. В военное и мирное время. И получилось так, что о нем, одном из героев-ветеранов партизанского движения, до сих пор знают мало.

Вскоре развернулись события, которые подтвердили другие сведения Круга: о «Коттбусе» — предстоящей карательной операции гитлеровцев против партизан Борисовско-Бегомльской зоны, где базировались бригады «Дяди Коли», «Железняк», «Народные мстители» и другие. 20 мая завязались ожесточенные бои между передовыми частями карателей и партизанами бригады «Дяди Коли». И хотя предупрежденные Кругом партизанские отряды и бригады заранее подготовились к встрече с карателями, народным мстителям пришлось нелегко. Вместе со специальными частями СС, охранными войсками, жандармскими и полицейскими подразделениями в операции принимали участие регулярные войска. Группировке карателей, насчитывавшей свыше 80 тысяч солдат и офицеров, были приданы танки, артиллерия, самолеты.

Избегая затяжных кровопролитных боев, Лопатин маневрировал, уводил бригаду на север, к Домжерицким болотам. Но противник все туже стягивал кольцо блокады вокруг народных мстителей. В этих условиях комбрига все сильнее тревожила безопасность Карла Круга. О его судьбе заботилась и Москва. Прислав на помощь бригаде две группы десантников, Центр потребовал от Лопатина во что бы то ни стало срочно подготовить площадку для посадки самолета, который прилетит за Кругом. Перебираясь через топи и заболочен-

ные низины, несколько дней разведчики искали подходящее место. И нашли. К «аэродрому» — небольшой поляне вблизи деревни Домжерицы — Круга сопровождал отряд партизан во главе с Лопатиным. И когда самолет поднялся в воздух, комбриг вздохнул с облегчением: задание Центра выполнено.

Прошло несколько дней, и связной бригады доставил из Минска сведения, подтверждавшие данные Круга. Разведчик бригады профессор Н. М. Никольский сообщал, что от своего бывшего студента, работающего в резиденции гауляйтера Кубе, он узнал о готовящемся наступлении гитлеровских войск в районе Орла летом 1943 года. Из паликовских лесов в Центр полетела срочная телеграмма...

Разведчики и связные, активизировавшие свою работу с прибытием в отряд Ивана Золотаря и ободренные успехом организации по переходу на сторону партизан Круга, еще с большим усердием стали проникать в фашистские гарнизоны в Борисове, Смолевичах, Логойске, Плещеницах, Минске.

Как-то летом 1943 года по заданию Лопатина и Рудака разведчик Николай Капшай под видом свободного художника пробрался в военный городок Ледище: были данные, что там располагается шпионская школа гитлеровцев. Несколько дней за небольшую плату — две-три пачки сигарет, килограмм соли — рисовал он там портреты солдат и офицеров. Но разведчик был доволен. Довольно было и командование бригады. Капшай установил, что школа находится не в Ледищах, а в другом военном городке — Печах, что одним из ее руководителей является полковник Нивелингер.

С тех пор и школа, и Нивелингер оказались под пристальным вниманием Лопатина и Рудака. Они узнали, что Нивелингер — мужчина лет пятидесяти, плотного телосложения, хорошо владеет русским языком, вместе с семьей проживает на частной квартире в Борисове.

— Надо выкрасть этого борова,— дал задание Петр Григорьевич своим разведчикам.

Капитан Рудак вместе с Капшаем, Качаном и Ржеутским ночью проникли на квартиру Нивелингера и предложили ему следовать с ними. Он повиновался, только попросил разрешения выпить на дорогу для успокоения нервов немного водки. Ему разрешили, а позже пожалели об этом. Разведчикам пришлось на се-

бе тащить опьяневшего полковника. Он хотел перехитрить разведчиков: надеялся, что партизаны не станут возиться с пьяным и, конечно же, зная ему, Нивелингеру, цену, оставят в живых, придут за ним в другой раз. А в другой раз он, разумеется, не попадется.

Допросив Нивелингера, Петр Григорьевич радировал в Центр о его показаниях. Недели через две полковник был в Москве, дал ценные сведения о работе фашистской разведки, об агентуре, которую он раньше готовил и забрасывал в тыл Красной Армии, в партизанские отряды.

Но не только разведкой занимались партизаны бригады «Дяди Коли» и сам Петр Григорьевич Лопатин. «Выпускники лесной академии Кузнецова», как в шутку называл комбриг учеников капитана-сапера, — Александр Гармаза, Лука Желефонов, Михаил Дедюрин, Иван Аладко, Владимир Шаранов, Александр Степурко, Анатолий Шиманович — оказались достойными своего учителя. Каждый из них имел на счету по нескольку пущенных под откос эшелонов противника. Среди подрывников заметно выделялся Шиманович. Отчаянная дерзость, редкая находчивость сочетались у молодого командира диверсионной группы с необычайной настойчивостью. У него учились, к нему обращались за советом молодые — да и не только молодые — подрывники.

Мужественно сражались бойцы бригады в открытых схватках с врагом. Многих из них хорошо знал Петр Григорьевич, гордился своими подчиненными, поощрял боевое рвение народных мстителей.

До слез однажды растрогал Лопатина пожилой крестьянин из деревни Замошье Иван Степурко. Два его сына сражались с врагом в рядах Красной Армии. Третий, Александр,— один из лучших подрывников, погиб при выполнении боевого задания. И вот Иван Степурко, которому перевалило давно за шестьдесят, пришел на Палик вместе со своим семнадцатилетним сыном. Придирчиво оглядев неказистую фигуру комбрига, одетого в фуфайку, поношенные брюки, и, видимо, несколько разочаровавшись от не совсем командирского вида знаменитого «Дяди Коли», Степурко, став по команде «смирно», отрапортовал:

— Товарищ племянник Коля! Нижний чин семнадцатого гренадерского, его величества Константина

6*

полка тринадцатого корпуса бывшей царской, то есть русской, армии Иван Михайлович Степурко прибыл для дальнейшего прохождения службы вместе с младшеньким Иваном заместо погибшего сына Александра, чтобы бить поганую нечисть.

И хотя рапорт, видно, был заранее обдуман Иваном Михайловичем, все же дался ему нелегко. Как бы там ни было, он после рапорта, вытирая пот, совсем по-граждански попросил:

— Дык возьми нас, товарищ племянник Николай. Раскаиваться не будешь: Степурки воевать могут. Возьмешь?

И все же старому гренадеру пришлось отказать, а его «младшенького Ивана» зачислили в то же отделение, того же отряда имени Н. Ф. Гастелло, в котором ранее состоял Александр Степурко.

— Ладно, пусть будет по-твоему, племянник-командир,— почесав затылок, согласился Иван Михайлович и тут же дал отцовский наказ: — А ты, Ваня, не посрами рода Степурко, слушайся дядю Колю.

Через несколько дней связные принесли из Замошья письмо Ивана Михайловича Степурко Верховному Главнокомандующему. «Посылая в партизаны своего младшего сына, я заверяю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что мой сын Иван не опозорит имени белорусского народа, будет достойным воином великой Родины».

В бригаде были, конечно, не только белорусы. Крепкая, большая дружба, борьба за правое дело сплотили сыновей многих национальностей. Плечом к плечу с врагом сражались русские Петр Рыжанков, Виктор Большаков, Сергей Колескин, украинцы Иван Загороднюк, Михаил Харченко и Тихон Лебедь, казахи Токтагал Жангельдин и Елеп Сагинов, армяне Вано Григорьян и Михаил Богдасаров, азербайджанец Алиаскар Алиев.

Рука об руку вместе с ними боролись против гитлеровцев и патриоты-антифашисты из стран, порабощенных Германией,— поляки, чехи, словаки...

Свыше двух лет командовал Петр Лопатин отрядом, а затем бригадой, базировавшимися вблизи Палика. Неприступным для гитлеровцев оказался партизанский Палик. Малым Ленинградом назвали они приозерские леса и болота — цитадель народных мстителей.

Тяжелые и упорные бои, с большими потерями, довелось вести бригаде с карателями в июне 1944 года. Но она выстояла, помогла частям Красной Армии форсировать реку Березина.

А в начале июля бригада «Дяди Коли» двинулась в только что освобожденный Минск, где ей предстояло принять участие в партизанском параде. Здесь, в разрушенной, но непокоренной столице Белоруссии, Петр Лопатин вместе с комиссаром Николаем Чулицким и начальником штаба Андреем Волошиным писали и утверждали характеристики и наградные листы на бойцов и командиров, составляли отчет о боевой и разведывательной деятельности бригады. Лаконичным языком рассказали они в отчете о подвигах более чем тысячного формирования, привели конкретные цифры причиненного врагу урона. Цифры эти впечатляют! Пущено под откос 132 эшелона, уничтожено 288 автомашин, 9 танков, 6 самолетов, взорвано и сожжено 32 склада, 8 мостов, электростанция...

После войны Петр Лопатин остался в ставшем ему родным Борисове. Чтобы быть ближе к своим боевым соратникам. Погибшим и живым. Выезжал и в паликовские леса, навещал боевых побратимов в Боровлянах, Большом Стахове, Корсаковичах, Маковье, Иканах.

А когда школьники и учителя Иканской школы начали создавать музей народной славы, первым советчиком и самым деятельным помощником у них был «Дядя Коля», как по-прежнему многие звали Петра Григорьевича. Горячо поддержал он и задумку ребят заложить возле нового музея парк Героев и поставить памятник в честь погибших воинов и партизан. Ветераны бригады «Дяди Коли» повели ребят в паликовские леса, на места былых боев, принесли оттуда молодые дубки, клены, липы, березки. Их бережно посадили в парке. У каждого деревца табличка: «Воину Деменцевичу Андрею Захаровичу... Партизану Тарасевичу Ивану Устиновичу...» Не раз останавливался партизанский комбриг у стройного клена, посаженного в честь мужественного испанца, Героя Советского Союза Рубена Ибаррури, горячим летом 1941 года пролившего кровь при обороне моста через реку Березина. Деревья — живые памятники героям Великой Отечественной войны...

Каждый год в первое воскресенье июля приезжал Петр Лопатин в деревню Буденичи. Здесь, у братской могилы, возле памятника погибшим партизанам, сооруженного по проекту в прошлом разведчика бригады скульптора Николая Капшая, собираются бывшие народные мстители бригады «Дяди Коли», местные жители. Встречаются, чтобы вспомнить тяжелые партизанские дни и ночи, отдать дань уважения памяти погибших соратников.

Собирался Петр Григорьевич побывать в Буденичах и 7 июля 1974 года. Но в июне к нему подкралась болезнь...

Умер Петр Григорьевич 9 июля 1974 года. Похоронили бывшего комбрига в Буденичах, рядом с братской могилой, где вечным сном спят партизаны бригады «Дяди Коли».

А в парке Героев возле Иканской школы посажен молодой дубок. В память о Герое Советского Союза Петре Григорьевиче Лопатине.

Недалеко от дубка — мемориальная плита. На ней высечены слова:

Слава вам, храбрые,
Слава, бесстрашные,
Вечную славу поет вам народ.
Доблестно жившие, смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрет.

Илья БОРИСОВ

НАПЕРЕКОР ВСЕМУ

Надо ли говорить о том, какую горечь испытывает человек, когда неожиданно рушатся его сокровенные мечты? Так было и с Николаем Михайлашевым: шел на призывной пункт, будто на крыльях летел. А дождался своей очереди на получение документов — и как обухом по голове:

— От действительной службы в Красной Армии вы освобождены.

— Почему? — только и вырвалось у Николая.

— Единственный кормилец в семье.

Единственный кормилец... Что ж, все правильно: отца давно нет, сестра замужем, у нее своя семья, и кроме него, Николая, о старушке-матери позаботиться некому. Но разве от этого легче? Ведь так хотелось, так мечталось вместе с друзьями-одногодками наконец-то надеть красноармейскую гимнастерку!

Мать сразу почувствовала угнетенное состояние сына. Почувствовала и сестра. Расспрашивать, утешать бесполезно: никакими словами душевную боль парня не смягчить. И несколько дней спустя обе решили: пусть служит. В военкомате согласились:

— Иди. Пока будешь служить, сестренка поможет маме. Не маяться же тебе без конца и без края...

Но в Красную Армию все равно не взяли. Вместо действительной воинской службы областной комитет партии направил молодого коммуниста Николая Михайлашева на учебу в город Ростов. А там, всего лишь спустя четыре месяца после начала занятий, в сентябре 1939 года — нежданная новость: в связи с освобождением Западной Украины и Западной Белоруссии немедленно откомандировать всех коммунистов для работы в этих районах. Немедленно, время не ждет, нужно работать, работать и работать!

Работы оказалось действительно невпроворот. Сначала в городе Столине, немного позднее в Ганцевичском районе Пинской области. В местечках, деревнях, на

многочисленных хуторах, в лесной глухомани и среди болотных топей днем и ночью хватало напряженной чекистской работы.

Трудовой народ освобожденных районов, долгие годы изнывавший под ярмом польской буржуазии и помещиков, с радостью и ликованием встретил долгожданный приход Советской власти. Рабочие, крестьяне, в подавляющем большинстве местная интеллигенция с энтузиазмом перестраивали свою жизнь на новый лад. Но все еще оставались затаившиеся в укромных местах — тараканьих щелях бывшие полицейские, жандармы, агенты, «двуйки»... Отсиживались, уповая на возвращение прежних порядков, бежавшие из своих имений помещики и владельцы богатых хуторов кулаки-«осадники» — эта главнейшая в недавнем прошлом опора пилсудчиков. Хватало и иностранных шпионов, в первую очередь немецко-фашистской разведки. Все они, единым скопом, вели не знавшую пощады, лютую борьбу не только с Советской властью, но и с местными жителями, которые осмеливались активно помогать ей.

Неудивительно, что и трудовой народ платил вражьей нечисти той же мерой, повсеместно помогая чекистам выявлять и обезвреживать ее. Так было и в тот осенний день, когда местные железнодорожники подсказали Николаю Михайлашеву, где прячется немецко-фашистский резидент Чернявский. Он обосновался недалеко от станции Люсино, откуда следил за передвижением наших войск и перевозками грузов по железной дороге Львов — Вильно. Молодой чекист вскоре задержал опасного шпиона. А некоторое время спустя, зимой 1940 года, патриоты сообщили Михайлашеву, что на одном из Куковских хуторов укрылся матерый агент Чернявского — Кристман. За ним чекисты охотились давно. Бандит знал, что ему пощады не будет: слишком много преступлений, в том числе и кровавых, совершил он. Кристман засел на хуторе, вооруженный гранатами и револьверами, решив, если его обнаружат, до конца драться за свою жизнь.

Как же его взять? Как обезвредить вооруженного до зубов врага двухметрового роста, обладавшего к тому же огромной физической силой? Одному, даже двум человекам с бандитом не справиться.

На хутор вместе с Михайлашевым отправилось еще

четверо оперативных работников. Они прихватили с собой проводника со служебной собакой.

Окружили дом, открыли дверь. Проводник махнул рукой:

— Стрела, вперед!

Но собака — ни с места, лишь вертится возле его ног. И тогда Михайлашев, сжав в правой руке взведенный пистолет, ринулся через полутемный коридор в избу.

А в избе, в первой горнице — ни души. Только чуть колыхнулась — или это лишь показалось? — занавеска, отделявшая в дверном проеме первую горницу от второй, спальни. Николай едва успел укрыться за косяком двери, как из-за занавески высунулось дуло нагана. На раздумье оставались доли секунды. Михайлашев левой рукой рванул занавеску в сторону, а правой почти в упор наставил на верзилу пистолет:

— Руки вверх! Бросай оружие!

Кристман медленно поднял руки, не выпуская из правой револьвера. Растерялся? Или ждал от кого-то помощи? Кто знает, чем бы это кончилось, если бы в спальню не ворвались товарищи Николая и не навалились на бандита. Двум из них, мускулистым, крепким парням, с трудом удалось завернуть за спину и связать руки онемевшего от неожиданности преступника. И лишь после, придя в себя, он с ненавистью сказал:

— Сонного взяли, проклятые! Иначе б...

Но иначе у бандита не получилось. И чекисты, в том числе и самый молодой из них Николай Михайлашев, в тот день иначе действовать не могли: врага нужно было обезвредить любой ценой, наперекор всему!

Наперекор всему... Сознание необходимости действовать мгновенно, решительно, без малейших колебаний, действовать в самой сложной обстановке стало чертой характера молодого чекиста. И сколько раз это сознание, эта черта характера выручали Николая, казалось бы, из неминуемой беды. И тогда, в последние предвоенные годы. И во время Великой Отечественной войны. И в мирные для советского народа, но отнюдь не мирные для чекистов послевоенные годы.

Опьяненные более чем легкими победами на западе, гитлеровские орды теперь яростно рвались на восток, все дальше и дальше в глубь советской земли. Брест. Гродно. Пинск. Барановичи. Молодечно. Когда угроза

фашистского нашествия нависла и над Минском, Наркомат госбезопасности БССР вынужден был перебазироваться в Могилев. Туда, в древний город на берегах Днепра, и пробирались, огнем пробивая дорогу, чекисты из районов, уже захваченных немцами.

В Могилеве наркомат формировал из прибывавших специальные истребительные отряды, один за другим направляя их на борьбу с фашистскими диверсантами. В такой отряд, возглавляемый начальником отдела УНКГБ по Барановичской области капитаном К. А. Рубиновым, зачислили двадцатичетырехлетнего сержанта государственной безопасности Николая Афанасьевича Михайлашева.

В течение нескольких суток отряд почти без отдыха, без продолжительных остановок преследовал и громил вражеских диверсантов, вылавливал и обезвреживал гитлеровских шпионов и сигнальщиков. В самый разгар этой нелегкой, выматывающей силы работы, 3 июля, в Кличевском районе капитан Рубинов получил новое задание: перейти в тыл наступавшим немецким войскам и приступить к выполнению директивы ЦК КП(б)Б о развертывании партизанской войны в тылу врага.

Прибыв в районный центр, двадцать семь коммунистов чекистского отряда вместе с местным партактивом, остававшимся во вражеском тылу, в тот же день, затаив дыхание, выслушали по радио речь И. В. Сталина, призвавшего весь советский народ на священную Отечественную войну с немецко-фашистскими захватчиками. Час спустя, оставив партийные документы в райкоме, отряд направился в лес. А еще через двое суток линия фронта откатилась дальше на восток...

При выполнении одного из заданий в бою была отсечена группа чекистов. С Николаем Михайлашевым оказались вместе младший лейтенант Михаил Винокодов и сержант Федор Лопачев. Первое время они пытались найти отряд, но, потеряв надежду, направились к линии фронта, намереваясь перейти ее. В самом деле, трем человекам в незнакомой местности, без карты действовать было исключительно трудно. И они двинулись на Гомельщину, в чечерские леса, где недалеко был фронт.

Шли по проселочным дорогам, по лесам и перелескам, главным образом ночью, все время питая негас-

нущую надежду встретиться со своими оказавшимися в окружении бойцами и командирами. Но встретили не своих, а врагов. Поверив в окрестную тишину и безлюдье, однажды рискнули продолжать путь днем и вдруг увидели, как по проселочной дороге, с холма, поднимая тучи пыли, прямо к ним стремительно мчится мотоцикл с коляской. Бежать? До ближайшего леса метров триста. По сторонам дороги поля невысокой ржи, в ней не скроешься. И трое парней остались на дороге, продолжая двигаться вперед.

Из коляски выпрыгнул и подошел к ним насквозь пропыленный немецкий офицер. Второй немец стал рядом с мотоциклом, держа наготове автомат. Третий, водитель, вскинул винтовку.

— Руссиш зольдат? — осклабился довольный неожиданной «добычей» офицер, сдернул с головы Михайлашева фуражку. И тут же схватил его за волосы: — О, лёйтнант, лёйтнант! Зер гут!

Немец повернулся к Федору Лопачеву, посмотрел на его хромовые сапоги и определил, что он тоже «лёйтнант». Затем заинтересовался портфелем Виноходова. Николай тем временем сумел вытащить из кобуры пистолет и первой же пулей свалил фашистского офицера, тремя следующими — немца с автоматом возле мотоцикла, а потом выстрелил, правда безрезультатно, вдогонку удиравшему со всех ног мотоциклисту.

— Быстро! — крикнул он ребятам.— Могут еще приехать... Бегом!

Тем и закончился первый бой трех чекистов с гитлеровскими головорезами у них в тылу. Двое уничтоженных гитлеровцев. На первый случай неплохо.

А во втором бою не повезло...

Произошел он недели две спустя, ночью, когда пытались проскочить через шоссейную магистраль Гомель — Могилев, по которой почти непрерывно двигались в обе стороны вражеские автомашины. Только намеревались сделать бросок, как вдруг в уши ударило ненавистное «хальт!». Все же рванулись через дорогу, отстреливаясь и отбиваясь от преследователей гранатами. Почти сразу за шоссе угодили в тинистое болото. С трудом вытаскивая ноги из вязкого грунта, изо всех сил торопились подальше от дороги, в густую осоку и камыши, где только и можно было укрыться, тем более что с каждой минутой становилось светлее. Наконец

добрались, притихли, стоя по колено в воде. И тут с горечью убедились, что их уже не трое, а двое. Михаил Виноходов исчез. То ли погиб, то ли отбежал в сторону. Поиски ничего не дали.

Дальнейший путь пришлось продолжать вдвоем. Шли долго и очень трудно, лишь изредка наведываясь в маленькие и малолюдные деревеньки, чтобы достать немного еды. К началу сентября добрались наконец до чечерских лесов, однако и там не встретили, не нашли партизан.

Сентябрь сорок первого года стоял теплый, с обилием грибов в лесу и клюквы на лесных болотцах. Отнюдь не военная тишина царила до этой поры и в окрестных деревнях, где все еще не было ни одного оккупанта. Но долго ли будет так продолжаться? Наступает осень, за нею придет зима. И фашистские тыловики-мародеры не сегодня, так завтра наверняка нагрянут в здешние места. Тогда что же делать?

— Тогда и увидим,— неопределенно пожал Федор плечами.

— Нет,— Николай озабоченно покачал головой.— Готовиться начнем сегодня же.

И начали.

Прежде всего вдвоем вырыли и утеплили просторную, на несколько человек, землянку. А потом накопленный в предвоенные годы чекистский опыт помог установить связь с верными людьми, с коммунистами и через них — с подпольным райкомом партии. К ноябрю сорок первого года с Николаем Михайлашевым уже было десять человек. К ним примкнул руководитель подпольной группы местных коммунистов Т. К. Короткий.

Работы с избытком хватало на всех. Приходилось самим добывать оружие и продовольствие, конспиративно связываться с подпольщиками в населенных пунктах и обучать их приемам разведки, методам выявления вражеской агентуры, способам связи и проведения диверсий. Благодаря неустанной настойчивости участников группы партизанское влияние стало определяющим в деревнях Гута Осиновская, Осиновка, Сидоровичи и Шестой поселок, где патриоты теперь срывали многие мероприятия оккупационных властей.

В самый разгар всей этой работы, незадолго до наступления зимних холодов, в чечерские леса прибыли

сразу два партизанских отряда: И. С. Федосеенко и А. Ф. Бурого. С ними пришел и секретарь Гомельского подпольного обкома партии Андрей Аверьянович Куцак, начавший энергично объединять разрозненные дотоле партизанские группы в боеспособные отряды. В Чечерский партизанский отряд, командиром которого назначили П. А. Балыкова, а комиссаром П. И. Дедика, в январе сорок второго года влилась и группа Н. А. Михайлашева.

Все дальше и смелее проникали партизанские разведчики в окрестные деревни, налаживали связи с тамошними подпольщиками, вели антифашистскую агитацию среди населения, собирали оружие, вовлекали в отряд новых бойцов. Одновременно и о фашистских прислужниках не забывали, уделяя первостепенное внимание разоблачению вражеской агентуры. Только благодаря этому партизанам-чечерцам удалось в предвесенние и весенние месяцы сорок второго года обезвредить нескольких гитлеровских агентов, двоих из которых немцы заслали в их отряд.

Отряд быстро рос, набирался сил и боевого опыта, и вскоре его пришлось разделить на два взвода, командиром одного из них назначили Н. А. Михайлашева. Немного времени понадобилось для того, чтобы захватчики на собственной шкуре испытали результаты боевой деятельности бойцов этого взвода. Старожилы деревень Залесье, Городовка, Подосовье, Покоть и поныне помнят, как решительно и смело расправлялись народные мстители с тамошними вражескими гарнизонами. И только ли в этих деревнях! Подготовили гитлеровцы для отправки в Германию склад лесоматериалов на пристани Городовка, что на реке Сож,— от склада после ночного налета партизан ни единого бревна не осталось... Построили новый деревянный мост через реку Покоть — и он, словно факел, заполыхал в одну из мартовских ночей. Только за один месяц взвод Николая Михайлашева уничтожил 27 гитлеровских чиновников, в том числе и следователя по «особо важным», то есть по партизанским, делам.

Гитлеровцы продолжали ломать головы над планами уничтожения партизан. Военное командование не могло смириться с существованием Чечерского и других партизанских отрядов в своем далеком от линии фронта тылу и в мае сорок второго года направило на

уничтожение их крупные силы карателей, базировавшиеся в районном центре Корма. Однако запланированное фашистами «уничтожение» так и не состоялось. Вместо него партизаны сами загнали карателей в топкое болото и не только перебили несколько десятков гитлеровцев, но и захватили все их оружие, даже обоз с боеприпасами и снаряжением.

Месяц спустя народные мстители очистили от противника все левобережье Кормянского района. В этих боях снова отличились бойцы взвода Михайлашева.

Летом сорок второго года в Гомельскую область прибыли чекистские партизанские отряды «Вперед» и «Вторые». Для Николая Михайлашева приход боевых товарищей явился настоящим праздником. Еще бы: до этого ни он, ни бойцы его взвода не имели возможности передавать собранные ими разведывательные данные за линию фронта. Ведь ни в Чечерском отряде, ни в других, стоявших поблизости, не было рации. А теперь появились сразу две: и у отряда «Вперед», и у отряда «Вторые». Связь с Большой землей установили сразу. И с этого дня туда из чечерских лесов одно за другим стали поступать разведдонесения чекистов о совершенных диверсиях, о ложных и действительных немецких аэродромах в Гомеле и Зябровке, о местонахождении немецких складов с боеприпасами, о размещении вражеских воинских частей и грузопотоке по железным и шоссейным дорогам.

К концу июля Н. А. Михайлашева назначили заместителем командира Чечерского отряда по разведке: он хорошо знал обстановку во всей округе, многочисленных связных, подпольщиков, умело руководил разведчиками и подрывниками, а стало быть, мог принести отряду наибольшую пользу, занимая такую должность. Но долго пробыть заместителем командира по разведке Николаю Афанасьевичу не довелось.

В июле гитлеровцы снова блокировали чечерский лес. Пришлось Михайлашеву расстаться с друзьями-чечерцами: он вышел из вражеской блокады с отрядом «Вперед», в котором так и оставался до весны сорок третьего года.

Разное выпадало на его долю в этом отряде. Однажды с группой всего лишь в шесть человек Николай Афанасьевич отправился в поход от хотимских до добрушских лесов и обратно. Их группа пустила под откос два

гитлеровских эшелона на железнодорожных линиях Гомель — Бахмач и Гомель — Унеча, уничтожив и повредив при этом два паровоза, 45 вагонов, 9 танков. Около 200 солдат и офицеров противника было убито и ранено.

Однако и с отрядом «Вперед» Михайлашеву пришлось расстаться. По приказу Большой земли его назначили заместителем командира по разведке вновь создававшегося в ту пору Добрушского партизанского отряда.

Вновь создававшегося... Был командир, Иван Кривенченко, заброшенный из Москвы. Была и прибывшая с ним радистка. Еще два человека. Теперь появился заместитель командира по разведке. А отряд?

Отряд вскоре создали, подобрали и сколотили крепкое партизанское ядро. И оружие появилось: часть сами добыли, часть получили по воздуху из-за линии фронта. Центр даже специальной техникой обеспечил: минами замедленного действия, приборами для бесшумной стрельбы. В июле 1943 года в Добрушском районе уже действовала партизанская бригада, состоявшая из восьмисот бойцов.

Каждое подразделение, каждый отряд и даже крупные соединения народных мстителей в тылу противника нередко придерживались своей, основанной на собственном опыте тактики борьбы. Некоторые предпочитали непрерывные передвижения без длительных задержек на одном месте, тем самым лишая захватчиков возможности сосредоточивать крупные силы для проведения ответных операций. Другие стремились наносить удары главным образом по укрепленным фашистским гарнизонам, используя для этого скрытность подхода и внезапность ночного нападения. В Добрушской же бригаде основное внимание уделялось ведению разведки и боевым действиям на коммуникациях врага. Кривенченко и Михайлашев решили, да и задание такое получили от Центра, оседлать в своем районе железные и шоссейные дороги, тем самым парализовав передвижение немцев в сторону фронта и обратно, и систематически, буквально день за днем, совершать диверсии, выводить из строя, уничтожать промышленные объекты, работавшие на нужды оккупантов.

Первая часть этой задачи вскоре была решена. По предложению Михайлашева часть специального ору-

жия — магнитные, замедленного действия мины, а также приборы для бесшумной стрельбы были переправлены своим людям в Добруш и другие крупные населенные пункты. Партизанские разведчики сумели проникнуть в логово гитлеровской контрразведки. Подпольщика Петра Солодкова удалось устроить на работу в паспортный стол добрушской полиции. А начальника отдела по борьбе с партизанами и одного из следователей СД просто вынудили работать на партизанскую разведку. От них-то и получил Михайлашев списки сотрудников гомельского и добрушского отделов СД, список личного состава полиции Добрушского района. Позже они сообщали пароли, выписывали пропуска. С помощью их партизанские разведчики проникали в Гомель и Добруш.

Огромное внимание уделял Михайлашев осторожной, но настойчивой и систематической пропаганде среди советских граждан, обманом и силой завербованных гитлеровцами в свои специальные подразделения. Только благодаря такой настойчивости партизаны сумели распропагандировать личный состав семи отрядов полиции 221-й охранной дивизии в Гомеле. В бригаду Кривенченко перешло с оружием немало бывших охранников.

Не обошлась без пристального внимания партизанской разведки и тщательно засекреченная вражеская агентура. Михайлашев получил список предателей с подробными данными об их антисоветской деятельности. Семеро таких мерзавцев попали в руки партизан перед самым отступлением гитлеровцев и впоследствии понесли заслуженную кару от советского правосудия.

Не менее трудной оказалась и вторая часть задачи, которая была поставлена перед бригадой: блокировка вражеских коммуникаций и проведение диверсий в городах. Но и с этим заданием народные мстители справились: разгромили 7 вражеских гарнизонов в Добрушском районе, уничтожили два зенитных орудия и тысячи снарядов к ним в деревне Прудок, интендантские склады в Гомеле, два интендантских склада в Ново-Белице, артиллерийский склад в Добруше. За пять месяцев партизаны пустили под откос много эшелонов противника, уничтожили десятки автомашин с солдатами и грузами, взорвали гомельскую электростанцию, нефтебазу, междугородную телефонную станцию, город-

скую водокачку и склад боеприпасов. Гитлеровцам причинялся ощутимый урон.

Вспоминая партизанские дни, Николай Афанасьевич с особенной теплотой говорит о друзьях-товарищах, которые мужественно, порой не жалея себя, сражались с ненавистным врагом.

— Как сейчас, вижу гомельского мальчика Ваню... К сожалению, фамилия его выветрилась из памяти. Этот юный патриот подбросил магнитную мину в склад фашистской комендатуры, и от склада остались лишь головешки. А разве можно забыть комсомольца Федю Кухарева, ставшего Героем Советского Союза! К сожалению, Федя трагически погиб. Я всю жизнь буду помнить своих боевых побратимов Сергея Алфеева, Колю Гетина, Колю Симоненко, Федю Медина, Надю Кокоткину и многих других. Для меня они и все павшие в битвах друзья-партизаны всегда живы...

27 сентября 1943 года добрушские партизаны соединились с передовыми частями наступавшей Красной Армии и вместе с ними освобождали от гитлеровцев Добруш и Гомель.

А потом...

— Странное было состояние,— улыбается Михайлашев.— Особенно в самые первые дни после возвращения домой. В лесу, бывало, ляжешь в свободные минуты под куст, укроешься шинелью и, в дождь ли, в холод, спишь себе, хоть из пушек над ухом пали. А тут в теплой комнате, на мягкой постели ворочаешься до утра, хоть глаза зашивай. Чуть задремлешь, и сразу приснится такое, чего вовек не забыть: женщины наши, истерзанные гитлеровцами... черные язвы пепелищ на месте сожженных фашистами деревень... трупы повешенных патриотов, раскачивающиеся на ветру...

Нет, он не мог спокойно спать по ночам, не мог неторопливо шагать на работу, не мог ограничиваться только чтением сводок Совинформбюро. Ведь до нашей победы в то время было еще далеко!

Окончательное решение созрело к весне сорок четвертого года. Николай Афанасьевич подал рапорт с просьбой направить его во вражеский тыл. Он и будущих спутников заблаговременно подобрал, предварительно поговорив с каждым: четверых подрывников из прежней своей бригады — Сергея Алфеева, Николая

Гетина, Николая Максимова и Виктора Попова, а также чекистов разведчиков Николая Жарихина, Федора Лопачева и радиста Виктора Грибова. Командование согласилось удовлетворить эту просьбу.

В ночь на 17 апреля 1944 года Михайлашев со своими товарищами приземлились на парашютах в тылу у фашистских войск, в Вилейской области. Группе было присвоено символическое название «Буря». Никто из членов группы своего командира по фамилии не называл: теперь у него была партизанская кличка «Кубанский». Боевые действия начали сразу после приземления, и вскоре гитлеровцы вынуждены были назначить награду в сто тысяч рублей тому, кто живым или мертвым доставит им «парашютиста в сером комбинезоне».

К концу июня в «Буре» было уже 35 человек. А ко второму июля, к моменту соединения с танковой разведкой Красной Армии в трех километрах от города Сморгонь в ней оставалось 34 человека: за два с половиной месяца дерзких боевых действий в тылу у оккупантов группа потеряла только одного бойца — Тимофея Миновича Левченко, павшего от вражеской пули во время выполнения боевого задания на хуторе Нароты.

Дорого обошлась фашистским захватчикам его гибель: за короткий период своей деятельности группа «Буря» подорвала и пустила под откос 43 вражеских железнодорожных эшелона с живой силой и военной техникой и один бронепоезд.

А потом наступил долгожданный завоеванный мир.

Но и после войны, целых тридцать лет продолжал Николай Афанасьевич Михайлашев служить в органах КГБ Белоруссии. За конкретные результаты в чекистской деятельности Герой Советского Союза полковник Н. А. Михайлашев награжден знаком Почетного сотрудника органов государственной безопасности.

И сейчас, выйдя на пенсию, Николай Афанасьевич не собирается «почивать на лаврах». Его часто приглашают на встречи с молодыми чекистами, со школьниками, студентами, рабочими столичных предприятий. О былых боях во вражеском тылу чекист-ветеран написал книгу «Буря гнева» и очерки для сборников «Фронт без линии фронта», «Люди нарочанского края» и «На боевом посту».

Александр МИРОНОВ

БОЕВАЯ МУДРОСТЬ

Гебитскомиссар герр Магес взглянул в окно. Город рано отошел ко сну. Пустынные улицы тихо погружались в сумерки. Но нет спокойствия в этом будто бы и покорившемся городе. Он ощетинился штакетниками и угрожающе молчал.

Вчера тоже была такая же тишина. Пока не раскололась взрывом. И сразу погасло электричество. Подскочив к окну, герр Магес увидел сверкавшие где-то там, в ночи, гигантские сполохи. А на огненных столбах, кренясь и оседая, висела крыша какого-то здания. Какого? Тогда еще гебитскомиссар не знал, что взорвана городская электростанция и что странное шипение, которое врывалось в окно,— это последнее дыхание ее котлов. Из них выходил пар. А вместе с электростанцией перестали работать радио и телеграф, остановились городские предприятия, выполнявшие срочные фронтовые заказы.

Житомир замер...

Жандармерия и СД приняли все меры, чтобы найти и наказать виновных. Были взяты заложники. Дело поручили гауптштурмфюреру СС фон Армину, немолодому контрразведчику. Полчаса назад гебитскомиссар пригласил его к себе и даже послал за ним свой «оппель».

А вот и фон Армин. Неторопливо расстегнул большой желтый портфель, достал какие-то бумаги и говорит:

— Несмотря на воскресенье, мы установили, герр гебитскомиссар, что диверсию на электростанции совершила местная жительница, работница Анна Полищук. Ей удалось вступить в преступный сговор с военнопленными, которые по вашему приказанию используются для работ на электростанции. Вместе с одним из них, Василием Суханкиным, она и совершила взрыв. Преступникам удалось скрыться, но поиски продолжаются.

— Вы, герр гауптштурмфюрер, забыли сообщить мне, откуда злоумышленники взяли взрывчатку.

— Это мы тоже стараемся выяснить. Но дело в том, что уже теперь понятно: Полищук, Суханкин и другие — только орудие в чьих-то опытных руках.

— В чьих же?

— Сейчас мы можем еще только догадываться. Есть основание предполагать, что руководство диверсией осуществлялось из леса.

— Кто же, по вашему мнению, действует?

— Весной сорок третьего года, то есть совсем недавно, в наших местах появился еще один партизанский отряд. Командует им Евгений Иванович Мирковский. Заметьте, на этот раз, против обыкновения, кажется, не псевдоним, а настоящее имя. Не боится. Капитан. Очень опасная личность. За его голову обещана награда в пятьдесят тысяч марок.

— Пятьдесят тысяч?

— Поверьте, это не так уж дорого. Я не пожалел времени и выбрал из сводок те акции, которые можно отнести на счет этого отряда. Я далеко не уверен, что это полный перечень, и все же он впечатляющ.

Фон Армин выловил толстыми пальцами из своего портфеля какую-то бумажку и начал громко читать:

— Первого мая в Студеницах убиты комендант и три жандарма. Четвертого мая в восьми километрах от Житомира пущен под откос эшелон с живой силой. Через четыре дня в трех километрах от города — еще один, теперь уже с боеприпасами. Седьмого мая две машины с нашими людьми, отправлявшимися на карательную экспедицию, попали в засаду и были перебиты.

В середине мая нам стало известно, что партизанский генерал Ковпак снова отправляется в рейд по тылам войск рейха. Восемнадцатого мая ковпаковцы переправились через Припять. Срочно были собраны все свободные силы СС, жандармерии и полиции. Предполагалось ударить по двигавшимся в походной колонне партизанам и уничтожить их. Из Житомира девятнадцатого мая вышла механизированная колонна с солдатами и офицерами. Под Александровкой она была обстреляна из автоматов и пулеметов. Легковая автомашина с офицерами и несколько грузовиков были уничтожены. Колонна остановилась. Была сорвана

внезапность нападения на партизан. Ковпак со своими людьми ушел.

В это время уничтожена ремонтная база и сорок десять автомашин на ней...

— Довольно! — прервал гебитскомиссар гауптштурмфюрера.— Почему же до сих пор отряд не уничтожен, а главарь не повешен?

— Мирковский, видите ли, очень хитер, майн герр. Мы пока не знаем даже, где он базируется. Но где-то на границе между Украиной и Белоруссией. Но теперь мы напали на след Мирковского. Может быть, в скором времени нам удастся его обезвредить. Как вы сами понимаете, это нелегко.

Любили в отряде «Ходоки» пошутить и посмеяться в свободную минуту. Повелось это с той поры, когда еще и отряда-то не было, а была разведывательно-диверсионная группа в пятнадцать человек. Еще когда гитлеровцы были под Москвой, Мирковский с этой группой получил специальное задание: пройти по глубоким тылам противника, выяснить там обстановку, помочь местным партизанам и подпольщикам наладить связь с Центром, найти верных людей, которые вели бы активную борьбу против оккупантов, проникали бы в их разведывательные и карательные органы. Шла группа по заснеженным лесам, осторожно обходя населенные пункты. Не однажды случалось так, что не то что костер — цигарку не запалишь. И когда дневной свет да усталость заставляли остановиться, ложились ребята плотным кругом. Капитана укладывали в центр — берегли командира — и, чтобы не заснуть и не замерзнуть вовсе, рассказывали разные были и небылицы.

А уж если можно было разжечь костер, долго сидели вокруг него, отогреваясь, сушили одежду, и кто вспоминал вслух довоенное житье-бытье, кто делился с товарищами своими планами на будущее.

Вот так у костра и рассказал однажды капитан Мирковский, как увидел впервые коммуниста. Слушали его с интересом.

— Случилось это в гражданскую. Тогда я был еще просто Женькой. Беляки захватили местечко. Согнали население на базарную площадь. Вышел офицер. Здоровенный. Пьяный, еле на ногах стоит. Глаза безумные,

кровью налитые. «Кто,— кричит,— коммунисты? Пять шагов вперед!»

Люди молчат. Известное дело, и знали бы большевиков — не выдали. А уж какие там партийцы, в местечке-то. Это сейчас их много, вон даже в нашей маленькой группе четыре коммуниста и четыре комсомольца, а тогда...

Правда, оказался тогда в толпе паренек один. У красных служил, да уйти не успел. Видно, из-за раны: из-под рубашки у него бинты кровенели. Стоит бледный, тонкий — мальчишка, да и только. И смотрит широко раскрытыми глазами, как офицер все больше в раж входит, наганом размахивает. «Если не укажете коммунистов,— кричит от злости офицер,— расстреляю каждого десятого, потом опять каждого десятого. И еще... и еще... пока всех не перебью, большевистское отродье!»

И начал вышвыривать под ноги солдатам то одного, то другого: какого-то дядьку в зипуне, молодуху с ребенком, инвалида в солдатской шинели... И тут же, на площади, их расстрелял.

«Видели? Ну так отвечайте, кто среди вас коммунисты! Признавайтесь, а не то хуже будет!»

И опять, стервец, отбирает новые жертвы. Женщины голосить начали, ребятишки плачут, мужики кулаки сжимают. А что поделаешь? Кругом солдаты. Винтовки на людей наставлены. А на крыльце лавчонки — пулемет.

Вдруг выходит вперед тот раненый красноармеец. «Я,— говорит,— коммунист. Отпустите людей, не мучайте».

И словно окреп как-то парень и ростом прибавился. Стоит перед пьяным выродком прямой, гордый. Смерть ему вроде и не страшна.

— Вряд ли был у паренька партийный билет. Только коммунистом он был настоящим. Это точно...

На всю жизнь запомнил его Мирковский. Уже через несколько дней сам он был в Красной Армии. Потом работал в Чрезвычайной комиссии, ОГПУ, служил в погранвойсках. Много исходил путей-дорог, много видел хорошего, случались и невзгоды. Да и то: жизнь прожить — не поле перейти. Однако в трудные минуты сверял Евгений Иванович себя по тому красноармейцу. Как бы, мол, он поступил в такой ситуации? Потому-

то, наверно, и может сказать кому угодно: «Не слукавил за всю жизнь ни в большом, ни в малом. В радости ли, в горестях — был честен перед людьми, перед собой и, главное, перед партией».

Таким и знали его партизаны. Любили ли они его? Не то слово «любили». И «уважали» не то. Это было сильнее любви, больше уважения. Нет, его не называли «Батей», «Стариком». Не был он эдаким командиром-патриархом: мол, хочу — накажу, хочу — пожалую. Каждый шаг в отряде, каждое действие были вызваны необходимостью. Здесь знали твердо: если командир посылает тебя на смертельную опасность, то так и надо. А понадобится — и сам пойдет.

И еще ценили партизаны в Евгении Ивановиче боевую мудрость.

Пожалуй, лучшее доказательство этой мудрости — радчинская операция.

Давно уже железнодорожная линия Чернигов — Овруч бездействовала. С того самого времени, когда немецкое командование разуверилось в возможности справиться с партизанскими диверсиями на ней. Так и покрывались бы рельсы ржавой окалиной и тонули бы станции в тишине и запустении, не появись вдруг на затерявшейся в негустой сети хуторов станции Радча инженерный батальон, не потянись сюда машины с материалами и инструментом — благо, шоссе близко. Решили, видимо, гитлеровцы восстановить железную дорогу. Понятно, что неспроста. Понадобилось, знать, перебрасывать новые силы. Наверно, исподволь готовят большое наступление.

Доложил обо всем этом Мирковский в Москву, а оттуда приказ: «Восстановление дороги сорвать!» Приказ категоричен. Но как его выполнить? Кое-кто из помощников предлагал напасть на станцию, разогнать оккупантов, уничтожить все, что удастся. Однако незаметно подобраться к станции можно с трудом, и то лишь с одной стороны. Оттуда, где узкой косой протянулся почти к самым домам молодой лесок.

С других сторон — открытая местность. Немцы, опасаясь налета, опоясали Радчу кольцом проволочного, в несколько кольев ограждения. По углам вышки. На них часовые с пулеметами. А главное, в двух километрах от станции в деревне Новая Радча находилось охранное подразделение — полторы тысячи сол-

дат с артиллерией, бронемашинами. Разгорись только на станции стрельба — и они тут как тут. Чтобы захватить станцию силой, нужна помощь соседних партизанских отрядов. Их много вокруг. Но станут они стягиваться к Радче, готовиться к бою — немцы, того и гляди, заметят. И тогда...

— Риск, конечно, благородное дело,— говорит Евгений Иванович,— но только когда необходим. Да и незачем бить кулаком, если достаточно толкнуть пальцем.

— Тогда надо попытаться взять ремонтников измором,— предлагали другие,— они восстановят пути, а мы подорвем, они снова восстановят, а мы снова подорвем...

Но на эту «рельсовую войну» уйдет уйма времени. А у отряда есть и другие дела. И командир принял решение.

Неделю еще ходили разведчики Мирковского около станции. Неделю высматривали, выискивали. И теперь они знали, что шесть офицеров батальона ночуют в каменном домике бывшего начальника станции. Окна углублены, без решеток. Солдаты — в основном мадьяры и румыны — располагались в бывшем бараке. Стены казармы толстые, рубленые. Окна тоже без решеток. Караульное помещение рядом. В нем и на постах — 25 солдат.

Местные жители, имевшие доступ за колючую проволоку, обратили внимание на офицерскую повариху Ядвигу и ее мужа, кладовщика Ястремского. Он и раньше работал здесь же, на станции.

Как бы ненароком встретились ему как-то на лесной дорожке два паренька. Кто такие? Окруженцы, хоронились на хуторах, теперь решили в город податься. Не найдется ли закурить, а то табачок весь вышел. Сигареты? Немецкие? Сойдет. Закурили, разговорились. Слово за слово, и узнали разведчики, что есть у Ястремского свой «зуб» на захватчиков, и особенно на начальника караула, обер-ефрейтора. Этот вояка слишком усердно ухаживал за женой Ястремского — Ядвигой.

— Ну, хотите, мы вам поможем проучить этого «ухажера»,— предложил один из разведчиков.

— Так вы же собираетесь уходить?

— Может, по такому случаю и останемся.

И не поймет Ястремский, то ли шутит парень, то ли серьезно говорит. Однако назначили они встречу на послезавтра. Там, у большой березы, которую ночью на фоне неба можно издали увидеть.

Кто его знает, почему Ястремский не выдал своих новых знакомых. Опасался ли, что те ушли из этих мест, а гитлеровцы за обман не пожалуют, может, боялся мести или надеялся, что лесные бродяги — что им стоит! — и в самом деле проучат ненавистного обера. Потом, ночью, у березы, Ястремский все старался объяснить, где лучше подкараулить немца. Ребята вроде бы с ним соглашались и, узнав, что обер-ефрейтор заступает на дежурство в среду, условились в следующий раз обговорить все подробно.

Теперь они пришли уже не вдвоем, а втроем. Пока здоровались, появился четвертый. За ним пятый. И все почему-то в немецкой форме. Ястремский даже испугался: не ловушка ли? Но тут словно из-под земли вырос еще один: в зеленой фуражке, небольшого росточка, взгляд вприщурку, глубокий, аж до костей пронизывает. Через плечо маузер в деревянной коробке.

— Ну, где ваш ефрейтор?

— Обер-ефрейтор,— почему-то решил поправить Ястремский.— У нас он, дома.

Низенький посмотрел на часы:

— Пора. До смены постовых осталось полчаса.

— Ну, пошли до вашей хаты,— предложил вдруг один из «окруженцев».

— Да что вы? Нельзя! — запротестовал Ястремский.— Это же за проволокой. Убьют...

Он говорил быстро, глотая от волнения окончания слов. И все же двигался вместе с партизанами (теперь-то он уже не сомневался, что это они) вперед, к лазу через проволочное заграждение. Он чувствовал, как деревенеют ноги, как голова становится какой-то ватной. Он уже ничего не соображал. Не понимал, почему, заглянув в окно его дома, один из партизан зло сплюнул:

— Зря, гад, времени не теряет.

Потом не тот, что был в униформе, а другой, в ватнике и с пятиконечной красноармейской звездой на фуражке, подошел к порогу со словами: «Это для острастки» — поправил автомат и гранаты на поясе, су-

нул за пазуху пистолет с очень длинным дулом и рванул дверь. Зачем-то Ястремский шагнул следом, но остался в сенях. Отсюда он слышал, как партизан громко и спокойно приказал:

— А ну встань, шваль несчастная. Теперь пошли...

Пленный обер-ефрейтор не сопротивлялся. Он беспрекословно пошел со своими конвоирами. Перед капитаном, догадавшись, что это старший, на улице вытянулся было в струнку. Но командир партизан махнул рукой:

— Ладно уж, обойдемся без этого.

Он посмотрел на часы.

— Время сменять постовых. Поможете снять часовых.

— Яволь, майн герр!

— Какой сегодня пароль?

— Кельн, майн герр!

— Отзыв?

— Кугель, майн герр!

— Хорошо, идите.

— Яволь, майн герр.

«Немец» круто повернулся и внезапно скомандовал одетым в униформу партизанам:

— Становись!

Те недоуменно переглянулись, но быстро построились.

— Шагом марш!

Коротенькая цепочка людей двинулась к вышке. Вскоре раздался окрик часового, и тут же ответ начальника караула. В это время как будто даже деревья перестали шелестеть. Повисла настороженная тишина. Было слышно, как часовой на вышке с хрустом потянулся, смачно зевнул и не спеша затопал вниз. И снова тишина. И снова окрик... Так четыре раза. Наконец смена постов закончилась.

— Начали! — скомандовал капитан.

Партизаны бесшумно растаяли в темноте. Одна группа блокировала караульное помещение. Другая окружила казарму. Как только раздался условный свист, рамы окон полетели под прикладами автоматов. Кто-то из солдат вскочил было, но тут же громкий голос: «Лежать! Рюих! Если кто поднимет голову, открываем огонь!» заставил плюхнуться обратно на нары.

Только испуганно сжались и вздрогнули, когда услышали грохот. Это разом взорвались брошенные в офицерские спальни гранаты.

Почти сразу же над Новой Радчей взвилась красная ракета. За ней белая и зеленая.

— Что это? — повернулся партизанский командир к обер-ефрейтору, который стоял рядом с ним.

— Запрашивают, что случилось.

— Как ответить «Все в порядке»?

— Две зеленые и белая.

Лишь минуту сомневался капитан. В конце концов оставалось лишь верить немцу. В крайнем случае партизанская засада, отправленная заранее к Новой Радче, перехватит подкрепление врага и даст возможность отряду уйти. Но задание будет сорвано. А пока дать ответ и действовать. Быстро. Организованно.

Минеры заложили взрывчатку. Под стрелки. Под водокачку. Под склады с техникой и инструментом...

Разведчики обыскали служебные помещения. Документы — в мешок. Разберемся потом. Захваченное оружие, боеприпасы, кое-какие продукты из офицерской столовой — на подводы.

Уже перед самым рассветом, когда все было готово к отходу, вывели из казармы солдат. В седой дымке начинавшегося утра грозно стояли партизаны. А перед ними у стены пакгауза сжались под дулами автоматов жалкие, полураздетые, еще живые мертвецы. Лица их за эту ночь осунулись, заострились, посерели.

Капитан смотрел на них и думал. Думал о том, что с ними делать. Не мог же он вести с собою такую ораву пленных! Куда? Зачем? Ведь надо их кормить и охранять. Как, в конце концов, провести их мимо всех тех гарнизонов и гарнизончиков, что понатыканы вдоль всего обратного пути отряда?

Уничтожить! Законы войны жестоки.

Капитан стоял спиной к партизанам. Он не видел их. И все же знал: далеко не каждый из его прошедших огонь и воду людей сможет поднять руку на эту толпу солдат. Еще совсем недавно окажи кто-нибудь из солдат сопротивление, и ни одного бы не осталось в живых. Офицеров забросали гранатами — отлично. Победа даром не дается. За нее платят кровью. Своей и чужой...

Но как же быть с солдатами? Так или иначе приказ будет выполнен. 200 безоружных — сейчас безоружных — человек будут уничтожены.

А партизаны? Бессмысленная, ненужная жестокость порождает убийц. Бойцы перестают быть воинами. Убийцы же в отряде ему не нужны.

Капитан придвинулся к пленным.

— Наци, два шага вперед!

Никто не шевельнулся.

— Что же, среди вас нет национал-социалистов? Тогда идите к своим. Солдат, добровольно сдавшихся в плен, мы не уничтожаем.

Толпа оторопело смотрела на человека в пограничной фуражке, с деревянной коробкой маузера на боку, не понимая, чего от нее хочет этот русский. Командир что-то тихо сказал партизанам, и те стали подталкивать пленных к продовольственному складу.

— Забирайте. Берите что хотите. Давай-давай!

Из склада солдаты выходили с буханками хлеба под мышкой, с какими-то пакетами, кульками. Теперь они поверили: их не расстреляют.

И тут произошло то, чего никто не мог предугадать. От радости пленные ошалели. Они лезли толпой на партизан, совали портсигары, часы. Это был, пожалуй, самый опасный момент во всей операции. Сейчас солдаты могли голыми руками смять, обезоружить, связать партизан, которых было втрое меньше, чем мадьяр. Стихия и в радости страшна, потому что стихия.

Наконец удалось вывести пленных на дорогу к Новой Радче. И они медленно, поднимая облако пыли, двинулись широкой беспорядочной колонной.

— Пора и нам! — повернулся командир к бойцам.— Засады снять, минеры по местам, остальные шагом марш!

Первый привал сделали в лесу. Где-то далеко-далеко поднималось солнце. Его лучи уже дотянулись до деревьев, тронули их верхушки нежным, желто-алым отблеском и отразились в прозрачном, холодном лесном ручье, который неторопливо рассказывал что-то свое большим колченогим корневищам. Вдруг ручей замолк, испуганный раскатами донесшегося взрыва. И лишь когда грохот утих, залопотал снова, но теперь уже торопливо, оробело подрагивая серебристо-розоватой поверхностью.

— Ну и задал же нам работу этот батальон в Радче! — рассказывал через несколько дней фон Армин герру Магесу.— Восстановление железной дороги пришлось прекратить. Расследование же отвлекло почти все наличные силы жандармерии. Правда, кое-кто вообще думает, что это солдаты сами перебили офицеров, инсценировали нападение партизан и разграбили продовольственные склады. Так или иначе командование вынуждено батальон расформировать, нижних чинов изолировать. Командир охранного подразделения из Новой Радчи отдан под суд. Но я думаю, что это опять действуют люди Мирковского.

— А что же СД возится?

— Видите ли, герр Магес, вы первый, кому я так подробно рассказал о Мирковском. Руководителям нашего отдела я еще не докладывал. Они не любят догадок и предположений, а совершенно точных, документированных данных я еще не имею. Но в ближайшие дни они будут лежать в этом портфеле. Обязательно будут. До свидания! С вашего разрешения воспользуюсь снова вашей машиной.

Черный лимузин свернул с улицы в темный переулок и остановился. Шофер медленно открыл дверцу, обошел вокруг машины, ткнул ботинком в колесо. Потом вынул из кармана сигарету, щелкнул зажигалкой, не переставая пристально вглядываться в две человеческие фигуры, отделившиеся от забора.

— Где это ты так долго? Мы уж думали — не приедешь. Случилось что?

— Да нет. Возил тут одного гитлеровца. Кстати, неспроста что-то зачастил он в гости к моему хозяину. Надо проверить. Ну, у вас все готово? Поехали? Это что, взрывчатка?

— Она. Три мины велено передать тебе. Остальное — товарищам. Да и сами используем, если доставишь нас до места. Самим нам через город не пройти.

Машина, мягко урча, неслась по ночным улицам. Иногда наперерез ей вспыхивал яркий луч фонарей жандармских постов. Но, видимо, «оппель» с фашистским флажком на радиаторе хорошо знали. Его ни разу не остановили.

Шофер, не сбавляя скорости, ловко пересекал перекрестки. Крепко держа баранку, он будто слился с автомобилем.

— Там в кармашке на сиденье возьмите пакет. Это новые аусвайсы. Действительны с завтрашнего дня. Для вас лежат два отдельно. Ваши старые больше не предъявляйте. Передайте командиру: операцию «Казино» готовим. Пивную бочку достали. Подсунуть ее можно. Нужна взрывчатка. Много взрывчатки. Пусть присылает. На станции создана еще одна группа. И еще одна новая создана в городе. Народ молодой, хороший, но горячий. Нужен опытный руководитель. Нащупываются свои люди и в Вацкове... С подпольным обкомом связь установлена.

Машина выехала на городскую окраину, миновала несколько улочек и остановилась.

— Все, хлопцы, приехали. Желаю удачи.

Шофер лихо развернулся и, не теряя времени, умчался. Пассажиры молча посмотрели ему вслед, вскинули за плечи тяжелые мешки и направились в сторону железнодорожной линии, черневшей на фоне усыпанного звездами неба.

Нелегко в такую вот светлую ночь заминировать железнодорожное полотно. Правда, партизаны приспособились. Недаром их учил Евгений Иванович: «Плохо, когда не видишь врага. Опытный партизан лучше пойдет сзади фашиста, чем впереди него». Бойцы переждали, пока пройдет вражеский патруль. Теперь можно работать: немцы — народ пунктуальный, раньше времени следующий патруль не выйдет. И все же надо торопиться.

Быстро вскарабкались подрывники на насыпь, заминировали пути. Теперь надо заложить еще два заряда, с обеих сторон от основного. Эти встанут на боевой взвод и сработают под колесами ремонтных поездов. Ну вот и все. Можно уходить. Но какой подрывник откажется посмотреть на дело своих рук?

— На этот раз полетел под откос бронепоезд,— докладывали партизаны, вернувшись.— Паровоз бронированный, две бронеплощадки, несколько вагонов. Обратно шли — в облаву попали. Выручили новые документы. Молодец Желтоносов.

Евгений Иванович одобрительно крякнул.

— А теперь задание потруднее. В первой группе

Михаил Карапузов, Семен Полищук, Анатолий Мешков, Николай Кромский и Куприян Анисимов. Их задача...

В тот день фон Армин проснулся, как всегда, поздно. Солнце уже высветило комнату. Сделав зарядку и окатившись холодной водой, он вышел в столовую. Здесь уже подан завтрак. Ветчина, курица, вся в росинках крынка со сливками, мед. И в самой середине стола пузатая бутылка отменного коньяку.

Чудесно. Гитлеровец, потирая руки, подошел к своему креслу. Уже усаживаясь, он увидел, как к дому подкатила бричка с пятью офицерами СС. Но в столовую почему-то вошли только двое. Один из них, высокий, широкоплечий, округлое лицо так и светится симпатией, вскинул руку в традиционном приветствии:

— Хайль!

— Кто вы и какие дела привели?

Что это? Почему гость схватил со стола пистолет фон Армина и почему наводит его на хозяина? Неужели они пришли арестовать его? Но за что? Он верно служит рейху. Это недора...

— Не трогайте портфель! В нем важные документы. И вообще, что это все такое?

— Ну-ка встать! По приговору партизанского суда гауптштурмфюрер войск СС фон Армин приговаривается...

Телефон зазвонил неожиданно громко. Герр Магес взял трубку.

— Что-что? Опять партизаны?! Хорошо. Я сейчас же соберу людей.

Положив трубку на рычаг, гебитскомиссар несколько минут сидел, безжизненно уронив руки на стол, потом резко встал, вызвал секретаря:

— Немедленно собрать ко мне всех руководителей отделов и групп. Позаботьтесь, чтобы усилили охрану гебитскомиссариата и моего дома. Приема посетителей ни сегодня, ни завтра не будет. И вообще, я, видимо, сегодня выеду, на неделю-другую... А пока давайте сюда начальников отделов.

Герр Магес нервно прошел по комнате. Сел. Снова пересек кабинет из угла в угол. Так и ходил он, жестко сцепив пальцы рук за спиной. Ходил и слушал, что

докладывают собравшиеся на совещание подчиненные. Они чинно уселись у большого стола, и каждый старался хоть чем-нибудь успокоить шефа...

Герр Магес хотел что-то сказать, но не успел. Он увидел только, как внезапно над его письменным столом расцвел огромный цветок. Затем взрыв, и все потонуло во тьме...

А еще через 20 минут три мины взорвались в редакции и типографии «Голоса Волыни». Только дежурный комендатуры отправил туда оперативную машину, как раздались два взрыва: на этот раз на телеграфе...

С трудом и не сразу удалось гитлеровцам подавить панику в городских учреждениях. Лишь через несколько дней администрация возобновила работу. К этому времени город оцепили войска. Для усиления охраны вызвали помощь из Фастова...

И тем не менее недели не проходило без того, чтобы не запылали цистерны с горючим на нефтебазе, не подорвался эшелон с техникой или живой силой, не вспыхнул пожар на лесозаводе, выполнявшем срочный фронтовой заказ. То несколько дней бушевал огонь на товарных складах железнодорожной станции, то взлетали на воздух баки с горючим на аэродроме. Гитлеровцы сбились с ног. Они арестовывали невинных и устраивали засады, усиливали охрану и наводняли город агентами карательных органов. Ничто не помогало.

Подполье, организованное Е. И. Мирковским, действовало умело, четко, слаженно. Теперь уже можно назвать имена тех, кто по заданию командира отряда работал под носом у фашистских захватчиков. Это Николай Чайка и Григорий Мищенко, Иван Шинальский и Михаил Карапузов, Иван Балабанов и Андрей Яремчук, Николай Семиноженко и Николай Гулак. Да разве всех перечтешь! Это они пустили под откос немало эшелонов противника, уничтожили много вагонов, цистерн, автомашин, танков, артиллерийских орудий, подорвали железобетонный мост на шоссе Житомир — Киев, 2 моста на узкоколейке Житомир — Коростень. Это они 20 раз подрывали подземный кабель, связывавший Берлин с фронтом. Это они уничтожили склад с авиабомбами, 2 склада с амуницией, несколько складов с запасными частями к автомашинам, с кормом для лошадей. Это они, наконец, связались по радио с

подходившими к Житомиру частями 1-го Украинского фронта и передали важные разведывательные данные о расположении огневых средств противника.

Вот далеко не полный перечень боевых дел одной только диверсионно-оперативной группы. Действия ее бойцов отличались обычно смелостью и мужеством. К каждому заданию они готовились, как правило, всесторонне, основательно. Им нередко приходилось рисковать. Но риск этот всегда оправдывался их конкретными боевыми делами.

А Мирковский шел дальше на запад. Там, в тылу немецко-фашистских оккупантов, Евгению Ивановичу предстояло многое сделать, чтобы еще более приблизить день нашей победы.

Организовав подпольную разведывательную группу, поставив во главе ее опытных, проверенных людей, Е. И. Мирковский по заданию командования ушел сначала под Ровно, а потом еще глубже в тыл врага. И когда житомирские жандармы охотились за ним, он охотился за жандармами в родной Белоруссии под Брестом.

И до сих пор идут споры, сколько же бойцов сражалось у Евгения Ивановича. Сам он со свойственной ему скромностью утверждает, что больше 300 человек в отряде не было. Больше он и не собирал, так как считал такое количество самым приемлемым для той боевой работы, которая ему была поручена...

Сейчас Герой Советского Союза Е. И. Мирковский на пенсии. Но попробуйте застать его дома. Это нелегко. То он на заседании президиума Комитета ветеранов Отечественной войны, то читает лекцию по путевке РК КПСС, то поехал в школу, пионеры которой отправляются по следам партизанских боев и просят дать задание, помочь составить маршрут...

— Дел много,— радостно жалуется Евгений Иванович,— значит, нужны мы еще людям, значит, все еще в строю.

Григорий ***ВЕРШУБСКИЙ***

7 Зак. 1823

ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Скорый поезд Владивосток — Москва с каждым перестуком колес все быстрее приближался к столице. Еще ночь, еще день, а там и Москва. Затем Ялта. Взору предстанет бескрайняя ширь ласкового моря. Хорошо прокатиться по шелковой зеленоватой глади на быстроходном катере! Сядешь у борта, опустив руку в теплую прозрачную воду, а навстречу будут бить в лицо соленые морские брызги...

Неклюдов тряхнул головой и облегченно вздохнул. Тут же встретился с взволнованным взглядом пожилой соседки по купе.

— С трудом, товарищ старший лейтенант, дошла до своего места. Война...

Неклюдов не стал переспрашивать. Быстро соскочив с полки, стал собираться. Поезд подходил к перрону Ярославского вокзала. Было утро 22 июня 1941 года.

Москва ощетинилась пулеметами и зенитками. Белыми огромными пузырями взмыли в небо аэростаты воздушного заграждения. На каждом шагу встречались люди, одетые в новенькую военную форму.

Москва стала фронтовым городом. Каждый знал свой участок, свое место в строю. Много дел было и у Неклюдова. Он с утра до поздней ночи работал в штабе вновь созданной Отдельной мотострелковой бригады особого назначения.

— Что, брат, тоскуешь? — спросил его как-то Анатолий Горячев.— Надоело, небось, заниматься строевой, уставами?

— Да нет пока,— нехотя ответил Неклюдов.

— Ну, ладно, не скрытничай! Знаю, по настоящему делу соскучился. Я вот решил в тыл податься... Нет, не в глубь страны, а во вражеский тыл.

Глаза Валентина Леонидовича загорелись. Неклюдов пошел рядом с Горячевым. А вскоре все узнали,

что партизанский отряд особого назначения во главе с командиром Анатолием Сергеевичем Горячевым и комиссаром Валентином Леонидовичем Неклюдовым направляется в тыл врага.

Ранним февральским утром 1942 года по притихшим московским улицам двигалась небольшая колонна грузовиков. В них разместились сорок два бойца. Крепкие, выносливые парни, много спортсменов, отличных лыжников.

«Орлы! Все молодцы, как на подбор,— с удовлетворением подумал о них комиссар.— Такие не подведут...» Неклюдов протер варежкой запотевшее лобовое стекло, втянул голову в большой теплый воротник сшитого из овчин овец романовской породы полушубка и начал перебирать в памяти лица бойцов, как бы делая им мысленно смотр.

Самый старший — сорокалетний москвич Василий Михайлович Хартулари, известный егерь, охотник на волков и медведей. Широкоплечий и сильный, с буйной шевелюрой, добрыми, проницательными глазами. Весельчак, душевный человек. Он будет вести войсковую разведку. Под стать ему и другие бойцы. Евгений Иванов — альпинист, заслуженный мастер спорта. Такого же высокого звания удостоен и борец Леня Егоров, о котором ребята шутя говорили: «Стоит нашему Ленечке в лапы попасться, в бараний рог скрутит...» Или Марк Андреев. Он — тренер по гимнастике, марафонец. Привыкший бегать сорокадвухкилометровые дистанции, Марк никогда не знал, что такое усталость, чем вызывал восхищение, в особенности у молодых.

А Коля Подшиваленко! Этот семнадцатилетний парнишка вскоре стал всеобщим любимцем за свой веселый нрав. Рано оставшись без родителей, Коля воспитывался у тети. Устроился учеником продавца. Но, видать, не такой характер был у парня, чтобы стоять за прилавком. И в первые же дни войны юноша по путевке райкома комсомола пришел в штаб отряда.

— Явился в ваше распоряжение! — четко отрапортовал он командиру.

— Уж больно ты мал,— критически оглядев его, заметил Анатолий Сергеевич Горячев.— Не подходишь...

У мальчишки все лицо побагровело. Вот-вот брызнут слезы. В разговор вмешался комиссар.

— Знаешь что, Анатолий Сергеевич, отдай-ка мне парня. Пусть он будет моим помощником.

Так Коля Подшиваленко стал адъютантом партизанского комиссара Неклюдова.

Метет поземка, занося снегом дорогу. Свистит ветер. Низко нависли свинцовые тучи, кажется, вот-вот придавят маленький караван машин, что упрямо движется к линии фронта.

Наконец отряд спешился. Машины развернулись и отправились в обратный путь.

Через несколько дней партизаны, нагрузившись оружием и боеприпасами, разместив питание к рации и другое снаряжение в лодку-волокушу, двинулись пешим строем к передовой, проходившей между Велижем и Усвятами, где оборону держала наша 4-я ударная армия. Разведчики 21-й стрелковой дивизии ночью перевели отряд через линию фронта. Бойцы, все в белых маскхалатах, на лыжах быстро двигались вперед.

Ночь, метель, снег слепит глаза, забивается в рукава. В двух шагах не видать впереди идущего. Но люди, напрягая все силы, упрямо шагают вперед. За плечами у каждого — пулемет или автомат, несколько дисков с патронами, большой тридцатикилограммовый рюкзак, в котором уложены мины, запалы-детонаторы, тол, неприкосновенный запас продуктов — НЗ.

— Ложись! — передана по цепи команда.

Усталые лыжники опускаются на снег. Но через несколько минут, после уточнения маршрута, новый приказ поднял всех на ноги. Цель — быстрым маршем отойти возможно дальше от линии фронта.

Впереди — разведка. Связные то и дело докладывают Хартулари и тут же отправляются обратно, чтобы через некоторое время доставить свежие донесения. Более опытные лыжники — в голове отряда, прокладывают лыжню.

Комиссар, пропустив отряд вперед, пытается по неясным силуэтам угадать идущих. Нет, никто не отстает... Вот командир взвода Виктор Лидов, за ним Николай Румак, Иван Захаров, Владимир Пеняев. С трудом переставляя палки, тяжело шагает маленькая фигурка — это фельдшер Вера Зеленецкая. Единственная женщина в отряде. Преподавала историю в институте.

Когда началась война, пошла на курсы медсестер. Добилась направления в партизанский отряд. За два месяца до переброски в тыл врага упорно, с рассвета до ночи, ежедневно тренировалась в ходьбе на лыжах. Знала: если не овладеет этим искусством — не возьмут. И вот теперь наступил суровый час испытаний. Она шла в тыл врага.

Миновав поляну, отряд углубился в лес. Ветер вроде утих, да и снег перестал так валить, зацепившись рваными клочьями ваты за верхушки деревьев.

Лишь на вторые сутки перешли железную дорогу Витебск — Невель, а еще через несколько дней — железнодорожную магистраль Полоцк — Невель. Люди устали, буквально валились с ног.

Однажды утром, только сели в доме лесника завтракать, неожиданно началась перестрелка. Группа полицаев, направлявшаяся в ближайшую деревню за самогоном, внезапно наткнулась на партизанский сторожевой пост. Завязался бой. Он принял довольно упорный характер. Полицаи лезли напролом, пока Хартулари со своими бойцами не обошел атакующих опушкой леса и не ударил им во фланг. На снегу остались два трупа полицаев, остальные поспешили убраться с этого места. Но в этом бою пулей в живот ранило начальника разведки отряда Василия Михайловича Хартулари.

— Что ж, братцы, и нам пора уходить, пока немцы не явились сюда,— сказал командир отряда.— Открывать себя нам ни к чему, да и случайные стычки не нужны. Не для этого сюда пришли.

В густом лесу расположился лагерем отряд «Боевой». Быстро, словно этим занимались всю свою жизнь, партизаны срубили жерди и сделали легкие, но крепкие шалаши. Внутри развели костры, чтобы мерзлая земля прогрелась, а затем набросали на эти места свежих еловых ветвей. В одном из шалашей Неклюдов впервые за несколько напряженных дней и ночей прилег на пахучие ветки отдохнуть.

А в центре лагеря уже появилась импровизированная столовая, и повара принялись за дело. Жизнь быстро налаживалась, входила в нормальную колею. Для этого потребовалось несколько дней.

Перед отрядом еще в Москве была поставлена четкая и ясная задача: на железнодорожной линии Полоцк — Даугавпилс всячески мешать продвижению воинских эшелонов врага, взрывать немецкие поезда, идущие на Восточный фронт, пускать под откос составы, возвращающиеся в Германию с награбленным добром.

И очень скоро фашисты, располагавшиеся недалеко от отряда, почувствовали присутствие партизан.

Один за другим полетели под откос воинские эшелоны, один за другим выходили из строя важнейшие участки железнодорожной магистрали. Срывались планы немецкого командования, пытавшегося перебросить на Восточный фронт больше резервных дивизий, танков, орудий и другой техники. Маленькие партизанские группы, во главе которых стояли опытные специалисты-подрывники Виктор Лидов, Евгений Иванов, Степан Щетнев, Николай Иванов и Леонид Егоров, стали грозой для фашистов.

Вот один из многих боевых эпизодов.

Стояла теплая майская ночь. Группа Евгения Иванова, получив боевое задание подорвать эшелон на участке Полоцк — Бигосово, лесными тропами направилась в сторону станции Адамово. Но не так-то просто обмануть бдительность патрульных, которые ходили от полустанка к полустанку.

Вся ночь прошла в тревожном напряжении. Но вот, когда группа, прижимаясь к земле, поднялась на насыпь, один из минеров оступился и уронил винтовку на рельс. В мертвой тишине глухой стук прозвучал как выстрел. Вдали показались патрульные. Партизан словно ветром сдуло с насыпи. А немцы подошли к месту намечавшейся диверсии и остановились.

Как же теперь быть? Уйти, не выполнив задание? Нет, надо что-то предпринять. И командир группы Евгений Иванов принимает дерзкое решение — подобраться с бойцами вплотную к станции Адамово и там, где меньше всего немцы ждут партизан, заминировать путь. Иванов помнил напутствие комиссара перед отправкой на задание: «Без эшелона не возвращаться!»

Считанные минуты потребовались на новом месте Жене Иванову и Сергею Грибкову, чтобы заложить под рельс мину в пять килограммов тола. Быстро скати-

лись с железнодорожного полотна и укрылись в ельнике.

Послышался перестук колес, а затем из-за поворота вынырнул паровоз.

— Два, три... пять... десять...— считает Женя вагоны.

Когда паровоз подошел к месту минирования на такое расстояние, что можно дергать шнур, привязанный одним концом к чеке взрывателя, Иванов потянул его на себя. Раздался страшный грохот, сопровождаемый огненной вспышкой. Только партизаны подбежали к лесу, как встречный поезд, с ходу врезавшись в обломки, перегородившие путь, тоже полетел под откос.

— Это было неописуемое зрелище! — с восторгом рассказывал потом Женя в отряде.— Будут помнить гитлеровцы, оставшиеся в живых, что такое партизаны.

Комиссар Валентин Леонидович был доволен подрывниками, одной миной свалившими под откос два вражеских эшелона.

Отряд укреплял связи с населением. Особенно большое значение этому придавал комиссар. В конце апреля 1942 года с небольшой группой партизан он вышел в соседние с Полоцким районы — Дриссенский, Россонский, Освейский. И вскоре установил связь со многими подпольными организациями и группами. Патриоты из местных жителей собирали оружие, оставшееся на полях боев, вели широкую антифашистскую пропаганду, слушали передачи из Москвы и распространяли сводки Совинформбюро, срывали мероприятия оккупационных властей, проводили диверсии.

С одной из таких подпольных организаций, возглавляемой артиллеристом, попавшим в окружение, старшим лейтенантом Леонидом Александровичем Попковским, установил связь Николай Костин. Вскоре с патриотами встретился и Валентин Леонидович. Встреча состоялась в лесу. В середине мая подпольщики организовали партизанский отряд. Насчитывалось в нем пока 17 человек. В июне по предложению Неклюдова они влились в отряд «Боевой».

В конце мая 1942 года произошла еще одна встреча. Однажды начальник разведки Хартулари пришел к комиссару и, немного волнуясь, рассказал, что на хуторе Фортуново встретил группу юношей, которые про-

сили взять их в партизанский отряд. Он, конечно, не может сам этого решить. Но ребята такие замечательные...

— А нет здесь подвоха, Василий Михайлович?

— Нет, не думаю, товарищ комиссар. Если хотите, то я могу...

— Нет, не нужно,— прервал его Неклюдов.— Мы пойдем к ним вместе с вами.

На следующее утро на подпольную явку в лесу пришли 12 подростков. Один из них представился:

— Геннадий Капустенок. А вот они,— он кивнул в сторону своих сверстников,— мои товарищи по школе, в разных классах учились. Ну, а сейчас война, так что воевать хотим, бить фашистов.

Неклюдова поразили серьезные лица ребят, которые еще совсем недавно сидели за партами, а сейчас готовы стать в ряды защитников Родины.

— Что ж, ребята, ваш патриотический порыв одобряю. В отряде такие люди, как вы, будут полезными. Но, сами понимаете...

— Хотите, проверьте нас на деле! — воскликнул друг Геннадия Иван Голынский.

— Вот к этому и клоню наш разговор,— улыбнулся Неклюдов и продолжал:

— На линии Даугавпилс — Полоцк немцы усилили поток воинских эшелонов в сторону фронта. Сколько их, что везут, в какие дни и часы? Все это записывайте и сообщайте нам. Ну, а потом и другие задания получите. Ясно?

Ребята немедленно принялись за дело. Их ценные сведения, переданные по рации на Большую землю, позволяли советским летчикам успешно уничтожать с воздуха живую силу и технику врага. И не раз в радиограммах из Москвы юным патриотам адресовались короткие, но многозначительные слова: «Благодарим!» Ребята успешно выполнили и такое задание: они уничтожили лесопилку, которую немцы приспособили для производства железнодорожных шпал. Непосредственными исполнителями этой операции были Иван Костык, Сергей Прищепенок и Фридрих Дубровский.

Все 12 юношей и подростков, отлично выдержав испытание, были зачислены в отряд. Они стали хорошими пулеметчиками, автоматчиками, подрывниками, не раз проявляли смелость и отвагу в боях с врагом.

А Ваня Голынский, прикрывая однажды отход группы партизан, подорвавшей вражеский эшелон, один косил врагов из пулемета. А когда кончились патроны, он бросил в наседавших врагов последнюю гранату. Скромный, дотоле неизвестный подросток Ваня Голынский погиб, но не сдался окружившим его гитлеровцам.

Надо было новое пополнение обстрелять в бою. Лучшим видом такого боя была засада. Ведь главное в первом бою — меньше своих потерять и больше перебить врагов. Потому засада как нельзя лучше подходила для такой цели.

Выбрать место для засады поручили разведке.

И вот однажды она донесла: по шоссе Клястицы — Полоцк часто проезжает на велосипедах небольшое подразделение немцев. Они сопровождают специалистов, проверяющих наземную связь.

— Все в новенькое одеты,— зло сплюнув в сторону, добавил командир группы разведчиков.— Вооружены до зубов, не забыли прихватить с собой и шнапс. По всему видать — стреляные воробьи...

— Сколько их? — перебил Неклюдов.

— Около десятка...

— Говоришь, и шнапс прихватывают с собой? — прищурившись, переспросил Неклюдов.

— Прихватывают, товарищ комиссар. Только, думаю, не шнапсом, а кровью своей захлебнутся! Перебить бы их всех до единого.

Возникла идея — порвать на телефонных столбах провода и этим ускорить приезд немцев на исправление связи. Ведь связь между гарнизонами была нужна как воздух.

Бойцы засели в кустах, неподалеку от хутора Половинники, где две шоссейные дороги образовывали перекресток. Заняли удобное место за кюветом, держа под прицелом главную дорогу, что вела из Соколища. Отлично замаскированные, притаились, сливаясь с густой растительностью, 35 бойцов. Застыли в боевой готовности два пулемета — ручной Дегтярева и авиационный, снятый с подбитого самолета. Из-под зеленых веток тускло поблескивали вороненые дула автоматов.

Несколько часов сидят в засаде партизаны.

Томительно медленно тянутся часы ожидания... Хочется курить, но запрет неумолим: ничем не обнаруживать себя!

И вот, бесшумно раздвинув ветви позади пулеметчика, рядом с которым занял позицию комиссар отряда, появился разведчик. И мгновенно по цепи полетела команда:

— Приготовиться! Идут!

Десятки пар внимательных глаз прикованы к дороге у хутора, где походным порядком уже шла немецкая колонна. Самоуверенные лица, воротники расстегнуты, рукава засучены. Там, на западе Европы, гитлеровцы привыкли к легким победам и были, по всей вероятности, уверены, что и здесь, на советской земле, их ждет успех, что и здесь им обеспечена безнаказанность... Правда, те, кто уже повоевал на Восточном фронте, убедились в том, что это далеко не так. Но эти, видно, вновь прибывшие, еще не успели узнать силу ударов партизан.

Однако ждали охрану связистов, не больше десятка немцев, а здесь за первой колонной показалась вторая. Не исключено, что будет и третья. Как теперь быть? Все ждут решения комиссара. А Валентин Леонидович спокоен, по крайней мере, внешне ничем не выдает волнения, только внимательно смотрит вперед. Колонна тем временем все ближе и ближе подходит к засаде. Вдруг шедший впереди офицер остановился, вскинул карабин и начал в кого-то целиться. Не увидел ли неосторожно высунувшегося партизана или шелохнувшуюся ветку? Однако выстрела не успел произвести. Его опередил Неклюдов. Из маузера точно попал в голову.

Выстрел комиссара послужил сигналом для партизан к открытию огня. В ту же секунду Дмитрий Рыбаков начал бить длинными очередями из ручного пулемета по ближним рядам эсэсовцев. Мощно ударил авиационный пулемет «шкас». Заговорили автоматы. Раздались выстрелы из винтовок и карабинов.

Колонна распалась на части, фашисты начали метаться в беспорядке из стороны в сторону, назад... Напрасно. Меткая партизанская пуля доставала их всюду. Кинжальный прицельный огонь никого не щадил. Враг обезумел от неожиданного удара.

Достáлось и второй колонне. Она тоже рассыпалась.

Подана команда на отход. Нельзя ввязываться в затяжной бой — могут быть напрасные потери. А на первый случай хотелось бы обойтись без них.

— Что ж, ребята, результат неплохой,— подвел итоги комиссар отряда.— Убитые больше не будут воевать против нашего народа.

На следующий день разведка установила, что шло 73 эсэсовца. Немцы подобрали 16 убитых и 18 раненых.

— А что, Валентин Леонидович, не потрепать ли нам гитлеровский гарнизон в Соколище? — предложил некоторое время спустя Хартулари.

— Гарнизон, видимо, нам не под силу — укреплен, а вот вывести из строя находящуюся рядом водяную мельницу и взять для отряда собранный для отправки в Полоцк гарнцевый сбор вполне можно,— предложил начальник штаба Леонид Попковский.— Кстати, в отряде вышла вся мука.

Разработанный план вскоре был осуществлен весьма успешно.

В августе 1942 года Горячева отозвали в Москву. Командиром отряда стал Неклюдов, но его по-прежнему партизаны называли комиссаром.

В это тяжелое для Родины время, когда шли ожесточенные бои под Сталинградом, партизанские отряды и бригады, базировавшиеся на территории Белоруссии, усилили борьбу с оккупантами, расширяли связи с населением, разъясняли трудящимся положение на советско-германском фронте.

Отряд Неклюдова, выросший в несколько раз, также вел большую работу среди населения. Пригодился Валентину Леонидовичу опыт комсомольской юности, когда он, возглавляя сельские организации в Алтайском крае, пламенным словом поднимал крестьян-бедняков на борьбу с кулаками, активно участвовал в создании первых сибирских колхозов.

Из лучших бойцов Неклюдов выделил агитаторов, которые ходили по деревням и читали крестьянам сводки Совинформбюро, разъясняли положение на фронте, призывали саботировать приказы оккупационных властей, не сдавать хлеб и другие продукты для вывоза в Германию. Лучшими агитаторами отряда стали коммунисты — бывший директор Волынецкой неполной средней школы Сергей Григорьевич Козаченок и батальонный комиссар Александр Яковлевич Мильцман. Местные жители горячо откликались на слова правды, они во всем шли навстречу народным мстителям и поддерживали их, хотя отлично знали, что за

связь с партизанами им грозил расстрел. Но ни посулы, ни угрозы фашистских захватчиков не достигали цели.

Агитаторы отряда часто проводили собрания в деревнях рядом с гитлеровскими гарнизонами, подвергаясь при этом риску быть схваченными и расстрелянными на месте. Но население само оберегало посланцев партизан, вовремя предупреждало о надвигавшейся опасности.

Партизанский вожак Валентин Неклюдов, отлично сознавая силу слова, вместе с тем не ослаблял и силу огневого воздействия на врага. А в этом деле неоценимую роль играли автоматы и пулеметы, мины и гранаты...

Не оставлял без внимания комиссар и лагеря военнопленных.

Разведали партизаны, что в Боровухе II, в фашистском лагере, погибло за короткое время много советских людей.

— Надо принимать меры, иначе уничтожат всех,— сказал Неклюдов на совещании командиров.

Партизаны молчали. Каждый понимал, какая страшная участь ждет тех, кто еще ходит там, за колючей проволокой.

— Сколько сумеем, столько и вырвем из этого ада,— продолжал Неклюдов.

Вскоре из отряда прямо в лагерь пробрался партизан Прохор Королев, его прикрывал Николай Костин. Они провели беседу с пленными, рассказали, как и куда бежать из лагеря. Затем отошли в ближайшие деревни и установили связь с местными жителями.

Анастасия Ивановна Потапенко из Боровухи I послала к лагерю своего единственного четырнадцатилетнего сына Диму. Мальчик с удивительной смелостью и ловкостью подходил к пленным, когда они под конвоем немцев оказывались за колючей проволокой. Неоценимую услугу в спасении узников оказал пленный инженер Павел Заботин.

Павел часто заходил в дом Анастасии Потапенко, так как ему разрешалось покидать пределы лагеря для наблюдения за ходом работ на электростанции. В беседах с ней, простой русской женщиной, инженер отводил душу. По его просьбе устроили встречу с партизанами. Дима повел Павла в лес, где в условленном

месте их дожидался Неклюдов. Познакомились. Партизанский командир увидел в инженере Заботине преданного советского человека и без обиняков спросил его:

— Есть желающие бежать из лагеря?

— Конечно! Но как?

— Поможем. Связь со мной держите через Диму.

Ежедневно пленных выводили из лагеря на разные работы. Инженер, как правило, заранее знал, куда и когда их поведут. Накануне выхода он через связных давал знать группе пленных, в какой момент и в каком направлении им надо бежать. Разумеется, об этом он сообщал и партизанам, которые встречали узников в определенных местах.

За короткое время из лагерей, которые находились в Боровухе I и Боровухе II, бежало несколько десятков пленных. Часть из них влилась в отряд «Боевой».

Оккупанты все более чувствовали силу ударов партизан по своим коммуникациям и базам. Гитлеровские генералы разработали план уничтожения партизан на территории всей Белоруссии. Одна стрела этого плана была направлена и против Россонско-Освейской партизанской зоны, где находился также отряд «Боевой». Он переместился в деревню Залесье, откуда можно было контролировать действия неприятельских гарнизонов, движение воинских эшелонов в радиусе Полоцкого, Дриссенского, Себежского, Идрицкого районов и части Латвийской республики.

Отряд несколько раз менял свою базу, забирался подальше от магистральных дорог и от больших скоплений вражеских войск, чтобы не ввязываться в затяжные бои. Но вместе с тем разведывательные и диверсионные группы подходили вплотную к военным объектам с целью не давать врагу покоя, совершать большие и малые диверсии, наносить существенный урон его боевой силе и технике. Это было основное в деятельности партизанского отряда особого назначения. И чекисты отлично справлялись с этой нелегкой, но крайне важной и ответственной задачей.

Когда в начале 1943 года гитлеровцы силами более 20 тысяч солдат и офицеров при поддержке артиллерии и танков повели наступление на партизанскую зону со стороны Себежа, Идрицы, Невеля, Дретуни и Полоцка, партизанские отряды и бригады объединились и общи-

ми силами отбили натиск врага. Отряд «Боевой» в это время действовал на коммуникациях фашистских войск, с мелкими группами заходил на занятую карателями территорию и минировал дороги, подъездные пути, взрывал мосты, пускал под откос эшелоны с живой силой и техникой. В упорных боях партизаны отстояли свою зону, а затем отогнали гитлеровцев на исходные рубежи.

Только закончилась эта экспедиция, началась следующая. Немцы теперь повели наступление на партизанскую зону со стороны Резекне, вдоль всей границы с Латвией, от Бигосова и Дриссы. Им удалось вытеснить местных партизан с безлесной части Освейского района. Но враг был задержан на реке Свольна. Попытались гитлеровцы форсировать реку и захватить деревню Залесье, но отряд «Боевой» в упорном бою отбросил противника. Не помогла фашистам и авиация.

Валентин Леонидович показал здесь незаурядные способности и как командир стрелкового подразделения. Пока самолеты бомбили опушку леса, Неклюдов отводил отряд в глубину, оставив впереди только наблюдателей. А как только самолеты улетали и начиналась атака, снова выдвигал партизан на прежние рубежи. Через несколько дней противник прекратил атаки на этом направлении.

Тем временем мелкие группы отряда заходили в тыл противника и минировали его коммуникации, внезапно наносили удары по штабам и быстро исчезали.

Фашисты попытались нанести удар по партизанской зоне с западной стороны — от станции Борковичи и разъезда Бениславское. В один из морозных дней они повели наступление на деревню Климовщина, где находились в обороне группа Николая Румака и отделение разведки Николая Костина. Перед отправкой партизан в Климовщину Неклюдов поставил четкую задачу:

— Активно вести разведку и диверсии. Если враг двинется со стороны Борковичей или Бениславского, заставить его развернуться и медленно отходить в глубь партизанской зоны. Мы услышим шум боя и придем на помощь.

И вот чуть забрезжил рассвет, часовые Павел Щедров и Николай Воеводов заметили цепи приближавшегося противника. Завязался бой. Он носил на редкость

упорный, ожесточенный характер. Партизаны заняли полукруговую оборону и вели меткий огонь только по видимым целям — берегли патроны и не давали возможности точно засечь свои огневые точки. Это позволило 30 бойцам почти весь световой день удерживать деревню, хотя вело наступление больше 400 гитлеровцев.

Подошедшие на помощь отряды Дриссенской партизанской бригады разгромили карателей, остатки которых, бросив обоз, бежали по снежной целине назад к железной дороге под защиту бронепоезда. Валентин Леонидович, прибывший в Климовщину вместе с партизанами Дриссенской бригады, был доволен действиями Румака и Костина, всех бойцов, выполнивших приказ.

Настало время в связи с продвижением фронта на запад перебазироваться и отряду «Боевой». Москва приказала подойти ближе к Минску. В марте 1943 года началось знакомство с новым районом боевых действий. Первой ушла группа, которую возглавил опытный разведчик Николай Костин. Второй — группа Николая Румака. За ним следующие. Валентин Леонидович разделил отряд на пять групп. Сравнительно небольшим по численности группам, насчитывавшим по 30—40 бойцов, легче было, чем всему отряду, перейти усиленно охраняемые железные дороги Полоцк — Даугавпилс, Полоцк — Молодечно, форсировать широкую, с быстрым течением Западную Двину. Собирались затем в деревне Витуничи Бегомльского района.

Уходили группы с интервалами в одну — две недели. И вот в движении последняя. К ночи, соблюдая полнейшую тишину, партизаны подобрались к железнодорожному полотну у станции Адамово. Немцев поблизости не было.

За железной дорогой — лес. Темная ночь помогла раствориться людям, под ее черным пологом в двух шагах нельзя было ничего увидеть. В условленном месте их встретили разведчики Гена Капустенок и Саша Зайцев. Они отлично знали дорогу и к рассвету подошли к реке. Капустенку и Зайцеву было также поручено подготовить переправу через Западную Двину. Помогали им связные Зина и Вера Савейко — местные учительницы, комсомолки.

— Все лодки немцы угнали,— доложили ребята,—

нашли только одну с продырявленным дном. Заткнули плащ-палаткой, держится пока на воде.

— Хорошо. А девушки где? Что-то не видать их,— спросил Неклюдов.

— Не явились, товарищ комиссар,— тихим голосом, словно в этом была его вина, ответил Зайцев.— Может, что задержало их?

Вскоре разведчики установили: предатель донес на девчат, что они связаны с партизанами. И гитлеровцы сразу же арестовали их, связали и потащили к зданию школы. Поставили рядом еще двоих — младшего братишку и сестренку Савейко. И на глазах у всех жителей деревни расстреляли...

Неклюдову с группой при сложившихся обстоятельствах надо было срочно двигаться дальше. Первыми на другой берег реки переправили пулеметчиков, чтобы в случае чего прикрыть огнем остальных, если каратели успеют догнать группу.

Среди белого дня партизаны на утлой лодчонке, грозившей вот-вот утонуть, в течение трех часов перебрались на противоположный берег.

— Нельзя, да и негде вечера дожидаться,— сделал вывод Валентин Леонидович.— К тому же вряд ли подумают немцы, что мы отважимся днем перебираться через реку.

Группа благополучно переправилась через Западную Двину, перешла железную дорогу Полоцк —Молодечно и забралась в еще более глубокий тыл врага. В Бегомльском районе все группы соединились — отряд снова был вместе. Теперь уже диверсии против гитлеровцев проводились на железнодорожной линии Минск — Молодечно — Вилейка — Крулевщизна—Полоцк.

Вооруженная борьба против врага продолжалась.

Не раз и не два немцы блокировали партизанские зоны. Не раз и не два приходилось отряду выходить из окружения, с боями пробиваться сквозь вражеское кольцо.

Вот и теперь, перейдя в Бегомльский район, отряд попал в блокаду. Пришлось снова по группам просачиваться сквозь боевые порядки врага и временно выйти в другой район, прорываться через блокированную железную дорогу Молодечно — Полоцк. Когда блокада закончилась, снова вернулись под Витуничи.

Отдельные группы не раз попадали в исключительно тяжелое положение, вели неравные бои с численно превосходившим противником. Но смелые действия партизан и решительность их командиров неизменно приводили к тому, что фашисты, понеся немалые потери, вынуждены были отступить. А народные мстители, воодушевленные успехом, продолжали бить ненавистных захватчиков.

История отряда «Боевой» — это цепь подвигов и самоотверженных поступков его людей. Иногда скромных, иногда безумно храбрых.

По заданию Центра в паровозном депо на станции Молодечно, когда отряд перебазировался в Вилейскую область, партизаны организовали подпольную группу, в которую вошло 12 рабочих. Руководил ею командир партизанской разведывательной группы Марк Андреев. С помощью подпольщиков Неклюдову удалось совершить ряд крупных диверсий, вовлечь многих железнодорожных рабочих в активную борьбу против гитлеровцев.

Связной Михаил Станиславович Игнатский получил задание совершить в городке Глубокое ряд диверсионных актов, чтобы отвлечь внимание врага от более крупных операций отряда, чтобы посеять в его стане растерянность, вызвать панику.

Михаил, прохаживаясь по главной улице, увидел, как от комендатуры готовилась отойти легковая машина с офицерами. Проходя мимо, он незаметно вынул из кармана магнитную мину, прилепил ее к машине. Через определенное время произошел взрыв. Машина загорелась. Вскоре от нее осталась на мостовой груда искореженного металла. Рядом лежали трупы гитлеровцев.

Через несколько дней сгорел склад с зерном, предназначенным для отправки в Германию. Это тоже работа Игнатского.

Последняя диверсия отважного связного — взрыв казармы охранников на железнодорожной станции. Смело войдя в пассажирский зал вокзала, когда там не было гражданских, Михаил направился к пылающей огнем кафельной печи, к задней стенке которой примыкала казарма охранников. В эту минуту к нему подошли находившиеся в зале немцы. Раздумывать было некогда, он выхватил мину, которую намеревался су-

нуть за печь, и бросил ее в огонь. Сильный взрыв потряс здание. Под обломками оказались погребенными несколько гитлеровцев. Погиб и Михаил Станиславович Игнатский.

Лето 1944 года принесло долгожданную свободу населению Белоруссии. Войска Красной Армии неудержимо шли вперед, на запад, чтобы добить фашистского зверя в его логове.

Расформировывались партизанские отряды, до конца выполнившие свой долг перед народом, перед своей Советской Родиной. Сдавая дела, Неклюдов подписывал последний отчет, подводивший итоги боевых действий отряда. За два с половиной года пущено под откос 125 эшелонов с техникой и живой силой противника, разбито и повреждено 113 автомашин и мотоциклов, 3 бронепоезда, 8 танков, взорвано и сожжено 78 мостов, 88 учреждений и предприятий, работавших на врага, 16 воинских складов с продовольствием и боеприпасами, неоднократно выводился из строя подземный телефонный кабель, связывавший ставку Гитлера с группой армий «Центр».

Нанесен и другой значительный урон врагу. От меткого партизанского огня нашло себе могилу на белорусской земле немало вражеских солдат и офицеров.

Отличные итоги!

Последние объятия друзей, последние напутствия, поцелуи и... слезы. Слезы радости. Люди, проведшие годы в лесах и болотах, перенесшие невероятные трудности, нередко бывавшие на волоске от смерти, возвращались в свои города и села, к мирному труду. Многие уходили на фронт.

А командир отряда направился в госпиталь. Сказалось напряжение военных лет. Болезнь на время вывела из строя партизанского вожака.

Лежа на больничной койке, Неклюдов перебирал в памяти события последних лет.

Воспоминания неожиданно прервало появление в палате дежурного врача.

— Поздравляю, товарищ майор!

— С чем? — встрепенулся Неклюдов.

— С присвоением вам звания Героя Советского Союза! — торжественно отчеканил военврач.

А вскоре в Кремле Михаил Иванович Калинин вручил Неклюдову за подвиг, проявленный при выполне-

нии специальных заданий в тылу противника, от имени Президиума Верховного Совета СССР орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Подходил к концу 1944 год.

Когда закончилась война и вчерашние бойцы и командиры вернулись к мирному труду, Неклюдов по совету врачей поселился на юге страны. Уехал в Молдавию. Она понравилась ему, когда смотрел еще из окна скорого поезда на зеленые холмы, сады и виноградники. Местность незнакомая, так непохожая на лесной пейзаж Белоруссии.

В Кишиневе Неклюдов работал в органах государственной безопасности, а затем начальником городского отдела милиции, всю свою кипучую энергию отдавал восстановлению и развитию молдавской столицы, разрушенной врагом. Много сил отдавал укреплению социалистического правопорядка.

Из органов МВД Валентин Леонидович ушел на заслуженный отдых. Но сердце коммуниста и боевого комиссара не смогло примириться с тем, что ему предстоит отойти от дел, от активной жизни среди людей.

До конца своей жизни у него тоже был боевой пост — разъезжал по городам и селам республики, встречался с молодежью, рассказывал о героической борьбе трудящихся страны против немецко-фашистских захватчиков. Было что вспомнить Валентину Леонидовичу.

Александр ***КАМИОНСКИЙ***

В СМОЛЕНСКОМ «ТРЕУГОЛЬНИКЕ»

На запад от Смоленска отходят две железнодорожные линии: одна — на Оршу, другая — на Витебск. Линия, идущая из Ленинграда на юг, пересекает их, образуя треугольник, направленный своим острием к Смоленску. В этом «треугольнике» зимой 1942 года размещались крупные армейские штабы, многочисленные службы, резервы и аэродромы немецко-фашистской армии. Днем и ночью воинские эшелоны с гитлеровцами на больших скоростях проносились к фронту. Тяжелые «бюссинги» с солдатами и офицерами, юркие «оппели» сновали по минскому шоссе. А рядом с ним на небольшой глубине пролегал телефонный кабель Смоленск — Берлин, по которому регулярно передавались шифрованные телеграммы верховного немецкого командования.

Советскому командованию крайне важно было знать, что происходит в «треугольнике». И вот в начале весны сорок второго года линию советско-германского фронта пересекли лыжные отряды особого назначения. В основном они состояли из добровольцев-спортсменов, студентов и рабочих. Командовали ими чекисты.

Отряд «Грозный», которым командовал лейтенант Федор Озмитель, пересек магистраль Смоленск — Витебск одним из первых. Бойцами отряда в основном были москвичи: подрывник Г. А. Демидов, пулеметчики И. Ф. Пешков и В. А. Зорин, снайпер Г. А. Симон, радист С. И. Будницкий, стрелки С. П. Солонинкин, А. М. Гуревич, А. С. Матюхин, фельдшер З. С. Черныщева и другие. Народ горячий, молодой, но в большинстве необстрелянный.

Зато командир их, тоже молодой и горячий, уже успел понюхать пороху. Перед войной он два года служил на погранзаставе, год был курсантом военного училища, а с 23 июня и почти до половины августа сорок первого сражался с врагом. Это и был его выпускной

экзамен. Потом снова учеба, теперь в бригаде особого назначения, подготовка к боевым действиям в тылу врага. Смоленский «треугольник» стал для Федора Озмителя вторым боевым экзаменом.

Отряду Озмителя гитлеровцы почти сразу же с появлением в «треугольнике» «сели на хвост». Началось преследование. Но молодой пограничник сумел перехитрить врага. Он вывел отряд из леса в открытое поле и спрятал бойцов в чуть заметной ложбине. Ночью бойцы вернулись в лес.

Для начала решили разгромить волостные управы и полицейские участки. Нанесли несколько ударов. Путь в населенные пункты был открыт. Отряд установил связь с местными жителями. Появилось продовольствие, нашлись десятки помощников. Комсомолки Галя Меерович, Ольга Рылова, учительница Вера Понкратенкова стали разведчицами отряда. Они ходили во вражеские гарнизоны, пробирались на железнодорожные станции и обо всем, что узнавали об оккупантах, сообщали в отряд.

Командир узнал, что Семен Ладохин из деревни Шарино, хотя и служит у оккупантов полицейским, на самом деле тяготится своим положением, ищет встречи с партизанами. Озмитель решил навестить его.

Ладохин сидел за столом и поднялся навстречу гостям.

— Здравствуйте! Я командир партизанского отряда.

— Полицай ольшанской волостной полиции Ладохин Семен,— представился хозяин.— Вот повязка, а вот винтовка.

Ладохин достал из-за печки обшарпанную «драгунку» и протянул ее Озмителю. Они долго беседовали. Ладохин подробно рассказал о размещении немецких гарнизонов и полиции в окрестных деревнях и на станциях. Он оказался наблюдательным парнем, всюду имел знакомства.

— Хорошо,— сказал Озмитель, вставая из-за стола.— Будем действовать вместе. Чтобы никто не догадался о наших связях,— взгляд командира упал на скамейку, где лежал неприбранный инструмент,— будем называть вас так: «Молоток».

— «Молоток» так «Молоток»,— улыбнулся Ладохин.— Как говорится, хоть горшком назови, только в печку не ставь.

— Если придется, не только в печь, но и в огонь полезем, Семен,— ответил лейтенант.

— А как вас величать, товарищ командир?

— Зови Федором Федоровичем. И вот еще что. Когда мы уйдем, явишься к своему начальству и скажешь, что в деревне ночевали лыжники в красноармейской форме. Скажи, по разговорам, пришли из Москвы.

— Зачем же доносить, товарищ командир?

— Не донесешь, себя провалишь.

Дав отдохнуть бойцам, Озмитель увел отряд в лес, к деревне Озеры на Витебщине. Но с тех пор Шарино и соседняя деревня Марково стали для партизан родным домом...

Весна вступила в свои права. Лес превратился в сплошное болото. На бойцах сухой нитки не оставалось. Негде было согреться и обсохнуть. С едой совсем стало плохо. А каратели продолжали свои поиски. Они пришли в лес внезапно. Арон Гуревич, стоявший на посту, первым заметил врага. Давая сигнал тревоги, Арон выстрелил прямо в офицера. Озмитель успел развернуть отряд. Застрекотал пулемет в крепких руках Ивана Пешкова. Выстрелы гулко разносились по лесу. Потеряв еще несколько солдат, каратели отошли. И только тут заметили партизаны, что Арон неподвижно лежит ничком. Сняли шапки.

Между деревьями вырос едва заметный холмик. В лагерь возвращались молча.

Отряд приступил к активным боевым действиям. И сразу о нем заговорили в округе. С каждым днем росло число добровольных помощников. Свои люди появились во многих населенных пунктах. По цепочке стекались сведения о противнике в лесной лагерь. Но как все это передать в Москву? Отрядная рация вышла из строя.

Однажды разведчики обнаружили в лесу следы сапог.

— Сапоги-то наши, советские.

След привел в чащу. И вдруг раздался голос:

— Эй, вы откуда?

— Стой, стрелять буду!

— Да вас мы давно бы пристукнули, если бы захотели. Вы случаем не из Москвы?

— А вам что?

Так, перешучиваясь и переругиваясь, узнавали друг друга.

Это оказался отряд старшего лейтенанта Михаила Бажанова. Он состоял из спортсменов, дружных, сильных ребят. Имена многих были известны всей стране: рекордсмен мира по тяжелой атлетике Владимир Крылов, один из сильнейших футболистов сборной команды страны Георгий Иванов, неоднократный чемпион Москвы по фехтованию Сергей Корнилов, мастер лыжного спорта Михаил Лобов.

Отряд Бажанова прибыл в «треугольник» в апреле с заданием производить диверсии на железной дороге и автомагистрали Смоленск — Минск. У бажановцев была рация. Озмитель немедленно воспользовался ею, передал собранные о противнике сведения в Центр. Настроение в отряде поднялось: Москва казалась где-то совсем рядом.

Очень хорошо помогал отряду Семен Ладохин.

Как-то он встретил начальника полиции в деревне Ольша.

— Скоро с партизанами воевать, а твои лоботрясы с оружием обращаться не умеют,— предупредил он начальника и предложил: — Хочешь, обучу?

И Ладохин стал регулярно приходить в Ольшу на занятия.

— Сначала,— говорил он полицейским,— научу вас неполной разборке винтовок. А потом произведем полную.

Обучение шло успешно. И скоро Семен действительно показал полицейским, как полностью разбирать винтовку. Внимательно проследил, чтобы каждый открутил все, до последнего винтика. И вдруг вспомнил:

— Мне же надо в Скворцы! Я мигом!

Пока Семен «ходил» в Скворцы, в Ольше появились пятеро бойцов отряда Озмителя. Они вошли в избу, где полицейские «изучали» оружие, и скомандовали:

— Руки вверх!

Полицейские покорно подняли руки...

В первомайские дни командир отряда решил пустить под откос первый эшелон с оккупантами. Это задание он поручил Валентину Лазареву и Григорию Демидову.

Дни были холодные. Дул сильный ветер. Невысохшие лужи морщинились рябью. В сырой одежде трудно было согреться. Подрывники выбрали место у станции Заольша. Целый день, сидя в кустах, изучали систему охраны. А ночью выбрались на насыпь. Но тут их заметила охрана. В воздух взметнулись ракеты. Над землей понеслись трассирующие пули. Пришлось отходить. Но в следующую ночь отважные воины снова подобрались к железнодорожному полотну...

Из кустов хорошо было видно, как в блеске взрыва вздыбился паровоз и вагоны с боевой техникой и пехотой полезли друг на друга.

Начало борьбы с врагом на железной дороге было положено. Вскоре за первым подорванным эшелоном последовали другие.

Отряд рос. В него вливались местные жители, советские воины, пробивавшиеся из окружения. В числе первых появились старшие лейтенанты В. С. Ястребцев и С. Н. Толмачев, сибиряки В. С. Симонов и Ф. И. Клушкин. В отряде стало более сотни бойцов. Могло быть и больше, но Озмитель брал не всех. Многих направлял в местный отряд, командиром которого стал чекист Н. Н. Талерко, комиссаром Е. Н. Мельников, председатель Руднянского райисполкома. В «треугольник» прибыл отряд Н. В. Соколова для ведения разведки. Соколов сразу же установил контакт с Озмителем. В гусинском лесу обосновался отряд, возглавляемый майором Я. И. Шпилевым. Дорогу Орша — Витебск оседлали партизаны. Из сенненских лесов Витебщины в «треугольник» привел свою бригаду Константин Заслонов, направленный в тыл врага с небольшой группой патриотов еще осенью 1941 года. Среди бела дня через железную дорогу Смоленск — Витебск в «треугольник» с артиллерией и обозом прорвался партизанский отряд, возглавляемый майором милиции М. Антоненко.

Жизнь оккупантов в «треугольнике» стала неспокойной. Взрывы партизанских мин гремели совсем недалеко от штаба генерал-фельдмаршала Клюге, командующего группой армий «Центр».

В ответ на это гитлеровцы усилили охрану дорог. Вдоль насыпи появились кирпичные будки и дзоты, из которых простреливалась каждая тропинка. Круглые сутки по шпалам шагали патрули. Ночью движение

почти прекращалось. Резвый бег поездов сменялся неторопливым пыхтением.

Наступило лето. Буйная зелень покрыла деревья. В лесу стало уютно. С опушки леса, где партизаны отряда Озмителя выставили заставу, просматривалось минское шоссе и даже можно было разглядеть фигурки немецких связистов, взбиравшихся на радиомачту. А позади заставы лежал партизанский край, куда захватчики заглядывали редко.

22 июня. Первая годовщина войны. Накануне разведка донесла: утром из деревни Скворцы выйдет колонна.

Озмитель и с ним 15 бойцов расположились в засаде. Из кустов виден мостик. Его уже успел заминировать Петя Антипов. Прильнув к биноклю, Федор Федорович следил за деревней. Он немного сгорбился, точно какой груз лег на плечи. Тяжелая зима не прошла даром. Но по-прежнему от него веяло спокойствием.

— Убрать мины! — неожиданно приказал он.

— Зачем? — обиженно спросил Антипов.

Командир приложил окуляры к его глазам, и Петя увидел, что перед колонной оккупантов на телеге едет крестьянин.

— Сволочи! — процедил Антипов.

Через минуту он уже пополз к мостику...

Время тянулось медленно. Враги уже близко. В утреннем воздухе отчетливо слышалась их речь. Командир заметил, что бойцы начали волноваться, они нетерпеливо посматривали на него.

Мимо прогромыхала телега. Вскочив во весь рост, Озмитель навскидку выстрелил из маузера.

— Огонь!

Целый вихрь огня обрушился на оккупантов, и так же внезапно все стихло. Наткнувшись на сильный огонь, гитлеровцы отступили.

А через неделю командир повел отряд в деревню Сентюри, где стоял вражеский гарнизон. Было разведано, где стоят часовые и когда происходит смена...

Караульного сняли без шума. Ракета взлетела вверх и осветила казарму. Три тени метнулись к окнам. Раздался звон стекла. Еще трое бросились к зданию. Это были Александр Матюхин, Алексей Горшков и Василий Ястребцев. Они бросили в разбитые окна гранаты, усиленные толовыми шашками. Взрыв потряс воздух,

и снова огонь пулеметов обрушился на врага. Партизаны получили ранения. Боясь промахнуться, они слишком близко подошли к окнам, и взрывная волна обдала их жаром. Особенно пострадал Алексей Горшков.

— Переправим через линию фронта,— решил Озмитель,— в госпиталь.

Вскоре раненого повезли к железной дороге. Через полотно перенесли на руках. Под обстрелом. Жизнь товарища была спасена.

Успехи давались нелегко. Всякий раз кого-то в отряде недосчитывались. Подорвался на мине Николай Пеньков, погиб в бою Валентин Лазарев...

Озмитель готовился к новым боям. Разведка установила, что оперативный отдел генерального штаба сухопутных сил и штаб центральной группировки гитлеровских войск готовили серию карательных операций против партизан в Белоруссии и на Смоленщине. Одна из них, планировавшаяся в западной части «треугольника», значилась под номером 30 и именовалась «Грейф». Операцию поручили 286-й охранной дивизии, усиленной авиацией и артиллерией. Руководил карателями генерал-майор Рихерт. Штаб карателей размещался в деревне Высокое.

Для разработки контрмер собрались партизанские командиры и комиссары: К. С. Заслонов, В. А. Манохин, Н. В. Соколов, Н. И. Талерко, Е. Н. Мельников и другие. Озмитель информировал их о готовящейся операции гитлеровцев.

Наступило 16 августа. День был солнечный, теплый. Воздух прозрачен и чист. Вереницы машин с гитлеровскими солдатами мчались по минскому шоссе. Вскоре противник показался также на большаке, идущем от Любавичей. Каратели охватывали лес с двух сторон. На партизанской заставе обнаружили противника вовремя. Можно было незаметно выйти из «котла». Это соответствовало правилам партизанской войны. Но в тылу отряда стояли партизанские бригады. Даже короткий бой позволял задержать врага и давал возможность партизанам приготовиться к встрече карателей. И Озмитель скомандовал:

— Орудие к бою!

Маленькая «сорокапятка», подобранная бойцами в болоте, открыла по врагу огонь. Отрядные артиллери-

сты И. М. Смирнов и П. П. Нечаев быстро накрыли цель. Снаряды стали рваться среди машин.

Бой шел два дня. Гитлеровцы пустили в ход авиацию и артиллерию. Искусно маневрируя, Озмитель выводил отряд из-под ударов врага. Лишь когда иссякли боеприпасы, он увел бойцов в другой лес. Две недели каратели рыскали по квадратам, на которые был разбит лесной массив. Днем и ночью слышались их крики:

— Рус, сдавайся! Рус, сдавайся!

Но безуспешно. Окружить отряд гитлеровцы не смогли. Им удалось лишь на время вытеснить партизан из «треугольника». Но отряд «Грозный» остался на своем участке и продолжал действовать. В разгар карательных операций группа лейтенанта И. Х. Грудского пустила под откос очередной эшелон врага, девятый по счету. Операция «Грейф» провалилась.

События, о которых рассказано, были лишь эпизодами партизанской борьбы в смоленском «треугольнике». Гитлеровцы жгли деревни, убивали женщин, детей, стариков. Они стерли с лица земли Марково, Шарино и много других деревень. Но погасить пламя партизанской борьбы не смогли. Появились новые отряды. Борьба разгоралась с новой силой.

Но как же сложилась судьба воинов отряда Озмителя, сражавшихся в «треугольнике»?

Весной 1943 года Озмитель вторично направился в тыл врага, в Минскую область. На этот раз с парашютным десантом. Отряд именовался «Гром», а командира звали Гришей. Из старых бойцов с ним были Григорий Демидов, Иван Пешков, Семен Солонинкин, Гергард Симон, Николай Ефимов, Михаил Махров. Остальные — новенькие. Теперь не нужно целый месяц пробираться на лыжах. 1943 год — не сорок второй. В одну ночь самолет мог доставить отряд к месту назначения.

Однако вылет задерживался.

— Каратели донимают «Дядю Колю». Не может вас принять,— пояснили Озмителю.— Будьте готовы в любое время.

И время это пришло.

Вечером 28 мая отряд погрузился в самолет. В темноте Ли-2 пересек линию фронта. «Дядя Коля» — Петр Григорьевич Лопатин — тепло встретил десантников.

В июне 1944 года в районе озера Палик гитлеровцы снова окружили партизанские бригады.

Состоялось совещание командиров. Собрались Р. Н. Мачульский, Н. Г. Лопатин, Ф. Ф. Озмитель, И. Ф. Золотарь, Б. Л. Галушкин и другие. Было принято единственно правильное решение: прорыв.

Две полосы укреплений были прорваны. Упорный бой разгорелся на третьей полосе, у деревни Маковье. Гитлеровцы выбросили САБы — светящиеся авиационные бомбы. Они повисли на парашютах над полем боя, освещая каждый кустик, каждого бойца. Впереди за деревней дорога шла в гору. Там — освобождение. Но между этой горой и партизанами все пространство простреливалось...

Одним из последних приполз на сборный пункт Иван Даленчук.

Он волочил раненую ногу и в одной руке держал потрепанную планшетку. По обветренному лицу катились слезы.

— Это все,— показал он планшетку,— все, что осталось от нашего командира.

После гибели Федора Федоровича Озмителя мы, бывшие бойцы возглавляемого им отряда, обнаружили, что очень мало знаем о нем. Узнать побольше и рассказать о его боевой жизни другим стало нашим долгом перед молодым поколением, за счастливое будущее которого он отдал свою жизнь — простую, честную, боевую, славную.

Александр **КАЗИЦКИЙ,**
Лев **РОЗЕНБЕРГ**

ОХОТА НА ОХОТНИКОВ

Июньской ночью, пришпоривая усталых лошадей, четверо всадников подъехали к спящему поселку. Один из них соскочил с седла, отдал поводья своему соседу. Всадники повернули лошадей и растворились в ночной темноте, а спешившийся вошел в поселок и направился к домику, в окошке которого еле заметно мерцал огонек.

Кириллу Орловскому (а это был он) не раз доводилось бывать за границей. И всегда без семьи. Сейчас же с ним жена, дочурки Лида и Света. Вначале это радовало Кирилла, но прошел месяц-другой, и он понял, что совершил ошибку, поддавшись уговорам Наташи. Служба такая, что не расскажешь, куда и зачем уезжаешь, надолго оставляя семью одну. Вот и сейчас он больше месяца провел в тылу у гоминдановцев, инструктировал в горах местных партизан. А жена тревожится, беспокоится за него. Особенно после того, как случайно заметила в фуражке дырку от пули.

Бесшумно отворив дверь ключом, он вошел в сени и, зачерпнув из ведра кружку воды, начал жадно пить. Из комнаты вышла жена.

— А мы заждались тебя, родной,— вместо приветствия голосом, полным тревоги, сказала она.

— Что случилось?

— А ты разве не знаешь? Война, Кирюша, война началась...

— Какая еще война?

— Германия напала на нашу страну. Сегодня вечером по радио передавали выступление Молотова.

Как только выдавалась малейшая возможность, Орловский теперь настраивал радиоприемник на московскую волну. Тяжелую душевную боль причиняли ему тревожные сообщения с советско-германского фронта: гитлеровцы заняли Брест, Барановичи, Минск, Ригу, Смоленск... Кованый сапог фашистского оккупанта топтал советскую землю, родную его Белоруссию. Враг

упорно рвался дальше на восток, к Москве и Ленинграду.

Орловский — бывалый воин — за лаконичными сообщениями «наши войска ведут упорные оборонительные бои», «части Красной Армии оставили город...» слышал гул артиллерийской канонады, визг бомб и свист пуль, видел раненых и убитых красноармейцев, женщин, полными скорби глазами провожавших отступающие части Красной Армии. Он видел ликующих, надменных фашистов, кичащихся своими победами. Слышал запах пороховой гари.

Орловскому было тяжело, но он не отчаивался, верил, что мы победим, рано или поздно разгромим зарвавшегося врага. И он готов был отдать все свои силы, опыт и знания, а если потребуется, и жизнь, чтобы внести свой вклад в эту победу. Но что он мог сделать вдали от Родины, за тысячи километров от линии фронта?

Только через год настойчивые просьбы Орловского удовлетворили: в июне 1942 года его вызвали в Москву.

Прямо с вокзала он отправился в Народный комиссариат внутренних дел.

— А сейчас хотите в другой тыл, в тыл фашистов? — спросил Орловского генерал.

— Да, в Белоруссию.

— А у нас, скажу прямо, другие планы,— не соглашался генерал.— Вы обладаете богатым опытом партизанской борьбы: почти десять лет руководили партизанскими отрядами в Западной Белоруссии, Испании, на Востоке. Мы решили использовать ваш опыт здесь, в Москве, для подготовки отправляемых в тыл врага разведывательных и диверсионных групп. Работа серьезная и ответственная.

— Спасибо, товарищ генерал, но я считаю, что больше пользы принесу в тылу врага, а точнее — действуя с отрядом в районе Барановичей, Пинска, Ляховичей, Клецка...

— Почему такая конкретность? — удивился генерал.

— Там я партизанил в двадцатые годы,— коротко ответил Орловский.

Всем сердцем патриота и воина рвался он под Барановичи, где за пять лет борьбы с пилсудчиками хорошо изучил все стежки-дорожки и где его наверняка

помнят — не должны забыть! — боевые соратники, многие друзья из местных жителей.

И хотя не сразу, но удовлетворило начальство настойчивые просьбы Орловского, поручило ему создать небольшой отряд специального назначения.

Вскоре у Орловского появился надежный помощник — комиссар Григорий Ивашкевич. Ровесник Октября, он оказался опытным, бывалым человеком: после службы в армии работал в милиции, с первых дней войны — на фронте, участвовал в боях с гитлеровцами.

В отряд специального назначения зачислили чекиста харьковчанина Василия Удовиченко, уже побывавшего в тылу врага, радиста москвича Алексея Блинова. Но значительную часть отряда составляли земляки командира, уроженцы и жители тех мест, где предстояло действовать. Как никто другой, Орловский знал, какую огромную помощь отряду, особенно на первых порах, могут принести бойцы, хорошо знающие местность, имеющие в соседних селениях родственников и надежных знакомых. Именно такими бойцами были Иосиф Якубовский, Сергей Петрушко, Антон Василевич, Сергей Бусько, Владимир Зенько и три Ивана — Грицевец, Туник и Забавнюк. Все они родились и жили до войны в Барановичской или соседней с ней Пинской области, знали многих местных патриотов, на которых можно было смело положиться.

26 октября 1942 года группа «Соколы» (так назвали ее в Москве) во главе с Орловским вылетела в тыл врага. А уже на следующий день Центр получил радиотелеграмму: благополучно приземлились в заданном районе — в 20 километрах восточнее Выгоновского озера, приступаем к работе. Подпись под радиограммой — Роман *.

Работу начали с установления связей с местными жителями. Быстро нашли бывших партизан Петра Севастюка, Фадея Станкевича. Познакомились с лесником Василием Халецким, Александром Федоровичем. Через два-три месяца «Соколы» имели своих связных не только в окрестных деревнях, но и в Барановичах, Ляховичах, Пинске, Несвиже, Клецке, Ганцевичах.

Основательно изучив Барановичи, разведчики отряда собирали сведения о перевозках противником через

* Партизанский псевдоним К. П. Орловского.

железнодорожный узел воинских грузов, добыли план аэродрома и данные о количестве базирующихся на нем самолетов. Эта информация незамедлительно передавалась в Центр радистом Алексеем Блиновым.

Занимались партизаны отряда «Соколы» и диверсиями на железной дороге, уничтожением гитлеровцев и их пособников.

Почти весь личный состав ежедневно уходил на задания. В лагере оставалась только небольшая охрана да повар с радистом.

Вот и на этот раз в землянках в машуковском лесу, где базировался отряд, осталось немногим более десяти человек. А тут поздно вечером прибежал в отряд Василий Халецкий и попросил немедленно разбудить командира. Торопясь, он рассказал Орловскому, что завтра в машуковский лес на охоту на кабанов приедет «главный комиссар» города Барановичи Фридрих Фенс и с ним какой-то весьма важный начальник из Минска. Высоких чинов будет сопровождать и охранять команда эсэсовцев.

Не успел Орловский подробно расспросить Халецкого о дороге, по которой намерены проезжать фашисты, и в каких квадратах собираются охотиться, как в землянку ввалился запыхавшийся Александр Федорович. Он сбросил шапку-ушанку, полушубок. Густой пар повалил с его головы.

— Уж не лешие ли гнались за тобой, Саша? — поинтересовался Орловский.

— Хуже, товарищ командир. Завтра, а может, сегодня,— Федорович достал из кармана трофейные часы, щелкнул крышкой.— Да, сегодня, на охоту сюда приедет Фенс и эсэсовский генерал, гебитскомиссар Барановичского округа Штюра, а с ним гауляйтер Кубе.

— Кубе, говоришь? — Орловский переглянулся с комиссаром отряда Григорием Ивашкевичем. Кого-кого, а Кубе они не ожидали.— Что ж, он один, без свиты приедет?

— Нет, нет! Николай просил передать, что с ним будет около полусотни эсэсовцев.

И Василий Степанович Халецкий, и Александр Станиславович Федорович были лучшими разведчиками отряда, не раз сообщали ценные сведения. Передать в отряд о предстоящей охоте гитлеровцев в машуковском

лесу просил Николай Шетырко, продолжавший по заданию Орловского служить в полиции. Халецкий же об охоте узнал «по секрету» от Сергея Вобко — лесничего, агента СД. Вобко просил Халецкого быть проводником у охотников.

Крепко задумался Кирилл Орловский. Силы были далеко не равными: у фашистов не меньше полусотни хорошо вооруженных солдат, а у него большинство людей на заданиях, в лагере немногим более десятка бойцов.

— Да, задача не из легких. Так, Григорий Васильевич? — обратился Орловский к комиссару отряда.

Комиссар не мешал Орловскому думать. По опыту Григорий Васильевич знал, что командир уже принял решение и сейчас лишь проверяет — правильно ли он решил, предусмотрел ли все варианты будущего боя. Принял решение и комиссар отряда: во что бы то ни стало организовать засаду на охотников. И поэтому Григорий Ивашкевич твердо ответил:

— Кирилл Прокофьевич, случай, можно сказать, особый, исключительный. Высокие чины сами лезут на рожон. Устроим охоту на охотников!

— Ты прав — случай исключительный. Не воспользоваться им нельзя. Будем встречать «гостей» по-нашенски, по-партизански.

Через несколько минут бойцы отряда были в командирской землянке. Пытливо вглядываясь в их лица, Орловский рассказал о только что полученных сведениях.

— Как видите, товарищи, врагов много, вооружены они неплохо. Нас меньше,— подвел итог Орловский,— но, как говорил Суворов, воюют не числом, а уменьем. Разве Якубовский, скажем, не справится с пятью гитлеровцами? А Туник? А Василевич? — Одного за другим называл он бойцов и продолжал: — Нас мало, но у нас есть большое преимущество: мы на своей земле, боремся за правое дело, у нас крепкий союзник — внезапность. И упустить этот случай, дать фашистским мерзавцам безнаказанно развлекаться на нашей земле, нельзя. Мы не имеем права позволить им такую роскошь. Так я говорю, товарищи?

— Да что там долго разговаривать? Веди, товарищ командир! Устроим охотникам баню! — голос Иосифа Якубовского был полон решимости.

8 Зак. 1823

— Покажем гитлеровцам второй Сталинград! — поддержал Иван Туник.

О Сталинграде он вспомнил не случайно. В те дни все бойцы отряда находились под глубоким впечатлением радостных сообщений о разгроме фашистских армий под Сталинградом. Партизаны знали о трехдневном трауре гитлеровцев по армии Паулюса, знали, что в Барановичах, Ганцевичах, Ляховичах, Минске немцы ходили с черными повязками на рукавах. Да, для фашистов битва за Сталинград закончилась величайшим поражением, катастрофой. А это для советских людей было праздником, вестником окончательной — пусть и не совсем еще близкой — победы над фашистскими захватчиками. И своими ратными делами партизаны стремились приблизить этот день.

— Итак, решено: будем встречать «гостей»! — сказал командир и назвал участников предстоящей операции.

— А меня почему не берете? — удивился Алексей Блинов.— Не для того я из Москвы прилетел, чтобы за спинами товарищей отсиживаться!

Хотя Блинов был храбрым воином и отличным пулеметчиком, Орловский приказал не будить его, не брать на засаду. Связь с Центром весьма многое значила для специального разведывательного отряда, и командир старался оберегать опытного радиста, под всякими предлогами освобождать Блинова от участия в боевых операциях. Но вот он сам просит:

— Возьмите, товарищ командир. Нас же и так мало.

— Ладно, Алеша, пойдешь. Бери пулемет, будешь рядом со мной.

Приказав бойцам тщательно проверить оружие, Орловский вместе с комиссаром и Василием Халецким склонился над картой.

— Вот и Раскоп,— командир карандашом показал на перекресток лесных дорог.— Ты прав, Василий Степанович: охотникам не минуть его.

Наметили маршрут подхода к Раскопу: надо было идти к месту засады, минуя дороги, чтобы не оставить следов.

— Кажется, все предусмотрели,— задумчиво сказал Орловский.— Но мало нас, очень мало... Всего двенадцать человек.

— Тринадцать,— уточнил Халецкий.— Разве я не боец? — В голосе лесника слышалась горечь обиды.

— Дорогой мой Василий, ты боец, и еще какой. Но тебе нельзя идти в засаду.

— Это почему же?

— Ты — разведчик. Свое дело сделал. Проведешь нас к Раскопу — и домой. Ты нам будешь еще нужен не один раз. И к тому же у тебя большая семья. А в бою, сам знаешь, может случиться всякое. Как же Мария Ивановна справится одна без тебя с такой оравой ребятишек?

— За доброе слово спасибо, товарищ командир, но это, извините, не довод,— стоял на своем Василий Халецкий.— У каждого из нас семья. Я пойду, должен пойти в засаду.

Сборы были недолгими. Вскоре горстка бойцов в белых маскировочных халатах направилась к Раскопу. Впереди шел Василий Халецкий, за ним — командир, затем Григорий Ивашкевич. Замыкали группу Николай Калмыков и Иван Забавинов.

Еще до рассвета бойцы подошли к перекрестку лесных дорог.

— Вот и Раскоп,— тихо сказал Халецкий.

— Да, место для засады удобное,— похвалил разведчика Орловский.

Расставив бойцов в молодом сосняке, в 15—20 метрах от дороги, он приказал им вырыть окопы в снегу и тщательно их замаскировать.

Партизаны вырыли глубокие окопы между молодыми сосенками и елями, умело замаскировали.

«Молодцы!» — мысленно похвалил Орловский бойцов и, оставив для наблюдения за дорогой Ивана Туника и Иосифа Якубовского, приказал всем отойти в глубь леса.

Здесь партизаны наскоро позавтракали, и командир еще раз напомнил: когда будут проезжать фашистские охотники, не обнаруживать себя и ни в коем случае не открывать огня без сигнала.

— В первые минуты патронов не жалейте. Помните, что только внезапный, дружный и меткий огонь может обеспечить победу,— напомнил Кирилл Орловский.

Часов в десять утра бойцы заняли окопы и стали ждать встречи с гитлеровцами.

8*

— Едут, едут! — услышал вдруг Орловский приглушенный голос Блинова.

Но вместо охотников появились одинокие розвальни. «Видать, мужик какой-то за дровами направился»,— подумал командир. Когда же сани поравнялись с местом засады, партизаны увидели в них двух мужчин — молодого и средних лет.

— Лесничий Вобко и попович Балюстин,— шепнул командиру Василий Халецкий.

— Разведка! — догадался Орловский.

Совсем недалеко послышались голоса людей, стук копыт по снежной дороге, скрип полозьев. Звуки приближались, а вскоре показались и сами гитлеровцы: впереди несколько всадников, за ними — сани. Одни, вторые, третьи... Больше десятка, растянувшись далеко друг от друга. Сидевшие в них эсэсовцы держали оружие наготове.

Орловский встретился с недоуменным взглядом Алексея Блинова. Этот взгляд будто спрашивал: «Что случилось? Почему нет сигнала?» Слева кто-то прошептал:

— Выпустили из рук! Прозевал командир...

Оставив в окопах Василия Халецкого и Николая Калмыкова, Орловский с остальными бойцами отошел под разлапистую ель.

— Почему мы их пропустили? — спросил Блинов.

— Почему, почему? — Орловский, казалось, не мог сразу ответить на вопрос.— А вот давайте вместе подумаем. Мне даже кто-то упрек бросил: «Прозевал, дескать, командир».

— Я, товарищ командир, но это не упрек,— признался Иосиф Якубовский.

— Упрек или не упрек — не в этом суть.— Орловский был доволен откровенностью Якубовского.— Главное, что мы не ввязались в бой с немцами. Вы заметили их настороженность? Заметили, как они глаза таращили по сторонам? А как оружие держали в готовности к бою? Нет, таких не возьмешь. Мы, конечно, половину их скосили бы сразу, но и сами все здесь бы полегли. Вот почему, товарищи, и я решил пропустить их и ждать возвращения с охоты.

— А когда они назад поедут, их что, меньше станет? — недоумевал Якубовский.

— Если на охоте ничего не случится, их будет

столько же,— улыбнулся Орловский,— но они будут уж не те. Во-первых, устанут, во-вторых, успокоятся, а в-третьих, наверняка замочат охотничьи трофеи, будут, что называется, под газком. Такими и возьмем их, тепленькими.

Мучительно долго тянулись часы ожидания. От мороза коченели руки и ноги. «В снеговых окопах мы пролежали 12 часов, выжидая более подходящего момента. От холода руки и лица у моих товарищей заметно покраснели, но неограниченное желание мстить врагу делало их выдержку железной»,— не без гордости за своих бойцов писал позже Кирилл Орловский.

О чем думал, что вспоминал в эти долгие часы засады Кирилл Орловский? Скажем сразу — не знаем. Но вспомнить ему, разведчику и ветерану-партизану, было что. Организовывать такие «горячие» встречи врагу, в том числе и высокопоставленным сановным чинам, доводилось ему не раз.

Еще в гражданскую войну он водил своих хлопцев-партизан против кайзеровцев и польских захватчиков. В июле двадцатого с полсотней партизан он, тогда Ваня, взял в плен около батальона противника. А спустя четыре года в «гости» к Орловскому, выступавшему уже под именем Муха-Михальский, попал сам полесский воевода Довнарович. И было это недалеко от здешних мест.

В яростной злобе от бессилия расправиться с легендарным Мухой-Михальским с помощью полиции, дефензивы и многочисленных карательных экспедиций правительство буржуазной Польши весной 1924 года прибегло к самому подлому средству: за поимку Мухи-Михальского была установлена награда в размере 15 миллиардов польских марок. Особенно усердствовал воевода Довнарович. Под грифом «Весьма срочно» он разослал копии этой директивы во все староства с припиской: «Указанная сумма будет передана пану старосте безотлагательно. Настоящее дело следует понимать как весьма срочное и о ходе акции представлять подробные сообщения».

Предателей не нашлось. Многочисленной агентуре дефензивы и полиции так и не удалось проникнуть в отряд Орловского. Народ ревностно оберегал своего защитника и его бойцов. Во многих деревнях у Орловского были свои надежные, проверенные люди — развед-

чики и связные. Они и сообщили ему об инспекционной поездке Довнаровича по воеводству. Партизанский вожак решил встретиться с ретивым воеводой и поговорить с ним «по душам». И такая встреча состоялась на разъезде Парахонск. Там партизаны задержали поезд, и в салон-вагон воеводы для «дипломатических» переговоров от имени партизан Полесья вошел Кирилл Орловский.

— Что же вы, ясновельможный пан, не встречаете Муху-Михальского? — обратился Орловский к вспотевшему от страха воеводе.

— Вы — Муха? — воевода недоверчивым взглядом быстро пробежал по неказистой фигуре Орловского.

— Я. Собственной персоной. Узнал, что ваше превосходительство разослали мне приглашение через своих старост, полицейских. Миллиарды им пообещали за организацию нашей встречи. Вот я и решил: надо помочь пану воеводе, а заодно избавить казну от разорения на [illegible] миллиарды.

Воевода молчал. Молчали и члены его свиты.

— Что же вы молчите, господа? Или встрече не рады? Или языки телята откусили? — Безудержная дрожь высокопоставленных чиновников вызвала отвращение у Орловского.

— Я ваш пленник, но я все же воевода,— с трудом выдавил из себя Довнарович.— Разговор не по этикету...

— Ну что вы, пан воевода? Этикет мы строго соблюдаем. И поступим с вами согласно вашему этикету. Раньше вы отдавали приказы пороть крестьян, а сейчас пришла ваша очередь снять портки и попробовать вкус розог,— вынес приговор партизанский атаман.

По требованию Орловского воевода и его свита вышли из вагона. На виду у всех пассажиров партизаны проучили спесивого воеводу. Правда, они даже не прикоснулись к нему. Жестоко высек его... один из офицеров охраны. «Честь» выпороть начальника окружной полиции Менсовича досталась его подчиненному.

И хотя Орловский не отдавал распоряжения высечь сенатора Вислоуха, офицер, отлупцевавший воеводу, проявил инициативу и взялся за сенатора... Кряхтели высокие чины, улыбались солдаты, а набожные пас-

сажиры тихо упоминали пана Иезуса и пресвятую деву Марию.

Изъяв официальную почту, партизаны покинули разъезд. Что касается Довнаровича, то после публичной порки он, конечно, уже не мог оставаться воеводой и вынужден был подать в отставку.

А вот с князем Альбрехтом Радзивиллом встреча была не столь удачной. Правда, партизанам удалось остановить в лесу карету с князем, но кучер, увидев, что от этой встречи князю несдобровать, ударил по лошадям и погнал их во весь дух. Партиза́ны обстреляли карету, но Альбрехт уцелел. Уцелел, но не совсем: от сильного испуга у князя отнялись ноги. Он не только отказался от личных ревизий лесничеств, но боялся, ссобенно вечерами, показываться даже в парке замка. Везде ему мерещились партизаны.

А может, Кирилл Орловский вспомнил засаду на франкистов-фалангистов? Тогда, в 1937 году, он (псевдоним Стрик) помогал испанскому народу бороться с фашизмом. В конце мая с десятком испанцев-республиканцев отправился Стрик в рейд по тылам противника. Взорванные мосты, пущенные под откос эшелоны — такие вехи оставляли на своем пути герильеросы *. Их преследовали войска, за ними охотилась жандармерия. И все безуспешно. Однажды Орловский решил перехватить карателей.

Место для засады было выбрано удачно. Нападение оказалось настолько неожиданным, что жандармы, ехавшие в кузовах двух грузовиков, так и не успев открыть огонь, были сразу же уничтожены гранатами и огнем ручного пулемета.

Около 800 километров прошла тогда по тылам франкистов группа Орловского. Побывала в трех провинциях, добралась до испанско-португальской границы. Партизаны похудели (около 20 килограммов веса потерял Стрик!), но, когда вернулись к своим, глаза их светились радостью и торжеством — от встречи с братьями по оружию и от сознания успешно выполненного долга.

И вот он, Орловский, на этот раз опять ждет «высоких» гостей, самого гауляйтера фон Кубе.

---

* Так в Испании называли партизан.

Командир разрешил бойцам по очереди выбегать в глубь леса, чтобы хоть немного согреться. Время шло, а охотники не возвращались. Начинало смеркаться. На противоположной стороне дороги угрюмо шумел вековой бор. И хотя возвращения немцев бойцы ожидали давно, они появились как-то внезапно.

К этому времени Орловский перешел с Блиновым в наиболее опасное место, чтобы начать бой, оказавшись у самой головы колонны фашистов. Он считал, что взрывы брошенных им толовых шашек вызовут панику у гитлеровцев. И когда охотники приблизились к засаде, Орловский увидел: они уже не те, что были утром. Удачная охота и обильная замочка трофеев сделали свое дело: с подвод доносился пьяный галдеж, беззаботный смех. На это и рассчитывал командир.

Ожидавшему сигнала Алексею Блинову он взглядом приказал: «Приготовиться!» — и тут же бросил шашку. Она еще не разорвалась, а уже застрочил из пулемета Блинов, ударили из автоматов бойцы.

Колонна отозвалась дикими криками гитлеровцев, лаем собак и ржанием лошадей. Сразу же погибла большая часть гитлеровцев, уцелевшие пытались бежать, некоторые залегли и начали отстреливаться. «Там их главарь»,— решил Орловский и, прикрываясь кустами, побежал в сторону, где залегли фашисты. За ним комиссар Григорий Ивашкевич, Василий Халецкий, Хусто Лопес, другие бойцы. Орловский метнул еще одну шашку, взялся за третью... И в это время сильный взрыв свалил командира на снег. К нему бросились Ивашкевич, Хусто Лопес.

Командир лежал под высокой мохнатой елью. Из обеих рук текла кровь, возле них краснел снег. В крови были лицо командира, полушубок.

— Продолжай операцию! Добивай фашистов, Гриша! — отдал он приказ комиссару.

— Хусто, спасай командира, выноси его с поля боя! — в свою очередь распорядился Ивашкевич.

Хусто Лопес быстро наложил жгуты на обе руки командира. Затем снял с себя полушубок, положил на него Орловского и ползком начал пробираться в глубь леса, подальше от места боя.

Гремели выстрелы, свистели пули, но Хусто Лопес не замечал этого. Он не думал о себе. Все его мысли были о командире.

«Я был ранен в момент метания заряда. Фашистская пуля попала в детонатор моего заряда, отчего произошел преждевременный взрыв в моей руке. Это очень редкий случай»,— писал позже Кирилл Прокофьевич.

Храбрыми бойцами и пламенными патриотами назвал командир участников этой операции. Особенно высоко оценивал он действия в этом бою пулеметчика Алексея Блинова и комиссара отряда Григория Ивашкевича. «Окончательно с врагом было покончено в то время, когда Ивашкевич зашел с правого фланга и расстрелял укрывавшихся на дороге фашистов»,— вспоминал Орловский.

Да, разгром гитлеровцев был полный, но радость победы омрачалась тяжелым ранением командира. Бойцы торопливо собирали трофеи, а Хусто Лопес и комиссар перевязывали потерявшего сознание Орловского. Его бережно завернули в доху барановичского «главного комиссара», на трофейных лошадях, чудом уцелевших во время боя, поехали в свой лагерь. По дороге командир очнулся...

— Гриша, принимай на себя командование отрядом и уводи его на запасную базу к Выгоновскому озеру,— превозмогая боль, торопливо отдавал распоряжения Орловский.— И еще... Позови Василия... Халецкого...

— Слушаю, Кирилл Прокофьевич,— наклонился над командиром Халецкий.

— Василь, дорогой мой. Спасибо тебе за все.— Орловский закрыл глаза, замолчал, а затем тихо, еле слышно сказал: — Иди с отрядом, бери семью, спасай детей, жену.— Он вновь впал в беспамятство.

Командир не видел, как бойцы, быстро забрав свои небогатые пожитки, оставили лагерь. Не видел, как они подъехали к дому лесника, как Василий Халецкий торопливо собирал свое большое семейство. Он не видел Хусто Лопеса и Иосифа Якубовского, во весь опор гнавших лошадей. Не чувствовал и не знал, что его везут в деревню Святица, в отряд Цыганова, к хирургу Лекомцеву.

Приехали ночью. В. А. Лекомцев, к счастью, оказался на месте. Но у него не было необходимых инструментов. А у Орловского начиналась гангрена. Надо оперировать незамедлительно. И Виктор Алексеевич стал готовиться к операции. По его распоряжению принесли

слесарную пилу, немного спирту. Пила оказалась тупой, и врач приказал наточить и прокипятить ее. Точить пилу взялся партизан Яша. Вместо наркотических средств Лекомцев предложил Кириллу Прокофьевичу стакан спирту, и операция началась. Скрежетала пила о кость руки Орловского, холодным потом покрылись лица Лопеса и Якубовского, державших своего командира, но он не издал ни одного звука, ни разу не застонал...

А тут на беду крупный карательный отряд напал на деревню, где находился отряд Цыганова. Теплее укутав Орловского, Лопес и Якубовский вместе с Лекомцевым и врачом Анной Аксаковой повезли вновь впавшего в беспамятство раненого в лес. Там Виктор Алексеевич и закончил операцию.

Между тем разгром горсткой партизан группы высокопоставленных гитлеровских чиновников вызвал настоящую панику в стане врага. И было отчего: народные мстители убили «главного комиссара» города Барановичи группенфюрера Фридриха Фенса, гебитскомиссара Барановичского округа группенфюрера Фридриха Шмора, восемь эсэсовских офицеров, двух комендантов полиции и почти всех охранников. Спаслись лишь несколько эсэсовцев да попович Балюстин с лесничим Вобко. Но спаслись ненадолго. Вскоре эсэсовцев расстреляли сами гитлеровцы — за трусость и бегство с поля боя. А через некоторое время партизанские пули настигли поповича и лесничего.

Только к полудню другого дня фашисты, собрав большие силы и предварительно заняв прилегающие к лесу деревни Машуки, Лопатичи и Гайнин, рискнули приблизиться к месту схватки, чтобы подобрать трупы горе-охотников. А через несколько дней в издававшихся фашистами газетах был помещен в жирной черной рамке портрет Фенса и опубликован некролог, подписанный гауляйтером Кубе. Обреченный в будущем на такую же бесславную кончину, гауляйтер не жалел эпитетов для своего покойного дружка.

Весть об уничтожении партизанами высокопоставленных фашистских чиновников разнеслась далеко за пределы Белоруссии. Об этом писала и зарубежная печать.

21 марта 1943 года «Правда» сообщала:

«Убийство фашистских палачей в Барановичах.

Стокгольм, 20.III. (ТАСС). Гитлеровская газета «Минскер цейтунг» сообщает, что советскими партизанами в Барановичах убиты гитлеровский «главный комиссар» города Барановичи Фридрих Фенс и один из главарей «охранных отрядов».

Так советские люди узнали о дерзкой операции белорусских партизан. Правда, долгое время не были известны ее подробности: какой отряд ее совершил, кто командовал партизанами. Впрочем, даже Центр об этом узнал не сразу. Возвратившись в лагерь после операции, комиссар Ивашкевич послал в Москву тревожное донесение: группа устроила засаду на приехавших на охоту в машуковский лес крупных немецких чиновников, среди них, предполагалось, будет Кубе, во время боя в руках Орловского взорвался толовый заряд, у командира перебита правая рука и повреждена левая.

Как видим, в донесении ни слова не говорилось об уничтожении фашистских деятелей. Комиссару и бойцам было не до них: все они с напряжением следили за состоянием здоровья своего командира.

Сообщение Ивашкевича взволновало и Центр. Оттуда последовал запрос: куда направлен Орловский после ранения, кто его лечит, какие медикаменты нужны для лечения, сможет ли отряд принять людей из Москвы? Центр требовал от Ивашкевича сделать все возможное для лечения Орловского.

Ивашкевич ответил: Орловский в сопровождении бойцов Хусто Лопеса и Иосифа Якубовского направлен в партизанский отряд Цыганова, где имеется опытный хирург Лекомцев. У командира ампутирована правая рука и три пальца на левой. Операция прошла удовлетворительно. После операции больной чувствует себя неплохо. И только после этого Ивашкевич коротко сообщил о результатах засады 17 февраля 1943 года, об уничтожении Фенса и других высокопоставленных чинов.

Не скоро узнал о результатах операции и сам командир. Неотлучно находившаяся при нем врач Анна Ильинична Аксакова строго-настрого запретила Хусто Лопесу и Якубовскому пускать кого бы то ни было, даже комиссара, к Орловскому, беспокоить его разговорами. С виду милая и добродушная, она, казалось, не обращала никакого внимания на просьбы Ивашкевича и бойцов.

— Ладно, можете заглянуть к Кириллу Прокофьевичу на несколько минут,— смилостивилась она, когда увидела, что здоровье командира несколько улучшилось и раны начали заживать.— Только, чур, не говорите ему неприятных вещей.

— А у нас они только хорошие! — Ивашкевич потряс перед врачом гитлеровскими газетенками с некрологами.

— Надоело лежать,— пожаловался Орловский комиссару и тут же засыпал его вопросами: какие операции после его ранения провел отряд, что нового сообщает разведка, какие указания получены из Центра, где и как устроилась семья Василия Халецкого?

Ивашкевич коротко доложил ему о делах отряда, рассказал о семье Халецкого, а затем развернул немецкие газеты с некрологами. Из черных рамок на Орловского смотрели холеные, надменные лица эсэсовских генералов и полковников. Но особое внимание у командира вызвал почему-то портрет Фенса. Холодный, высокомерный, устремленный вдаль взгляд, плотно сжатые тонкие губы, широкие ноздри большого носа. Казалось, Фенс брезгливо обнюхивает воздух...

— Результаты операции хорошие: столько фюреров уложили, да еще с приставками солидными,— Орловский моргнул Якубовскому.— Кстати, Григорий Васильевич, проведи с ребятами беседу, подробно растолкуй им, с какими фюрерами и фюренятами они расправились у Раскопа. И еще. Подготовь, пожалуйста, материалы к награждению бойцов. Не забудь Василия Халецкого. И не скупись: ребята заслужили.

Позже, в отчете Центру Орловский писал: «Сильная боль от ран и тяжелое состояние вследствие контузии не лишили меня боевого духа, а наоборот, когда мне показали газету, где были засняты убитые нами видные фашистские деятели, то я был доволен и был еще более воодушевлен на борьбу с фашизмом».

Кирилл Орловский продолжал борьбу с врагом. Уже через две недели после ранения он послал в Центр сообщение: «Чувствую себя хорошо. Начинаю ходить. Раны заживают отлично». Неугомонная натура Орловского не могла примириться с положением больного. Он часто вызывал к себе Григория Ивашкевича, других товарищей. Дотошно расспрашивал их о боевых делах отряда, давал советы.

А работы было много. С весны 1943 года разведчики все чаще стали сообщать об оживлении железнодорожных перевозок врага. Гитлеровцы везли на фронт живую силу, технику, автомашины, горючее.

В Центр продолжали поступать телеграммы из отряда «Соколы». В них сообщалось, например, что в Барановичи прибыли два полка итальянцев, офицеры и солдаты этих частей ходят без оружия, меняют обмундирование на продукты и говорят, что больше воевать на востоке не будут, что на старом аэродроме в Барановичах, расположенном вблизи железнодорожных мастерских, находятся 40 самолетов, которые спешно ремонтируются. После выздоровления Орловский вновь целиком ушел в работу. Бодрое настроение не покидало его. Все чаще бойцы слышали, как он вполголоса напевал свою любимую песню о Степане Разине. Вот и на этот раз после короткого совещания с командирами он тихонько запел:

А она, закрывши очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные
Атамановы слова.

Допеть не довелось: в землянку с телеграммой вошел Алексей Блинов. Телеграмма была короткой: Орловского вызывали в Москву с докладом. Кирилл Прокофьевич в ответной телеграмме попросил оставить его в тылу до освобождения этих мест от фашистов. И только после вторичной телеграммы из Центра он расстался с родными «Соколами».

В конце августа 1943 года К. П. Орловский прилетел в Москву. А 20 сентября Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение специального задания правительства ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

По состоянию здоровья К. П. Орловского уволили на пенсию. Но деятельный характер, горячее, неуемное сердце коммуниста не позволили ему сидеть дома. Он рвался в бой, на этот раз на трудовом фронте.

Летом 1944 года колхозники родных Мышковичей избрали Кирилла Прокофьевича Орловского председателем колхоза «Рассвет». Под его руководством колхоз вырос в крупное многоотраслевое хозяйство с высоким уровнем земледелия и животноводства, стал одним из

передовых в нашей стране. Много сил и внимания Кирилл Прокофьевич уделял подъему благосостояния, культуры и быта членов сельхозартели. Он заботливо растил и воспитывал колхозные кадры.

Родина высоко оценила ратные подвиги ветерана-чекиста и заслуги председателя колхоза в развитии сельского хозяйства. Он неоднократно избирался в состав ЦК КПСС, ЦК КПБ, являлся депутатом 3, 4, 5, 6 и 7-го созывов Верховного Совета СССР. В 1958 году Кирилл Прокофьевич Орловский был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Две Золотые Звезды Героя, пять орденов Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, многие медали украшали грудь человека, чье имя еще при жизни было овеяно легендами.

В центре Мышкович, на возвышенности, стоит светлый и просторный Дворец культуры, заложенный еще при жизни первого председателя «Рассвета». Справа — памятник, а у его подножия — отлитые из металла винтовка и плуг — символы ратного и мирного труда Орловского. Человек из легенды пристально всматривается в щедрые колхозные поля, в родные леса и просторы, где в годы минувших войн вместе со своими партизанами не раз громил он чужеземных врагов, где сейчас бурлит мирная счастливая жизнь.

Илья БОРИСОВ

КОМБРИГ «НЕУЛОВИМЫХ»

С утра разгулялся ветер. Словно сердясь на сыпавшуюся с неба сухую белую крупу, он неистово расхлестывал ее во все стороны и начисто сдувал с плаца казарменного двора. А во дворе уже выстроился и застыл в ожидании команды небольшой отряд, которому предстоял далекий и долгий путь — из Москвы во вражеский тыл.

Щеки бойцов на ветру раскраснелись. Пар от дыхания хрупкими сосульками оседал на шапках-ушанках, на белых маскировочных брюках и куртках с капюшонами. Все казались на одно лицо, даже стоявшая на левом фланге военфельдшер Саня Павлюченкова не отличалась от остальных бойцов, от комиссара Бориса Львовича Глезина, от начальника разведки Павла Алексеевича Корабельникова, от связного Валентина Никольского.

Эти 28 мужчин и одна женщина совсем недавно входили в состав батальона особого назначения, который дрался на подступах к Москве, минировал шоссейные дороги Клин — Солнечногорск — Калинин, истреблял оседавших в лесах фашистских парашютистов и диверсантов, вышибал гитлеровцев из захваченных ими сел и деревушек...

Сейчас, вглядываясь в лица бойцов своего малочисленного отряда, недавний командир батальона капитан Михаил Сидорович Прудников будто задавал один и тот же вопрос: «Ну как, ребята, не подведете? Не подкачаете?»

Ребята уже сдали командованию свои партийные и комсомольские билеты, изучили маршрут и уяснили главное: предстоит нелегкая борьба где-то далеко от Москвы, в Белоруссии, захваченной, но не покоренной немецко-фашистскими оккупантами. И Прудников теперь уже не Прудников, а Неуловимый. Он был невысок ростом, худощав и подвижен. На его обветренном, чисто выбритом лице светились небольшие внимательь-

ные глаза. Быстрая, почти бесшумная походка, стремительные движения и отточенная строевая выправка — все выдавало в нем пограничника.

Он и впрямь до Великой Отечественной войны служил на пограничной заставе в Каракумах, а потом учился в пограничном училище. А еще раньше...

В 1930 году сибиряк Миша Прудников по путевке комсомола пришел на речной флот и плавал матросом на маленьком буксирном пароходе «Новосибирск». С парохода добровольцем ушел в Красную Армию и с тех пор уже больше десяти лет носит военную форму...

Командир отряда «Неуловимые» должен повести своих товарищей в фашистский тыл, чтобы помогать местному населению разжигать пламя партизанской борьбы, а также выполнять специальные разведывательные задания.

Ветер не затихал. Он по-прежнему бросал во все стороны снежную крупу. Две автомашины ожидали пассажиров. Увешанные оружием и вещевыми мешками, бойцы сели в машины и впервые за это утро заулыбались: военфельдшер Павлюченкова никак не могла забраться в кузов — мешали сумки с медикаментами и связки гранат.

— Давай руки, Саня,— предложил комиссар Глезин и под дружные возгласы «Эй, ухнем!» втянул раскрасневшуюся девушку в машину. А еще через минуту зафырчали застывшие на морозе моторы, и грузовики понеслись по Ленинградскому шоссе Москвы...

Вблизи города Торопец машины остановились, чтобы выгрузить пассажиров, затем повернули обратно в Москву. А отряд стал на лыжи.

Нелегкий путь остался позади. Отряд «Неуловимые» пересек линию фронта 5 марта 1942 года.

Наступала весна. Она сулила оттепель, оттаявшие, хлюпающие болота Белоруссии.

Идти на лыжах по снежной целине трудно. И несмотря на это, по 30 километров ежедневно проходили «Неуловимые». Эти броски изматывали бойцов, и на случайных ночлежках в деревушках, наполовину сожженных и разваленных, все засыпали крепким сном.

Лес за лесом, деревня за деревней... Треск немецких мотоциклов по дорогам и марширующие колонны гитлеровских солдат вызывали у «Неуловимых» нетерпение и желание поскорее приступить к делу.

— Может, начнем? — предложил Глезин на очередном привале возле деревни Борисоглеб.

Позади уже пролегли многие километры пути. По единодушному мнению, больше медлить было нельзя. Правда, капитан имел задание дойти до хутора Забелье Витебской области и там попытаться создать первую базу. Но откладывать было невмоготу, и Прудников согласно кивнул. Несколько разведчиков во главе с начальником штаба Чернышевым пошли проверить обстановку и выяснили, что на станции Опухлики скопились фашистские бронепоезда. Они непрерывно курсировали и обстреливали близлежащие населенные пункты.

Выслушав доклад разведчиков, Прудников решил взорвать железнодорожный мост возле самой станции и тем самым как бы запереть бронепоезда, лишить их маневренности.

Первая боевая операция в тылу врага! Участвовать в ней захотели все. Но не мог же капитан послать сразу весь отряд. Шестеро партизан вышли на задание вечером. Однако, как говорят, первый блин оказался комом. Местность была незнакомая, резко пересеченная (холмы и овраги, занесенные снегом), да и опыта у партизан, видимо, еще недоставало. Проплутав двое суток, подрывники не нашли железнодорожного моста и вернулись, не выполнив задания.

Тогда Прудников сам возглавил группу. 14 марта с ним пошли подрывники А. П. Попов, В. А. Волков, Л. А. Константинов, И. А. Палеха и Я. И. Индыков.

Все время сверяясь с картой и компасом, Прудников уверенно вел товарищей. На пути попадались то холмы, то низины, то лесные просеки, то замерзшие болота. Наконец в предрассветном тумане партизаны увидели очертания моста.

— Попов, Индыков, в разведку.

Бойцы заскользили вперед, потом по-пластунски поползли к насыпи: издали казалось, что ветер гонит снежные переносы.

Немецкой охраны у моста не оказалось. Капитан приказал Константинову, Палехе и Волкову заложить толовый заряд под мост и взорвать его. Попов и Индыков вместе с командиром залегли с автоматами у насыпи, чтобы в случае необходимости сразить любого неожиданно появившегося охранника.

Потянулись минуты ожидания. Но они уже не были схожи с тем ожиданием, которое томило недавно. Тогда пугала неизвестность и боязнь за жизнь товарищей, а сейчас, когда цель была, что называется, на мушке, каждый нерв напрягся. «Скорее, скорее, ребята»,— мысленно торопил капитан бойцов.

Но они и так работали споро, точно. Вот Палиха нырнул под мост со своим смертоносным грузом. Вот Константинов прилаживает бикфордов шнур.

— Готово?

— Готово.

Прудников взмахивает рукой. Константинов зажигает шнур. Вскоре грохочущее эхо разносится над железнодорожными путями, над лесом. Тугая взрывная волна бьет в уши. В воздух взвиваются и через некоторое время летят обратно обломки железа и дерева, выпадая из дымного черно-бурого облака.

Мост возле станции Опухлики перестал существовать.

Когда все вернулись к месту стоянки, комиссар Глезин от души поздравил участников операции и, крепко пожимая руку Прудникову, с чувством произнес:

— Вот оно, наше начало... Вот он, наш первый привет фашистам.

— Лиха беда начало,— отозвался Прудников и спохватился: — Какое сегодня число, товарищи?

— Пятнадцатое марта.

— Так и запишем. Первый подарок гитлеровцам сделали ровно через десять дней после перехода линии фронта.

«Так и запишем...» Это не были случайно оброненные слова. Капитан еще в Москве решил, что заведет командирский партизанский дневник, куда будет ежедневно записывать факты, и только факты из боевых будней отряда.

Через 4 месяца малая группа превратилась в бригаду, насчитывавшую более 800 человек. Как острые стрелы, вонзившиеся в черное тело оккупантов, отряды расположились в различных пунктах Полоцкого района Витебской области и ежедневно пополнялись за счет бойцов и командиров Красной Армии, попавших в

окружение или бежавших из гитлеровских лагерей, и за счет притока добровольцев из местных жителей. Люди шли и шли, просили, требовали принять их, так как хотели лишь одного: с оружием в руках бороться против оккупантов.

Михаил Сидорович Прудников, уже майор, стал командиром бригады. Борис Львович Глезин — комиссаром. В штаб бригады, разместившийся в глухом лесу, в 6 километрах восточнее небольшой деревни Зеленки, часто наведывались командиры отрядов. Здесь они получали инструктаж и задания, согласовывали свои планы и, ободренные и согретые товарищеским теплом, уходили на боевые операции. Здесь же майор Прудников допрашивал пленных и перебежчиков и делал записи в своем походном дневнике.

Теперь майора нельзя было узнать. Большая густая борода скрывала узкое худощавое лицо, голос охрип, глаза ввалились... Фашистские лазутчики распространили слух, что под Полоцком действуют крупные «красные банды» под началом бородатого командира, но поймать и уничтожить их невозможно: они ускользают буквально под носом карателей и исчезают, словно неуловимые невидимки.

Майор часто покидал свою штабную землянку, где кроме него постоянно жили комиссар Б. Л. Глезин, начальник штаба А. А. Чернышев (вскоре погиб в схватке с карателями), начальник разведки П. А. Корабельников. Со своими спутниками — Корабельниковым и группой автоматчиков — Прудников появлялся в деревнях, где только что побывали фашистские зондеркоманды, в укромных местах встречался с разведчиками и подпольщиками, участвовал в заседаниях Полоцкого подпольного райкома партии. Комбриг информировал членов райкома и его секретарей — Н. А. Новикова и Г. С. Петрова — о боевых действиях партизан и намечаемых операциях.

Бывало, что комбрига сопровождал радист Володя Пиняев. Ныне штаб бригады имел свою миниатюрную радиостанцию, прозванную «Белкой», и при ее помощи Неуловимый связывался с Москвой, передавал важные донесения, а также получал ответы на свои запросы. Распоряжения чаще всего были лаконичными: «План одобряем. Результаты сообщите». Или: «Захваченные документы вышлите. Пленных допросите и переправь-

те в Москву». Или: «Ждите десант. Сообщите координаты».

В ответ Пиняев выстукивал сведения о новых и новых налетах на вражеские гарнизоны, пущенных под откос воинских эшелонах, системе гитлеровских укреплений, подпольщиках и разведчиках, проникших в Ветрино, Россоны, Полоцк. Все сведения майор подписывал неизменно: «Неуловимый».

Нередко на партизанских минах подрывались гитлеровские поезда с войсками и техникой; нередко карательные отряды попадали под огонь партизанских засад, а в поселках и деревнях, считавшихся «благонадежными», появлялся самодеятельный ансамбль песни и пляски «Неуловимых», и перед концертом комиссар или другой представитель штаба выступал с докладом о положении на фронте...

Гитлеровское командование подготовило крупную карательную экспедицию «Нюрнберг». В Полоцкий район были стянуты большие силы пехоты, артиллерии, танков, авиации, а также вспомогательные отряды.

Вражеские части должны были прочесать леса и рощи, болота, подозрительные деревни сжечь, а коммунистов и советских активистов расстрелять или повесить.

На оперативном совещании в штабе «Неуловимых» было принято предложение комбрига: вблизи Полоцка встречать противника массированным огнем из засад, а нескольким отрядам просочиться в тыл и ударить там по противнику, отвлекая его на себя. Одновременно было решено усилить диверсионную работу на железнодорожных линиях Полоцк — Даугавпилс, Полоцк — Невель, Полоцк — Молодечно и контактировать боевые действия с соседними партизанскими соединениями.

«Неуловимые» действовали смело, решительно, короткими огневыми ударами деморализовывали войска противника, били их с флангов и тыла, а сами действительно оставались неуловимыми, так как постоянно маневрировали и, исчезнув в одном месте, неожиданно появлялись в другом.

С особым удовольствием и хитроватой улыбкой вспоминает Михаил Сидорович одну боевую «комбинацию».

Крупная карательная экспедиция, двигаясь в сторону Россон, приближалась к месту расположения шта-

ба бригады. В это же время фашистское командование двинуло из Дретуни в сторону штаба бригады воинскую часть. Согласованной связи между двумя вражескими группами не было. Пользуясь этим, Прудников поспешил ночью преподнести карателям «сюрприз»: ударил по воинской части, шедшей из Дретуни, а затем по другой, двигавшейся из Полоцка. Гитлеровцы с обеих сторон немедленно развернулись в боевой порядок и... вступили в схватку друг с другом. А партизаны тем временем скрытно отошли.

Однажды комбриг получил от командира одного из отрядов Ивана Павловича Комлева записку, в которой тот просил срочно встретиться и местом встречи назвал деревню Сергеево, неподалеку от Полоцка. Прудников понимал, что без особой надобности Комлев не будет настаивать на личной встрече, поэтому быстро собрался в путь.

Группа партизан во главе с комбригом прошла лесами, пересекла железную дорогу Полоцк — Даугавпилс, переправилась через Западную Двину и наконец добралась до деревни Сергеево. Иван Комлев увел комбрига в жарко натопленную хату и объяснил причину, вызвавшую необходимость послать записку.

В небольшой деревне Быковщина Ветринского района с 1924 года существовал детский дом имени Владимира Ильича Ленина. Когда началась война, руководители детского дома пытались эвакуироваться на подводах, но, попадая под обстрелы и бомбежки, оказались все же на захваченной врагом территории. Немало детей было убито и ранено. Остальные измучились и потеряли надежду пробиться к своим. Тогда Николай Станиславович Тишкевич, старый красногвардеец, в годы гражданской войны боец бронепоезда «Красный путиловец», секретарь партийной организации детдома, решил возвратиться назад, в Быковщину.

Эсэсовцы не раз останавливали колонну с детьми, грабили продукты, одежду, кухонную утварь, допрашивали, избивали взрослых и требовали выдать им коммунистов и евреев.

Под самым Полоцком, через который необходимо было проехать в Быковщину, все мужчины — их было 12 человек — легли на дно повозок и укрылись постельными принадлежностями, поверх которых уселись ребятишки. Рядом шли только женщины: мужчин немцы

задерживали и отправляли в лагеря. Колонна благополучно прошла через контрольно-пропускной пункт и вскоре добралась до детдома.

— Теперь,— рассказывал Комлев,— гитлеровцы часто налетают на Быковщину, обстреливают здания, грабят, издеваются. Всех детей старше 12 лет требуют привести в ветринскую комендатуру, чтобы потом отправить на работу в Германию. Ищут также еврейских детей — тех сразу расстреливают из автоматов.

— Сколько там детей? — спросил Прудников.

— Около трехсот... Все погибнут, если мы не поможем,— сказал Комлев.

— Хорошо. Сделаем все, что в наших силах. Выделите группу для сбора продовольствия и одежды, а я, вернувшись в штаб, посоветуюсь с товарищами, свяжусь с Москвой и тогда извещу вас, что надо делать дальше.

Москва радировала, что спасение трехсот советских детей — боевая задача и для выполнения ее не надо жалеть ни времени, ни сил.

Чтобы сориентироваться в обстановке, комбриг решил сам навестить Быковщину в сопровождении Шеникова и группы автоматчиков.

В штабе бригады долго и скрупулезно обсуждали и прикидывали, как лучше добраться до Быковщины, не привлекая внимания фашистов. В конце концов было решено захватить с собой несколько комплектов немецкого обмундирования и пользоваться им при необходимости в пути, проходя мимо гитлеровских патрулей. В детдом также явиться под видом очередной группы эсэсовцев, но предварительно предупредить об этом Николая Станиславовича Тишкевича через сына Петра — партизана, бывшего преподавателя детдома.

Так и сделали. Первым в дом вошел Петр Тишкевич, а через несколько минут появились «немцы», которых приветливо и даже со слезами на глазах встретил Тишкевич-отец. Он сказал:

— Если не поможете, пропадем ни за что... Больше нет сил держаться. Я-то старик, свой век кончаю. Но детишки!..

— Поможем! Обязательно поможем,— с чувством заверил Прудников, еще не представляя себе, как штаб бригады сможет помочь детскому дому и спасти его от налетов грабителей и насильников.

Обратный путь «домой» был короче, чем первоначальный — в Быковщину. По пути в детдом Прудников встречался с разведчиками и записывал в дневник наиболее важные сведения, которые предстояло радировать в Москву. А теперь партизаны шли напрямик, нигде не задерживаясь. Майору не терпелось поскорее добраться до штаба и посоветоваться с комиссаром и подпольным райкомом партии: что и как делать?

Совещание в штабе закончилось единодушно принятым решением: для снабжения детского дома продуктами питания и охраны его от гитлеровцев выделить специальный отряд. А для отвлечения внимания немцев и сбора трофеев — продовольствия, одежды, обуви — подготовить налет на фашистский гарнизон в районном центре Дисна. Партизан привлекало и то обстоятельство, что в Дисне было много продовольственных и вещевых складов, а на окраине находился лагерь военнопленных. Одним заходом можно было спасти от смерти многих узников, томившихся за колючей проволокой.

Комбриг поручил командиру отряда Комлеву создать три ударные группы, а также одну диверсионную.

Первой группе под командованием Василия Пигицина предстояло наступать вдоль восточного берега Дисны и штурмовать здания на южной окраине города, где располагались охранные подразделения.

Вторую группу повел Иван Касьян с целью оседлать шоссейную дорогу Дисна — Шарковщина и преградить пути отхода оккупантам.

Третью группу возглавил Петр Иконников. Он должен был наступать по западному берегу Дисны и прорваться на северную окраину города.

Все командиры групп хорошо знали местность и, что очень важно, не раз встречались с разведчиками-подпольщиками Ананьевым, Хохловым и Кухаренком, которые в ночь налета должны были стать проводниками.

В 11 часов вечера партизаны скрытно сосредоточились на исходных рубежах. Прудников вместе с Комлевым и начальником штаба сводного отряда Лубянниковым расположились на окраине деревни Положинчиково. А в лесу в темноте дремали кони, запряженные в подводы. Тридцать подвод для будущих подарков детям.

В черно-свинцовое небо взвилась красная ракета, пущенная Сергеем Лубянниковым. И в ту же минуту партизаны ринулись на штурм Дисны. Автоматные и пулеметные очереди, взрывы гранат, звон разбитых стекол, крики выпрыгивавших из окон гитлеровцев — все слилось в единый «концерт».

Бой был скоротечным. Партизаны захватили богатые трофеи: много мешков с мукой, солью, сахаром, одеяла, подушки и даже швейные машинки.

По приказанию комбрига партизанские группы, предварительно взорвав мост, отошли к своей базе, а специальная группа тем временем истребила лагерную охрану и освободила узников. Изможденные, обросшие, они плакали от радости и искали «старшого», чтобы попроситься в партизанскую бригаду. Часть из них штаб «Неуловимых» принял и распределил по отрядам, а других переправил через линию фронта — в распоряжение командования Красной Армии.

Все трофеи были доставлены в Быковщину, и Николай Станиславович Тишкевич при помощи Ольги Розумович и других воспитателей застелили ребятам кровати, а продукты надежно замаскировали в лесу.

Шли дни, недели, месяцы. Красная Армия постепенно приближалась, освобождая один район за другим. «Неуловимые» получили приказ перебраться на запад Белоруссии — в Налибокскую пущу и там бить фашистов. Уходя из-под Полоцка, штаб оставил отряд под командованием помощника комбрига Никитина. Ему предстояло отвлекать внимание оккупантов, продолжать боевые операции и охранять детский дом.

В сентябре 1943 года Михаил Сидорович Прудников был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Он получил новое назначение, но с родной ему бригадой «Неуловимые» продолжал поддерживать непрерывную связь...

Борис СКОРБИН

ОТ БОЯ К БОЮ

У этого необыкновенного человека была, на первый взгляд, ничем не привлекательная внешность: ниже среднего роста, плотный мужчина. Но те, кто приглядывался к нему повнимательнее, поражались, как он мужественно красив: в серых, со стальным отливом глазах, как живая, бьется мысль, на обветренном лице то и дело вспыхивает молодая задорная улыбка. Да и весь он, несмотря на седину, строен, словно двадцатилетний.

Еще при жизни имя Героя Советского Союза А. М. Рабцевича не раз упоминалось с именами таких известных чекистов, как Николай Кузнецов, Дмитрий Медведев, Кирилл Орловский, Станислав Ваупшасов. Одиннадцать лет в общей сложности Александр Маркович провел на войне. В разное время у него были разные псевдонимы — Виноградский, Цветков, Виктор Белов, Игорь. Но какое бы имя ни носил этот легендарный человек, он действовал всегда решительно и смело, мужественно и находчиво, а самым главным в его характере были, пожалуй, любовь к людям и неистребимая вера в светлое будущее человечества.

Тяжелый транспортный самолет оторвался от земли и медленно пополз вверх, затем взял курс на запад. В эту минуту Рабцевич особенно остро ощутил всю меру ответственности за людей, которые сидят теперь рядом и, наверное, тоже думают о том, что их ждет впереди.

Что знает о них Рабцевич? Только то, что написано в их анкетах и биографиях. Он, конечно, верит им всем вместе и каждому в отдельности, верит им так же, как самому себе, и вместе с тем он не имеет права не думать о них, потому что, хотя группу и назвали «Храбрецы», он хотел, чтобы в ней были не просто безрассудные отчаюги, этакие сорвиголовы, а умные и сильные духом люди, способные пойти на смерть с полным сознанием необходимости подвига и ответственности за себя и других.

Способен ли на такой подвиг весельчак и балагур Василий Панталонов, серьезный и сосредоточенный Николай Рослик, порывистый и немного бесшабашный Михаил Пикунов, задумчивый и угрюмый Степан Змушко, способный и рассудительный Григорий Игнатов? У каждого свой характер, своя психология, свои привычки. Один — тихий, незаметный, другой — любит посмеяться, немного прихвастнуть, третий кажется замкнутым, нелюдимым. А что кроется за этими внешними чертами? Есть ли в каждом из них та кремнистая несгибаемость, которая позволит выдержать все испытания, выпавшие на их долю? Кого из них и куда определить, какое задание дать, какой пост доверить?

Только одного из 13 хорошо знает Рабцевич — политрука Карла Линке.

Всей душой, каждой клеточкой тела Рабцевич ненавидит фашизм, с которым уже не раз сталкивался лицом к лицу. Но понимает: и среди немцев немало настоящих людей. Такой немец — Карл Карлович Линке. Он сидит напротив на металлической скамье. Сидит, спокойно поглядывая в иллюминатор самолета, и о чем-то думает.

Необычна судьба Линке. Родился в рабочей семье в самом начале века — всего на два года позже Рабцевича. С 15 лет Карл стал членом Социалистической партии Германии, потом вступил в Компартию. Не раз подвергался арестам за свою революционную деятельность. В тридцатом году Линке эмигрировал в СССР, принял советское гражданство, жил в Москве, заведовал павильоном Всесоюзной торговой палаты, потом работал на ткацкой фабрике.

Рабцевич давно знал анкетные данные Линке. Но не сразу, не вдруг распахнулось к нему сердце. Карл стал ближе и роднее только после того, как Александр Маркович побывал у него на московской квартире, познакомился с женой Елизаветой Ивановной, с сыном Гейнцем. Именно здесь, в непринужденной домашней обстановке, он чутьем опытного чекиста — по тому, как смотрел Карл, как говорил,— понял, что этот немец — настоящий коммунист-интернационалист.

Голубые глаза Карла светились восхищением, когда он вспоминал о знаменитом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, откуда они вместе с сыном ушли на защиту Москвы. И эти же голубые, какие-то безмя-

тежно детские глаза загорались ненавистью, когда речь заходила о коричневой чуме фашизма.

Три месяца назад, в марте 1942 года, они провожали московского рабочего Гейнца Линке в тыл гитлеровцев, в Белоруссию. Карл не любил громких слов.

— Смотри, Гейнц! — сказал он, одной рукой обнимая, а другой похлопывая сына по плечу.

Больше он ничего не добавил, но Рабцевич угадал, что отец хотел сказать сыну: смотри, Гейнц, не подведи, будь смелым, бесстрашным, преданным...

Из всех, кто летел теперь с ним во вражеский тыл, этот немец Линке был для Рабцевича самым близким и дорогим.

— Смотрите! — крикнул вдруг Линке.— Линия фронта.

Александр Маркович глянул в иллюминатор. Впереди и глубоко внизу отчетливо вырисовывалась зигзагообразная линия огней — пожары и вспышки орудийных залпов.

Самолет качнуло, подбросило, потом стало швырять из стороны в сторону. Летчик маневрировал, уклоняясь от зенитного огня. Десантники молча смотрели, как совсем рядом метались лучи прожекторов, рвались снаряды...

Но вот фронт остался позади. Самолет снизился. В дверях пилотской кабины показался штурман: время прыгать. Рабцевич первым подошел к открытому люку и шагнул в кромешную темноту. Рывок — это раскрылся парашют. Рабцевич, приготовив на всякий случай автомат, стал ждать встречи с родной, но занятой врагом землей.

Лесок, где приземлились десантники, был небольшой, болотистый. Со всех сторон его окружало поле. Километрах в двух виднелась небольшая деревушка.

— Дневать придется здесь,— решил командир.

Закусили галетами, сгущенным молоком, запили водой из болотца. Костер не разжигали.

Еще не кончили завтракать, как тишину летнего утра разорвала короткая пулеметная очередь. Все с тревогой прислушались. Но выстрелов больше не было.

— Что будем делать? — спросил Линке.

— Прежде всего надо разобраться, где мы находимся,— ответил Рабцевич.— По карте сейчас определить ничего нельзя. Надо узнать название деревни, раз-

ведать, где гитлеровцы, а потом будет видно, как действовать.

Посоветовались и решили ждать, пока кто-нибудь из крестьян забредет в лесок.

Деревня просыпалась: задымили трубы, заскрипели колодезные журавли, замычали коровы.

Странно было слышать эти мирные звуки на земле, занятой врагом. Но звуки эти не только тревожили, но и успокаивали: ночной полет самолета прошел незамеченным, и если в деревне есть гитлеровцы, то они ничего не знают о том, что за час до рассвета рядом с ними высадился маленький десант советских парашютистов.

Выставив часовых, Рабцевич приказал всем спать — нужно беречь силы. Но заснуть никто не успел. Всех растревожило небольшое стадо коров, которое выгнали из деревни пастухи — старик и двое подростков. Оно направилось прямо сюда, на кочковатый, заросший травою луг. В любую минуту десантников могли обнаружить. А это грозило неприятностями. Если в деревне есть враг, то ему нетрудно окружить лесок, и тогда придется принимать неравный бой. В то же время через пастухов можно было выяснить название деревни.

Вскоре один из десантников вернулся из «поиска» и привел с собой старика, который завернул в лесок надрать лык на лапти.

— Товарищ полковник! — лихо отрапортовал десантник.— Вот задержал.

Рабцевич улыбнулся на «полковника».

— Садитесь, дедушка, гостем будете,— пригласил он старика.

Линке разостлал на траве плащ-палатку, вытащил из НЗ кусок колбасы, галеты, налил из фляги немного спирта:

— Угощайся, папаша!

Старик поблагодарил, но пить не спешил. Тогда Рабцевич чокнулся с гостем и первым выпил свои 50 граммов. Задрав бороденку и выставив худой кадык, старик тоже глотнул, поперхнулся, закашлялся.

— Никак спирт? Сто лет не пил.

Из разговора со стариком выяснилось, что сбросили их в районе станции Злынка, за 200 километров от того места, где они должны были приземлиться. Предстоял тяжелый путь к пункту назначения. Через же-

лезные дороги, водные преграды, мимо вражеских гарнизонов.

Дед сам вызвался проводить десантников до ближайшего лесного массива, который раскинулся километрах в 12 от места приземления. На прощание Рабцевич подарил старику свою походную флягу со спиртом.

Шли в основном ночью, а днем, заранее определив место стоянки, отдыхали. Рабцевич все время был впереди. Наметив маршрут по карте, он теперь руководствовался только звездами и компасом. Путь держали строго на северо-запад.

Впервые встретились с врагом при переходе железнодорожного переезда у станции Закопытье. Потерь не имели. Рабцевич приказал не ввязываться в бой.

Кое-кто начал высказывать недовольство: не для того, мол, нас посылали в тыл, чтобы мы от фашистов бегали. Александр Маркович собрал группу и, не повышая голоса, спросил:

— Кто имеет желание погибнуть впустую? Нет таких. Хорошо. Мы пришли сюда, чтобы бить врага, бить беспощадно. Но делать это надо с головой, принимать бой, когда нам выгодно. Засада, диверсии, разведка — вот тактика партизанской войны. Будут, конечно, и открытые бои. Это я вам тоже обещаю. Но всегда помните: мы в тылу врага. Нам надо экономить силы и средства. Бить врага малой кровью — вот наш девиз.

Молча выслушали десантники краткую речь Игоря — такой псевдоним, направляясь в тыл противника, получил на этот раз Рабцевич. Все знали, что их капитан — бывалый чекист. К тому же он был самым старшим не только по званию, но и по возрасту.

Десантники верили Игорю безгранично, рвались в бой. И командир понимал настроение бойцов, однако сдерживал их. Надо как можно быстрее прийти к месту назначения, связаться с местными партизанами, организовать базу, а уже тогда — за дело.

Полноводную Бесядь им помог преодолеть 75-летний колхозник Борейко. Он охотно согласился быть проводником.

— Лучше меня никто нашей реки не знает,— заявил старик.

И действительно, он быстро нашел брод. Первым

разделся, обследовал речное дно и все беспокоился, чтобы десантники не замочили оружие и боеприпасы.

Позади остались Сож, Днепр. И всюду на помощь приходило местное население.

В деревне Столпище Кировского района состоялась встреча с партизанами Кировского отряда. Комиссара Герасима Комара Рабцевич знал еще по гражданской войне. Кировцы поделились опытом партизанской борьбы, а десантники, в свою очередь, передали местным партизанам часть взрывчатки, познакомили их с минноподрывным делом.

И вот первая боевая операция. Ее с особой тщательностью, до мельчайших деталей разрабатывал сам Рабцевич.

В 24 километрах от Бобруйска, в деревне Михалево, до революции находилась усадьба помещика Кутаева. Здесь в свое время подростком гнул спину на барина огородник Сашка. Из высоких окон помещичьей гостиной свет падал в подслеповатые оконца сторожки, на убогий топчан молодого батрака. По вечерам в гостиной гремела музыка, мелькали танцующие пары — барин веселился.

Отсюда, из Михалева, Александра Рабцевича взяли в солдаты. С империалистической он вернулся с георгиевским крестом на груди и с большевистскими идеями в сердце.

Вместе с Кириллом Орловским Рабцевич организовал отряд красных партизан, бил немцев, потом жолнеров гонорливого Довбор-Мусницкого. А когда в деревне создали ревком, в него вошел и Рабцевич. В 21 год стал комиссаром по земельным делам: раздавал крестьянам помещичью землю и скот...

Именно эти места избрал Рабцевич, определяя расположение своей группы на первые дни после высадки. Он хорошо знал окрестные леса. В деревнях и сейчас немало знакомых, среди которых найдутся надежные люди.

Первую разведку Рабцевич послал в родное Михалево. Скоро он узнал, что в просторном помещичьем доме имения Кочериги уже обосновался новый помещик — гитлеровский чиновник Вайсиг, шеф молочного завода. На заводе работали батраки, которых Вайсиг набрал в лагерях военнопленных. С одним из них — Сергеем Храповым — удалось установить связь.

Захват молокозавода, уничтожение его охраны и фашистского помещика — первая операция, которую решил провести Рабцевич в тылу врага. Он рассчитывал во время этой операции «обстрелять» своих партизан, приучить их действовать быстро и бесшумно.

С вечера легкий туман затопил долину, а к ночи сизая дымка окутала все вокруг: и высокий забор, и массивные ворота, и часового, что стоял на посту.

Часового партизаны сняли тихо, но, когда ворвались в караульное помещение, без «музыки» не обошлось. Вайсиг, услышав выстрелы, метнулся к окну. Здесь его и настигла пуля Сергея Храпова.

Вместе с партизанами Храпов ушел в лес.

Новичок быстро завоевал доверие в отряде. Его полюбили за веселый нрав. Никто не умел так лихо отплясывать барыню, как Сережа. Без Храпова и песня получалась не такой звонкой. Любил и Рабцевич, когда Сергей пел. Бывало, попросит:

— А ну, затяни, соловей!

Запоет Сергей, а Александр Маркович вполголоса вторит ему. Заслышав песню, подойдут другие бойцы, рассядутся у костра и начнут подтягивать:

Слушайте, отряды, песню фронтовую.
Сдвинутые брови, твердые сердца.
Родина послала в бурю огневую,
К бою снарядила славного бойца.

Эту песню Александр Маркович любил особенно. Слушая ее, он вспоминал раскаленные камни Гвадалахары, полуразрушенный Мадрид, Барселону на берегу голубого моря.

Частичку своей жизни отдал Рабцевич Испанской республике. Не раз ходил он в разведку в тыл противника. В одной из схваток на горной дороге в районе Валенсии потерял своего друга и адъютанта — бельгийского коммуниста, сына русского эмигранта Лео Писарева. Он был отличный парень, этот Писарев, знал русский, французский и испанский языки. В тот раз они захватили в плен франкистского полковника. Потом был ранен и сам Рабцевич. И сейчас дома хранится справка, выданная Мадридским военным госпиталем 28 октября 1937 года. На память об Испании остался орден Красной Звезды.

Когда утихла песня, Рабцевич рассказал кое-что об Испании. Затаив дыхание, слушали его бойцы.

Был в то время у Рабцевича еще один друг — девятнадцатилетний лейтенант, коммунист Карлос Пингадо. Карлос часто рассказывал Рабцевичу о венгерском писателе Мате Залка, который «здорово разговаривает по-испански» и «воюет тоже здорово».

Позднее под Гвадалахарой Рабцевич встретился с Мате Залка, который был известен всей республиканской армии как генерал Лукач. Узнав, что Рабцевич из Москвы, генерал Лукач долго жал ему руку и пристально глядел в глаза. С возмущением говорил Лукач об анархистах, которые покинули окопы.

— А что это за анархисты? — спросил кто-то из партизан.

— Те, которые не признают никакой власти... Их лозунг — «Да здравствует власть безвластия!»,— объяснил политрук Линке.

Однажды Рабцевич и Линке чуть не до утра просидели над картой. А утром собрали коммунистов и объявили решение: из Кировского района перейти в Жлобинский, поближе к железной дороге.

Больше всех, конечно, не хотелось покидать родные места самому Рабцевичу. Но что поделаешь? Этого требует обстановка, воинский долг. Герасим Комар — комиссар местного партизанского отряда — передал Рабцевичу 5 своих надежных бойцов, которые хорошо знали местность, у них были родные и знакомые в Бобруйске, в других городах, с их помощью можно наладить связь с местным подпольем.

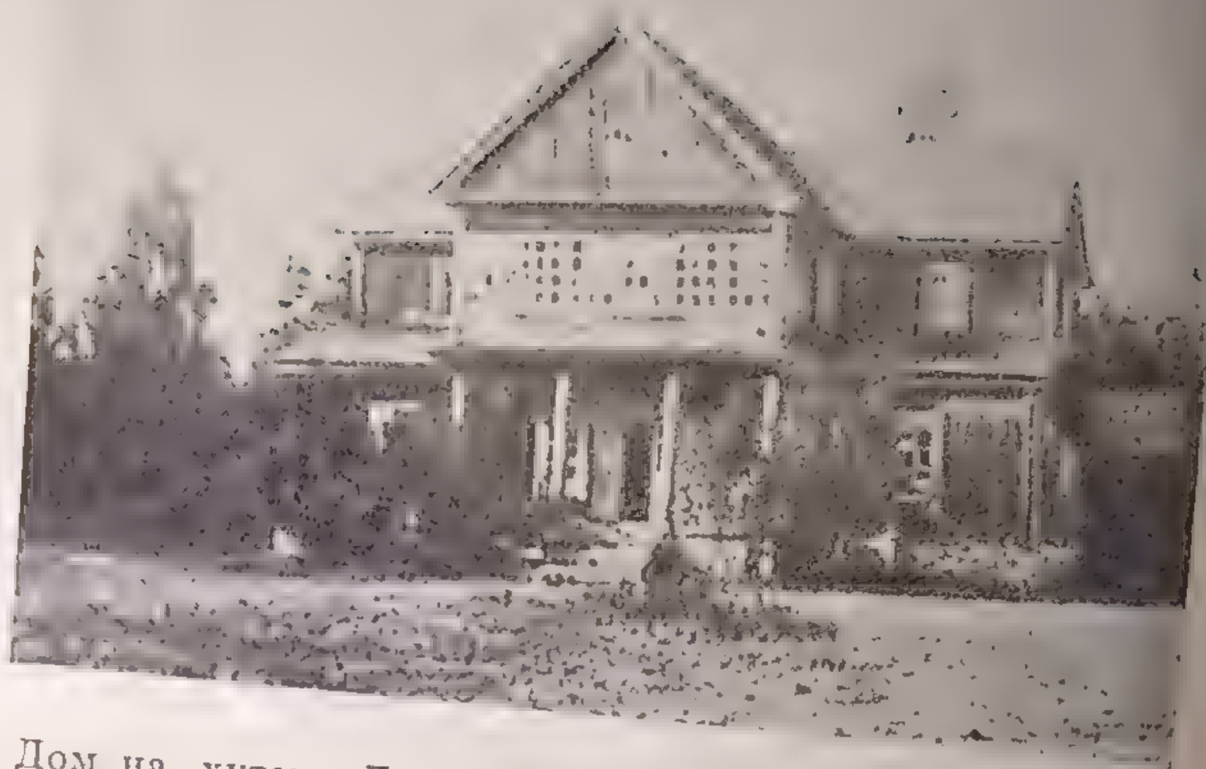
Новый лагерь расположили в районе деревень Плесовичи и Гармовичи в густом лесу. Неподалеку на северо-востоке проходила железная дорога Бобруйск — Жлобин, на юго-востоке — Жлобин — Калинковичи, замыкала «треугольник» река Березина.

— Будем бить гитлеровцев из этого «треугольника»,— сказал Рабцевич Линке.

Приближалась 25-я годовщина Великого Октября. Праздник решили отметить боевыми делами. Григорий Игнатов со своей группой пошел под Жлобин, Михаил Пикунов — под Осиповичи, а Михаил Громыко вместе с начальником разведки Степаном Змушко — в район станции Калинковичи. Александр Маркович вручил каждому командиру группы небольшие записки: «Смерть фашистским оккупантам! Игорь».

— После диверсии оставить это на видном месте,—

Бюст Ф. Э. Дзержинского на его родине — хуторе Дзержиново



Дом на хуторе Дзержиново (Столбцовский район Минской области), в котором провел детские годы Ф. Э. Дзержинский

Музей Ф. Э. Дзержинского в г. п. Ивенец Воложинского района Минской области

Пам

Памятник Ф. Э. Дзержинскому в г. Столбцы Минской области

И. К. Опанский, заместитель председателя ГПУ Белоруссии

С. А. Ваупшасов, командир отряда «Местные»

Э. С. Бычек, командир отряда «Третьи»

Б. Л. Галушкин, командир отряда «Помощь»

командир

…андир от-

Н. В. Зебницкий, командир отряда «Вторые»

Н. А. Михайлашев, командир разведывательно - диверсионной группы «Буря»

П. Г. Лопатин, командир бригады «Дяди Коли»

Е. И. Мирковский, командир отряда «Ходоки»

В. Л. Неклюдов, командир отряда «Боевой»

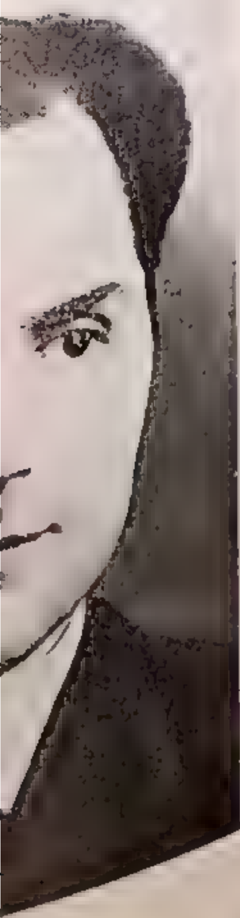
К. П. Орловский, командир отряда «Соколы»

Ф. Ф. Озмитель, командир отряда «Гром»

М. С. Прудников, командир бригады «Неуловимые»

омандир от-

командир
мые»



А. М. Рабцевич, командир отряда «Храбрецы»

А. Н. Шихов, командир отряда «Богатыри»

А. П. Максименко, заместитель командира бригады им. К. С. Заслонова

Г. С. Сыроежкин, чекист

Карл Линке, комиссар отряда «Храбрецы»

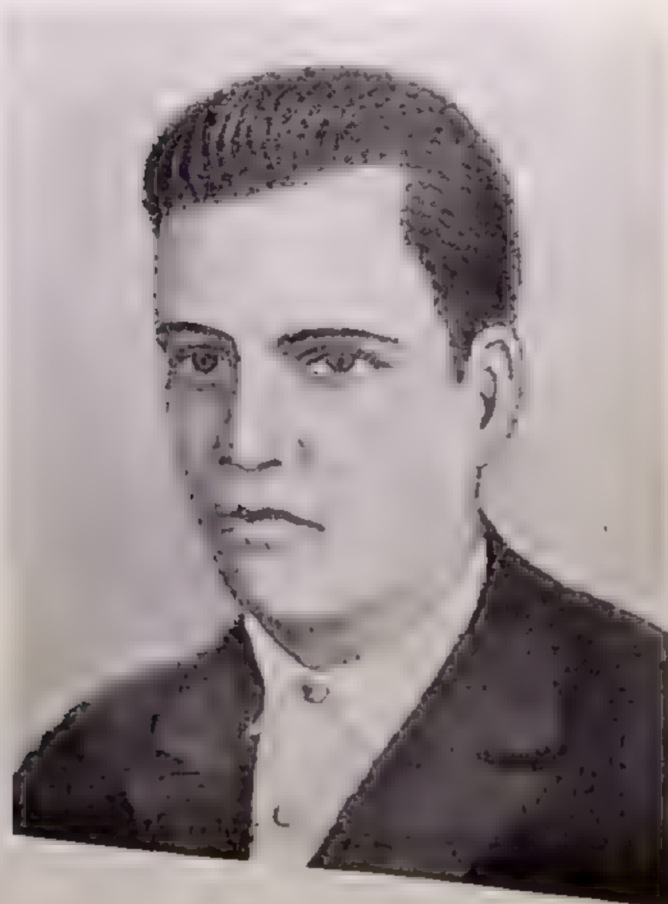
Г. В. Ивашкевич, комиссар отряда «Соколы»

В. М. Хартулари, начальник разведки отряда «Боевой»

К. П. Сермяжко, секретарь парторганизации отряда «Местные»

В. И. Сенько, подпольщик г. Минска

К. И. Сенько, подпольщик г. Минска



Ф. А. Крылович, подпольщик г. Осиповичи

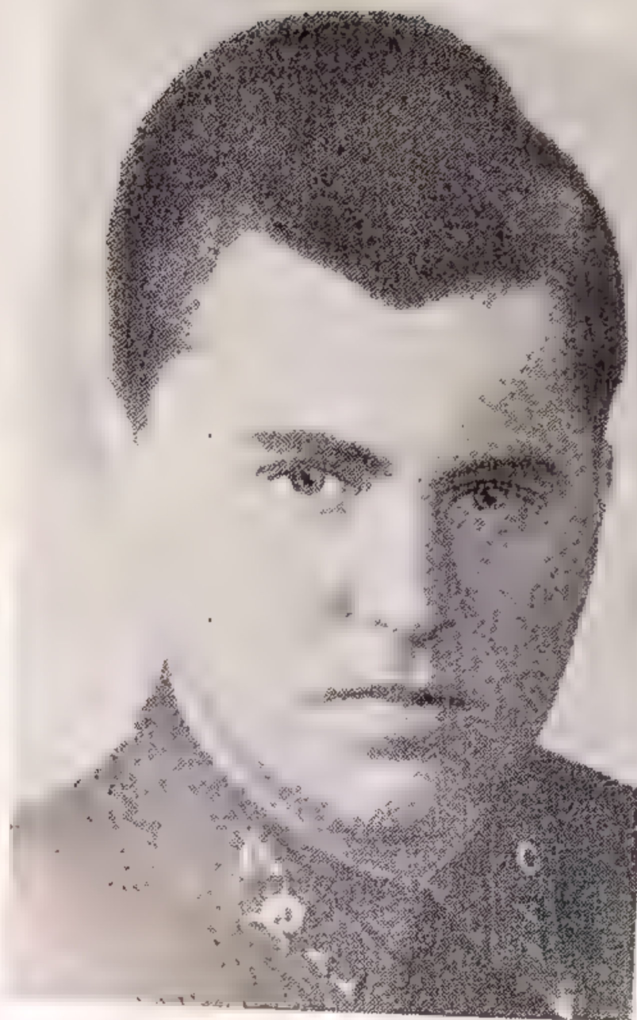
Н. И. Иванов, командир диверсионной группы отряда «Боевой»

Е. И. Иванов, командир диверсионной группы отряда «Боевой»

Н. И. Подшиваленко, адъютант командира отряда «Боевой»

К. И. Мурашко, командир диверсионной группы отряда «Местные»

Г. В. Игнатов, командир диверсионной группы отряда «Храбрецы»



[illegible]. А. Пикунов, командир диверсионной группы отряда «Храбрецы»

Д. Н. Бохан, разведчик группы «Неуловимые»

У. Н. Козлова, связная отряда «Местные»

В. А. Рудак, заместитель командира бригады «Дяди Коли»

PERSONENBESCHREIBUNG
DESCRIPTION
SIGNALEMENT

Kraftfahrer u. Elektriker
Kowno
10. Juni 1929
Bruchköbel
oval
braun
167 cm
keine

Nr. B 9076472

Anton Petrowski

Bruchköbel 22. Juli
für den Gemeindevorstand

Nr. B 9076472

Паспорт Антона Петровски

Предметы шпионского снаряжения Антона Петровски

REIBUNG
N
NT

ktriker

1929

öbel

76472

22. Juli 1955

Bruchköbel

Nr. B 9076472

Петровски

BESCHREIBUNG

Nr. B 9076472

Unterschrift des Paßinhabers

Signature of bearer

Signature du titulaire

Es wird hiermit bescheinigt, daß der Paßinhaber die im Lichtbild dargestellte Person ist und die Unterschrift ... eigenhändig vollzogen hat.

It is hereby certified that the bearer is identical with the person on the photograph and that the signature has been given in his own hand.

... certifie que le titulaire est la personne représentée par la photographie ... et que la signature est autographe.

Bruchköbel 22. Juli 1965

Für den Gemeindevorstand

Der Bürgermeister

Unterschrift, Signature, Signature

Nr. B 9076472

Антона Петровски

...она Петровски

PERSONENBESCHREIBUNG
DESCRIPTION
SIGNALEMENT

Kraftfahrer u. Elektriker

Kowno

10. Juni 1929

Bruchköbel

oval

braun

167 cm

keine

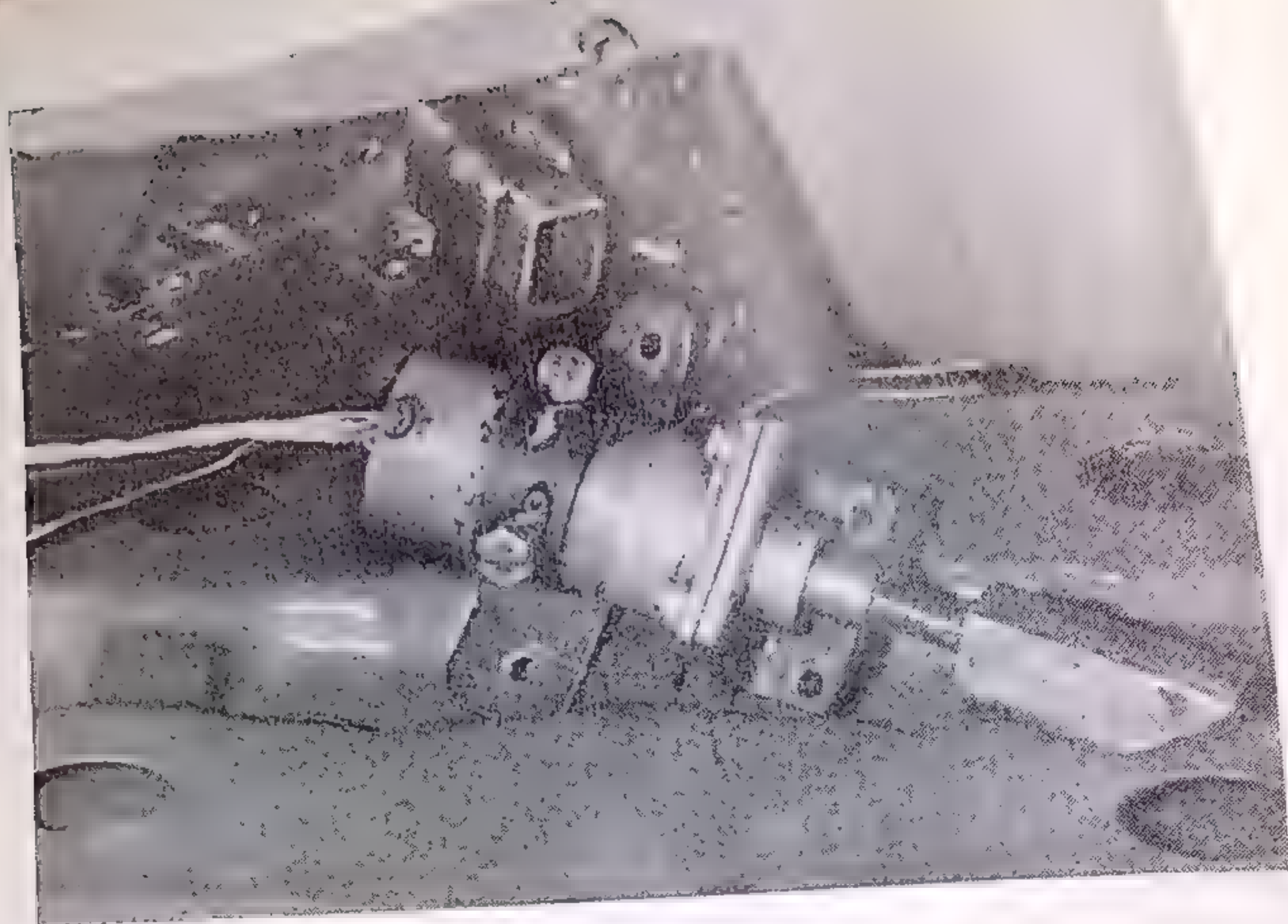
Nr. B 9076172

Паспорт Антона Петровски

...шпионского снаряжения Антона Петро...

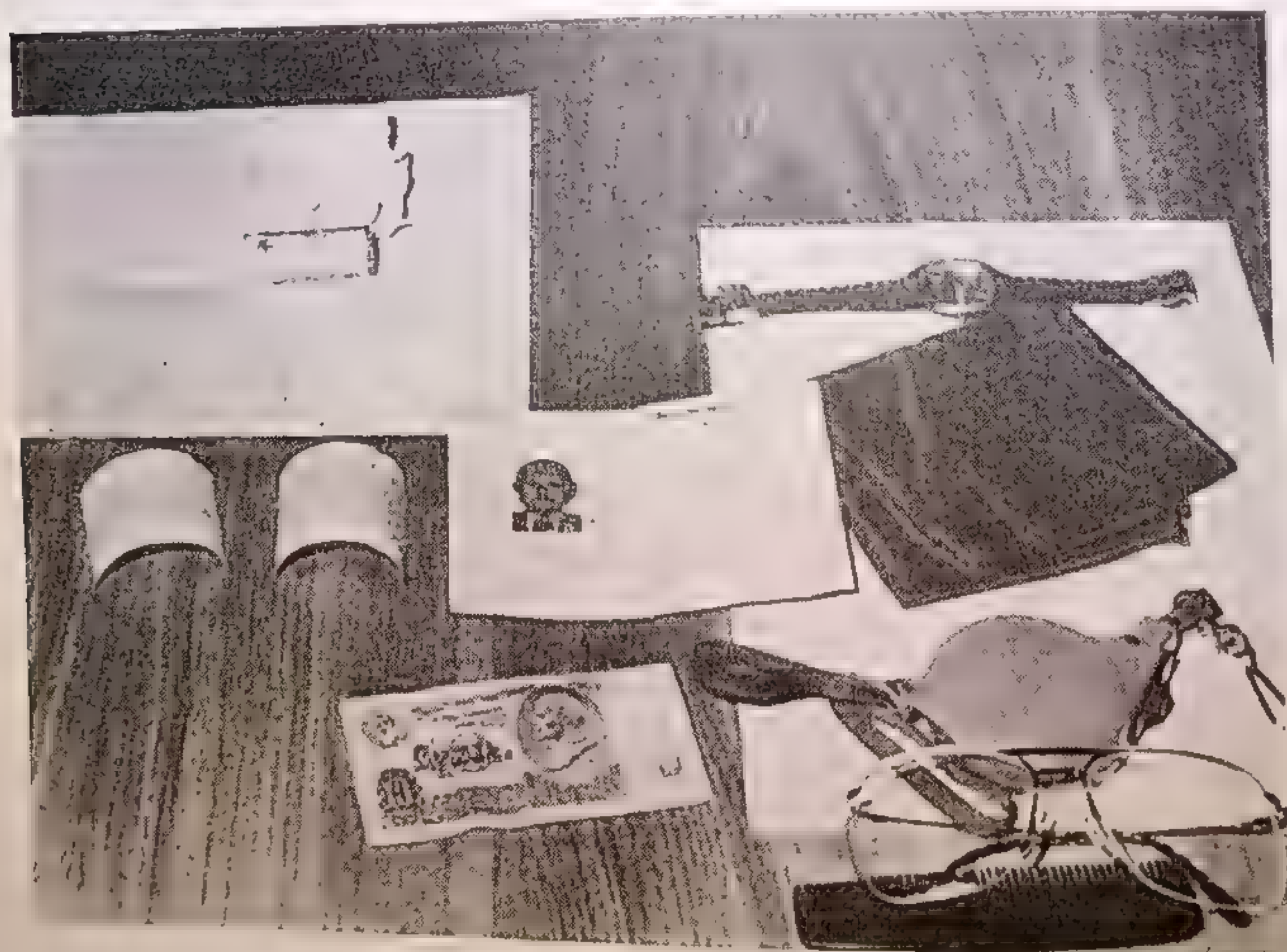
Общий вид автомашины Сарельда Бенгт Гуннара и Энгстрема Нильс Эрика

Общий вид тайника, оборудованного в автомашине Сарельда Бенгт Гуннара и Энгстрема Нильс Эрика



Электрический микродвигатель и ригель, с помощью которого закрывалась на замок крышка тайника

Инструкции ЦРУ по отысканию тайника, предназначенные для М. А. Борщевского, и личные вещи Луиса Томаса



Антисоветская литература, обнаруженная в тайнике автомашины Сарельда Бенгт Гуннара и Энгстрема Нильс-Эрика

распорядился он.— Записки собьют гитлеровцев с толку, попутают их планы. Так мы действовали еще в гражданскую.

Больше других в тот раз повезло Григорию Игнатову, или Аркаше, как его тогда называли. На перегоне между разъездом Омельно и станцией Красный Берег он со своей группой пустил под откос эшелон. Почти весь день после взрыва гитлеровцы извлекали из-под обломков вагонов убитых и раненых, которых грузили на санитарный поезд, прибывший из Бобруйска.

Однажды, отправляя Игнатова на боевое задание, Рабцевич распорядился зайти по дороге в Плесовичскую Слободку и передать местному старосте, чтобы в течение трех дней собрал для десантников тонну овса и тонну муки.

— Зачем нам столько? — удивился Григорий.

— Соображать надо, Аркаша,— рассмеялся командир.— Приказ староста не выполнит, но пусть думает, что нас тут целая дивизия. С малыми силами фашисты сунуться не решатся, а пока соберут большие — ищи ветра в поле.

Военная хитрость удалась. Неожиданное появление десантников в различных населенных пунктах, диверсии на железных дорогах создавали у врага впечатление, что здесь действительно размещается большое подразделение партизан. А после того как на станции Ящицы десантники уничтожили склад сена, местное фашистское начальство доложило своему командованию, что Красная Армия высадила крупный десант. Для блокировки лесного массива гитлеровцы стали стягивать части 203-й охранной дивизии. Разумеется, Рабцевич, узнав об этом, не стал дожидаться, пока прижмут к Березине, переправился на другой берег. А каратели долго прочесывали лес, били по нему из пушек и минометов и удивлялись: куда же исчез крупный советский десант?

Рабцевич приказал расположиться в деревне Ржанов, в Октябрьском районе, который был освобожден от фашистов партизанами. Здесь действовали исполкомы сельских Советов, работали школы. Словом, текла нормальная довоенная жизнь. Если бы не уходили и не возвращались диверсионные группы, отправлявшиеся на задание, если бы большинство жителей этого района не носило оружия, можно было подумать, что

10 Зак. 1823

район находится где-то на Большой земле. Но в небе что ни день кружили вражьи самолеты. Подрывники, возвращаясь с боевых заданий, приносили раненых и убитых товарищей...

Понесли первые потери и десантники Рабцевича.

В апреле 1943 года группа Михаила Пикунова вернулась без своего командира. Случилось так, что Пикунов, не зная сил противника, ввязался в бой с крупным подразделением фашистов. В неравной схватке его смертельно ранило. Отстреливался до последнего патрона. А последний оставил себе.

— Такого парня потеряли! — сокрушался Рабцевич.— Четырнадцать вражеских эшелонов подорвал...

Гибель Пикунова потрясла всех. О его смерти говорили и на открытом партийном собрании отряда. Повестка дня была необычной: «Бить врага меньшей кровью». И опять, в который раз, Рабцевич повторял, что нельзя лезть на рожон, что действовать надо расчетливо, с умом.

Но война есть война. Погиб политрук группы Игнатова — Иван Шинкевич, не вернулись с задания партизаны Николай Говорушко, Кузьма Кучер. И каждая потеря болью отзывалась в сердце командира. Гибли, уходили из жизни такие люди!

Отряд Рабцевича быстро рос, хотя в него брали только проверенных в деле людей, подпольщиков, которым грозил арест. Несмотря на потери, подполье, организованное Рабцевичем, расширялось. Подпольщики не только вели разведку, но и сами принимали активное участие в диверсиях.

После поражения под Москвой и Сталинградом гитлеровцы готовились к новому реваншу под Курском и Белгородом. По железным и шоссейным дорогам усилилось продвижение воинских частей к фронту. Фашисты концентрировали силы в районе Курской дуги. Из Центра Рабцевичу передали: «Усильте диверсии на железных дорогах. Используйте магнитные мины для подрыва эшелонов».

Магнитная мина для подпольщиков прямо-таки клад. Стоит дотронуться черным эбонитовым ящичком до железа — намертво прирастает. А через час-другой срабатывает взрыватель замедленного действия — и мина взрывается... Подпольщики, получая эти мины от партизан, пристраивали их в неприметных местах к

эшелонам с бензином, боеприпасами, шедшим к фронту. И никто из гитлеровцев, едущих в этих эшелонах, даже не подозревал, что взрыватель партизанской мины отсчитывает им последние минуты...

Гремели взрывы на перегонах. Немцы сбились с ног в поисках партизан. А Рабцевич записывал в своем дневнике:

«12 июня 1943 года. Через связного Науменко Гр. на станции Красный Берег с применением магнитной мины взорван эшелон с горючим.

16 июня. В 10 километрах от ст. Красный Берег через связного Науменко Гр. взорван эшелон с горючим. Погорели шпалы и связь. Движение остановлено на 9 часов».

Гриша Науменко. Пытливый, смекалистый паренек лет семнадцати. Он приходил со станции Красный Берег в деревню, где его поджидали партизаны. В сумке у парня — зажигалки, иголки. Если задержит враг, Науменко объяснит, что идет в деревню обменять товар на хлеб и сало. А гитлеровским ищейкам невдомек, что в буханке хлеба, которую он держит под мышкой, запечены магнитные мины.

Однажды, после удачной диверсии на железной дороге, которую провел со своей группой Игнатов, Гриша Науменко привез на подводе два баллона с газом и защитную накидку. Он рассказал, что подорванный партизанами эшелон вез отравляющие вещества, которые гитлеровцы, видимо, намеревались применить на фронте. Баллоны и накидку доставили на самолете в Москву.

Другой, очень крупной операцией был взрыв нескольких эшелонов на станции Осиповичи. Этот «подарок» врагу преподнес подпольщик Федор Крылович. Мины ему передал Сергей Шевчук из группы лейтенанта Бочерикова.

Рабцевич записал в дневнике: «Уничтожены четыре эшелона, из них два с горючим, один с боевой техникой, один с продовольствием. Пожаром уничтожены станционные постройки. Станция не работала двое суток».

Позднее выяснилось, что с горюче-смазочными материалами был один эшелон, два с боеприпасами и один, как свидетельствовал уже после войны гитлеровский генерал Э. Миддельдорф,— «чрезвычайно ценный

эшелон с танками «тигр». Это случилось в самый разгар боев на Курской дуге.

Взрывы следовали один за другим.

«4 сентября. Через связного Аркадия Шандро (электромонтер ст. Жлобин) взорван эшелон с горючим, идущий на Гомель... Дорога не работала 4 часа.

5 сентября. На станции Красный Берег связным Малыневичем Ив. (рабочий аварийной группы) была заложена мина в эшелон с горючим. Она взорвалась на участке в Буда-Кошелевском районе. Движение остановлено на 5 часов.

17 сентября. Связной Кулешов Федор Кузьмич (составитель поездов ст. Жлобин) применил магнитную мину к эшелону с горючим. Взорвался на ст. Салтановка — 9 полувагонов сгорело.

21 сентября в 11 часов вечера в г. Калинковичи взорван колбасный цех мясокомбината. Уничтожено: машинное оборудование, механические мясорубки, 3 тонны мяса и 5 бочек жира. Мину подложили Матвеева и Белякова — рабочие цеха. Мину передал Синкевич».

Лаконичные дневниковые записи напоминают военные сводки. Но если, так сказать, раскрыть скобки и поподробнее рассказать хотя бы об этой последней диверсии, можно написать книгу об отважных калинковичских подпольщиках.

Как была совершена диверсия? В Калинковичи мину и заряд доставила подпольщица из деревни Антоновка, мать троих детей, Домна Скачкова. Рискуя жизнью, несла она смертоносный груз в ведре с грибами. Потом бывшая телеграфистка, жена командира Красной Армии Екатерина Матвеева пронесла мину и заряд через проходную на мясокомбинат. И уже вместе со своей подругой Катей Беляковой установила мину с трехчасовым заводом.

Смертельная опасность на каждом шагу подстерегала не только подпольщиков, но и их семьи. Александр Маркович понимал это. Но он знал и другое: без поддержки населения действия отряда будут очень затруднены. А Центр, кроме всего прочего, обязывал Рабцевича заниматься разложением воинских подразделений врага, добывать сведения о размещении частей противника, о том, какие грузы и в каком направлении идут по железным и шоссейным дорогам...

У Рабцевича были свои люди — на почте, телеграфе, аэродромах. Нередко им приходилось надевать личину гитлеровских прислужников: быть старостами, бургомистрами, полицаями. Но, маскируясь под фашистских пособников, эти незримые помощники чекистов выполняли важнейшие задания. Не раз по данным, добытым подпольщиками и переданным Рабцевичем по рации на Большую землю, наша авиация наносила удары с воздуха по станциям, забитым воинскими эшелонами. А сколько номеров фашистских дивизий, с которыми предстояло вести бои нашим войскам, заранее, по данным подпольщиков и чекистов, было нанесено на стратегические и оперативные карты в советских штабах! И не только номера. Разведчики сообщали о техническом оснащении и моральном состоянии войск противника, о возможности быстрой переброски частей врага с одного участка на другой.

К концу 1943 года, когда фронт приближался, Рабцевич получил приказ двигаться дальше на запад и там продолжать свое дело.

— Ты понимаешь, Карл,— обращаясь к Линке, весело говорил Александр Маркович,— раз посылают дальше, значит, нами довольны, значит, мы справляемся с задачей. Так мы с тобой до Берлина дойдем. Ты понимаешь?

— Скоро придушим Гитлера! — улыбнулся он.— Придушим, и ты, Саша, приедешь ко мне в гости в новую, социалистическую Германию!

Друзья любили помечтать о будущем. Мечты согревали, звали в далекий и трудный путь.

— Идем налегке, без лишнего груза, без обоза,— сказал Александр Маркович бойцам. Вспомнив суворовские слова, он слегка перефразировал их: — Там, где пройдет коза, пройдет и солдат, а где пройдет солдат, пройдет и весь отряд.

Путь Рабцевича лежал не по дорогам, а по азимуту, напрямик.

При переходе железной дороги Барановичи — Лунинец произошел весьма любопытный случай. Движение тут было большое. А тола — ни грамма.

— Разрешите мне заминировать,— вызвался Храпов.

— Без тола?

— Толом всякий заминирует, испробую другой материал.

— Ну что ж, действуй! — усмехнулся Рабцевич.— Посмотрим, что ты придумал.

Через некоторое время движение на дороге прекратилось. Когда же немцы решились снять мину, то увидели, что под рельсом оказался обыкновенный поварской черпак.

Рабцевич похвалил Храпова за смекалку.

В конце января, прибыв на новую базу, чекисты снова принялись за привычную работу.

Из дневниковых записей Рабцевича известно, что 20 апреля 1944 года подпольщики из деревни Купятичи под командой Михаила Синкевича, присланного Игорем для руководства дерзкой операцией, взорвали на аэродроме у деревни Галево штабель авиабомб — 64 штуки весом по 250 килограммов каждая. Они же 14 мая заминировали два танка бригады СС, и эти танки подорвались на марше, когда проходили через деревню Бужеревичи.

16 июня отряд Рабцевича совместно с 208-м партизанским полком вел тяжелый 15-часовой бой с противником, который применил против них артиллерию, танки, самолеты.

И на новом месте были потери. 29 февраля умер от тифа боец Дмитрий Шкуратин. 24 апреля на подходе к железной дороге подорвался на мине любимец отряда, светло-русый красавец и весельчак Сергей Храпов.

Да, многие не дожили до Победы. 22 января рация принесла сообщение из Москвы: погиб смертью храбрых сын Линке — Гейнц. В тот же день Карл Карлович ушел на боевое задание — он не мог находиться в лагере...

Бойцы отряда А. М. Рабцевича вместе со своими помощниками — связными совершили более 200 диверсий. Чекисты прошли по вражеским тылам сотни километров.

Нелегок был этот путь — от боя к бою...

Александр СУСЛОВ

ЛЕСНОЙ ГАРНИЗОН

План перехода отряда советских разведчиков через линию фронта был разработан в нескольких вариантах. Предусматривалась возможность встречи с противником.

Так и случилось. Только цепочка пеших воинов подошла к лесу, как фашисты застрочили из автоматов. Попробовали скрытно пробраться через седловину. И тут подверглись обстрелу.

Но командир отряда старший лейтенант А. Н. Шихов не тушевался. Этот офицер неоднократно бывал в сложных переделках. И сейчас он хладнокровно оценивал обстановку. Разведчик твердо знал, что после большого летнего и осеннего отступления враг еще не успел восстановить сплошную линию фронта и лазейка в его обороне, несомненно, есть.

Нелегко, конечно, провести целый отряд через лес, густо напичканный окопами, траншеями, огневыми точками противника, его патрулями, выдвинутым вперед боевым охранением. Требовалось очень точно нащупать фланги гитлеровских дивизий или отдельных частей, чтобы проскользнуть между ними. К тому же и в бой не рекомендовалось ввязываться ни при каких обстоятельствах. Перед разведчиками ставились другие задачи.

Естественно, от удачного перехода во многом зависел в дальнейшем и авторитет Шихова. С ним были разведчики, знавшие о его смелости, умении предвидеть опасность и избежать ее в интересах дела. Взлетали на воздух мосты, летели под откос вражеские эшелоны, горели емкости с горючим, взрывались склады с боеприпасами... И в то же время отряд Шихова умел бесследно исчезать из-под носа врага.

Этот физически сильный, хорошо сложенный командир в маскировочном халате, с автоматом в руках и гранатами на поясе в случае опасности действовал быстро и решительно. За время военной службы он изучил с десяток военных специальностей, необходимых

разведчику. Оттого и чувствовал себя уверенно. Но вот этот рейд или, точнее, начало рейда его несколько встревожило. Именно начало.

В первых числах января 1944 года, то есть накануне похода, Шихова принял командующий фронтом Константин Константинович Рокоссовский. Он представил разведчика своим заместителям как старого знакомого. Похвалил за прошлую операцию под Гомелем, когда Александр Никитич передал в штаб фронта много важных сведений о противнике и взорвал несколько железнодорожных мостов. Потом Константин Константинович подвел Шихова к оперативной карте с нанесенной обстановкой.

— На этот раз для действий вашего отряда отводится чуть ли не целый полесский край! — Командующий фронтом широким жестом показал на карте огромный район в тылу врага.

Разведчикам надлежало заниматься глубокой оперативной разведкой вдоль железной дороги Минск — Барановичи — Лунинец.

В состав отряда входили вместе с Шиховым 4 офицера, 12 сержантов и 30 рядовых. Для хорошего боя в полевых условиях они только-только составили бы резерв командира стрелкового батальона, а в тылу врага им предстояло решать задачи чрезвычайной важности. Может быть, поэтому К. К. Рокоссовский и спросил:

— Сможете выполнить поставленную задачу?

— Так точно,— ответил Шихов.— Задачу выполним!

— Опирайтесь больше на местных партизан,— посоветовал еще раз на прощание командующий фронтом,— ищите себе союзников среди населения, помните, что и в оккупированных областях наш народ не сломлен, жаждет принимать участие в разгроме врага.

После неудачи в седловине Шихов попробовал проскочить линию фронта по кромке большого болота. Отряд опять выслал разведку. Она вернулась с ободряющим известием: углубились во вражеский тыл на три километра и не встретили ни одного гитлеровского солдата.

— Нашлась и для нас лазейка! — как бы про себя проговорил Шихов и первым стал на тропу, ведущую в тыл к гитлеровцам.

Видно, фашисты не очень внимательно охраняли фланги своих дивизий. Тем более на болоте. И вскоре советские разведчики уже шагали по земле, занятой противником, торопились как можно дальше забраться в тыл врага.

Густые белорусские леса надежно укрыли смельчаков. Базой для стоянки отряда старший лейтенант Шихов избрал глухую деревушку Чудин на территории Ганцевичского района. Она устраивала разведчиков по ряду причин. Находилась эта деревенька в центре предполагаемого района действий отряда. От нее напрямую было не так уж далеко до железной дороги.

Старший лейтенант А. Н. Шихов немедленно развернул активную деятельность. Каждый воин получил конкретную задачу. Инструктор-подрывник сержант Федор Игнатов с помощниками заминировал подступы к штабу. Заместитель командира младший лейтенант Б. М. Бурондасов организовал службу полевых караулов. Майору Н. П. Викторову было поручено разведать окрестные деревни, узнать, где стоят фашистские гарнизоны, полицейские комендатуры, установить связи с местным населением и партизанами. Для уточнения графика движения воинских эшелонов, ознакомления с рельефом местности, путями подхода к полотну были посланы разведчики и на железную дорогу.

Старший лейтенант Шихов передал радистке отряда Асе Соколовой свою первую радиограмму для штаба фронта. Она гласила: «Прибыл на место без потерь. Приступил к ознакомительной работе».

В тот же день к командиру отряда пришел парторг сержант Ф. И. Никитюк:

— С какой повесткой дня собрание будем проводить?

— А сам как думаешь? — спросил его Александр Никитич.

— Если можно, хорошо бы рассказать коммунистам подробно о наших задачах.

— Не только можно, но и нужно! — ответил Шихов.— Обязательно. И всех комсомольцев пригласим. Задачи-то нам всем вместе решать!

Поздно вечером на открытое партийное собрание пришел весь отряд. За исключением тех, кто стоял на посту. Командир сделал обстоятельный доклад, призвал всех коммунистов и беспартийных четко выпол-

нять приказы, быть бдительными. Но в то же время Шихов учил воинов настойчиво искать и устанавливать связи с местным населением, чтобы тем самым во сто крат умножить силы отряда.

— Наш лесной гарнизон,— сказал Шихов,— должен стать подлинным народным штабом по борьбе с оккупантами.

Трудная была работа. На этой земле два с лишним года лютовали враги. И не так-то просто открывались людские сердца. Однако заместитель командира по разведке майор Н. П. Викторов и его группа в составе старшего сержанта В. Т. Карюка, младшего сержанта Г. М. Михалева, рядовых В. К. Поперeки, П. С. Химина, В. Я. Голубя и других развила активную деятельность.

Они посещали населенные пункты, расклеивали там листовки, распространяли среди жителей сводки Совинформбюро, заводили с ними знакомства. Население платило отважным бойцам взаимным доверием, чистотой и откровенностью чувств. Но больше всего разведчики действовали через местных партизан. Именно с их помощью были установлены первые связи на железной дороге, в городской управе, открытых фашистами полукустарных мастерских в ближайшем районном центре.

На задания ходили все. В лесном гарнизоне поддерживался строгий порядок. Назначался караул. Точно в определенное время на постах сменялись часовые. В блиндажах образцово нес службу дневальный. Командир настоял на том, чтобы проводились утренний осмотр и вечерняя проверка. В пирамидах стояло оружие, и никто не ставил его на место нечищеным.

И этот заведенный с первого дня армейский порядок в лесном гарнизоне никому из разведчиков не был в тягость. Он как-то подтягивал, мобилизовывал людей, оказывал на них благотворное влияние. Партизаны соседних отрядов быстро оценили и тоже ввели у себя армейские правила и порядки, которые охотно поддерживала вся масса бойцов. Большинство из них в свое время прошли хорошую военную школу, и теперь жизнь по уставам сближала каждого с родной армией.

Наравне с остальными разведчиками старший лейтенант Шихов тоже ходил в крупные населенные пун-

кты. И если позволяла обстановка, проводил беседы с жителями о положении на фронтах.

Кончались эти беседы обычно просьбой патриотов принять их в партизанский отряд или дать конкретное боевое задание.

Начали создавать на железной дороге боевые группы. В них входили специалисты — ремонтники паровозов, стрелочники, составители поездов, рабочие-путейцы, телеграфисты на станциях.

Потом начали работать боевые пятерки в городах, на предприятиях и в мастерских.

Труднее шло дело в деревнях. Именно при создании боевой группы в одной из деревень отряд и понес первые потери. Темной ночью разведчики под командой майора Викторова выехали на связь в деревню Поніжицы. За полкилометра до околицы они остановились, прислушались.

Тихо было на улицах. Из деревни не доносился даже собачий лай. Ни в одном окошке не было света.

— Младший сержант Михалев и рядовой Химин — в разведку! — приказал майор Викторов.

Со всеми предосторожностями вошли воины в деревню. Кругом по-прежнему стояла тишина. Ни звука. Ни шороха. Миновали одну улицу. Повернули за угол. И там ничто не настораживало разведчиков, хотя опасность уже надвигалась. Оказывается, гитлеровцам еще днем стало известно о советских десантниках.

Их ждали с вечера. Организовали засаду. Дозор беспрепятственно пропустили в деревню. Все равно, дескать, не уйдут. Хотелось врагу захватить ядро группы. Однако майор Викторов вовремя заметил опасность и приказал повернуть назад. Им стреляли уже вслед, но пули просвистели мимо.

На Михалева и Химина вышли две танкетки. Что делать? Гранат нет, а очередью из автомата броню не возьмешь. Решили отходить, отстреливаться. В этот момент разрывная пуля ударила Химину в приклад автомата и расщепила его. Солдат упал, враги потеряли его из виду. На рассвете он добрался до своих с печальным известием. Михалева расстреляли пулеметной очередью из танкетки. Фашисты облили его тело бензином, подожгли, а сами уехали.

Старший лейтенант Шихов сам вынес изуродованное тело младшего сержанта Михалева. Под ружейный

салют его похоронили в деревне Чудин. Над могилой разведчики дали клятву еще крепче бить врага.

От желающих идти на задание не было отбоя. Часами мерзли подрывники на железной дороге, поджидая эшелон. Подрывали обычно толовыми шашками. Каждая — по 200 граммов. Вязали их вместе, чтобы получался вес 8—16 килограммов, копали яму под рельсом, аккуратно укладывали заряд, вставляли взрыватель нажимного действия. Паровоз своей тяжестью прогибал рельсы, те, в свою очередь, давили на взрыватель, и происходил взрыв.

Война на рельсах стала иной, когда у наших разведчиков появились друзья из железнодорожников. Это были путевые обходчики, стрелочники, диспетчеры, телеграфисты, багажные кассиры, начальники станций. По только им известным признакам они передавали подрывникам Шихова сообщения о важных воинских эшелонах противника. Иногда удавалось точно узнать даже время, когда эшелон должен проследовать через тот или иной перегон.

Много у разведчиков было друзей среди железнодорожников, но особенно запомнились им путевой обходчик Вацлав Пробинский и слесарь-ремонтник Федор Маркович Сергейчук.

— Состав со снарядами прибыл! — как-то сообщил Сергейчук связному отряда.— Пусть там подрывники свои «фунтики» приготовят!

По этому сигналу на линию вышла группа сержанта Е. В. Уварова. То был хладнокровный и смелый командир. Под стать ему и бойцы Н. Ф. Нужных, Н. П. Стадник, А. К. Журавлев.

Решили, что лучше всего заряд заложить перед мостом. От взрыва здесь движение по дороге надолго прервется, а она так нужна фашистам! Стоило только в районе Барановичей порвать стальную нитку, как прекращалось сообщение с Брестом, Белостоком, Гродно, Вильнюсом, Минском.

— Но мост охраняется! — сказал кто-то из подрывников.

— Не беда,— отозвался сержант Уваров.— У командира возьму винтовку-бесшумку!

И вот уже меткими бесшумными выстрелами сняты двое вражеских часовых. Заложены под путь и соединены между собой детонирующим шнуром три за-

ряда. За лесом гудок паровоза оглашает местность. В морозном воздухе он слышен далеко.

— В укрытие! — скомандовал подчиненным Уваров.

Сержант рывком крутанул электрическую машинку. Взрыв! От детонации начали рваться снаряды и авиационные бомбы. Охрана эшелона, видно, погибла. Никто не стрелял.

— Пошли,— сдержанно приказал солдатам Уваров.— Тут фашистам и за неделю не разобраться!

Обычно подрывники в тот же день обязательно составляли акт. Не отступили они от такого правила и на этот раз. На листе бумаги аккуратным почерком вывели, что на перегоне Барановичи — Лунинец взорван эшелон с боеприпасами, следовавший на фронт. Указывались день и даже час взрыва, число пошедших под откос вагонов. Такой акт подписывали местные железнодорожники.

Бывали случаи, когда железнодорожники шли на диверсию вместе с разведчиками. Именно так поступил путевой обходчик Пробинский. Он сам прибежал, чтобы сообщить подрывникам о прибытии вражеского бронепоезда. Патриота встретил опытный минер Филипп Дмитриевич Безруков.

— Что ты, Вацлав?

— На станцию Люсино фашистский бронепоезд прибыл! — задыхаясь от быстрого бега, доложил связной.

Задумались подрывники: как же взорвать стальную громаду противника? Бронепоезд прикрыт тяжелыми стальными плитами, вооружен пулеметами и пушками. Голыми руками его не возьмешь — нужна хитрость.

Прежде всего решили увеличить вес заряда до 20 килограммов. И поставить не один, а два заряда. Но где и как поймать бронепоезд? Он же не ходит по расписанию.

На помощь отряду пришли местные партизаны. За бронепоездом на станции было установлено круглосуточное наблюдение. А чтобы у охраны бронепоезда не вызвать подозрения, вахту несли подростки, женщины. Они подходили к гитлеровцам то с ягодами, то с молоком, предлагали продукты.

Но вот со станции поступило известие: бронепоезд

разводит пары. И еще через час стало известно, в какую сторону направится бронированная громада. Тогда-то, в 10 километрах от станции, подрывники спешно уложили под рельсы свои заряды.

Ох и рванули они под бронепоездом! Долго лежали на насыпи паровоз с двумя тендерами и вагоны с орудиями.

Параллельно с диверсиями на железной дороге отряд старшего лейтенанта Шихова вел разведку сети вражеских аэродромов, мест расположения баз с горючим, складов с боеприпасами, передвижения войск. Добывать такие данные отряду помогали славные патриотки — учительницы Христина Гавриловна Плевако и Анна Артемьевна Сечко.

— Под Слуцком у фашистов большой аэродром! — принесла важное сообщение Христина Гавриловна.

Анна Артемьевна Сечко узнала, что именно с этого аэродрома фашисты производят разведывательные полеты, летают на бомбардировку наших прифронтовых городов и железнодорожных узлов. Дополнительная разведка наблюдением, опять-таки с помощью партизан, позволила установить интенсивность полетов и места стоянки вражеских самолетов.

И снова в штаб фронта полетела через радистку Соколову очередная передача. В ту же ночь наша авиация успешно бомбила фашистский аэродром, уничтожила много самолетов-бомбардировщиков и разведчиков. Это был первый аэродром, подвергнутый интенсивной бомбежке по докладу разведчиков отряда старшего лейтенанта Шихова. По их же донесениям были уничтожены с воздуха в ту же ночь склад боеприпасов и бензохранилище.

Тогда гитлеровцы забеспокоились. Им было непонятно, почему так участились диверсии в этом районе. Вскоре они нащупали базу разведчиков в Чудине и организовали карательную экспедицию, поддержанную броневиками и танками. Но добиться скрытности операции не удалось. К Шихову прибежал гонец из соседнего партизанского отряда:

— Командир послал сказать, что по дороге к вашему штабу фашисты идут!

Потом появился запыхавшийся велосипедист. Он привез предупреждение от подпольщиков. Связному пришлось сделать большой крюк, но он все-таки лес-

ными тропами опередил гитлеровцев и первым прибыл к лагерю разведчиков, чтобы поднять тревогу.

— Скажите «Бате» спасибо,— поблагодарил его Шихов.

С помощью двух соседних партизанских отрядов атака карателей на Чудин была отбита.

Когда карательная операция провалилась, фашисты попытались заслать в отряд шпиона. Он вышел прямо на часовых. Во время допросов у Шихова представился партизаном одного из соседних отрядов. Довольно правдоподобным выглядело и его объяснение, почему он ушел из своего партизанского отряда.

Говорят, что разведчик насквозь видит другого разведчика. Старший лейтенант Шихов сразу заподозрил в пришедшем шпиона. «Партизан» оказался крупной птицей, он имел специальное задание пробраться в советскую разведку.

42 эшелона с живой силой, техникой, боеприпасами уничтожил зимой и летом 1944 года отряд старшего лейтенанта Шихова. Десятки раз по его сведениям поднимались в воздух краснозвездные самолеты, и в огне взрывов сгорали засеченные разведчиками вражеские склады с бензином, выходили из строя железнодорожные узлы, нарушались пути подвоза и эвакуации.

Много славных боевых дел в интересах фронта совершил отряд разведчиков. И за каждым подвигом стоял командир — коммунист Александр Никитич Шихов. Это он своей энергией и личным примером вдохновлял подчиненных, научил не бояться противника, на каждый маневр врага отвечать своим контрманевром. Отряд сумел выполнить поставленные перед ним задачи и сберечь стране ее сынов. И не только сберечь. Все бойцы и командиры, ходившие в рейд, награждены орденами и медалями. Воины видели смерть, смотрели ей в глаза, но побеждали противника потому, что в бой разведчиков вел не только храбрый, но и умный командир.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Никитичу Шихову присвоено звание Героя Советского Союза.

Борис ***НИКИТИН***

СОЛДАТ ПАРТИИ

С утра подул северный, не по-летнему холодный ветер. Его порывы волнами пробегали по верхушкам деревьев, доносили далекие, приглушенные раскаты грома. Синие тучи постепенно заволакивали небо. Но руководитель группы майор Алексей Максименко и оперативный уполномоченный сержант Виктор Соколов, медленно прохаживаясь по опушке леса, не замечали приближения грозы. Их занимало другое.

Неделю назад они послали в Витебск разведчика Владимира Лютько с заданием собрать сведения об обстановке в городе, а главное — найти врача туберкулезной больницы Ксению Сергеевну Околович и договориться о ее встрече с Максименко.

По указанию обкома партии чекистская группа во главе с Алексеем Петровичем Максименко обосновалась под Витебском, в поселке торфозавода «XX лет Октября», не так давно — в апреле 1942 года. Этому предшествовали такие события.

В начале января 1942 года части Красной Армии на витебском направлении перешли в наступление. Еще не оправившиеся после декабрьского поражения под Москвой гитлеровские войска, хотя и оказывали упорное сопротивление, вынуждены были отступить почти на 250 километров. Наши войска освободили значительную территорию, вплотную подошли к областному центру. Действенную помощь им оказали местные партизанские отряды. Восторженно, с большой радостью встречало население своих освободителей.

И хотя гитлеровскому командованию, перебросившему под Витебск значительные подкрепления, ценой огромных потерь удалось приостановить наступление наших войск, оно не смогло залатать большую прореху, образовавшуюся в линии фронта. На стыке групп фашистских армий «Север» и «Центр», от Усвят Витебской области до Велижа Смоленской, возник почти 40-километровый разрыв, который вскоре стали назы-

вать «Суражскими воротами». На территории «ворот» полными хозяевами стали партизаны.

Проведав о бреши в обороне гитлеровцев, на Большую землю устремился поток жителей Витебской и других областей Белоруссии, даже Прибалтики. Не исключалось также, что фашистская разведка может воспользоваться «воротами» и в потоке беженцев попытаться забросить в тыл Красной Армии своих агентов и диверсантов. Опросом беженцев о положении на оккупированной территории, действиях гитлеровцев и их пособников, выявлением вражеской агентуры поручили заняться группе майора Максименко. Нередко бежавшие от фашистского «нового порядка» советские люди сами искали чекистов, чтобы рассказать об обстановке в том или ином районе, о зверствах гитлеровцев, о предателях, пошедших к ним на службу. Сообщали они и приятные новости: о вооруженной борьбе советских патриотов против оккупантов.

Однажды дозорные чекистов задержали группу мужчин, выходившую из города. Старший из них оказался бывшим начальником штаба 29-го стрелкового корпуса полковником П. Н. Тищенко. В беседе с Алексеем Петровичем он с восхищением рассказывал о враче Ксении Околович: она вылечила его, а также большую группу раненых бойцов и командиров Красной Армии, снабдила надежными документами, организовала их уход сюда, в партизанскую зону.

Прошло некоторое время, и Алексей Петрович вновь услышал хорошие вести о враче Околович. На этот раз разведчик Владимир Лютько привел из города коммунистов Павла Киршина, Алексея Торопина, Зинаиду Козыреву-Юманову и Ивана Оскера. Спасая патриотов от ареста, Ксения Сергеевна выдала им справки о том, что они находились на излечении, а сейчас возвращаются в свои родные деревни.

Узнал Максименко и о личной трагедии врача — гитлеровцы недавно расстреляли ее брата Бориса, работавшего начальником продовольственного отдела городской управы в Витебске.

Вот тогда Максименко и послал Лютько к Околович выяснить, сможет ли она хотя бы на один день отлучиться с работы, чтобы встретиться с «людьми из Москвы».

— Ни ответа, ни привета,— вздохнул Максименко.— И Лютько запропастился.

В то время как майор Максименко и сержант Соколов гадали о причинах задержки своего разведчика, по лесной тропинке быстро шагал коренастый мужчина лет тридцати. Вот он показался из-за деревьев.

— Рад вас видеть живым-здоровым, Владимир Станиславович,— приветствовал его начальник оперативной группы.

Немного отдышавшись, Лютько рассказал, что немцы в последние дни в разных местах города выставили дополнительные посты, проводили облавы и аресты подозрительных. Вот и пришлось отсиживаться у надежных людей. С Ксенией Околович встречался. Убедившись, с кем имеет дело, доктор без колебаний согласилась помогать чекистам, благодарила за доверие, но высказала сожаление, что в ближайшие дни встретиться не сможет, ибо «дел невпроворот».

Между тем порывы ветра усилились, глухо и как-то тревожно зашумел лес, все ближе громыхал гром.

— Гроза приближается, да еще, видать, с градом,— сказал Виктор Соколов.— Надо бы поторапливаться.

— И хорошо, если с градом. Вы бегите к домику, готовьтесь к обеду, а я тут...— Алексей Петрович весело улыбнулся,— душ попытаюсь принять...

— Какой душ? Да еще в ваши годы, Алексей Петрович,— удивился Виктор. Ему, двадцатипятилетнему здоровяку с копной волнистых волос, почти сорокалетний худощавый начальник, с большим, за счет залысин, лбом казался пожилым человеком.— Так и воспаление легких схватить можно.

Соколов и Лютько побежали к поселку, а Алексей Петрович неторопливо разделся, аккуратно сложил одежду, спрятал ее от дождя под разлапистую ель и вышел на поляну.

Молнии неистово кромсали огненными полосами небо, ливневый дождь вперемежку с градинками хлестал мускулистое, крепко сбитое тело Алексея Петровича, а он, словно ребенок, радовался буйству природы и подставлял то спину, то грудь под потоки воды.

Почти полчаса, пока шел дождь, принимал необычный душ Алексей Петрович.

Но вот дождь прекратился. С синего неба на землю спустилась широкая радуга. Дышалось легко и свобод-

но. Бодрое, приподнятое настроение охватило Алексея Петровича. И причиной тому был не только «самый лучший в мире душ». И даже не то, что недавно Максименко присвоили звание майора. Главное — дела везде пошли на лад: на фронте немецкая военная машина начала давать перебои, на долгие месяцы застопорилась перед Севастополем, все чаще радио сообщало о смелых операциях белорусских, украинских и брянских партизан. Вот и здесь, под Витебском, появилась обширная, на десятки километров, партизанская зона, а в самом городе подполье набирает силы, успешно действуют там и разведывательно-диверсионные группы, которыми руководит он, чекист Максименко. Весь народ поднялся на борьбу с фашистами.

При подходе к поселку Алексей Петрович увидел, как из дома, где располагалась его группа, выбежал сержант Соколов с каким-то дедом и устремился к нему:

— Товарищ майор, фашисты нагрянули в деревню Коласы. Грабят крестьян,— доложил Соколов.

— Да, да, свиней и курей забирает супостатская нехристь,— подтвердил дед.— Женщины и послали меня к вам. Помогите, сынки!

Быстро расспросив деда о силах гитлеровцев («двадцать солдат на двух автомобилях»), Максименко принял решение: он с группой из 10 партизан на лошадях скачут наперерез немцам, лейтенант Мишин с 5 бойцами (остальные находились в дальних дозорах) также на лошадях врываются в Коласы и обстреливают грабителей, гонят их к месту засады.

Как ни спешили, даже несмотря на прошедший ливень, малость опоздали. Одной машине удалось выехать из деревни и выскользнуть из ловушки. Сидевшие в ней солдаты бросили на произвол судьбы своих коллег по разбою и укатили в гарнизон. Другая же автомашина застряла в грязи у перекрестка, где успел устроить засаду Максименко. Схватка получилась короткой, но результативной. 7 трупов осталось на дороге и подбитая автомашина. Партизанам достались 4 винтовки и пулемет.

— Лихо ты разделался с грабителями. С успехом тебя, друже! — первым поздравил Максименко командир отряда Михаил Федорович Бирюлин и, хитровато

улыбнувшись, добавил: — А может, и с боевым крещением? Видать, кровь казачья заговорила.

Насчет крови Бирюлин не ошибся, а вот с боевым крещением не точно. Но Максименко не стал поправлять своего друга.

Родился Алексей Петрович в Орске в семье безземельного казака. Отец его, Петр Осипович, до революции работал кровельщиком, а с первых дней Октября вступил в Красную гвардию, затем служил в Красной Армии, участвовал в боях против колчаковцев и белоказачьих атаманов. Несколько раз был ранен. Раны эти и свели в могилу в 1922 году 35-летнего казака-коммуниста.

Пока отец воевал на фронтах гражданской войны, Алексей с 13 лет пошел зарабатывать себе на хлеб. Сначала рассыльным в уездном комиссариате, потом учеником в шорной мастерской. Батрачил у кулаков. Но везде любознательный юноша не расставался с книгой. В 1925 году в жизни 20-летнего секретаря губернского отдела профсоюза пищевой промышленности комсомольца Алексея Максименко произошло важное событие — обком партии направил его на работу в органы ГПУ. Служить довелось в Сырдарьинском губернском отделе в Кара-Калпакии, где еще орудовали банды басмачей. Тогда и получил молодой чекист боевое крещение, а в его личном деле появилась лаконичная запись: «Принимал активное участие в ликвидации бандитизма. Показал себя смелым, решительным и энергичным чекистом». В те годы он стал коммунистом, получил первую награду — именной пистолет.

Война застала Максименко в Орше, где он работал начальником городского отдела НКВД. Там в схватках с десантниками противника боевое крещение продолжалось. Там же в лесах под Оршей он закладывал базы с оружием, продовольствием, медикаментами для будущих партизан и подпольщиков, помогал горкому партии подбирать людей для работы в тылу врага. Предполагалось, что и он останется в районе, будет одним из руководителей местных партизан и подпольщиков. Однако обстоятельства сложились так, что его назначили начальником группы и направили под Витебск, правда, уже оккупированный гитлеровцами.

И здесь Алексей Петрович, обладавший особым чутьем на надежных людей, быстро подтвердил право-

ту своего давнего начальника, который еще за 10 лет до войны писал в аттестации, что «Максименко хорошо ориентируется в меняющейся обстановке».

Алексей Петрович спустя некоторое время встретился с Ксенией Околович, долго беседовал, как старший товарищ похвалил смелого и находчивого врача за помощь, которую она оказывает попавшим в беду советским патриотам, посоветовал быть осторожнее, привлекать к подпольной работе только самых надежных людей, которых хорошо знает, постоянно помнить о провокациях абвера и СД.

Окрыленная доверием, вернулась в Витебск Ксения Околович. Доволен остался и Алексей Максименко. С помощью врача можно будет обеспечить надежными документами разведчиков, подпольщиков, связных. Забегая вперед, скажем, что К. С. Околович снабдила такими документами около ста человек.

Через Владимира Лютько, Ксению Околович, Федора Мехова, Константина Шутова, Андрея Гогулю, Ивана Иотко и других разведчиков Максименко знал многое об обстановке в городе. Сведения о расположении в Витебске военных объектов противника через связных своевременно передавались ему. Используя эти данные, советская авиация не раз наносила мощные удары по врагу.

В книге «Дневник немецкого солдата» писатель-антифашист П. Кернер-Шрадер, находившийся во время войны в Витебске, пишет: «Самолеты прилетают теперь не в одно и то же время, как раньше, а лишь ко времени прибытия и разгрузки эшелона. Создается впечатление, что кто-то докладывает советскому командованию о времени прибытия эшелонов».

Советское командование не только получало сведения о расположении воинских частей, аэродромов и складов в Витебске, но и о результатах бомбардировки их нашей авиацией. «Вечером 28 октября 1942 года,— сообщал в Центр Максименко,— советские самолеты бомбили Витебский аэродром, где разбиты 8 самолетов, склад с боеприпасами и авиабомбами и склад с горючим.

По улице Стеклова (бывшее здание горвоенкомата) убито 250 немецких солдат и офицеров.

Днем 29 октября советские самолеты совершили второй налет на Витебский аэродром. В результате бом-

бежки на аэродроме возник пожар и сгорел 21 немецкий самолет.

Вечером 30 октября прямым попаданием бомб на железнодорожной станции Витебск разбит и сожжен один эшелон с горючим и один эшелон с продовольствием.

Во время бомбежки немцы из Витебска бежали на окраины, бежали в панике, бросая вещевые мешки, пилотки и даже оружие. Советские самолеты разделали их так, что почти ни одного крупного склада с боеприпасами, горючим и продовольствием не осталось...»

Наряду с разведкой подпольщики, руководимые Алексеем Максименко, занимались и диверсиями. В мае 1942 года комсомольцы Андрей Гогуля и Иван Иотко вблизи станции Княжица пустили под откос воинский эшелон. В октябре Иван Василенко, Федор Мехов, Константин Шутов и Андрей Гогуля в трех километрах от Витебска подорвали эшелон со строительным материалом, следовавший к линии фронта.

Алексей Петрович подбирал в свою группу смелых и решительных патриотов — будущих подрывников. Особенно большие надежды он возлагал на Дину — комсомолку Василису Вялову и ее отца Иллариона Семеновича. Исключительно смелые, хорошо знавшие город, ради освобождения родной земли от иноземных захватчиков они были готовы на все *.

Одним словом, сделано майором Максименко было много, но еще бóльшие планы он вынашивал на будущее. Тщательно проинструктировав, 8 ноября Максименко проводил в Витебск Федора Кононова и Ивана Наудюнаса, отправившихся туда, чтобы привести в исполнение приговор народа над предателем Брандтом, редактором фашистской газетенки «Новый путь» **. Подбирались ключи к окружному комиссару Фишеру, командиру карательного полка фон Гуттену, коменданту фельдкомендатуры фон Швайдницу. Но неожиданно для Алексея Петровича его отозвали в Москву.

20 ноября 1942 года майор Максименко перешел

---

* Вскоре после отъезда Максименко в Москву В. И. Вялова взорвала здания полиции и биржи труда, дважды в 1943 году поджигал здание Витебского вокзала И. С. Вялов.

** 26 ноября 1942 года патриоты успешно выполнили задание — Брандт был уничтожен.

линию фронта и вскоре прибыл в Москву. Внимательно выслушав доклад Алексея Петровича о работе, проделанной группой в Витебске, и обстановке в городе, комиссар госбезопасности спросил его:

— Как вы смотрите, товарищ Максименко, если мы направим вас на довоенное место работы — в Оршанский район? Вы там работали и, конечно же, хорошо понимаете значение для противника крупного железнодорожного узла. Исключительно важную, пожалуй, главную для гитлеровцев магистраль Берлин — Смоленск здесь пересекает железная дорога Ленинград — Киев. Гитлеровцами также активно используется шоссе Брест — Москва, которое проходит вблизи города. Кроме того,— продолжал комиссар госбезопасности,— в окрестностях Орши базируется несколько партизанских бригад, в городе действует патриотическое подполье. И там нужен опытный чекист, который сумел бы организовать и возглавить диверсионную и разведывательную работу. Все это вам по плечу. Поэтому мы и решили назначить вас руководителем группы «Неуловимые», основные задачи которой, коротко говоря, будут состоять в том, чтобы парализовать работу Оршанского железнодорожного узла, застопорить движение к фронту эшелонов с живой силой и техникой противника.

— Задание серьезное,— задумался Алексей Петрович и, помолчав, сказал: — Я солдат партии. Можете не сомневаться: приложу все силы, опыт и знания, чтобы выполнить его. Но я очень прошу выделить в мое распоряжение квалифицированного, надежного радиста и в достатке обеспечить группу взрывчаткой, а главное — магнитными минами. В тылу врага без них, как без рук.

Просьбу Максименко удовлетворили. В группу включили 17-летнего комсомольца Владимира Вынаева, только что с отличием окончившего курсы радистов. Обеспечили миннoподрывными средствами.

В те же дни по просьбе Белорусского штаба партизанского движения Максименко назначили одновременно заместителем командира партизанской бригады имени К. С. Заслонова по разведке. Бригада так названа в честь ее легендарного создателя и первого командира.

— Она имеет хорошие боевые традиции, ее возглавляет Людвиг Иванович Селицкий, соратник и достой-

ный преемник Константина Заслонова. Ему нужен опытный руководитель бригадной разведки,— сказал Алексею Петровичу начальник БШПД П. З. Калинин.

18 мая 1943 года самолет доставил Максименко и его группу — трех подрывников — на партизанский аэродром под Бегомлем, а через несколько дней Алексей Петрович знакомился с отрядами бригады, отвечал на многочисленные вопросы партизан о Москве, о жизни на Большой земле. В первые же дни, не откладывая дело в долгий ящик, с помощью Леонида Кондратьева Максименко познакомился — пока заочно — и с разведчиками, которым удалось внедриться в различные оккупационные учреждения в Орше.

На помощника командиру «Неуловимых» явно повезло: Кондратьев был одним из ветеранов оршанского подполья, долгое время выполнял разведывательные задания командования бригады, а когда над ним нависла угроза ареста, ушел в отряд.

— Евгений Филиппович Исаченко, до войны работал в Оршанском горсовете. Сейчас сотрудник городской управы,— докладывал Кондратьев.— Сергей Богдановский...

— Богдановский? Сергей Ануфриевич? — перебил Кондратьева Максименко.— Так? Я его знаю. Хозяйственный мужик. До войны работал в промысловой кооперации. Оставлен горкомом для подпольной работы. Интересно, где он устроился? Какие задания выполняет?

— При оккупантах Сергей Ануфриевич на «повышение» пошел,— улыбнулся Кондратьев.— Стал начальником торгового отдела райуправы. Создал подпольную группу, в которую вошли экономист Петр Балашов, землеустроитель Василий Дервоед, агроном Петр Шевердов, рабочий Яков Агеенко. От них мы получаем ценную разведывательную информацию, оружие и боеприпасы, медикаменты.

— Молодцы ребята! — похвалил Максименко.— А кто диверсиями занимается?

— С диверсиями сложнее,— вздохнул Кондратьев.— И это не вина подпольщиков: нет специальных мин. Раньше выручали бутылки с зажигательной смесью, но и они кончились. И меня засыпали просьбами: пришлите да пришлите мины. А где их взять?

Леонид рассказал дальше о Дмитрии Никитовиче

Бохане. Родился он в деревне Хороброво Оршанского района. До войны учился на физико-математическом факультете Витебского пединститута. Преподаватели неизменно ставили его в пример другим студентам, а те, восхищаясь недюжинными способностями Дмитрия, прозвали его «профессором». В оккупированной Орше Бохан с помощью Евгения Исаченко устроился на должность рулетчика — помощника землеустроителя. Имеет постоянный пропуск для хождения по городу. Созданная им подпольная группа — одна из лучших.

Через несколько дней Алексей Петрович встретился с Боханом. Увидев перед собой Дмитрия, невысокого, щуплого, по-девичьи застенчивого паренька, одетого в вылинявшую рубашку и такие же видавшие виды брюки, обутого в прохудившиеся ботинки, Алексей Петрович вначале даже не поверил, что перед ним «профессор», руководитель подпольной группы. Да и начало беседы несколько озадачило Максименко. На его вопрос:

— Как живете-поживаете, Дмитрий Никитович? — тот быстро, слишком быстро, как показалось Максименко, ответил:

— Плохо, если не сказать хуже.

— Совсем плохо?

— А что здесь хорошего? Фашисты в металл заковались. На технику богаты. Их голыми руками не возьмешь. Подпольщикам нужны мины.

— Сейчас не сорок второй, а тем более — не сорок первый год. Будут мины. Притом разные.

— Может, сейчас дадите?

— Скоро. Но мне вначале хотелось бы узнать вашу оценку обстановки в Орше, познакомиться с руководимой вами группой, ее участниками.

Слушая неторопливый рассказ Бохана, Максименко понял, почему этого неказистого с виду 19-летнего паренька прозвали в институте профессором, почему он возглавил боевитую подпольную организацию. Дотошное знание почти всех расположенных в городе частей и подразделений противника, режима охраны станции, баз и складов в городе и его окрестностях, лаконичные, но емкие характеристики чиновников управы и других фашистских пособников — все это говорило об отличной памяти и редкой наблюдательности Дмитрия Бохана, его аналитическом уме, большой дисциплине мыш-

ления. Понравилось Максименко и то, что Бохан хорошо знал сильные и слабые стороны своих боевых соратников, их способности и склонности.

— Жорж Щербо — смелый и решительный парень. Ему я поручаю самые рискованные дела по диверсиям,— говорил Дмитрий.— Григорий Бохан — осторожный и наблюдательный человек. В основном занимается разведкой.

Долго беседовал в тот июньский день Алексей Петрович с Боханом. Говорили о конспирации, о необходимости создания новых подпольных звеньев по системе троек и пятерок. В тот же день подрывники группы Максименко показали Бохану мины, которые привезли с собой, рассказали об их устройстве, объяснили, как ими пользоваться.

Затем Максименко встретился с Евгением Исаченко, Сергеем Богдановским, Георгием Щербо, другими подпольщиками. Познакомился Алексей Петрович с Верой Евсюкевич и Верой Демешкевич, которые часто бывали в Орше, были связаны со многими подпольщиками, хорошо ориентировались в обстановке в городе. И только после этого, взвесив их возможности, через Веру Евсюкевич и других связных передал им несколько мин.

Вскоре одно за одним начали поступать сообщения о диверсиях на железной дороге. Словом, уже через несколько недель после прибытия в тыл врага Максименко было о чем доложить Центру, Оршанскому подпольному райкому партии, членом которого он недавно стал.

Однако в эти июньские дни от разведчиков начали поступать и тревожные сведения: гитлеровцы заметно усилили охрану железнодорожной станции и узла, всей железной дороги, значительно возросло количество эшелонов, следовавших на фронт с живой силой, танками, орудиями, боеприпасами, особенно с горючесмазочными материалами.

Тогда еще Максименко, разумеется, не знал, что усилившиеся перевозки живой силы и техники противника были составной частью подготовки фашистского командования к широко задуманной им наступательной операции «Цитадель»: двумя одновременными сходящимися ударами на Курск — из района Орла на юг и Харькова на север — с целью окружить и уничтожить на образовавшемся выступе советские войска и тем са-

мым взять реванш за поражение под Сталинградом. Не знал, конечно, Алексей Петрович и того, что фашистское командование особые надежды на сей раз возлагало на «тигры» и «пантеры» — новейшие тяжелые танки и штурмовые орудия, что это для них стальных подвижных «крепостей», заблаговременно и впрок завозилось эшелонами горючее, но делал все от него зависящее, чтобы помешать этим перевозкам.

Максименко доложил командиру бригады Л. И. Селицкому те сведения, которые получил от разведчиков. Посоветовавшись в штабе, решили еще крепче оседлать железную дорогу, чаще взрывать вражеские эшелоны, основательно застопорить их движение в сторону фронта. Подрывники бригады почти целиком переключились на диверсии на коммуникациях противника. Активизировали их на магистрали и другие партизанские отряды и бригады. Максименко же тем временем, попросив Центр прислать как можно больше толу и магнитных мин, встретился с Дмитрием Боханом, Георгием Щербо, другими руководителями подпольных групп. Разговор с ними был об одном — превратить железнодорожный узел Орша в кладбище для вражеских эшелонов.

И вскоре, накануне и в дни сражения на Курской дуге, особенно часто стали громыхать взрывы в Орше, язык пламени полностью слизывал многие эшелоны с горючим, переплавлял танки и орудия.

Вот что сообщалось в Центр об операции, которая замыкает перечень проведенных подпольщиками Максименко диверсий на железнодорожном узле Орша:

«27.07.43 г. 16-летний Геннадий Савицкий получил магнитную мину и задание подложить ее к составу с горючим. На следующий день он пробрался на станцию Орша и, узнав, что через два часа из Минска прибудет состав с горючим, привел мину к действию и пошел к выходной стрелке. Но поезд запоздал. Геннадий уже собирался бросить мину, как увидел идущий поезд. Не растерявшись, Савицкий прикрепил мину к цистерне с горючим. Взрыв произошел напротив вокзала. Сгорело 7 цистерн с горючим».

Добавим еще, что, как было установлено позже, впридачу к эшелону сгорел и продовольственный склад гитлеровцев.

За месяц было совершено 10 крупных диверсий на

железнодорожном узле Орша. Было от чего бесноваться ГФП и СД.

Чтобы отвлечь внимание фашистской контрразведки от оршанских подпольщиков, Максименко передал Федору Ковтуну, чтобы он шире использовал свое положение и подрывал эшелоны как можно дальше от Орши. Дело в том, что диверсионная группа Ковтуна состояла из солдат... охранной роты железнодорожного узла. Им, конечно, не составляло особого труда узнать, куда и с каким грузом следуют охраняемые ими эшелоны. И для операций они могли выбирать составы посолиднее — с техникой или боеприпасами. Особенно охотились они за эшелонами с горючим: огонь, возникавший при взрыве магнитной мины под цистерной, уничтожал весь эшелон и мгновенно перебрасывался на другие составы.

25 августа 1943 года Ковтуна назначили на охрану железнодорожного состава с боеприпасами, следовавшего из Орши в Рославль. Позже он писал:

«27 августа ночью я оставил пост и получил от Николаева (то есть Дмитрия Бохана.— *И. Б.*) через мать Лиды Графутко три магнитные мины. С ними охотился я за горючим, но на станции оно отсутствовало... На станции Самолюбовка в ночь на 30 августа, в 2 часа, я подложил магнитки в вагоны сопровождаемого мною эшелона (посредине и к концам). Первой пришла в действие средняя мина, от нее загорелись вагоны по обе стороны. Спавшая охрана в панике оставила станцию. Кое-кто бросился тушить пожар, но напрасно: взрыв мин и следующих вагонов отогнал всех на 2—3 километра от станции. Загорелся стоявший рядом эшелон...»

В результате этой диверсии были уничтожены здание станции, 54 вагона с боеприпасами и другими грузами, разрушены железнодорожные пути. На 7 дней прервалось движение на этом участке дороги. Но по-прежнему начальник партизанской разведки не оставлял без пристального внимания Оршу. По-прежнему ГФП продолжало докладывать своему руководству о диверсиях на станции и в городе.

«24.08.43 г. на станции Орша-Западная произошел взрыв трех цистерн с дизельным топливом,— говорилось в очередном донесении ГФП.— Огонь перебросился на рядом стоящие вагоны. Сгорели вагоны с моторами, платформы с автомашинами и другим имуществом».

Прошло несколько дней, и гитлеровцы вынуждены были докладывать начальству о небывалой по последствиям крупной диверсии.

А дело было так. По заданию Алексея Петровича подпольщики группы Дмитрия Бохана долго, несколько месяцев, искали подступы к нефтебазе, снабжавшей горючим многие соединения группы армий «Центр». Расположенная в лесу, вблизи мясокомбината, база тщательно охранялась. Ее огородили высоким забором из колючей проволоки, днем и ночью выставляли усиленные посты со сторожевыми собаками. И все же подпольщикам удалось установить связь с военнопленными, работавшими на этой базе, и передать им магнитные мины.

31 августа, ровно в 6 часов утра, огненный смерч охватил всю базу. Пожар, полыхавший несколько часов, был настолько сильным, что гитлеровцы даже не рискнули применить пожарные машины. Сгорели тысячи тонн бензина, погибли и получили ранения около 30 гитлеровцев.

В августе 1943 года Максименко присвоили звание подполковника, а в сентябре он принял радиограмму: за образцовое выполнение специального задания в тылу врага Алексей Петрович награждался орденом Красного Знамени.

Но особенно радовали Максименко сообщения с фронтов. Советские войска быстро продвигались на запад, освободили Харьков, Сумы, Брянск, Духовщину. А от Духовщины до Орши — рукой подать. Алексей Петрович гордился тем, что и он, и руководимые им разведчики и подрывники причастны к победам Красной Армии.

Как-то проведав, что вблизи города появился довоенный начальник оршанских чекистов, и увязав это с участившимися диверсиями на железнодорожном узле, гитлеровцы за поимку его назначили крупную награду. Чего они только не сулили за голову Алексея Петровича! И тысячи оккупационных марок, и десятки литров спирта, и даже имение.

И хотя Максименко не засиживался в штабе бригады, все время бывал в дороге, то в одном, то в другом месте часто встречался с разведчиками и связными, с местным населением, разжиться имением за «живого или мертвого» чекиста предателям не удалось.

А такие отщепенцы — в семье не без урода, позарившиеся на награду, все же нашлись.

Однажды группа подрывников во главе с В. П. Вольским вблизи деревни Утрилово Сенненского района, недалеко от расположения бригады, встретила неизвестного мужчину лет тридцати, который назвался Адамом Корзуном, бежавшим из плена. Он попросил партизан взять его с собой, дать возможность отомстить «проклятым немцам» за свои страдания. Одетый в рваную, грязную красноармейскую форму, Корзун все же не был похож на страдальца. Вызвало подозрение у подрывников и то, что Корзун бравировал своей ненавистью к немцам, был излишне щедр на обещания искупить кровью свой позор — плен.

Скрыв свои подозрения, группа взяла Корзуна с собой, для проверки. Но долго проверять его не пришлось.

— Брось ты, Федор, комедию ломать. Ты такой же Адам, как я Ева,— один из подрывников в новоявленном кандидате в партизаны узнал полицейского Друка.

На допросе незадачливый шпион-полицейский сознался, что направлен с заданием вступить в заслоновскую бригаду, втереться в доверие партизан и при малейшей возможности убить командира бригады Селицкого и его заместителя Максименко.

Долго и основательно гауптшарфюрер Альтман готовил к черному делу Ивана Прохоровича, жителя Сенненского района. Во время коллективизации Прохорович был раскулачен и выслан в Сибирь. Но вскоре бежал оттуда и устроился сторожем в одном из оршанских колхозов. В конце 1941 года вернулся в родную деревню. Тут же переписал свое бывшее имущество и отправился в комендатуру просить вернуть его. Гауптшарфюрер пообещал Прохоровичу вернуть все, что забрали у него большевики, но за это Иван должен «подружиться» с односельчанами, которые связаны с партизанами, а через них и с самими народными мстителями, особенно с их командирами, ничего не жалеть на их угощение (все это с лихвой вернут оккупанты). Прохорович без колебаний принял предложение Альтмана.

Частые отлучки Прохоровича из деревни, его поездки в Сенно, непомерный интерес к партизанам насторожили односельчан. О подозрительном поведении бывшего кулака доложили Максименко. И однажды, когда Прохорович возвращался из Сенно, его задержали. При

обыске нашли ворох бумаг: копии доноса Альтману и распоряжение гауптшарфюрера «о снятии с Прохоровича военного налога» и какой-то серый порошок, как позже установили — яд.

Уличенный своей же походной канцелярией, Прохорович не долго запирался.

Организация диверсий, разведывательная и контрразведывательная работа были не только служебными обязанностями А. П. Максименко, но и его призванием. Алексей Петрович постоянно искал людей, способных и готовых выполнить сложные, трудные, связанные с большим риском задания.

Однажды Максименко попросил Леонида Кондратьева составить списки оршанских полицейских, служащих в городской и районной управах.

— Таких списков в бригаде пока никто не вел, но у меня есть кое-какие данные на отдельных предателей,— ответил Леонид и, достав из полевой сумки тетрадку, протянул ее начальнику.

Алексей Петрович взял тетрадку. «Вартанян Виктор, заместитель начальника районной полиции,— читал Максименко.— Дембровский Лев Александрович, начальник разведывательного отдела районной полиции... Писарев Лаврентий Ефимович, 1901 года рождения, уроженец деревни Пекло Смоленской области. До войны работал учителем в Орше. С декабря 1941 года работает в жилищном отделе горуправы...

— Неужели я так ошибся в человеке? — резко взметнулись брови Алексея Петровича.

— Что, знакомую фамилию встретили в списке прокаженных? — высказал догадку Кондратьев.— Чью же?

— Не просто фамилию, а хорошо знакомого человека.

Алексей Петрович через связных попросил Исаченко и Бохана сообщить, что им известно о сотрудниках жилищного отдела горуправы: кто служит гитлеровцам всей душой, а кто из них остался советским человеком.

Дмитрий Бохан и Евгений Исаченко, назвав несколько чиновников жилищного отдела горуправы, упомянули и фамилию Писарева, но что характерно — суждения их об Алексее Петровиче совпали: несмотря на службу в горуправе, Писарев остался честным советским человеком. Более того, действуя осмотрительно,

он не раз оказывал помощь подпольщикам, передал им пишущую машинку.

Максименко решил встретиться с Писаревым.

Настороженно, словно ожидая упрека, смотрел на Алексея Петровича Писарев. Разговор был долгим, обстоятельным. В Оршу Лаврентий Ефимович вернулся окрыленным.

Дней через десять Писарев прислал списки людей, которых знал по службе у оккупантов. На каждого приложил краткую характеристику.

«Городской голова Николай Николаевич Зорин, старше 50 лет. По специальности геодезист,— читал Максименко.— До войны работал землемером. Перед немцами не пресмыкается, считает себя патриотом России. Человек не вредный и, несмотря на то, что награжден оккупантами медалью, может быть даже полезным».

— Но есть ли голова у городского головы, если он служит фашистам? — усомнился Алексей Петрович и стал читать дальше: «Заместитель головы Иван Никитич Крутиков, полный лакей, раб гитлеровцев. Личность без морали, без чувств и убеждений. Ему ничего не стоит предать и продать человека. Невероятный дурак, чем больше всего и опасен».

Максименко откинулся на спинку стула и прокомментировал прочитанное:

— Коротко и емко сказано. Вся суть предателя схвачена. А концовка какова? «Невероятный дурак, чем больше всего и опасен». Да, бодливой коровы бойся спереди, а дурака со всех сторон. А тут еще дурак вооруженный, заместителем головы служит в управе. Ну, что ж, и на него управу найдем.

Да, Максименко был мастером находить управу на предателей.

Усердно служили оккупантам начальник оршанской полиции Яхонтов, его заместитель Вартанян и начальник разведывательного отдела этой же полиции Дембровский. Руки предателей были обагрены кровью. Яхонтов лично участвовал в аресте и допросах подпольщиков из Копыси, садистски избивал их. Вартанян, бывший лейтенант Красной Армии, дошел до того, что расстрелял крестьянскую семью, приютившую и выходившую его, когда он вышел из окружения. Под стать им был и Дембровский.

По заданию Максименко с матерых предателей не сводили глаз Писарев, Исаченко и другие подпольщики. Они своевременно сообщили о предстоящей инспекционной поездке кровавой троицы в один из полицейских участков. На пути палачей, недалеко от Орши, устроили засаду. Она была настолько удачной, что полицейские чины, не успев даже схватиться за оружие, оказались пленниками партизан.

Во время следствия Вартанян, пытаясь разжалобить Максименко, часто плакал, говорил о тяжелейших, адских условиях, которые заставили его сменить фамилию Агаронин на Вартанян, имя Исаак на Виктор, пойти в полицию, просил поверить, что он собирался перейти к партизанам.

— А какие же «тяжелейшие» условия заставили вас расстрелять пять человек — всю семью советских патриотов, в которой вы проживали в первые месяцы оккупации? — спросил Алексей Петрович.

— И это вы знаете? — сразу сник Агаронин, поняв, что пощады не будет, но тут же попытался оправдаться: — Они знали меня как командира Красной Армии. Я опасался, что они могут выдать меня... Я обещаю...

Что собирался обещать предатель, Максименко не стал слушать.

Так Лаврентий Писарев, Евгений Исаченко, другие подпольщики помогли обезвредить предателей. Но контрразведчикам из ГФП и СД и в голову не приходило, что эти скромные и старательные служащие из управы приложили руку к загадочному исчезновению полицейских чинов. Ничего не подозревал и сам «городской голова». Более того, Зорин предложил Лаврентию Писареву повышение — стать его заместителем. Не дав сразу определенного ответа, Писарев через связных срочно послал запрос Максименко: как быть?

Должность заместителя начальника городской управы, безусловно, давала Писареву больше возможностей для работы разведчика, чем должность рядового сотрудника. И ответ ему дали четкий и однозначный: предложение «головы» надо принять.

Выполнил Писарев и другое задание Максименко — организовал и возглавил подпольную группу. Такие же группы в Орше создали Георгий Щербо, Григорий Бохан.

Расширилась и окрепла организация, которой руко-

11 Зак. 1823

водил Дмитрий Бохан. Разведчики «Неуловимых» действовали почти в каждой деревне Оршанского района. «Глаз людей Максименко» постоянно следил и за многими вражескими гарнизонами, расположенными в крупных населенных пунктах Сенненского, Чашникского, Толочинского и других районов области. Особенно высоко ценил Алексей Петрович смелого и находчивого подпольщика Дмитрия Тимофеевича Митькова, проживавшего в поселке торфозавода имени 1-го Мая Чашникского района. От него регулярно поступали достоверные сведения о гарнизонах противника в Чашниках, Коптиловичах, Больших и Малых Смолянцах, Ольшанке. К октябрю 1943 года Митьков создал подпольную группу из 16 человек. Члены группы, которых Митьков почему-то называл связными, проникали и в соседний Бешенковичский район.

Обстоятельностью отличались данные, получаемые от Николая Шевякова, Надежды Прокоповны Касьяновой, Михалины Александровны Анихимовской и Марии Сидоровны Мезавцовой, проживавших в Сенненском районе. Неутомимо и смело действовали подпольщики из деревни Вишковичи Чашникского района, особенно Анна Филипповна Ковшова и Карп Романович Сенько. Во многие гарнизоны пробирался наблюдательный Прокоп Васильевич Бульбочка, житель поселка торфозавода имени 1-го Мая. Деловитость и умение в разведывательной работе проявили Зинаида Петровна Данилевич и Ирина Никифоровна Кузьмина из деревни Гурино Бешенковичского района, Варвара Емельяновна Митанович из деревни Коковчино Богушевичского района и жительница деревни Рясно Толочинского района Анеля Михайловна Видмант и многие другие патриоты.

Помогали Максименко в основном женщины, юноши и старики — люди невоеннообязанные, как правило, не служившие в армии. Они не изучали топографию, не знали, как нанести обстановку на карту, правильно составить схему расположения вражеского объекта. Топографические знаки каждый из них изобретал свои.

На схемах подпольщика Петра Балашова, служившего инспектором торгового отдела районной управы, заштрихованные вертикальными линиями квадраты означали казармы, крестики — орудия, треугольники — бензохранилища, квадраты с точкой в центре — доты.

Схемы, составленные Матреной Кравченко, подпольщицей из деревни Овсище Сенненского района, были усыпаны рисунками, в миниатюре воспроизводящими различные предметы и объекты в гарнизоне противника: от капустных грядок вблизи дома коменданта до пулеметного гнезда на церковной колокольне.

Алексей Петрович и не пытался устранять этот топографический разнобой у своих бесстрашных и наблюдательных боевых соратников. Главное, чтобы разведывательные сведения были точными и полными. И научил, как это делать. К каждой схеме подпольщики, как правило, прилагали подробные пояснения, пояснительные записки, дополнения (и здесь был разнобой), в которых точно отмечалось расположение того или иного объекта противника, указывалось, сколько и каких солдат (новобранцев, фронтовиков, артиллеристов, пехотинцев) числилось в подразделении, чем они вооружены и как настроены. Все это с лихвой компенсировало бедность топографических познаний их авторов.

Короче говоря, составленные подпольщиками планы расположения гитлеровских гарнизонов и оборонительных сооружений были наглядными, отличались достоверностью. К тому же сведения, поступавшие от них, как правило, постоянно дополнялись и уточнялись, что давало возможность своевременно узнавать об изменениях обстановки в гарнизонах и на других объектах противника, выделять и по-новому оценивать значение того или иного фактора.

Безусловную ценность для командования Красной Армии представлял составленный Писаревым «Список полевых частей, находящихся на снабжении в оршанском гарнизоне». Главное в списке заключалось в том, что в нем были названы номера (свыше ста!) армейских частей, полицейских и других карательных формирований гитлеровцев, обеспечение которых шло через Оршу, и, следовательно, действовавших на этом участке фронта.

Однако Лаврентий Ефимович не сообщил данных о базах и складах, откуда шло снабжение этих полевых частей гитлеровцев.

Дополнил и конкретизировал сведения, полученные от Писарева, другой патриот — Григорий Бохан. «В Орше важным объектом,— сообщал Бохан,— следует считать крупнейший продовольственный склад,

обслуживающий весь оршанский прифронтовой участок... Склад занимает четыре здания... Ориентиром для бомбежки или артобстрела может служить заметно возвышающийся корпус элеватора, состоящий из пяти огромных труб и одного квадратного корпуса (см. схему)». А чуть позже он же переслал Максименко четыре схемы: местонахождения штаба одного из соединений фашистской армии, пересыльного фронтового пункта, полевой комендатуры и управы.

Продолжавший работать землеустроителем городской управы подпольщик Евгений Исаченко по «служебным делам» часто бывал в воинских частях, использовал любую возможность для посещения оборонительных сооружений гитлеровцев. Вначале он делал черновые наброски объектов противника, затем наносил их на карту. В таком виде они и поступали к Алексею Петровичу. Столь же квалифицированно, с указанием масштаба, привязкой объектов к местности, помогал оформлять подпольщикам схемы Леонид Кондратьев, окончивший железнодорожный техникум и хорошо знавший чертежное дело. Не было проблемой составить качественную схему и Писареву, географу по специальности.

Свыше 200 схем, карт, зарисовок, письменных сообщений об объектах противника, располагавшихся в Орше и районе, и поныне хранят архивы. Сейчас, спустя более сорока лет после войны, они стали страницами истории, достоверным свидетельством мужества и отваги, большого труда и смертельного риска разведчиков, подпольщиков, связных, настойчивой, целеустремленной работы их руководителя — Алексея Петровича Максименко.

Тогда же, в суровые дни войны, только поступившие, они незамедлительно передавались радистом Владимиром Вынаевым в Центр, наносились на штабные карты офицерами и генералами Красной Армии. Приведем несколько телеграмм Максименко в Центр.

«22.X.43 г. ...С правой стороны автомагистрали Москва — Минск на 229 км минное поле протяжением 1 км. За минным полем — противотанковый ров, перед рвом проволочные заграждения в три ряда, за рвом идут зигзагообразные траншеи глубиной полтора метра...

3.XI.43 г. ...Немцы строят линию обороны, начиная

от гадовичского леса... по обе стороны автомагистрали... на деревню Крапивное и дальше до местечка Копысь...

15.XI.43 г. ...В деревне Ферма... расположен штаб 159-й дивизии. Полки дивизии располагаются в деревнях около Орши...

16.XI.43 г. ...В районе деревни Заболотье... бывший ложный аэродром превращен в действующий. На нем базируются транспортные и разведывательные самолеты...»

Имея такие данные, достоверные и точные, о расположении важных объектов противника, советская авиация не раз подвергала их бомбардировке и при этом довольно меткой и эффективной.

Вот что писал Главный маршал авиации А. Е. Голованов, в годы войны командовавший авиацией дальнего действия: «В массированных налетах на Оршанский узел одновременно принимало участие от 180 до 230 самолетов... Удары по врагу в Орше были меткими потому, что летчикам помогали белорусские патриоты-подпольщики. Рискуя жизнью, они проникали на военные объекты гитлеровцев и сигналили с земли, указывали, куда сбросить бомбовый груз, чтобы нанести оккупантам как можно больший урон» *.

А дело было так. По поручению Алексея Петровича Дмитрий Бохан из самых смелых и находчивых подпольщиков подобрал группу сигнальщиков. Получив от Максименко заблаговременно сведения о дне и часе бомбардировки, храбрецы пробрались поближе к важным объектам противника и ракетами наводили наших пилотов на цели. А после бомбардировки сразу же доложили о ее результатах.

«В ночь на 11.10.43 г. в результате прямого попадания бомб на бензобазу, расположенную возле льнокомбината, возник большой пожар. База полностью уничтожена,— сообщал в Центр Максименко.— На восточную часть ст. Орша было сброшено несколько бомб. Уничтожен эшелон с боеприпасами».

Напуганные эффективными бомбардировками советской авиации, причинявшими огромный урон железнодорожному узлу и находившимся там эшелонам, гитлеровцы решили прибегнуть к новому маневру. Но об их

* Звязда, 1974, 13 июня.

уловке своевременно узнали подпольщики. «В связи с опасностью воздушного нападения на станцию Орша,— 6 октября 1943 года сообщал вездесущий Дмитрий Бохан,— бензоналивные составы и эшелоны с боеприпасами ночью не доходят до станции Орша, а останавливаются на подходах к Орше — на станциях Погост, Коханово, Можеевка...»

От разведчиков группы «Неуловимые» и партизанской бригады имени К. С. Заслонова поступали также сведения о больших потерях гитлеровцев на фронте, о формировании ими новых частей. «Из остатков разбитых на фронте 18-й, 20-й и 82-й танковых, 92-й и 192-й пехотных дивизий,— сообщал в Центр 20 ноября 1943 года Максименко,— в Орше сформирована 388-я дивизия. 4 ноября она выехала в Борисов...»

Хорошо сознавая, что буквально любой их шаг становится известным партизанам, а через них — командованию Красной Армии, гитлеровцы в каждом советском человеке видели подпольщика и разведчика. Они часто устраивали засады и облавы, поголовные, или, как говорили, тотальные, обыски прохожих, десятками и сотнями арестовывали жителей Орши и района.

Схватили фашисты и подпольщика Петра Балашова. Незадолго перед этим, пересылая Максименко схемы оборонительных сооружений гитлеровцев, расположенных вблизи деревень Высокое и Ларионовка, Балашов писал: «К следующему разу представлю карту всего заднепровья с расположением воинских частей и оборонительных сооружений...» гитлеровцев. Собирая данные для этой карты, Балашов побывал во многих деревнях. Документы инспектора управы пока надежно служили разведчику. Но в деревне Голошево фашисты задержали патриота и при обыске нашли наброски к карте. Эти документы красноречиво говорили, чем на самом деле занимается «инспектор». Разведчика подвергли жестоким, варварским пыткам: отрезали уши, выкололи глаза... Но Петр Минович мужественно принял смерть, ни словом не обмолвился о товарищах по борьбе.

Весть о гибели Петра Балашова острой болью полоснула по сердцу Алексея Петровича. Всем разведчикам, подпольщикам и связным был дан строгий наказ: неукоснительно соблюдать конспирацию, быть бдительными и осторожными.

В эти же дни Леонид Кондратьев передал Максименко письмо Дмитрия Бохана. «У меня очень мало магниток (9 штук),— писал руководитель подпольной группы.— Постарайтесь как можно побыстрее прислать их, как можно больше — они сейчас нужны как воздух... У меня такой план: в самое ближайшее время взорвать артиллерийские склады, на которых есть мои люди... После взрыва складов я еще остаюсь здесь...

У меня в звене... произошел провал — один... сам засыпался и засыпал других. Сейчас всех моих людей вместе с семьями нужно отправить в отряд. Сам я ухожу, если не попаду в руки...»

— Развернулся наш Дмитрий! — выждав, пока Алексей Петрович прочитает сообщение, с восхищением сказал Кондратьев.

— Планы хорошие, если бы не заковыка с провалом,— тяжело вздохнул Максименко.— Сообщение Бохана требует от нас неотложных действий. Надо незамедлительно послать в Оршу Веру Евсюкевич. Надо спасать Дмитрия и его группу, вывести их из города.

— Но у Бохана такие заманчивые планы! — Кондратьеву не хотелось, чтобы из-за ареста кого-то сорвались такие многообещающие диверсии.

— В одном из подпольных звеньев,— возразил Алексей Петрович,— произошел провал. Можем ли мы быть гарантированы, что кто-либо не покажет свою слабинку и ради спасения себя не бухнется перед эсэсовцами на колени: дескать, бес попутал, меня втянул в это дело Дмитрий? Нет, не можем. И Бохан это хорошо чувствует, раз пишет: «...если не попаду в руки...» Над человеком петля нависает, а ты предлагаешь мины ему послать,— Алексей Петрович выразительно посмотрел на Кондратьева.

— Риск, конечно, есть...

— Риск, говоришь? — перебил Максименко.— Разведчик всегда рискует. Его работу в стане врага можно сравнить с хождением по узкой и скользкой тропинке над пропастью. Но оставлять разведчика в логове врага, когда ему грозит явная опасность, это уже не риск.

В тот же день Вера Ивановна Евсюкевич отправилась в Оршу с наказом: немедленно вывести из города Дмитрия Бохана и его группу.

— Дмитрий, возможно, будет ссылаться на срочные дела, попытается уклониться от немедленного ухо-

да из города,— провожая Евсюкевич, говорил Алексей Петрович.— Ни в коем случае, Вера Ивановна, не позволяйте ему вдаваться в подобные рассуждения. Решительно и требовательно скажите, что это приказ и притом строгий.

Через два дня Алексей Петрович горячо, как родного сына, встречал Дмитрия Бохана *.

Своевременно предупрежденные Верой Евсюкевич и своим руководителем, перешли на нелегальное положение, а затем влились в партизанские отряды многие члены бохановской группы. Преемником Бохана в Орше стал Георгий Щербо.

А между тем росли ряды разведчиков «Неуловимых», продолжала расширяться география их деятельности.

Однажды хмурым ноябрьским утром Кондратьев доложил Максименко: гитлеровцы проводят мобилизацию местного населения для строительства оборонительных сооружений.

— Интересно, интересно,— как-то неопределенно отреагировал Алексей Петрович и вдруг спросил: — И что же вы прикажете нам делать?

Леонид Кондратьев быстро понял причину, которая побудила его командира перейти на официальный тон. Алексей Петрович требовал от своих подчиненных, чтобы они не ограничивались фиксацией событий.

— То, что прошло, не вернешь и не переделаешь,— говорил он не раз.— А вот пораскинуть умом над тем, почему такое случилось, и подумать о завтрашнем дне мы обязаны.

— Я считаю, что надо разъяснить населению коварную затею фашистов и посоветовать ему уходить в леса,— ответил Кондратьев.

— Правильно. Но ведь в лес все уйти не смогут. Фашистам, конечно, удастся захватить сотню-другую людей. А нельзя ли сделать так, чтобы и нам от этого пользу получить?

— Понял вас. Надо с землекопами послать своего человека.

— Это дило, как говорят украинцы,— согласился Максименко.

* В феврале 1944 г. Д. Н. Бохан погиб. В мае 1985 г. его имя присвоено комсомольской организации 6-й средней школы города Орши.

Добровольца на опасное задание помог найти комиссар одного из отрядов бригады. Выбор пал на Николая Захаровича Колосовского, жителя деревни Рубашино Оршанского района.

— Раз надо для Родины, я согласен,— после недолгих раздумий ответил Николай и заверил: — Колосовский не подведет...

Прошел ровно месяц. 15 декабря 1943 года Колосовский через связных передал: вернулся благополучно, не с пустыми руками.

На следующий день Максименко встретился с ним. Худой до невозможности, густо обросший седой щетиной, постаревший на десяток лет, Николай был бодр, лицо его светилось радостью. Максименко спросил:

— Видать, не легко было, Николай Захарович?

Он спокойно ответил:

— Не то слово, товарищ командир. Был настоящий ад. Работали по четырнадцать часов в сутки, все время на морозе, а питание — двести граммов хлеба из отрубей и три консервных банки баланды... Можно было бежать и раньше, но я мало чего знал. А сейчас есть о чем доложить. Это главное! А что худой — не беда. На живой кости мясо нарастет.

Колосовский работал на возведении первой линии обороны вдоль реки Лучеса на участке Бабиновичи — Осипово.

— Роют окопы следующим образом,— рассказывал Николай.— Выкапывают котлован глубиной в три метра, опускают туда сруб, а сверху кладут накат из бревен, скрепленный толстыми металлическими скобами. Накат засыпают слоем земли толщиной 30 сантиметров. Затем кладут второй накат, опять засыпают таким же слоем земли. Потом третий, последний, сверху насыпают до метра земли.

Сообщил Николай Колосовский и данные о второй линии обороны: дзоты там возводят в один накат из бревен, но засыпают их двухметровым слоем земли.

Максименко крепко пожал руку патриоту.

— Я там до конца убедился,— закончил свой рассказ Николай Захарович,— что песенка фашистов спета: уж чересчур они боятся наших. От одного слова «катюша» их в дрожь бросает. Раз ударила эта самая «катюша» по соседнему участку, так все фашисты, как

очумелые, бросились кто куда, совсем забыли про нас. А я себе намотал на ус: в другой раз, когда «катюша» лишит их рассудка, надо бежать.

Слушая рассказ Колосовского, Максименко тут же решил: «Николай добыл важные сведения для Красной Армии. Нужно их срочно дополнить, уточнить и передать по радио в Центр, а затем, со схемой — через нарочного». Недели через две схема расположения траншей, дзотов, складов, артиллерийских батарей противника на участке от деревни Бабиновичи до деревни Рудаки была готова. В обстоятельной пояснительной записке к схеме, в частности, указывалось:

«Тяжелая артиллерия установлена:

1. На соединении дорог из дер. Лапицкие с дорогой Бабиновичи — Орехи.

2. Между дер. Бель и лесом (300 метров от деревни).

3. Между дер. Степаненки и лесом (первые дома деревни)...»

В записке приводились не только координаты важных объектов противника, данные об их численности и системе охраны, но и указывались наиболее подходящие, то есть менее опасные подступы к ним.

«...На кладбище деревни Вишин расположена зенитная батарея. Зенитная батарея установлена также среди леса, на берегу Ордышева озера. Там же — крупный склад снарядов».

А дальше следовал совет:

«Подход к складу возможен из лесу... Сигнализацией ракетами удобно и вполне возможно руководить артиллерийской и минометной стрельбой по батарее и складу противника. Высадка десанта среди леса около бараков вполне возможна...»

Такие же подробные и достоверные данные добыли разведчики «Неуловимых» и о других участках обороны противника в районе Орши. Все эти сведения, как говорят военные специалисты, были оперативно нанесены на карты и схемы. Особенно пришлось над этим поработать Леониду Кондратьеву, Евгению Исаченко и Лаврентию Писареву.

В декабре 1943 года Центр дал указание Максименко: нарочным доставить в Москву подготовленные карты и схемы. Через несколько дней туда вылетел «Со-

кол» — радист Владимир Вынаев *. Специального гонца группы, а вернее — объемистый пакет с важными документами об обороне противника в районе Орши, который он вез,— охраняли два автоматчика.

Центр высоко оценил деятельность Максименко. Новый 1944 год Алексей Петрович встречал кавалером ордена Красной Звезды, а через несколько месяцев его наградили орденом Кутузова 2-й степени.

В марте 1944 года, за три месяца до операции «Багратион», в ходе которой войсками Красной Армии была освобождена и Орша, Максименко отозвали на Большую землю. Но добытые им сведения об обороне гитлеровцев весьма пригодились для наших наступавших частей.

Позднее, уже после войны, известный советский военачальник К. Н. Галицкий, бывший командующий 11-й гвардейской армией, которая освобождала Оршу, с благодарностью вспомнит патриотов, сделавших обстоятельную карту оборонительных сооружений гитлеровцев на подступах к городу.

В послевоенные годы полковник Алексей Петрович Максименко продолжал службу в органах госбезопасности Белоруссии. Он избирался членом бюро Минского обкома партии, депутатом Верховного Совета республики. Грудь ветерана украшали орден Ленина, три ордена Красного Знамени, Кутузова, два ордена Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, многие медали. Он был награжден знаком «Заслуженный работник НКВД».

В 1959 году Алексея Петровича не стало. Но народная память о нем жива. В Орше есть улица А. Максименко. Многие пионерские отряды и дружины борются за честь носить имя старейшего чекиста.

Илья БОРИСОВ

---

* Полковник В. И. Вынаев продолжает служить в органах госбезопасности Белоруссии.

Не имеем права забыть

Мартовским утром 1943 года исчезла с лица земли тихая и приветливая белорусская деревня Хатынь, живыми сгорели и ее жители. 26 хат полыхали тогда в огне. Но самым страшным пожарищем был сарай: здесь, согнанные карателями, задыхались в дыму, умирали в страшных муках хатынцы: старики, женщины, дети.

Сейчас на месте хат — обугленные срубы. У каждого сруба стоит труба — стела с почерневшей от времени табличкой, где указаны имена тех, кто жил в этом доме и кого фашистские изверги живыми бросили в огонь. 149 человек, в том числе 76 детей. Еще указан возраст каждого. Для всех них последним днем жизни стало 22 марта 1943 года.

Много лет прошло с того страшного дня. Хатынь так и не возродилась: некому было возвращаться к обгоревшим липам и яблоням, некому было налаживать здесь жизнь, петь песни, растить детей... Но Хатынь не забыта. 26 колоколов день и ночь издают траурный звон над сгоревшей деревней. Над каждым срубом — скорбный удар колокола. И кажется иногда, что это отзвуки последних ударов тех, сгоревших, сердец, и кажется, что это предсмертный стон, прорвавшийся к нам через годы.

Пройдут годы, десятилетия, но память наша непреходяща. И то, что случилось в Хатыни, в сотнях других белорусских деревень, мы не забудем. Не имеем права!

Давно я собираю материалы о зверствах гитлеровцев в Белоруссии. Большую работу в этом направлении ведут сотрудники Комитета государственной безопасности БССР. В результате многолетних кропотливых поисков они установили множество фактов злодеяний, совершенных на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории республики карателями особого батальона СС под командованием

Дирлевангера. Не одна Хатынь на совести этих убийц. Я хочу рассказать о чудовищных зверствах карателей. Говорить об этом нелегко, но необходимо. Потому что это не только память и боль наша. Белорусская Хатынь — это и суровое предупреждение тем, кто забыл уроки второй мировой войны, кто вновь бряцает оружием. Хатынь будит человеческую совесть. «Пусть этот трагический памятник бесчеловечности служит предупреждением будущим поколениям»,— записала в книге отзывов Хатынского мемориала делегация ООН.

С момента вторжения на территорию СССР в соответствии с детально разработанными планами гитлеровцы стали разрушать города и села, фабрики и заводы, грабить и варварски уничтожать национальные святыни и культурные учреждения, музеи. Начался массовый угон советских граждан на подневольную работу в Германию, а также физическое истребление населения, особенно русских, белорусов, украинцев. Повсеместно истреблялись евреи.

Эти преступные действия проводились германскими войсками по прямым приказам правительства, генерального штаба и высшего командования вооруженных сил. Гитлеровские солдаты носили с собой памятки, в которых говорилось: «У тебя нет сердца, нервов, на войне они не нужны... Убивай каждого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик, девочка или мальчик,— убивай...»

И оккупанты старались вовсю. В дневнике убитого Эмиля Гольца, члена национал-социалистской партии, нашли такую запись: «28 июня. На рассвете мы приехали в Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь, слезы и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки...»

А вот приложение к совершенно секретному приказу № 1615/42 от 24 декабря 1942 года. В нем сказано: «Фюрер приказал: ... войска правомочны и обязаны безо всяких ограничений использовать в этой борьбе любые средства, в том числе против женщин и детей, лишь бы это привело к успеху. Ни один немец не должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности или военно-полевому суду за свои действия в борь-

бе против партизан и их сообщников». Подписано Кейтелем.

Главная роль в уничтожении советских людей отводилась специально созданным на захваченной территории нашей страны так называемым карательным полицейским органам и войсковым формированиям нацистской организации СС. На территории Белоруссии действовало особое террористическое эсэсовское формирование, отличавшееся крайней жестокостью и изуверством. Командовал им штурмбаннфюрер СС Оскар Пауль Дирлевангер. Кто он, этот ярый нацист и лютый палач?

Родился в Вюрцбурге в 1895 году. Окончил университет, некоторое время занимался коммерческой деятельностью. В 1932 году вступил в фашистскую партию. В 1934 году был приговорен к двум годам каторжной тюрьмы за изнасилование. Для того, чтобы «реабилитировать» себя, в 1937 году отправился в Испанию, где в легионе «Кондор» «подтвердил свой солдатский долг». В войска СС зачислен в 1940 году.

После вероломного нападения Германии на нашу страну Дирлевангер лично обратился к Гитлеру с предложением организовать особое эсэсовское формирование из уголовных преступников для проведения карательных акций против населения оккупированных стран. Гитлер принял предложение. Дирлевангер, как и рассчитывал, стал командовать этими убийцами. Некоторое время он служил в эсэсовском полку «Мертвая голова». В феврале 1942 года прибыл со своими головорезами в Могилев. Здесь и начался кровавый путь палача, окончившийся в 1944 году на территории Словакии.

С помощью подобных формирований гитлеровцы осуществляли свой чудовищный план массового истребления мирного советского населения. Это подтвердил на допросе в Нюрнберге Бах-Зелевски, бывший начальник штаба всех боевых подразделений по борьбе с партизанами при рейхсфюрере СС.

Покровский, советский обвинитель на Нюрнбергском процессе, спросил:

«Знаете ли вы что-нибудь о существовании особой бригады, которая была сформирована из контрабандистов, отъявленных воров и отпущенных на свободу фашистов?

Бах-Зелевски: В конце 1941 — начале 1942 года для

борьбы с партизанами в тыловой группе «Центр» был выделен батальон под командованием Дирлевангера. Он состоял в основном из преступников, имеющих судимость, официально из так называемых воров, но при этом они были настоящими уголовными преступниками, которых осудили за кражу со взломом, убийства и т. д.

Покровский: Чем вы объясняете то, что немецкое командование тыла с такой готовностью увеличивало численность своих частей за счет преступников?

Бах-Зелевски: На мой взгляд, здесь есть прямая связь с речью Генриха Гиммлера в Вевельсбурге в начале 1941 года перед русской кампанией, где он говорил о том, что целью русской кампании является расстреливать каждого десятого из славянского населения, чтобы уменьшить их количество на 30 миллионов. Для опыта и были созданы такие низкопробные части, которые фактически были предназначены для исполнения этого замысла.

Покровский: Вы сказали, что борьба против партизанского движения была предлогом для истребления славянского и еврейского населения.

Бах-Зелевски: Да.»

Еще до прибытия в Белоруссию на совести Дирлевангера были сотни ни в чем не повинных жертв. Он заранее отрабатывал свои изуверские методы расправы с мирным населением. Среди материалов по делу Дирлевангера есть копия его письма некоему Фридриху, написанного 20 марта 1942 года в Могилеве. Вот выдержка из этого документа: «То, что я отравил 57 евреев через врача СС из Люблина, вместо того чтобы расстрелять их, является правдой. Я сделал это, чтобы сохранить одежду (обувь и т. д.), которую я отдал гауптштурмфюреру СС Штрайбелю для его каторжников. Золотые зубы мертвых евреев во время этой операции были вырваны заведующим амбулаторией начальником СС и полиции Люблина».

Гитлеровцы быстро продвигали этого изверга по служебной лестнице. В 1941 году он — штурмбаннфюрер СС, через полтора года — оберштурмбаннфюрер. В 1944 году ему было присвоено два звания: штандартенфюрера и оберфюрера (генерала) СС.

Вот кому гитлеровцы отдали на растерзание белорусские деревни. Убийца с университетским образова-

нием, доктор общественно-политических наук, христианского вероисповедания. Длинный и тощий, с пронзительными голубыми глазами...

Особая команда Дирлевангера состояла из нескольких немецких рот. Одной из них командовал Август Барчке, не уступавший в жестокости своему командиру,— фольксдойч, начальник районной полиции в белорусском городе Кличев. Была еще рота отъявленного бандеровца Мельниченко, настоящего зверя, которого побаивались даже сами каратели. Батальон Дирлевангера участвовал в десятках карательных операций. Еще до 22 марта 1943 года трагическая участь постигла более 100 деревень и поселков, десятки тысяч человек. На оккупированной территории Белоруссии действовало много спецбатальонов. Но этот батальон оставил после себя особенно страшные следы в Минской, Могилевской, Витебской и других областях.

Кровавые следы

Из всех уничтоженных гитлеровцами в Белоруссии вместе с жителями деревень самой большой была Борки Кировского района Могилевской области. За один день, 15 июня 1942 года, каратели Дирлевангера убили здесь и сожгли живыми 1843 человека. Через несколько лет после войны, на судебном процессе, один из карателей вспомнил, как Дирлевангер и Барчке допрашивали людей, издевались над ними, а затем жгли живыми, расстреливали. Детей убивали на глазах у родителей, родителей — на глазах у детей. Трупы сваливали в большие картофельные ямы (были там и еще живые люди) и засыпали землей.

Житель этой деревни Максим Козловский в своем рассказе приводил страшные детали кровавого преступления карателей: «Эсэсовцы всех нас согнали в одно место, потом приказали заходить в дом по восемь человек и начали расстреливать. Я с женой попал в один дом, а мои дети — в другой. Жена лесничего с грудным ребенком так просила не убивать их. Тогда каратель вырвал у нее ребенка и ударил головой об угол дома, а ее застрелил. У меня на глазах убили двух моих сыновей, а с третьим сыном я бросился убегать. Мы вбежали в дом, но там нас обнаружили каратели, выстрелили в меня, ранили в спину. Я побежал к лесу, попал в

засаду, по мне стреляли, но удалось бежать. Сына моего в деревне одна женщина с двумя другими детьми спрятала под полом. Ребенок заплакал, немец выстрелил, убил одного мальчика, затем подожгли этот дом».

Ровно через неделю каратели нагрянули в деревню Збышин того же района и жестоко расправились с женщинами, детьми, стариками. Потом сели в машину и уехали. На Збышин налетели гитлеровские самолеты, чтобы довершить черное дело.

Дирлевангер добивался, чтобы во время расправ из деревень не уходил ни один человек — такое было предписание германского командования. И всегда перед началом операции каратели оцепляли деревни. Но все-таки кое-кто из жителей чудом спасался. История будто позаботилась о свидетелях диких злодеяний гитлеровцев на нашей земле. И в Збышине случайно спаслись два человека.

Даниил Воробьев рассказал: «Каратели собрали все население якобы на собрание, разделили на две группы, отдельно мужчин, отдельно женщин и детей. Мужчин загнали в сарай Нестера Левончика, а женщин и детей в дом Ивана Скирмонта. Затем дом и сарай подожгли, стали стрелять и бросать гранаты. Я спрятался недалеко от дома во ржи и все это видел».

Николай Ходосевич (он горел вместе со всеми в сарае) поведал: «Я выбежал из сарая, ибо уже задыхался и не мог выдержать дикой боли. Меня ранили. Возле меня лежали мой убитый брат и старик. Каратели взяли этого старика и бросили в огонь, так как он был еще жив. Меня они приняли за мертвого».

Статистике зверств, учиненных в Белоруссии батальоном Дирлевангера, отказывается верить разум. А постигнешь сердцем — сердце кровью обливается. Но об этом необходимо говорить. Чтобы знали все. Забыть такое невозможно никогда.

Назову лишь некоторые деревни, где каратели оставили свои страшные следы. Деревня Студенка Быховского района — уничтожено свыше 500 человек. Деревня Узнаж Толочинского района — 360 человек. В деревне Ухвала этого же района каратели расстреляли 150 человек и трупы их побросали в колодцы. В деревне Дубовручье Червенского района всех жителей — 240 человек — согнали в два сарая, часть расстреляли, а часть сожгли живыми. В деревне Боро-

вино Березинского района уничтожили около 300 человек, в большинстве женщин и детей. От гибели спаслась лишь одна Зинаида Сахончик, она выползла из горящего сарая.

В феврале 1943 года гитлеровцы проводили в Белоруссии крупную карательную экспедицию под условным названием «Хорнунг» — на территории Старобинского и других районов Полесья. Они сосредоточили здесь крупные силы, в том числе эсэсовский батальон Дирлевангера. О том, насколько были чудовищны злодеяния эсэсовцев во время этой экспедиции, видно из приказа Дирлевангера от 15 февраля 1943 года. В приказе предписывалось:

«Батальон прочесывает боевую полосу в северном направлении еще раз с 15 по 17.II до линии Старобин — Поварчицы. При этом будет разрушено все, что может предоставить кров и защиту. Территория становится ничейной землей. Все жители расстреливаются. Скот, зерно и другие продукты вывозятся и доставляются в Старобин. В частности, следует вывозить лен. Стога сена, если они не нужны для кормления угоняемого скота, сжигаются».

Этот дикий приказ выполнялся неукоснительно, с немецкой пунктуальностью. 15 февраля произошла такая же расправа на Копацевичской МТС над рабочими, служащими и их семьями. 70 человек загнали в постройку и расстреляли. Имущество разграбили. Дома с трупами убитых и другие постройки сожгли. На хуторе Лесная расстреляли 30 женщин и детей, скрывавшихся от карателей. 16 февраля зверствовали в деревнях Старые и Новые Величковичи, Копацевичи. Там пало от рук палачей 779 человек. В тот же день было истреблено 170 жителей в деревне Заглинное. И это только за два дня, только в одном Старобинском районе!

Палач Дирлевангер, страшась возмездия, старательно уничтожал улики злодеяний, совершенных на белорусской земле. Много лет сотрудники Комитета государственной безопасности БССР искали документы о расправах над мирными жителями. После длительной кропотливой работы обнаружили эсэсовские документы, дополняющие картину страшной трагедии Хатыни.

Вот приказ о проведении операции под названием

«Дирлевангер», во время которой была уничтожена Хатынь.

«Документ № 1

г. Минск, 2 марта 1943 г.

Начальник охранной полиции и СД Белоруссии

Приказ о проведении операции «Дирлевангер»

В районе Логойска, а также в районе между Логойском и Смолевичами располагаются большие и малые партизанские отряды, которые находятся частично в лесах, частично в прилегающих деревнях. Эти отряды активно действуют, устраивая взрывы на железной дороге восточнее Минска, а также организуют налеты на шоссейные дороги. Для уничтожения банд в Логойск направляется батальон Дирлевангера. Этому батальону придается команда СД под руководством гауптштурмфюрера СС Вильке.

Штраух,

оберштурмбаннфюрер СС»

Вот еще один характерный документ — записи эсэсовского офицера, участвовавшего в той операции:

«8.3.43 — после обеда спал. Допросы. Вечером играл с попом. 11.3.43 — после обеда отдыхал. Вечером в гости к доктору Мюллеру. 13.3.43 — погода хорошая, солнце. Поют первые жаворонки. 15.00 — к штурмбаннфюреру Дирлевангеру. В 21.00 — вернулись при полыхающем зареве. 14.3.43 — воскресенье. 5.00 — операция батальона против жителей деревень Ляды, Прилепы и Дуброва. В 16.00 вернулись в Логойск».

Деревни Ляды, Прилепы, Дуброва недалеко от Хатыни. Судя по записям эсэсовца, операция в этих деревнях проводилась 14 марта с 5 часов утра до 4 вечера. Всего в Логойском районе было разрушено более 140 деревень, вместе с жителями сожжено — 16. Вот чем занимался на досуге «любитель жаворонков».

Хатынь сожгли через неделю.

Из того ада вышли живыми лишь несколько человек.

В материалах «Колокола Хатыни» и «Горевший в Хатыни» («Известия», 22.09.1981 и 29.07.1982) приводились подробные рассказы этих хатынцев — Иосифа Иосифовича Каминского, Владимира Антоновича Яскевича, Виктора Андреевича Желобковича. Иосиф Иосифович Каминский умер в 1973 году. Но он не ушел из родной деревни. Его прообраз навсегда остался здесь

в скульптуре мемориала «Непокоренный». Он стоит и держит на руках убитого сына. Грозный и гневный. Непокоренный! Никогда и никем!

Саше Желобковичу шел тогда двенадцатый год, Антону Барановскому — одиннадцатый. Родной сестре В. Яскевича Соне было всего лишь восемь лет. Две девушки из Хатыни — Таня Карабан и Соня Климкович — в то страшное утро были в соседней деревне Середняя у родственников, потому и остались живы.

Антон Барановский во время судебного процесса над карателями Дирлевангера, проходившего в Минске, вспоминал о том мартовском дне в Хатыни:

— В наш дом ворвались три или четыре фашиста. Приказали выходить из дома. Погнали нас к сараю Каминского. Около сарая я увидел своего отца, к нему жались восемь моих братиков и сестричек в возрасте от годика до 14 лет. Мать каратели пригнали вместе со мной. Фашисты прикладами заставляли людей становиться на колени. Затем нас всех загнали в сарай. Озверелые палачи заперли ворота сарая и подожгли его. Люди в отчаянии бросились к воротам. Плачем и стонами наполнился сарай. Люди сорвали ворота и выбежали из сарая. Я тоже бросился бежать. Но метрах в сорока мне прострелили левую ногу разрывной пулей, и я упал. Лежал, истекая кровью, и еще долго слышал крики и стоны людей, горевших в сарае. Так я пролежал оставшийся день и всю ночь...

Соня Яскевич ночевала в ту ночь у своей тети — Анны Сидоровны.

— Каратели ворвались в хату,— вспоминает Софья Антоновна.— Тетю тут же, на моих глазах, убили. Меня вытолкнули на улицу, показывают в сторону сарая Каминского, дескать, иди туда. «Шнель, шнель!» — кричат и в плечи прикладом. Я еле удержалась на ногах. Побежала от дома. Каратели вернулись в тетин дом грабить, а я одна осталась, и не к сараю, а бегом в сторону поля. Долго бежала. После слышу, стреляют по мне, пули засвистели...

В свете пожарищ, в свисте пуль 22 марта 1943 года погибла деревня Хатынь. Погибла, чтобы жить в нашей памяти вечно, чтобы вечно будить человеческую совесть.

Хатынь была лишь одной огненной вехой на кровавом пути гитлеровских изуверов. И после 22 марта они

продолжали зверствовать на белорусской земле. Вот лишь некоторые наиболее крупные карательные экспедиции, в которых принимал участие батальон смерти Дирлевангера. В мае — июне 1943 года в районе озера Палик состоялась операция под условным названием «Котбус». Изощренный фашистский палач во время этой операции, казалось, превзошел самого себя. Вот распоряжение, подписанное им 25 мая 1943 года: «Заграждения на дорогах и искусственно создаваемые препятствия, как правило, заминированы... Поэтому в принципе: заграждения самим никогда не устранять, а использовать все время для этого лиц из числа местного населения».

«Примененный батальоном Дирлевангера способ обнаружения мин оправдал себя»,— заключает фон Готтберг в боевом донесении об операции «Котбус» 28 июня 1943 года (фон Готтберг заменил вскоре уничтоженного советскими патриотами палача Белоруссии гауляйтера Кубе).

Возмездие неотвратимо

В июле — августе 1943 года состоялась очередная крупная карательная экспедиция, условно именуемая «Герман», в зоне Налибокско-Ивенецкой пущи. Она также не обошлась без участия батальона Дирлевангера. Среди многочисленных донесений о диких злодеяниях батальона во время этой экспедиции есть сообщение одного из главарей белорусских националистов Кушеля:

«Во второй половине июля с. г. немецкие отряды СС проводили очистку от партизан территории Воложинского района. При этом жители деревень Першайской волости: Доры, Дубовцы, Мишаны, Довгулевщина, Лапицы, Среднее Село, Романовцы, Нелюбы, Полубовцы и Мокричевщина — живыми сожжены вместе с постройками.

Отряды СС никакого следствия не проводили, только загоняли жителей, преимущественно стариков, женщин и детей, в отдельные постройки, которые затем поджигали. В Дорах жители были согнаны в церковь и вместе с церковью сожжены».

А ведь на пряжках ремней гитлеровских солдат

было выбито: «С нами бог!» В церкви погибло тогда свыше ста человек.

Вот что рассказал на процессе 1961 года один из карателей:

— В деревню Доры мы приехали вечером. Переночевали, а утром раздался удар колокола в церкви. Это послужило началом сбора. Все население было согнано в церковь и еще в один дом. Я стоял возле крыльца церкви. Когда люди там были собраны, немцы бросили в церковь несколько гранат, прострочили из пулемета и автоматов, облили стены какой-то жидкостью и подожгли.

Можно еще и еще рассказывать о зверствах, учиненных особым батальоном Дирлевангера на белорусской земле. Старания этого палача были достойным образом отмечены. В декабре 1943 года по представлению того же фон Готтберга и начальника соединений по борьбе с партизанами фон Баха-Зелевского Гитлер наградил Дирлевангера немецким золотым крестом, а особый батальон был преобразован в штурмбригаду. В 1944 году эта штурмбригада выросла до дивизии. Дирлевангер со своими головорезами «гулял» по Варшаве, уничтожал восставших варшавян, жег этот прекрасный город. Оставили свой кровавый след каратели Дирлевангера и во многих словацких деревнях.

Все, кто посещает Хатынь, спрашивают: какую же кару понесли каратели за свои чудовищные преступления? Этот вопрос был и в письмах читателей «Известий», откликнувшихся на опубликованные в газете материалы о Хатыни.

— После войны в Белоруссии было много судебных процессов над военными преступниками,— рассказывают сотрудники КГБ БССР,— их настигло неотвратимое возмездие. Те, кто принимал участие в массовых расстрелах советских людей, понесли заслуженную кару. Только по батальону Дирлевангера состоялось шесть процессов.

Нелегко было отыскать изменников Родины, сотрудничавших с Дирлевангером, установить и расследовать их злодеяния. После войны они затаились кто как мог. Чекисты Белоруссии выезжали в сотни деревень, выявляли очевидцев преступлений, учиненных карателями, подробно беседовали с ними, осматривали и изучали места злодеяний. Было изучено большое количество

документов государственных архивов СССР, в том числе и трофейных. Непростая, нелегкая работа, особенно с психологической точки зрения. Но необходимая. Необходимая для того, чтобы преступники именем закона получили по заслугам. И они получили сполна. Возмездие за совершенные злодеяния наступает рано или поздно.

Работая над очерками о трагедии Хатыни и других белорусских деревень, я встречался и беседовал с человеком, который в составе группы сотрудников КГБ вел следствие по делу карателей из батальона Дирлевангера. Это — чекист Михаил Никитич Добрусев, прослуживший много лет в органах государственной безопасности. Товарищи по совместной работе знали его как человека, обладающего высокими профессиональными навыками и опытом, кристально чистого по своему характеру, беспредельно преданного Родине, непримиримого к врагам, удивительно доброго и чуткого к хорошим людям. Тогда, в 1960 году, Добрусева срочно отозвали из командировки и сказали:

— Михаил Никитич, предстоит очень сложная и ответственная работа. Вы включены в группу по делу бывшего карателя Тупиги. Начинайте сейчас же.

— Я вел самых матерых карателей Сахно и Стопченко,— рассказывает Михаил Никитич.— Понял сразу: с ними будет нелегко. Но ведь я, мои друзья по совместной службе действовали от имени живыми сгоревших хатынцев, от имени тысяч убитых и замученных нацистскими палачами и их пособниками. Так действовать чекистам предписывал долг. И огромная, многотрудная работа, которую мы начинали, преследовала одну главную цель — восстановить истину, изобличить преступников, чтобы воздать им должное за их зверства по закону, показать всему миру, что творили на нашей земле гитлеровские изуверы, и в Белоруссии в том числе.

Долгое время работы в архивах. Чекисты надеялись обнаружить там немецкие документы, которые пролили бы свет на карательную деятельность батальона Дирлевангера. И не ошиблись: нашли несколько приказов самого Дирлевангера. К тому же почти во всех гитлеровских документах по крупным карательным операциям против партизан и мирного населения Бе-

лоруссии также фигурировала фамилия этого палача. Да, он вершил самые страшные дела во время этих акций. Деревни и поселки Логойского, Плещеницкого, Смолевичского районов... Там каратели, в том числе Сахно и Стопченко, расстреливали мирных, ни в чем не повинных людей, жгли их живыми. Вот цифры в документах — гитлеровцы были очень педантичны: все учтено, подсчитано, обобщено. Сколько сожжено в той или иной деревне домов. Сколько расстреляно человек. Сколько израсходовано патронов...

— Помню,— продолжал Добрусев,— предъявил сначала Стопченко, а затем и Сахно во время следствия эти документы. Они были просто ошеломлены. Поняли: у чекистов неопровержимые доказательства их преступлений. А сколько прошло по этому делу свидетелей! Была создана специальная группа чекистов, они поехали по тем деревням, где зверствовали каратели. Ходили от хаты к хате, разыскивали тех людей, кто чудом уцелел, просили все, до мельчайших подробностей вспомнить, рассказать. Внимательно выслушали их, подробно записали каждый факт преступления карателей. А очевидцы, скажу вам, помнили очень много. Да разве такое уходит из памяти, из сердца нашего?! Забыть это мы не имеем права. И вот как только тот же Стопченко начинал хитрить, уходить от ответа — я предъявлял ему эти показания очевидцев, этот крик их души.

А показания такие, что кровь стынет в жилах. И все равно преступники до конца не раскрывались. У того же Стопченко была очень хорошая, я бы даже сказал, цепкая память. И то часто случалось: заладит одно — не помню, и все. Вот, говорит, если бы я побывал сейчас в той деревне, на том самом месте, где расстреливали людей, о которых спрашиваете, тогда бы и вспомнил. Говорил так, ибо был уверен, что никто его в те деревни не повезет...

— И что же? — спрашиваю у Добрусева.

— А мы решили очень просто. Сказали Стопченко: «Ну хорошо, если вы говорите, что многое вспомните непосредственно на местах, где расстреливали людей,— поедем туда». Он сразу и сник. Понял, что не прошел номер. Повезли его в Логойский район. И тут мы еще раз убедились, насколько хорошая память у Стопченко. Те деревни, в которых каратели особенно зверство-

вали, где уничтожили много людей, старался обойти. Значит, все помнил предатель. И знал, что придется сполна ответить за свои преступления, потому и всячески изворачивался. Так мы и работали. Когда наконец следствие закончилось, у меня нервы были на пределе. Представьте себе: каждый день слышать о диких зверствах и видеть перед собой тех, кто эти зверства чинил, беседовать с ними, выслушивать их. Как это непросто. Но нам, чекистам, это дело поручила Родина. И мы его выполняли, не жалея своих сил.

Следствием выявлены и другие организаторы и непосредственные исполнители этих преступлений. Это, помимо Дирлевангера, его заместитель Генрих Фейертаг, командиры рот Барчке, Толь, Вайзер, Иоган Циммерман, офицер СС Вильке, эсэсовцы Якоб Тэд, Отто Лаудбах, Рене Фердерер, Альфред Цингебель, Герберт Диц, Вилли Цинтант, Земке, Вайнхефер и многие другие палачи. Эти профессиональные убийцы бежали на Запад, и до сих пор не известно, понесли ли они заслуженное наказание за совершенные злодеяния.

Еще в 1946 году глава белорусской делегации на I сессии Генеральной Ассамблеи ООН передал этой организации список 1200 фашистских преступников и их сообщников, орудовавших на территории Белоруссии, и потребовал их выдачи для наказания в соответствии с советскими законами. Это было справедливое требование народа, пострадавшего в годы гитлеровской оккупации более, чем когда-либо за всю свою историю. Это было настоятельное требование Белоруссии, где гитлеровцы уничтожили свыше 2 миллионов 200 тысяч человек, или четвертую часть населения республики, где оккупанты сожгли и разорили 209 городов и районных центров, 9 тысяч 200 деревень, три четверти промышленных зданий и производственных сооружений, где 186 деревень разделили судьбу Хатыни... Лишь в 1972 году численность населения Белоруссии сравнялась с довоенной.

Много лет прошло со дня окончания войны. Однако требования народов о наказании всех преступников не выполнены. Их всячески укрывают правительства ряда западных стран, где делается все, чтобы предать забвению чудовищные злодеяния против человечества и человечности, совершенные гитлеровцами в период

второй мировой войны. Не потому ли, что эти преступники близки по духу со своими нынешними покровителями? Не потому ли, что реакционные силы капиталистических государств в борьбе против народов, борющихся за свою независимость, прогресс, демократию и социализм, пытаются использовать преступный опыт кровавых расправ, накопленный гитлеровцами?

Прогрессивная общественность мира не так давно отметила трагическую дату — 15-летие со дня гибели вьетнамской деревни Сонгми.

Список кровавых злодеяний империализма год от года растет. Сабра и Шатила — современные синонимы Сонгми и Хатыни. «Лавры» гитлеровцев и американского лейтенанта Колли не дают покоя палачам Чили, Сальвадора. Это убийцы с разными лицами. Они родились в разных странах, вершили и вершат свои черные дела в разные времена. Но нравственный облик и тех, и других, и третьих скроен по одному, фашистскому образцу.

До боли обострена у советских людей память о прошедшей войне. История мировой цивилизации не знает такого массового зверского истребления мирного населения, какое совершили гитлеровцы на оккупированной территории нашей страны. К справедливому возмездию зовет память 20 миллионов советских людей, погибших в войну. Около половины из них — мирные жители и военнопленные.

Всему миру нынче известно, какую героическую борьбу против гитлеровцев вели партизаны и подпольщики Белоруссии. Потому особое негодование и возмущение вызывают у трудящихся республики сообщения о том, что в США, Канаде и других капиталистических странах нашли убежище и вольготно чувствуют себя гитлеровские преступники, и в частности белорусские националисты, сотрудничавшие с ними, прямые соучастники злодеяний. В свое время Прокуратура СССР передала США обвинительные материалы на многих пособников гитлеровцев, совершивших тяжкие преступления против белорусского народа. Однако они так и не были наказаны.

Вот, например, «послужной список» Ивана Косяка, возглавляющего ныне Белорусско-американский «конгрессовый комитет». Во время войны он был заместителем президента Белорусской центральной рады

Р. Островского по Глубокскому округу. Островский — матерый провокатор и шпион — еще с 1925 года предданно служил немецкой разведке, это о нем Розенберг сказал, что он стал «своим человеком, хотя фамилия у него и не немецкая». На его совести тысячи уничтоженных советских граждан в Брянске, Смоленске, Могилеве, Минске. Косяк усердно помогал гитлеровским оккупантам и самозваному «президенту» укреплять «новый порядок» в Белоруссии.

Н. Щорс был председателем «Белорусского национального комитета», созданного немецкими оккупантами в Варшаве. Гитлеровская разведка использовала комитет для подготовки агентуры, которую забрасывали в Советский Союз. Щорс принимал в этом личное участие. Кроме того, во время войны он готовил кадры для работы в различных учреждениях и организациях, созданных гитлеровцами на оккупированной территории Белоруссии. Богаты на черные дела досье и других активных пособников гитлеровцев из числа белорусских националистов, которым ныне покровительствует администрация США.

Никакой пощады преступникам! Этого требуют советские люди. Этого требуют хатынцы, сгоревшие живыми в своей родной деревне. Несмолкающие колокола Хатыни звучат как настойчивый призыв к живущим на земле: будьте бдительны! Хатынь стала священным местом всенародного поклонения. Здесь уже побывало свыше 20 миллионов человек.

...Я иду по бетонной тропе, будто запорошенной серым пеплом. Иду там, где когда-то жила Хатынь. Не теплый запах жилья, не детский смех, не девичьи песни слышат сейчас посетители из разных стран мира. Слышат они печальный перезвон колоколов. Этот призыв льется по лесу, разносится эхом в небе, отзывается болью в сердце. И среди бесконечного перезвона стоит в бронзе непокоренный Человек. Поэт написал о нем так:

...Стоит он с сыном на руках,
Таким стоять ему в веках,
Чтоб не забыли о Хатыни.
Чтоб пепел всех сожженных сел
В земную грудь стучал веками,
Чтоб кат с кровавыми руками
От грозной кары не ушел.

Михаил ШИМАНСКИЙ

АГЕНТ НЕ ПРИШЕЛ НА ЯВКУ

Машина шла легко и ровно. Быстро бежало под колеса темное полотно асфальта. Водитель слегка покручивал баранку, по привычке не упускал из виду дорогу, изредка посматривал на показания приборов. Две пожилые женщины на заднем сиденье о чем-то тихо беседовали между собой. Шоссе в этот предвечерний час было почти пустынно. Обычная обстановка, ничего непредвиденного. Сидевший за рулем Антон пребывал в хорошем настроении. Пять дней назад ехал он по этой же трассе, но только в другом направлении. В голову приходили разные мысли. Мало ли как могло обернуться дело!

В действительности все оказалось не так уж и сложно. Он перебирал в памяти события последних дней и, к своему удовлетворению, не находил ни малейших настораживающих явлений.

Его прибытие в кемпинг совпало с окончанием туристского сезона. Еще по-летнему ярко светило солнце, но уже явственно проступали приметы осени. С каждым днем все тише и беднее становился птичий хор в лесу на территории кемпинга. Золото и медь неспешно растекались по вершинам деревьев. В воздухе плыли нити паутины. Время от времени на асфальтовых дорожках у палаток или коттеджей ветер-озорник кружил хороводы пожухлых листьев.

По вечерам в кемпинг в составе групп или в одиночном порядке прибывали иностранные туристы. Обслуживающий персонал к гостям относился радушно, проявлял заботу о их благоустройстве, стремился по возможности удовлетворить их запросы. Антона и приехавших с ним мамашу Анну и давнюю подругу матери тетушку Банземир встретили также гостеприимно. Ни настороженности, ни предвзятости к себе со стороны администрации кемпинга он не заметил. Никаких попыток навязать ему свое общество, выяснить его мнение по тем или иным вопросам или обработать его в коммунистическом духе! Правда, сам он не упускал

случая поговорить с официальными лицами. Беседы эти должны были сослужить ему хорошую службу.

Встреча с братом Пранасом была теплой и радостной для обоих. Возможно, долгая разлука обострила родственные чувства. Они легко находили общий язык друг с другом. Пранас был внимателен, записывал коечто из сказанного Антоном. Вот только не нравились их продолжительные уединенные разговоры жене брата — Пранцишке. Она пыталась скандалить по этому поводу. Видимо, ее не совсем устроили подарки.

Потом, конечно, все уладилось... Антон с комфортом доставил брата с женой и дочерью на вокзал, и там они простились как и подобает родным.

В воспоминаниях и размышлениях незаметно прошло время. Скоро и он, Антон, завершит свое путешествие. Вот и последний опасный рубеж. Светло-малиновый «Форд-Таунуз» № HU-ДN 592 останавливается перед полосатым пограничным шлагбаумом. Неизвестно откуда неожиданно навалилось беспокойство. Захотелось вдруг повернуть назад, умчаться прочь, подальше от опасной зоны...

Но, пожалуй, хватит недомолвок. Пора ввести в курс дела. Речь идет о гражданине ФРГ Антоне Петровски. Нашу страну он посетил под личиной туриста с официальной целью встретиться с братом — советским гражданином Пранасом Петраускасом. Но была и другая, тайная цель поездки. Петровски являлся агентом западногерманской разведки под кличкой «Пальмер» и использовал свое пребывание в Советском Союзе для выполнения шпионских заданий.

Направляя к нам своего лазутчика, вражеские спецслужбы старались учесть все, до мельчайших подробностей разработали план предстоявшей поездки. Тем не менее «туристический» вояж Петровски закончился провалом: чекисты Белоруссии своевременно обезвредили шпиона.

Пока еще нельзя раскрыть всех обстоятельств и подробностей выявления и разоблачения враждебной деятельности «Пальмера» и ему подобных. Не наступило время.

В этой связи уместно сделать следующее отступление. В мире идет непримиримая борьба между двумя социальными системами — капитализмом и социализмом. Стремясь затормозить прогрессивное развитие

человечества, повернуть вспять колесо истории, правящие круги ведущих империалистических держав усиливают гонку вооружений до пределов, чреватых ядерной конфронтацией, обостряют международную обстановку, раздувают пожары конфликтов в различных районах земного шара. С расширением в последнее время военных приготовлений наращиваются усилия спецслужб США и их союзников по подрыву политических, экономических основ, обороноспособности Советского Союза и социалистического содружества в целом. Борьба с подрывными акциями противника приобретает особо напряженный характер.

Фронт тайной войны проходит всюду. Однако настоящим плацдармом империалистического шпионажа стала территория Федеративной Республики Германии. Оттуда при благосклонности западногерманских властей осуществляется вещание радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Деятельность этих филиалов ЦРУ, отравляющих эфир ядом антикоммунизма, злобной клеветы на нашу действительность и антисоветского подстрекательства, является грубейшим вмешательством во внутренние дела СССР и других стран социализма.

В Западной Германии расквартированы многие органы и подразделения разведок и подрывных идеологических служб противника. К примеру, город Мюнхен известен как крупнейшая база американского ЦРУ за рубежом, «кузница кадров» для проведения «психологической войны». В Мюнхене и других городах ФРГ при покровительстве и по указке разведорганов западных государств ведут подрывную деятельность различные зарубежные антисоветские организации. Враждебная активность характерна и для множества других эмигрантских центров и спецслужб, в том числе со стороны созданного в последнее время «Исламского совета спасения Афганистана».

Противоречивыми, представляющими угрозу миру и демократии событиями насыщена капиталистическая действительность ФРГ. Несомненно, что под влиянием ослабления международной напряженности позиция Бонна, пронизанная в аденауэровский период духом милитаризма и антидемократическими тенденциями, позже в какой-то мере менялась в позитивном направлении. Однако никогда, даже во времена «пика»

разрядки, она не отличалась устойчивой последовательностью в подходе к жизненно важным проблемам внешнего и внутреннего характера.

Это объясняется рядом причин политического и социально-экономического характера.

Ключевые позиции в экономике здесь по-прежнему занимают те же империалистические монополии, которые поддерживали фашистскую диктатуру.

В ФРГ не принималось и не принимается должных мер по искоренению фашизма, устранению условий для его рецидива. Со стороны западногерманского правосудия наблюдается непростительное бездействие в части привлечения к уголовной ответственности военных преступников. В результате этого, а также заступничества влиятельных покровителей, в том числе спецслужб США, удалось избежать заслуженной кары многим кровавым палачам, причастным к массовым уничтожениям невинных людей. Из числа нацистов, против которых возбуждалось уголовное преследование, только 8 процентов было осуждено к тюремному заключению. Большинство же понесло чисто символическое наказание, не совместимое с тяжестью совершенных ими преступлений. Известны случаи, когда матерые преступники, в том числе подвизавшиеся в спецорганах рейха, пребывают на ответственных постах в полиции и других официальных учреждениях Западной Германии, активно используются разведкой этой страны, а также аналогичными американскими ведомствами.

Наряду с укрывательством бывших нацистов отмечается попустительство неофашистской и иной деятельности в духе расизма и великогерманских устремлений. Поэтому неудивительно, что если в 1976 году в ФРГ насчитывалось более 120 правоэкстремистских групп и организаций, то в 1980 там действовало 350 реваншистских организаций и свыше 1000 правоэкстремистских союзов. Сборища неофашистов и недобитых нацистов сопровождаются насильственными действиями против компартии, профсоюзов и других прогрессивных организаций. Возрастает пропагандистско-подстрекательская активность реакционных сил с целью пересмотреть международно-правовые позиции Федеративной Республики, приписать ей «права», которыми она не обладает (например, о Западном Берлине), вновь

и вновь взять под сомнение факт существования двух германских государств.

При этом характерное для главарей различных союзов и землячеств авантюристическое муссирование вопроса о пересмотре послевоенного устройства в Европе находит понимание со стороны государственных и политических деятелей на Рейне. Усиление подобных тенденций в сочетании с применением против прогрессивных сил дискриминационных мер, таких, как «чрезвычайные законы», запрет на профессии и других, нагнетают напряженность, ухудшают международные отношения.

Для событий и процессов последнего времени в ФРГ характерны: оживление деятельности реакции, ее безоговорочное следование в русле провозглашенного администрацией США «крестового похода» против коммунизма, раздувание в этой связи милитаристского и реваншистского психоза в стране, открытая поддержка нынешней правящей коалицией дальнейшей гонки вооружений, в том числе с ориентацией на перенесение ее в космическое пространство.

Продолжается курс на качественное укрепление бундесвера. В частности, для оснащения вооруженных сил за последние 12 лет израсходовано 55 миллиардов марок, а до начала 90-х годов намечено истратить еще 50 миллиардов. Немаловажным моментом в плане усиления роли бундесвера как ударной силы Североатлантического блока является снятие запретов на производство западногерманскими монополистами обычных наступательных вооружений. Наиболее усугубляющим моментом в части подрыва мира в Европе, да и на планете в целом, явилось согласие Бонна на размещение в ФРГ американских ядерных ракет первого удара. Вследствие этого вновь стала исходить непосредственная опасность развязывания войны с немецкой земли.

Таким образом, складывающаяся в Федеративной Республике обстановка способствует проведению с ее территории разведывательно-подрывной и идеологической враждебной деятельности спецслужбами США и НАТО.

В ФРГ действует широко разветвленная система и собственных шпионских служб. Среди них особая роль принадлежит Федеральной разведке (БНД), созданной на базе разведывательных органов третьего рейха. По

оценке западных специалистов, штат официальных сотрудников БНД и вышколенных агентов составляет цифру между 5 и 10 тысячами человек. На подрывную деятельность, острие которой направляется на Восток, расходуются огромные денежные суммы.

Как и аналогичные органы других империалистических стран, западногерманская разведка пытается засылать в нашу страну своих агентов по различным каналам, и в частности под видом туристов. При этом делается определенная ставка на переселенцев, в частности, из Прибалтийских республик, поддерживающих на территории Советского Союза родственные и иные связи, на людей морально и политически неустойчивых, падких на деньги, готовых ради наживы пойти на любое преступление.

Но вернемся к Петровски-«Пальмеру».

Кто он такой? Как попал в сети разведки? Что делал, оказавшись в одной компании с «рыцарями плаща и кинжала»? Эти и другие вопросы нашли полное отражение в уголовном деле по его обвинению.

Итак, официально Антон Петровски в нашу страну прибыл с матерью Анной и ее давней подругой Банземир повидаться с братом. Последняя к описываемым событиям никакого отношения не имеет: ее пригласили, чтобы скрасить трудности дальней дороги. Со своей стороны, Анна Петровски невольно сыграла роль организатора шпионской поездки...

Вряд ли кто будет оспаривать, что матери дороги все ее дети. Она скучает особенно о тех, кого нет рядом с ней, кого долго не видит. Ей кажется, что они несчастны, что их обижают; им нужно помочь; их нужно повидать и приласкать.

Анна Петровски в Западной Германии проживала с сыном Антоном. В Литве у нее остался второй сын Пранас. От него из города Клайпеда регулярно приходили письма. Они доставляли и радость и печаль. Сын писал, что скучает вдали от родных, мечтает увидеться с ними. Мать тоже желала с ним встречи. Уходят годы, незаметно подступает старость. Нужно было бы на всякий случай повидаться. А как это сделать?

На Западе говорят, что в Советский Союз не пускают. Думая о Пранасе, мать тяжело вздыхала. Иногда плакала, потеряв надежду на встречу. Но правду нельзя долго утаить. Говорят-то говорят, а на деле выяс-

12 Зак. 1823

няется, что все-таки едут. Некоторые из знакомых уже побывали в СССР. Значит, запрета нет. Можно попытаться. И начались сборы...

Всякое было в жизни. Стремительный водоворот событий прибивал семью Петровски то к одному, то к другому берегу. В значительной мере это было обусловлено стремлением не прогадать, не упустить время, получше устроиться.

Весной 1941 года прибалтийский немец Франц Петраускас, сменив фамилию на Петровски, вместе с женой и тремя сыновьями выехал из Литовской ССР в «фатерлянд» на помощь фюреру устанавливать «новый порядок». Там, в Германии, они поселились в небольшом городишке Пиленцик.

Прошло немного времени. Началась война против Советского Союза. Отец и старший брат были мобилизованы в гитлеровский вермахт. Возможно, в мечтах они видели себя владельцами поместий на землях порабощенных государств. Возможно, ибо геббельсовская пропаганда щедро пичкала немцев человеконенавистнической стряпней, сулила богатое вознаграждение за участие в установлении «мирового господства».

Глава семьи Франц Петровски не вернулся с фронта. Он сложил голову за интересы рейха. А в Германию... пришла Красная Армия. 8 мая 1945 года, в Берлине, представители германского верховного главного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Наступило время переоценки ценностей. Не лучше ли быть на стороне победителей, чем среди побежденных? Нашлись и основания для такой постановки вопроса. Мать и братья вспомнили, что они не немцы, а литовцы, и в 1945 году возвратились на жительство в Литву, восстановили свою прежнюю фамилию. Семья в составе матери, братьев Антона и Пранаса обосновалась в Клайпеде. Позже туда приехал старший брат Георг. Однако с семьей почти не жил. Где-то разъезжал, занимался спекуляцией, по 3—4 месяца не бывал дома, а затем и вовсе исчез. Кто-то сказал родственникам, что он осужден за тяжкое уголовное преступление.

Антон Петровски, превратившийся на время в Антанаса Петраускаса, приобрел специальность шофера, стал работать. Ясной жизненной цели он не имел, метался в погоне за длинным рублем. Поэтому на одном

месте долго нигде не задерживался. Начал выпивать, бросил семью, женился вновь. В общем, Антон к жизни относился довольно легкомысленно, и это, естественно, сказывалось на его материальном положении.

А знакомые, проживавшие в Западной Германии, писали о хорошей жизни на Рейне, присылали и кое-какую одежонку; приглашали (скорее всего по чьим-то рекомендациям) переехать туда на постоянное жительство. И потянуло Антона Петровски снова на Запад.

Его ходатайство удовлетворили, и он покинул Советский Союз. К нему в ФРГ переехала и мать, которой там дали пенсию за мужа, погибшего на Восточном фронте.

Радужные мечты Антона несколько померкли при соприкосновении с западногерманской действительностью. Некоторое время он содержался в лагере для переселенцев. О комфорте нечего было и думать. Порядки в лагере странные. Одинаковые по составу семьи могут получать не одинаковое пособие. Иногда его и вовсе не выдают до тех пор, пока переселенец не побывает на богослужении в кирхе. По лагерю снуют различные дельцы, готовые на каждом шагу обмануть доверчивых людей.

Власти не спешили с трудоустройством и определением на жительство. Однако без внимания не оставляли. Беседовали, и не один раз. Антону было безразлично, кто с ним беседовал и в каких целях. Он знал (его соседи переселенцы говорили об этом), что беседы проводят представители ведомства по опросу граждан, переселившихся в ФРГ. Ведомство — учреждение государственное, и если его что-то интересует, значит, это нужно. А вопросы выяснялись разные, причем выходившие далеко за рамки анкетных данных.

При беседе, которую свободно можно назвать допросом, выяснялась биография не только собственная, но и близких родственников. Требовали рассказать, где и кем работал, что изготовляет предприятие. Если переселенец служил в Советской Армии, его допрашивали особенно тщательно. Детально также интересовались связями в Советском Союзе. Отношение к переселенцу в значительной мере зависело от того, о чем и насколько он осведомлен, кто у него остался в СССР. Опросы переселенцев имели разведывательную направлен-

ность. Западногерманская разведка активно использует ведомство по опросу переселенцев для сбора шпионской информации о Советском Союзе, для дальнейшего планирования враждебных действий.

Наконец со всеми формальностями покончено, можно начинать настоящую жизнь. И тут выясняются новые обстоятельства, омрачающие столь желанное знакомство со «свободным» миром. Оказывается, коренные жители к переселенцам относятся с чувством превосходства, презрительно именуют их «аусляндерами». Переселенцы не имеют права претендовать на получение лучшей работы или хорошей квартиры.

Многие из переселенцев в определенной мере испытали чувство разочарования и горечи по поводу своего легкомысленного выезда в ФРГ. Ведь никто же не гнал на Запад, поехали сами, поддавшись на обман. Хорошо, что еще не все потеряно, двери ведь не закрыты. И некоторые из переселенцев, вкусив прелестей капиталистического «рая», возвратились в Советский Союз.

Подумывал об этом и Антон Петровски. Все невзгоды переселенческой жизни выпали и на его долю. Только через полтора года скитаний по лагерям и баракам ему удалось получить квартиру в местечке Брухкебель. Там же он устроился на работу электросварщиком на завод гидравлических прессов.

До этого кое-как перебивался случайными заработками. Одно время занимался скупкой попавших в аварию автомашин.

Ремонтировал исковерканные машины и перепродавал их. Вскоре пришлось бросить этот бизнес. Позже Петровски работал на заводе водоочистительных приборов во Франкфурте-на-Майне.

И наконец нашел подходящую работу в Брухкебеле недалеко от города Ханау.

Антон жил в своем замкнутом мире. Придерживался принципа не вмешиваться в то, что не касается его лично.

Бесстрастно взирал он на марши мира и митинги против угрозы войны. Не принимал близко к сердцу призывы сторонников мира к прекращению гонки вооружений, их протесты против милитаристских приготовлений агрессивных империалистических кругов. У самого Антона тоже возникали мысли о том, что оружия, военных и без того уже слишком много и увеличивать

их количество нет необходимости. Как пойдут маневры да учения — нигде покоя нет! Везде солдаты. И на земле, и в небе — сплошной грохот. Пальба такая, что в дрожь бросает... На американцев жалуются. Там, где находятся их базы, у людей масса неприятностей. Нередки скандалы, военнослужащие затевают драки с мирными гражданами. И местная власть не может призвать их к порядку — у них свое подчинение...

Но, видимо, надо и военные расходы оплачивать, и американцев терпеть. Говорят, с Востока грозит большая военная опасность. Мир может быть обеспечен только с позиции силы. Только Америка может остановить советское нашествие. Только она с ее ядерным оружием может гарантировать Западу надежную защиту. Что касается борцов за мир, то Антон не верил распространяемому мнению, будто бы «назойливые пацифисты» действуют по «указке Москвы». Он тоже не желал войны, мечтал о мире, но просто не представлял, что самому нужно что-то сделать для его сохранения. В этой связи полностью полагался на правительство, принимал за чистую монету постоянные заверения официальных лиц, что они живут интересами и заботами о своих гражданах.

Не находила живого отклика в душе Петровски и деятельность различных союзов и «землячеств» по насаждению идей реваншизма и популяризации атрибутов времен фашизма.

Но главари таких объединений имели основания причислять его к своим сторонникам. Он в свою очередь не пытался разубеждать их в этом. Действительно, Антон поддерживал знакомства с враждебно настроенными выходцами из Литвы, именовавшими себя мемельскими немцами. Поэтому знал о враждебной СССР и другим соцстранам направленности устремлений и практических акций названного и других подобных «землячеств». Он был далек от того, чтобы квалифицировать эти явления как реваншистские. И такая его точка зрения фактически не отличалась от официальной: соответствующие государственные учреждения к разглагольствованиям об «открытом немецком вопросе», о «единстве нации» относились снисходительно, и вообще наличие реваншизма в ФРГ отрицали или определяли ему место призрака.

Он был осведомлен, что в «землячествах» нередко

задают тон бывшие эсэсовцы и функционеры нацистской партии. Имел с такими лицами общение на сборищах переселенцев из Литвы. Также наблюдал на городских улицах и площадях за манифестациями и шествиями их бывших «коллег по службе» в форме и полученных от фюрера регалиях. Неприязни у него они не вызывали... Порядок в колоннах. Серьезность и сосредоточенность шествующих. Ничего он не находил зловещего и опасного в их облике и действиях. Просто пожилые люди собрались вместе, чтобы обменяться воспоминаниями, поговорить о сегодняшнем дне. Не верится, что они могли творить зверства, жечь, убивать. Возможно, конечно, что кто-то из них и виновен в убийствах. Но то было давно, на войне. А там, говорят, иначе нельзя было. В армии строгая дисциплина. Солдаты всегда должны выполнять приказы, да и офицеры с генералами — тоже. Можно также понять и то, что эти бывшие лепечут о какой-то преемственности, о каких-то добрых боевых традициях, о необходимости их сохранения в будущем. Обычное брюзжание — старики любят хвалить свое время. А сейчас их и упрекнуть не в чем: живут тихо и скромно. Ведут добропорядочный образ жизни... Приходилось слышать о выдвигаемых общественностью требованиях осуждения гитлеровских военных преступников, проведения полной денацификации. Самому ему была чужда идея общего обвинения фашизма в преступлениях против человечества. В русле господствующих в ФРГ взглядов он считал предъявление претензий к бывшим активным нацистам запоздалой местью, чуть ли не покушением на частную жизнь и спокойствие граждан. Также не усматривал он возможности получения личной выгоды от участия в каких-либо выступлениях против бывших фашистов. Скорее от этого могли быть неприятности. Ведь разрешают же, кроме всего прочего, продавать книги, оправдывающие и восхваляющие политику третьего рейха. Не вопреки закону и порядку появляются в общественных местах рок-группы, выступающие с вариациями шлягеров гитлеровских времен.

Видел Петровски и выступления молодых неофашистов. Они, правда, наводили на размышления. Одна такая наблюдаемая им демонстрация вызвала чувство страха у горожан. И, видимо, не без оснований... Ровные ряды молодых людей, одетых в одинаковую уни-

форму наподобие мундиров СС. Твердый шаг по брусчатке. Вскидываемые в нацистском приветствии руки. Громкое выкрикивание призывов и лозунгов. По пути их следования хозяева мелких магазинов закрывали двери и ставни, с дороги в сторону убегали люди, плакали дети... А позже эти современные последыши Гитлера, вооруженные дубинками, ножами и даже пистолетами устроили (буквально на виду у полиции) погром протестовавших против их разгула антифашистов.

Антону не нравилась их разнузданность, но только в том отношении, что своими действиями они нарушали порядок, создавали для горожан неудобства. А в остальном — что тут особенного? Маршировали, орали, призывали Германию проснуться, подчеркивали свою роль в утверждении ее величия. Ну, а что требовали изгнать иностранцев, то и в этом ничего такого нет. Конечно, иностранец иностранцу рознь. В частности, иностранных рабочих пресса сравнивает чуть ли не со стаей саранчи, уничтожающей богатства страны и превращающей красивые немецкие города в гетто... Иностранцы вынуждены жить в гетто, но это, если верить газетам, их собственная вина. И вообще, говорят, что они люди второго сорта, неполноценные и социально опасные... Словом, разобраться в ситуации было не так-то просто. Он не понимал, почему, несмотря на недовольство населения вылазками неофашистов, власти не принимают мер по запрещению их деятельности. Напрашивался вывод, что они не представляют опасности для государства.

Итак, Антон Петровски бывал очевидцем, свидетелем, а порой и участником разнохарактерных событий и явлений внутриполитической жизни Западной Германии. При этом уподоблялся стороннему наблюдателю, старался не вмешиваться в политику, хотя был не прочь порассуждать иногда по имеющим к ней отношение вопросам. И незаметно, вроде бы сам по себе, разрыхлялся его и без того сомнительный нейтрализм. Вопреки ранее сложившимся представлениям о Советском Союзе стал верить в мнимую его агрессивность, стремление к навязыванию коммунизма силой оружия. Стал проявлять приверженность пропагандируемой атлантистами жесткой политики в отношении СССР и других стран социалистического содружества. Нет, для него не был приемлем человеконенавистнический те-

зис: «Лучше быть мертвым, чем красным». Он просто не представлял всей опасности ядерной войны, хотя и подумывал о сооружении атомного бомбоубежища, что широко рекламируется на Западе. Улетучивалось безразличие к положению и делам «изгнанников»-переселенцев. Антон не приобщился к реваншистской деятельности. Вместе с тем в его поведении наметилась линия на соглашательство с заправилами «землячеств» и иными оголтелыми реакционерами, в частности, по вопросам их притязаний на пересмотр социально-политических реалий, сложившихся в послевоенный период. При этом формировалась позиция поддержки идеи «восстановления Германии в границах 1937 года» и полного игнорирования общеизвестного факта, что «восточные территории» рейха явились плацдармом для развязывания кровопролитной мировой войны. Претерпела изменения позиция Петровски по отношению к бывшим эсэсовцам и другим соучастникам злодеяний нацизма. Он и раньше не склонен был относить таких лиц к категории преступников, испытывал сострадание к тем из них, которых привлекали к уголовной ответственности, недоумевал, кому и какая от этого польза. Потом возникло недовольство по поводу «проявления несправедливости» к немцам, продолжающегося «преследования их за честное исполнение ими обязанностей перед государством», появилась убежденность в правомерности применения к ним срока давности. На почве беспечности и снисходительности к тенденциям и проявлениям неонацизма вызревала солидарность с доводами в их защиту. И в то же время сомнения и недоверие к германским коммунистам сменились устойчивым негативным отношением к ним, а также к представителям прогрессивных организаций, выступающих против реакционной внутренней и внешней политики правящих кругов ФРГ.

В общем, Антону Петровски только казалось, что он продолжает оставаться в стороне от политики. Под стать его аполитизму были и сформировавшиеся у него в условиях западногерманской капиталистической действительности ценностные ориентации. Четко уяснив, что основным критерием оценки человека в «свободном» обществе является богатство, он всячески стремился к обеспечению своего материального благополучия, старался не отстать от других, не дать себя за-

топтать. Экономил на питании и одежде, работал сверхурочно, подрабатывал везде, где можно. Не брезговал и спекулятивными сделками. Накопив некоторую сумму, приобрел автомобиль марки «Форд-Таунуз-20». Осуществлена давняя мечта. Правда, пока с оговоркой, так как автомобиль куплен в рассрочку, за него еще нужно уплатить много денег. Неуплата же одного квартального взноса — и с машиной придется распрощаться. Пропадут и уже внесенные деньги.

Поэтому, оставив детей на попечение матери, жена Антона также идет работать на завод. Оба трудились, не жалея сил, и потихоньку рассчитывались с долгами. Возможно, со временем Петровски и удалось бы выбиться в люди, если бы не встреча... Произошла она в один из воскресных летних дней и оказалась для Антона роковой.

Вопрос с туристической поездкой в Советский Союз решен. Уже получены необходимые документы. Закуплены подарки. И вот небольшая группа отправляется в дорогу. Светло-малиновый «Форд» держит курс на восток. ГДР, Польша... Границы между государствами...

Антон был уверен, что все будет благополучно. Накануне отъезда, следуя повальному увлечению окружающих астрологией, хиромантией и т. д., он тайно посетил гадалку, и та предрекла ему успех в замышленном предприятии. Поэтому он не страшился исхода поездки, но беспокойство все же было. На КПП он вел себя нервозно, хотя, как потом рассудил, там были обычные, как их называют, формальности. Обычный досмотр, никаких претензий к нему не предъявили. Не спросили даже, зачем везет в Советский Союз чернила. Может быть, их попросили привезти родственники? А то, что он нервничал... Мало ли почему может волноваться человек, которому предстоит встреча с близкими.

Срок пребывания на территории Советского Союза весьма ограничен. Только пять дней, а так много нужно успеть. И Петровски спешит. Он вызывает брата Пранаса в Минск. Тот не заставил себя долго ждать и прибыл всей семьей. Вместе с ними в кемпинг приехали и родственники тетушки Банземир. В общем, радостные встречи, беседы о житье-бытье, взаимный интерес друг к другу. Антон Петровски доволен всем: приездом в СССР, встречей с братом, обслуживанием в кемпинге. К Советскому Союзу он настроен не только

лояльно, а даже доброжелательно. Реваншистскую же политику боннских правящих кругов осуждает. Говорит об этом во всеуслышание, не упускает возможности сообщить о своих настроениях официальным лицам. А зачем? Ведь это его личное дело.

Антон доволен всем, а вот жена Пранаса Петраускаса недовольна, жалуется, что он слишком уж много внимания уделяет брату. В длительных уединенных беседах обрабатывает его на выезд в Западную Германию, всячески расхваливает существующие там порядки. В то же время очень нелестно отзывается о жизни в СССР.

Истинный смысл поведения Петровски начинает проясняться. Значит, лояльность к нашей стране и критическое отношение к капиталистической действительности ФРГ — всего лишь камуфляж, скрывающий неблаговидные дела, которые, возможно, вершатся по поручению кого-то. Поведение Петровски уже вышло за рамки семейной тайны. Оно настораживает тех, кому должно знать о поведении гостей, когда оно вступает в противоречие с законом. Возможно, что Петраускас еще не все сказал жене, о чем с ним говорил брат, может быть, и она умалчивает о чем-либо более серьезном...

Антон имел основания считать, что все идет так, как и предполагалось там, в Западной Германии. С братом — полное взаимопонимание. Вот только жена брата немного шумит. Оказывается, подарков маловато, да и не то, чего хотелось.

— Подумаешь, тоже мне родственник! — возмущалась жена Пранаса.— Если бы и не приехал, то ничего не случилось. Могла мать приехать одна и побыла бы у нас. А то, что привез, можно было прислать посылкой. Лучше бы побольше привез вещей, а чернила вообще мог не привозить, их и здесь много... Да я знаю, зачем приехал Антон...

Опять эти чернила... Недовольство жены Пранаса, ее заявление, что она знает о цели приезда Антона... Дальше — больше. Оказывается, она слышала, как Петровски беседовал с ее мужем о каких-то условностях в переписке...

А время идет. Настал день, когда родственники распрощались. Заплаканные глаза матери. Когда она вновь увидит младшего сына? У него и здоровье не-

важное, частенько прихварывает. Она тоже уговаривала его ехать на Запад, но невестка колеблется. Произошла размолвка, были не совсем приятные разговоры. И как всякая разлука не приносит радости, так и это расставание было грустным.

Антон Петровски распрощался с братом на железнодорожном вокзале, куда привез его на своем лимузине. Выпили лишнюю рюмку водки за счастливую дорогу. В урну полетел окурок, а за ним и какие-то, видимо, ненужные бумажки. Среди них оказалась одна с какими-то загадочными записями. Не все понятно, но ясно одно, что эта записка выброшена по ошибке, а речь в ней идет об определенных сведениях. Позже Пранас и его жена расскажут, в каких целях использовал Антон общение с братом, зачем в действительности он приезжал. Ведь еще ранее, когда Пранцишка услышала беседу между братьями об условностях, она начала упрекать Антона в том, что он приехал шпионить. Антон тогда ничего ей не ответил, а только попросил не мешать ему говорить с братом.

Итак, братья расстались, и каждый уехал своей дорогой. Для Антона решающий рубеж — граница. Вот и Варшавский мост на окраине города Бреста. Последние пограничные формальности. И здесь обнаруживаются нарушения таможенных правил: недекларированная валюта, кое-какие вещи, запрещенные для вывоза; в машине найдено письмо условного содержания, адресованное в Мюнхен на литовском языке. И туристу Петровски приходится давать пояснения по этому поводу, а также по другим вопросам с учетом заявления жены Пранаса и содержания выброшенной Пранасом записки.

Вначале разговор с официальным лицом не ладится: Антон явно предпринимает попытку уклониться от предлагаемой темы. Заявления последнего предельно лаконичны, с отчетливым акцентом на отрицание фактов, свидетельствовавших о его неблаговидной деятельности. В свою очередь, задаваемые вопросы все время наводят на мысль об осведомленности собеседника, какими тайными делами занимался иностранец во время пребывания в кемпинге.

Еще два-три часа тому назад Антону Петровски казалось, что все идет хорошо. Машина пересечет гра-

ницу, а там не за горами и местечко Брухкебель на земле Гессен. Он считал, что одной ногой он уже за границей. Но вот дело повернулось по-другому. Шаг за шагом шло разоблачение этого туриста. Стало очевидно, что игра проиграна и остался один путь — рассказать следователю Комитета государственной безопасности Белоруссии истинные цели приезда.

Взвесив все «за» и «против», Антон Петровски заговорил. Он рассказал, что является агентом западногерманской разведки и приезжал в Советский Союз для выполнения задания. Сообщил обстоятельства вербовки и присвоенную ему кличку «Пальмер».

А началось это так. В один из воскресных летних дней на квартиру к Петровски пожаловал мужчина с большим кожаным портфелем. Он дождался хозяина и представился Максом Клютом, сотрудником ведомства по опросу граждан, въезжающих в ФРГ. Разговор на полчаса, не больше. Гость торопится, ему нужно посетить еще одну семью. Первая беседа, как говорят, носила ознакомительный характер: как устроились, как живете, обычные вопросы о здоровье, семье, не скучаете ли по оставшимся в Советском Союзе родственникам и знакомым.

Потом о Клюте забыли, но он напомнил о себе. Приехал из Мюнхена в местечко Брухкебель еще раз. И еще. Беседы велись о жизни, о работе, подчеркивались преимущества частной инициативы, шел разговор о сильной единой Германии и, конечно, не социалистической. Клют свободно говорил на литовском языке, которым, по его словам, овладел еще до войны, когда ему приходилось бывать в Литве по служебным делам. По каким, он умалчивал, вообще о себе почти ничего не говорил. Бывая в квартире у Петровски, Клют интересовался не только им самим, но и родственниками, знакомыми, особенно теми, кто проживал в Советском Союзе.

Во время бесед он был вежлив и внимателен, а чтобы убедить Петровски в своей добропорядочности, предъявил свой паспорт и даже предложил навести о нем справку в полиции. Петровски, не раз встречавшийся в ФРГ с жуликами, проходимцами и провокаторами, решил поинтересоваться о Максе Клюте в криминальной полиции, и ее чиновник подтвердил, что Клют действительно работает на федеральное прави-

тельство и ему вполне можно доверять. При таком обороте дела, когда и полиция заявила, что Клюту можно доверять, Петровски стал более почтительным и послушным. Он доверчиво рассказал Клюту, что проживающий в Советском Союзе брат Пранас тоже не прочь переехать в ФРГ, чтобы жить с родственниками вместе. Клют одобрил такое намерение и пообещал помочь в этом. Антон был тронут участием Клюта и заверил, что готов отблагодарить его за помощь.

Но если в отношении брата только еще начинали протягиваться щупальца и до него было не так близко — он в Советском Союзе, то Антон Петровски уже оказался опутанным паутиной. За его действиями наблюдали, знали его настроения и намерения. Стоило ему обратиться в Висбаденское бюро путешествий, а затем к властям за техническим паспортом и международным свидетельством на право вождения автомашины, как это немедленно стало известно в Мюнхене. Буквально через день в Брухкебель приехал Макс Клют.

Гость готовился к серьезному разговору. Он попросил членов семьи выйти из комнаты. Оставшись наедине, дал понять, что ему известно о том, что Петровски наводил о нем справки в криминальной полиции. Заявил, что осведомлен о намерении Петровски поехать в Советский Союз, одобряет эту поездку и со своей стороны хочет попросить Антона выполнить поручение. Подчеркнул, что это небезвозмездно. Намекнул также о возможных затруднениях в выезде из ФРГ в случае отказа. На вопрос, о каком поручении идет разговор, Клют заявил, что он просит привлечь для сбора сведений, интересующих соответствующие органы ФРГ, брата Пранаса.

— Эту поездку,— говорил он,— нужно использовать и для того, чтобы лично собрать на территории СССР сведения военно-экономического характера, в частности, о призыве запасников в армию, режиме снабжения горюче-смазочными материалами, об охране железных дорог и сооружений, о покупке населением продуктов первой необходимости и т. д.

Петровски не только внимательно выслушал гостя, но, подготовленный предыдущими встречами, безоговорочно согласился выполнить его поручение. Так Петровски стал шпионом, а гость превратился в хозяи-

на, который уже не просил, а требовал выполнять его задания.

За этими требованиями, как показал Петровски, нередко чувствовались угроза, намеки на то, что у него семья, дети и он должен помнить об этом, быть исполнительным, чтобы не навлечь на себя и близких ему людей неприятности.

Когда шел разговор о сведениях военного характера, Клют знакомил Петровски с альбомом, в котором были иллюстрации с изображением автомашин с артиллерийскими установками, танков, поездов с военной техникой.

— Все это нужно запомнить,— говорил Клют,— а не записывать. Нужна осторожность во всем, поэтому и в беседах с советскими людьми особенно не откровенничайте, перед тем, как сказать, подумайте.

Поездка в Советский Союз тщательно готовилась, принимались меры к тому, чтобы избежать провала, и не случайно Макс Клют не рекомендовал брать с собой таких вещей, как фотоаппарат, бинокль, транзисторный приемник, советовал не отклоняться от маршрута движения и не допускать нарушения режима пребывания иностранцев в СССР, подчеркивать свою лояльность к Советскому Союзу, чтобы ничем не привлекать внимания органов государственной безопасности.

На расходы, связанные с поездкой в СССР, Петровски получил от Клюта 1500 марок ФРГ, выдав расписку, которую подписал кличкой «Пальмер». Это был аванс, а потом Клют обещал ему после вербовки брата ежемесячное вознаграждение в сумме 250 западногерманских марок, половина которых должна пойти брату.

Были обговорены условия дальнейшей связи с братом. Она должна была поддерживаться по почте путем направления ему посылок, в которых будут находиться указания, исполненные тайнописью на материале предметов одежды. В общих чертах, от брата потребуется представлять информацию военно-экономического характера.

Петровски получил специальный инструктаж по вербовке Пранаса. В первую очередь рекомендовалось провести с ним обстоятельную беседу, в процессе которой дополнительно изучить его настроения, отноше-

ние к советской действительности, выяснить, в самом ли деле он стремится переехать на жительство в ФРГ. Если такие намерения есть, их следует укрепить. Нарисовать обстановку так, чтобы Пранас серьезно думал и готовился к выезду. Следует рассказать брату, что в ФРГ у Антона есть хороший знакомый, который поможет в переезде за границу, но при условии, если Пранас согласится собирать и передавать некоторые сведения.

Антон Петровски хорошо знал своего брата, некоторые отрицательные черты его характера, мысли о переезде на Запад, и ему не составило большого труда провести с ним вербовочную беседу.

— Я,— рассказывал Антон Петровски,— должен был внушить брату, что это является важным государственным делом и правительство ФРГ не поскупится на расходы. В случае согласия выполнять задания, на его имя в Западной Германии оформят банковский счет, который будет пополняться ежемесячно.

В соответствии с рекомендациями Клюта и действовал шпион Петровски. Он быстро договорился с братом по всем вопросам, затем обсудил способы тайной переписки и для этого передал ему два флакона привезенных чернил, обучил, как проявлять тайнопись.

Но обсуждение заманчивых предложений встретило отпор со стороны его жены — Пранцишки.

Последняя рассказала потом, что Антон Петровски и его мать всячески убеждали их добиваться разрешения на выезд в ФРГ. Если мать делала это с целью быть всем вместе, то Антон, укрепляя эмиграционное настроение брата, рассчитывал на другое. Она, Пранцишка, сделала такой вывод на основании случайно услышанного разговора между братьями о какой-то условной переписке. Об этом говорило также поведение Антона Петровски. Когда Пранас попытался уклониться от разговора с ней о переписке, Пранцишка устроила скандал, и тогда муж, чтобы успокоить ее, рассказал, что он договорился с братом о переписке с целью получить от него рекомендации на оформление выезда на жительство в Западную Германию. Это объяснение не удовлетворило Пранцишку, она почувствовала, что муж говорит ей неправду...

Давал показания и Пранас Петраускас. Он расска-

зал о том, что скрыл от жены. Чтобы не забыть, какие сведения интересуют западногерманскую разведку и как об этом нужно сообщать, он записал на бумажку — не надеялся на свою память, а вот куда делась эта бумажка, он никак не вспомнит. Возможно, и выбросил, но не знает, где, да и вряд ли кто разберется в его записях. Знает он, как нужно применять чернила, которые привез ему брат. Вот они, эти чернила. Среди подарков, привезенных матерью и братом. Имел место и разговор о тайной переписке, о применении условностей при направлении донесений в Западную Германию. Да, он не отверг предложения брата заниматься сбором шпионских сведений в расчете на то, что это могло способствовать его выезду из Советского Союза для воссоединения с родственниками.

Из показаний старухи матери видно, что действительно на квартиру к ее сыну в местечке Брухкебель приходил неизвестный, приметы которого совпадали с приметами Клюта. Вот только она не знает, о чем они говорили, потому что беседы проходили наедине. Мать не знала и о том, что за показной стороной встречи двух братьев творилось черное дело. Брат вербовал брата, делал из него изменника Родины, толкал его на преступный путь, за что уже получил полторы тысячи марок и, конечно, не забывал о еще обещанных серебрениках.

Вспоминая встречу в Минске матери с младшим братом Пранасом, Антон в своем заявлении, написанном после дачи признательных показаний о том, что он является агентом западногерманской разведки, писал, как плакала мать, а с ней плакали все, кто видел ее переживания при встрече с Пранасом. Он хотел им помочь, хотел, чтобы мать была счастлива хотя бы в дни старости. Но... не успели еще высохнуть слезы матери, как он же, Антон, в порядке «помощи», завербовал и проинструктировал этого же брата, как писать донесения и о чем писать.

Антон Петровски писал и о том, что стал жертвой «рафинированного агента Западной Германии, который сделал из него такого же мерзкого шпиона, как и он сам... Я совершил самое большое преступление и очень об этом сожалею...»

Да, преступление совершил тяжкое. И все же советский суд, установив, что Петровски, будучи завер-

бованным разведывательными органами ФРГ, прибыл в нашу страну для сбора шпионских сведений и в этих же целях привлек своего брата, принял в отношении его гуманное решение. Его осудили на семь лет лишения свободы. Что же касается брата — Пранаса Петраускаса, то он не был привлечен к уголовной ответственности с учетом того, что его вербовка не повлекла тяжких последствий.

Примерно в тот же период, когда разматывался клубок событий по разоблачению «Пальмера», его в далеком западногерманском городе Ханау в условленном месте, в условленный час ждал Макс Клют. Шло время, а «Пальмера» все не было. Он так и не пришел на явку. И в этом не его вина, он все делал по инструкции своего шефа, считал выполненным порученное ему задание, за которое уже получил деньги, собирался доложить о результатах поездки, но не смог явиться по причинам, от него не зависящим.

Так закончилось «путешествие» незадачливого «туриста» Антона Петровски в Советский Союз. Говорят, что он выехал из Западной Германии не в добрый час, но дело, конечно, не в том, в какой он час выехал, а в том, что ехал он к нам не с добрыми намерениями. Группе сотрудников Комитета государственной безопасности пришлось проделать большую работу, чтобы разоблачить преступную деятельность агента иностранной разведки. И они это сделали со свойственными им умением и настойчивостью.

Д. П. СВИРЖЕВСКИЙ

Необычные туристы

Каждый, кто связан с работой Брестского контрольно-пропускного пункта, на себе ощущает, как много забот прибывает летом, когда возрастает поток туристов, едущих туда и обратно. Ежедневно Варшавский мост через реку Буг пересекают десятки «Жигулей», «Фиатов», «Фордов», «Фольксвагенов», «Крайслеров». Туристов, и советских, и иностранных, приветливо встречают и провожают часовые границы и таможенная служба. Оформление необходимых документов и таможенный досмотр отнимают не так уж много времени: коль турист или любое другое лицо везет с собой то, что положено по декларации и ничего лишнего, тогда — «Добро пожаловать!» или «Счастливого пути!».

Туризм — хорошее дело. Люди из разных стран лучше узнают друг друга. Но различных ястребов «холодной войны» туризм привлекает отнюдь не возможностями содействовать укреплению мира и дружбы между народами. Совсем даже наоборот. Темные силы буржуазного Запада смотрят на туризм как на легальный канал для вовсе не легальной деятельности против СССР и стран социалистического содружества.

Империалистические разведки, как известно, не брезгуют никаким грязным делом. То же можно сказать и о всевозможных пропагандистско-подрывных центрах антисоветского толка, в том числе и клерикальных, которых на Западе «несть числа». Да и прибывают часто в нашу страну туристы с довольно-таки странным, не совсем обычным для любителей путешествий поведением. И эта, мягко говоря, необычность поведения иных не ускользает от внимания советских людей, особенно тех, кто обеспечивает государственную безопасность...

Несколько лет назад, когда на автомобиле марки «Форд-консул-2000» Сарельд и Энгстрем совершали вояж по маршруту Ужгород — Львов — Киев — Мо-

сква — Смоленск — Минск — Брест, майская погода выдалась на славу: истинное благо для любознательных путешественников! Но первые же дни пребывания Сарельда и Энгстрема на советской земле могли бы озадачить кого угодно. Судите сами: кому не любо посмотреть прекрасный Киев! Его музеи, парки, архитектурные памятники, новые микрорайоны, живописные кручи Днепра?! Все это и многое другое предлагала программа «Интуриста», составленная так, чтобы гости города могли увидеть как можно больше да еще чтобы время на отдых оставалось. Увы, шведские подданные Сарельд и Энгстрем всячески уклонялись от услуг «Интуриста», за все время пребывания в Киеве приняли участие лишь в одной экскурсии по городу, да и то мучительно ожидали ее окончания, нетерпеливо поглядывая на часы.

Куда же спешили эти туристы-индивидуалы? В магазины? В театры? Хотели сами выбрать фильмы? Ждали как можно скорее и самостоятельно познакомиться с бытом и жизнью советских людей? Просто хотели побродить по незнакомому городу, как говорится, идти куда глаза глядят? Нет! Глаза этих туристов глядели явно не туда. Гости вели себя, как в родном городе: не обращались за помощью ни в справочное бюро, ни к прохожим, будто давным-давно сами знали все маршруты. В то же время они метались по городу...

Короче говоря, Сарельд и Энгстрем нацелились, как об этом говорило их поведение, на заранее условленные встречи. С кем? Как оказалось, с экстремистски настроенными сектантами, действовавшими неофициально. Законно функционирующие церкви и молитвенные дома их не интересовали. Соблюдая меры предосторожности, Сарельд и Энгстрем посетили «брата во Христе» Якова Гаврищева, у которого дома собрались и активисты пятидесятников — Иван Левчук и Михаил Михайлов.

Сарельд отрекомендовался Стефаном. Его и по предыдущим приездам знали здесь как Стефана. Энгстрем назвал себя Эрландом. В роли переводчика выступал Сарельд, то бишь Стефан. Он хорошо говорил по-русски.

Из иносказательных изречений «брата» Якова гости уразумели, что этих пятидесятников не устраива-

ют условия регистрации религиозных общин в СССР и что они против «мирских законов».

Сарельда же интересовало не это. Ему вынь да положь факты, которые можно было бы выдать не за что иное, как за преследование верующих.

«Брат» Яков бормочет, называя какие-то фамилии: мол, вот нашлись верующие, что отказались служить в армии, а один пятидесятник воровал лес, так его судили. Будто за это все власти по головке гладят...

Понимая, что эти факты — небогатый улов, Сарельд подводит мысль к другому: не найдутся ли пятидесятники, желающие покинуть СССР по религиозным мотивам. Подрывные зарубежные клерикальные центры не однажды пытались разжечь среди верующих подобные настроения.

Ни сам «брат» Яков, ни Левчук с Михайловым таковых желающих назвать не смогли. Более того, Левчук показал какую-то рукопись, где он собственноручно написал о нежелании покидать Родину под каким бы то ни было предлогом.

Сарельду ничего иного не оставалось, как попытаться договориться об очередной встрече. Он елейно упрашивал:

— Нам нужны материалы о том, как Советское государство преследует за веру. Мы хотим помочь...

Назавтра туристы явились домой к Вере Шупортяк, надеясь на улов клеветы на Советское государство. Ведь у Шупортяк предстояла встреча не с кем иным, как с женой «великомученика» Георгия Винса, отбывавшего тогда срок наказания, секретаря нелегального «Совета церквей ЕХБ» *.

История Винса, принадлежавшего к руководству самозваного «Совета церквей», ничего полезного для Сарельда и Энгстрема не прибавила. В 1966 году Винс в полном соответствии с законами был осужден за организацию нелегального издания «Братских листков» и журнала «Вестник спасения». В этих изданиях содержались как призывы не выполнять советские

---

* ЕХБ — Евангельские христиане-баптисты, официально действующая секта с центром Всесоюзным советом ЕХБ в Москве. В 1961 году оппозиционно настроенные к ВСЕХБ баптисты откололись от ЕХБ, а затем нелегально образовали «Совет церквей ЕХБ», который не признает советского законодательства о религиозных культах.

законы о религиозных культах, так и всевозможные антисоветские клеветнические измышления.

Надо сказать, что уже после описываемых событий, отбыв три года лишения свободы, Винс вернулся в Киев. Инженер с высшим образованием, он не извлек никакого урока из своего опыта. Стал тунеядцем, хотя считался главой семьи. На его иждивении находились молодая жена и дети. Существуя на денежные поборы с единоверцев, нигде не работая, продолжал неблаговидную деятельность. Выступал перед верующими с клеветой на Советское государство, с призывами не соблюдать существующие законы, наглухо отмежеваться от участия в общественной жизни.

В советские органы поступали заявления о паразитическом образе жизни Винса. По решению суда его в принудительном порядке устроили на работу по специальности — в лабораторию. Месяца через три этот «проповедник» исчез из лаборатории и стал скрываться от семьи и правосудия. Разумеется, Винсу удалось скрываться недолго, и он вторично получил в полном соответствии со своими заслугами.

Инспиратора различных провокационных акций Винса впоследствии выдворили из СССР. Теперь он возглавляет в единственном лице заграничное представительство «Совета церквей ЕХБ». Живет в Торонто на подкормке с чужого стола. Встречавшийся с ним житель Канады Иван Гук, считающийся авторитетным лицом среди сектантов, заявил:

— Считаю, что у него наяву комплекс мученика, страдающего якобы за веру... Убежден, что его устремления ничего общего с религией не имеют. Все действия этого человека носят плохо скрываемый политический подтекст. Пора это понять тем, кто до сих пор идет у него на поводу.

Оголтелые антикоммунисты на Западе не однажды пытались фальсифицировать «дело Винса», взывая о спасении «праведника» и «борца» за веру.

Однако вернемся к Сарельду и Энгстрему, ломавшим головы над тем, как раздобыть факты посолиднее и посвежее, дабы можно было нажить политический капиталец, пошумев в прессе и в эфире.

Перед новой встречей с «братом» Яковом «туристы» долго мотались по Киеву, проверяя, не следят ли за ними. Их ждали все те же участники первой встречи.

На сей раз речь пошла о радиостанции «Ибра» в Португалии, передающей на русском языке религиозные проповеди, ловко начиненные всевозможной антисоветчиной, прочими измышлениями слуг господних. Сарельд делал беглые наброски в блокноте по ходу беседы. Потом ночью в мотеле он уничтожил эти записи, как только зашифровал плоды беседы — жалкие потуги сектантов выдать белое за черное...

«Туристы» покидали Киев в бодром настроении. Впереди Москва — главные встречи и беседы. Полные надежд обогатиться сведениями для прессы и радио антикоммунистов, они фиксировали посты ГАИ, чтобы коллеги, которые поедут по их следам, знали, где безопаснее остановиться, обделывая свои темные делишки.

В столичном мотеле «Можайский» отдыхали недолго: опять усиленный рабочий график — посещение сектантских экстремистов, добывание антисоветской клеветы.

На квартире у Натальи Варфоломеевой братья Сарельд и Энгстрем встретились с Александром Семченко, проповедником московской общины ЕХБ.

Как и прежде, Сарельда интересовало одно:

— Нужна информация о положении верующих в СССР. Мы состоим в группе верующих, которая именно этим занимается.

— Число зарегистрированных общин растет,— отвечал Семченко.— Люди считают, что установленные законом условия регистрации вполне приемлемы. О фактах ущемления прав верующих слыхать не приходилось...

— Взаимоотношения зарегистрированных общин ЕХБ со сторонниками «Совета церквей»?

— Отношения остаются натянутыми из-за разногласий в руководстве...

Осечка! Никакой новой и «годной в дело» информации! Тогда Сарельд протянул Семченко анкету. Ее вопросы касались слышимости и содержания программ радиостанции «Ибра».

— Хотелось бы знать об эффективности наших радиопроповедей...

Семченко, лениво читая анкету, улыбнулся:

— От моих ответов слышимость вряд ли улучшится...

Вот тебе и на! И тут — трещина...

На следующий день Семченко показал «брату» Сарельду студию звукозаписи, оборудованную в частном доме Стрельникова под Москвой, в Раменском. Перед этим спросил Сарельда:

— Не состоите ли вы в штате «Славянской миссии» *? О ней я так много наслышан.

— Нет, сотрудником в «миссии» я не состою,— ответил Сарельд,— но близко знаю ее руководителя — «брата» Мартинссона...

В Раменском с черного хода дома с мансардой поднялись на студию. Хозяин дома отсутствовал. Тем не менее Семченко вел себя как здешний завсегдатай. Еще бы: лично готовил продукцию студии и через иностранцев переправлял ее известному на Западе радиопроповеднику Ярлу Пейсти, а оттуда таким же путем получал разные по размеру куши — по 300 — 500 рублей.

Сарельд со знанием дела оценил и место, выбранное для студии (подальше от мирской суеты), и саму студию.

Семченко рассказал, что часть оборудования Ярл Пейсти дал натурой, а часть — советскими рублями, причем без расписки и с пояснением, что отчета не потребуется.

— В чем нуждаетесь? — поинтересовался Сарельд.

— Содержание студии требует средств. Рублей тысячу в месяц...

Сарельд, поразмыслив немного, спросил:

— В какой форме лучше всего оказывать вам помощь?

— В советских рублях...

— Ничего не обещаю, но в Стокгольме доложу...

Среди других московских адресов — сектант-пятидесятник Анатолий Власов, судимый за нарушение советского законодательства. Знакомый Сарельду с 1974 года. Этот «брат» был связан с московскими «диссидентами» — Гинзбургом и компанией.

Во время одной из встреч Сарельда с «братом» Власовым слишком суетились хозяева дома и гости.

---

* Религиозно-пропагандистская организация, занимающаяся антикоммунистической деятельностью.

В квартиру что-то вносили в тяжело нагруженных сумках: не с порожними руками ушли иностранные гости...

Секреты тайника

Хлопотная, в общем-то, поездка. Теперь, наконец, на Брест. Через Смоленск и Минск. Сарельд и Энгстрем, хотя и усталые от «праведных» дел, стремились домой не без чувства исполненного долга. По дороге останавливались: не торопясь помолиться, поразмыслить. Часто заправляли «Форд-консул» горючим. Только в автомобиль набирали каждый раз почему-то не более 20 литров. Больше пользовались канистрами.

По мере приближения к Бресту радость наших путешественников стала вытесняться тревогой. Действуя осторожно и конспиративно, «братья во Христе» тем не менее осознавали, что оставляют за собой целую полосу отметин, по которым можно судить, что как туристы они отклоняются от соответствующих норм поведения. Сарельда не могли не тревожить и мысли о демаскирующих нормах заправки автомобиля.

Такое беспокойство иностранцев на первый взгляд не бросалось в глаза, о нем стало известно гораздо позже, после тщательного досмотра их автомобиля перед пересечением советско-польской границы. Никакие уловки зарубежных эмиссаров не обманули бдительности работников контрольно-пропускного пункта и таможни. Так что предчувствия этих «туристов», вызванные отсутствием полной уверенности в успехе своей акции, оправдались.

Вот Сарельд притормаживает «Форд-консул». С наигранным спокойствием молодые люди выходят из машины. На не очень-то чистом русском языке приветствуют пограничников. Сами приглашают инспектора таможни. Любезно показывают паспорта. С готовностью раскрывают чемоданы:

— Извольте, осмотрите. Одни носильные вещи.

Последовал традиционный вопрос:

— Есть ли в автомашине какие-либо скрытые от таможенного досмотра предметы?

— Ничего нет,— подчеркнуто спокойно отвечает Сарельд.

Сарельда и Энгстрема просят отойти от машины.

По безупречно гладкому, почти детскому лицу Энгстрема пробегает тень беспокойства. Сарельд же пытается шутить.

Осматривавшие обратили внимание на весьма странный бензобак: в верхней его части — явная полая емкость, лишь внешне общая с бензобаком. Действующий топливный бак — слишком мал по объему для такого типа машины. От объяснения причин конструкторских изменений в бензобаке «туристы» уклонились, сославшись на то, что машина взята напрокат.

Инспектор таможни вежливо, но достаточно твердо попросил открыть замаскированную емкость. И тут-то Сарельд сорвался. Куда только делись приветливая улыбка, шутки, наигранное спокойствие! Уже не в силах сдержать накопившееся раздражение, он зло огрызнулся:

— Не позволю! Машина принадлежит моей родственнице, и я категорически отказываюсь что-либо трогать в ней.

Тогда последовало вполне обоснованное указание просверлить бак в нескольких местах — посмотреть, что в нем находится. Сарельд неистовствовал. Пытался вырвать из рук таможенника дрель, угрожая:

— Вы будете отвечать по всей строгости закона! Требую возмещения убытков!

Пока бак сверлили, Сарельд, позеленев от злости, буйствовал, обрушивая на таможенников поток гневных слов и ругательств на всех языках, которые знал. В акте о его недостойном поведении во время таможенного досмотра так и записали: «Гражданин Швеции Сарельд оказывал физическое сопротивление, не давал и мешал работать, грубил и кричал на присутствующих при досмотре, вел себя нагло и вызывающе». Вот тебе и «христианское смирение»!

Тайник вскрыт... Взору собравшихся предстала кипа бумаг, писем, копии различных документов, всевозможные измышления клеветнического толка, заявления, целая груда антисоветской, исполненной типографским способом, и рукописной продукции, в жанре, если так можно сказать, пасквильно-деловом. Сотрудникам КПП и таможни пришлось немало потрудиться,

пока была составлена длиннющая опись контрабандных материалов, имеющих самое непосредственное отношение к тому, что на языке империалистических разведок именуется диверсией без динамита.

Сарельд понял — его карта бита. Попросил лист бумаги, выразив желание сделать заявление. Свое откровение он адресовал таможенным властям Бреста и своим «ближним». Вот как он изворачивался: «Я верующий. Я поддерживаю братские отношения со всеми христианами, независимо от того, являются ли они новообращенными или были давно крещены, независимо от того, где они проживают...» Далее шли утверждения, что в Советском Союзе много христиан, которые, по его мнению, преследуются за свои убеждения и — ни много, ни мало — призывы ко всем верующим защитить «пострадавших»...

Найденный в бензобаке «Форда-консула» потайной «ларчик» открыть было не так-то просто. Он имел свои технические секреты, которые знал только владелец машины. Человеку, не посвященному в расположение и устройство тайника, весьма непросто его обнаружить, а тем более вскрыть без механического вмешательства.

В салоне автомобиля под задним сиденьем обнаружили другой тайник — для перевозки политической контрабанды, но он оказался пустым.

Оба тайника были сделаны весьма профессионально и в условиях хорошо оснащенной мастерской. Открывались они с помощью электромоторов, управляемых кнопками на контактной колодке, тщательно замаскированными под приборным щитком автомобиля.

Что же увозили с собой в своем, как им казалось, безопасном тайнике незадачливые туристы, чтобы передать в логово идеологических диверсантов? Все изъятые в установленном порядке материалы содержали грубые антисоветские измышления, беспардонную ложь и клевету, прикрываемые религиозно-сектантской терминологией, призывы к вмешательству во внутренние дела СССР.

Вся эта дурно пахнущая стряпня, приготовленная по вкусу клерикального антикоммунизма, изобиловала подтасовками, сфабрикованными фактами о якобы имевших место притеснениях за веру, искажениями

сущности политики КПСС и Советского государства в области религии. Именно подобной стряпней обеспечивается на Западе раздувание всяческих антисоветских кампаний и шумихи о «правах человека в СССР». В западной реакционной прессе, на радио, в кино и на телевидении такие материалы дефицит. Их охотно публикуют журнал Народно-трудового союза (НТС) «Посев» и другие антисоветские издания.

Среди обнаруженных материалов — сборник документов на 435 страницах в 2-х экземплярах, вещавший о положении верующих в СССР и озаглавленный «Выходи из нее, народ мой». Составитель этой поистине кощунственной фальшивки — небезызвестный пасквилянт Александр Гинзбург, не имеющий никакого отношения к вопросам религии, не верящий, как говорят в народе, ни в бога, ни в черта. Ему, лишенному совести и чести, поистине безразлично, на кого «катить бочку», лишь бы получить за клевету очередную дозу подкормки из-за рубежа.

Вот и насобирал этот так называемый диссидент всевозможные обращения, воззвания, декларации, заявления не кого иного, как христиан веры евангельской (пятидесятников), адресованные конгрессу США, Комитету по правам человека ООН, Красному Кресту и другим международным организациям, всем церквам мира и даже лично папе Римскому. Сборник извращенно, с позиций антисоветизма преподносил положение верующих в СССР, поливал грязью советское законодательство о религиозных культах, игнорируя тот неоспоримый факт, что в СССР свобода совести гарантирована, как ни в одной стране.

Смехотворна аргументация всей этой низкопробной стряпни. Приводятся биографии сектантов, пострадавших за веру. Так, в сборнике фигурирует дело Ващенко, из которого ясно: он отказался служить в армии по религиозным мотивам и был привлечен к уголовной ответственности. Что же тут незаконного?! Наоборот, именно закон требует за уклонение от исполнения воинской обязанности непременного наказания. Закон...

А вот другой слуга божий — сектант Владимир Хайло, судимый в свое время за хищение социалистической собственности. Его привлекли к уголовной ответственности за дикое изуверство — религиозное шарлатанство, приносящее ущерб здоровью верующих.

Хайло не без корысти изгонял из больных нечистых духов...

Куда уж дальше в наш век научно-технической революции! И кому не ясно, что такие действия по советским законам наказуемы?!

Что касается преследований за веру, стоит напомнить, что в уголовных кодексах союзных республик специально предусмотрена статья, требующая определенных санкций к лицам, препятствующим совершению религиозных обрядов. Лишь бы эти обряды не нарушали общественного порядка и не сопровождались посягательством на права граждан.

С гневом читаешь злобные сочинения самозваного епископа пятидесятников Николая Горетого. Подготовкой фальшивок о преследованиях верующих в СССР он занимался в компании с Александром Гинзбургом. Эти «материалы» — прямо-таки находка для НТС, радиодиверсантов «Свободы» и «Свободной Европы», всевозможных зарубежных центров, специализирующихся на антисоветско-религиозной тематике.

Цель писаний Горетого, поощряемого из-за рубежа,— склонять некоторых пятидесятников к выезду на Запад якобы по религиозным мотивам. Эта его акция экстремистского толка потерпела плачевный крах.

Верующие, поддавшиеся провокационному угару, со временем поняли корыстные устремления епископа и четко и ясно оценили их в официальных заявлениях.

Еще в бензобаке обнаружили магнитофонные ленты с записями истерических выступлений разных сектантов на собраниях незарегистрированных групп, письмо-благодарность сотруднику американского библейского института доктору Муну за присланные нелегальным путем религиозно-пропагандистские кинофильмы и брошюры, письмо Ярлу Пейсти с просьбой прислать звукозаписывающую аппаратуру.

В ворохе бумаг — туристские схемы городов СССР и польского города Легницы, справочники «Улицы Москвы», записки на шведском языке, изданные в СССР брошюры атеистического содержания, одна из них — «Законодательство о религиозных культах».

— А это зачем прятали в тайник? — спросили Сарельда.

— Такая литература в наших сумках могла бы вызвать подозрение у таможни...

Пояснения по поводу изъятых материалов «туристы» отказались дать.

Разоблачение

Обнаруженные в тайнике автомобиля материалы доказывали особую целенаправленность поездки «туристов». Эти материалы имели неопровержимую клеветническую антисоветскую направленность. Управление КГБ по Брестской области на Сарельда и Энгстрема возбудило уголовное дело по статье «Антисоветская агитация и пропаганда». Санкция статьи гласит: «Наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет...»

Хотя ситуация была вполне ясна, дело оказалось нелегким. Сначала следствие велось в Бресте, потом — в Минске.

Сарельд сразу же заявил, что русского языка не знает и будет давать показания только на английском, Энгстрем предпочел говорить на родном шведском.

Несмотря на поимку с поличным, оба «туриста», несомненно имевшие инструкции на случай провала, упорно отказывались давать какие-либо пояснения по поводу обнаруженных в тайнике антисоветских материалов, о целях поездки и круге лиц, с которыми встречались в СССР. В протоколах первых допросов ответы обоих на вопросы следователей весьма лаконичны.

Вот как проходил диалог в начале следствия:

— Вы подозреваетесь в совершении преступления, предусмотренного статьей 67 Уголовного кодекса Белорусской ССР. Понятно ли вам, в чем вы подозреваетесь и что можете показать в связи с этим?

— Мне разъяснено и понятно, в совершении какого преступления, предусмотренного советским законом, я подозреваюсь,— отвечал Сарельд.— Материалы получил от лиц, назвать которых не желаю. Ничего не хочу говорить также о том, где я получил эти материалы, и обо всем, что касается изъятых в тайнике автомашины различных документов.

— Посещали ли вы ранее Советский Союз, когда и с какой целью?

— Я не отрицаю того факта, что ранее посещал СССР, но давать какие-либо пояснения по этому поводу не желаю.

— Кем был оборудован тайник в вашей автомашине?

— На этот вопрос отвечать не собираюсь.

Аналогично отвечал и Энгстрем, занявший более удобную, уклончивую позицию: мол, спрашивайте у Сарельда, пригласившего меня в поездку. В Москве, мол, Сарельд из мотеля «Можайский» вечерами куда-то уходил, иногда ездил на машине, а он, Энгстрем, знакомился с окрестностями один.

Куда же и зачем ходил Сарельд, догадаться не трудно: на границе в Бресте из машины изъяты материалы...

Энгстрем даже просил уточнить запись в протоколе:

— Что Сарельд вечерами куда-то из мотеля уходил, а я оставался один, это не совсем верно. Я с ним вместе выезжал в город, останавливали машину на Калининском проспекте и расставались. Я ходил по магазинам, потом мы уезжали в мотель...

Поначалу следствие располагало скудными сведениями об обоих «туристах».

Сарельд Бенгт Гуннар, 1945 года рождения, работает частным переводчиком, живет в Швеции, в городе Эскильстуне, ранее посещал СССР.

Энгстрем Нильс Эрик, 1951 года рождения, имеет высшее образование, работает ассистентом в лаборатории фирмы «Стуракоппарберг», живет в Швеции, в городе Фалуне.

Лишь позже, из собственных показаний обоих, показаний ряда свидетелей и добытых уликовых материалов стали известны детали их подрывной деятельности, подробности путешествия в Киев и Москву.

В принципе, следствие такого рода — это долгая и упорная психологическая борьба. Признав свою причастность к «Славянской миссии», Сарельд и Энгстрем, прикрываясь библейской фразеологией, сводили деятельность этой, прежде всего антисоветской, организации всего лишь к распространению религиозной литературы среди верующих социалистических стран. Вместо ответов на вопросы, поставленные прямо, затевали споры на религиозные темы.

Следователям пришлось приложить максимум энергии, духовных и нравственных усилий, чтобы до конца распутать клубок преступлений идеологических диверсантов. Надо было установить подлинную личность Сарельда, документально доказать все факты его преступных действий против СССР. Запросы на КПП, допросы свидетелей, лиц, с которыми он встречался, опознания, очные ставки, осмотры вещественных доказательств — все это требовало большого внимания и напряжения.

Им, Сарельду и Энгстрему, терпеливо разъясняли ложность бытующего на Западе предвзятого представления о положении верующих в СССР, хотя они и до этого понимали, что, если кое-кто из верующих и привлекался к судебной ответственности, то вовсе не за веру, а преимущественно за элементарную уголовщину. Бывают, конечно, случаи, когда судебным органам приходится пресекать клевету со стороны отдельных верующих, которая используется идеологическими диверсантами на Западе в антисоветских целях. Разумеется, вера здесь тоже ни при чем.

Вдруг оказалось, что Сарельд стал понимать русскую речь. Неожиданно он заявил, что русский язык знает в совершенстве, окончил курсы военных переводчиков — его, видите ли, готовили допрашивать будущих советских военнопленных! Однако знание русского нисколько не помешало ему предложить, чтобы допросы велись на английском.

Сарельд наконец начал признавать свою вину, но по частям, по мере того, как улики припирали его к стенке. Просил бумагу и писал по-русски повинную. Мол, не согрешишь — не покаешься, а не покаешься — не спасешься. Сообщая, что является христианином, благодарил за гуманное и внимательное к нему отношение, за предоставленную возможность встретиться с представителем посольства Швеции. Затем следовало покаяние: дескать, виноват, собирал не по чьей-нибудь, а исключительно по собственной инициативе клеветническую информацию о положении верующих в СССР, прятал ее в тайник, чтобы вывезти за границу. У кого взял материалы — назвать, мол, этих людей не могу. Прошу за все простить!

Пришлось предъявить немало улик и вещественных доказательств, которые заставили «туристов»

признать, что изъятые из тайника в автомобиле материалы со злобной бранью, хулой и клеветой в адрес Советского государства вручил им не кто иной, как Анатолий Власов. Тут же следовало наивное объяснение Энгстрема: не знали содержания материалов. Сарельд сказал ему, что эта рукопись, в которой рассказывается об ошибочности теории относительности Энштейна. Написал один христианин, в СССР книгу не издадут, а за границей она пойдет.

Допросы свидетелей, материалы обысков у Власова, Гаврншева и других лиц, у которых были обнаружены зарубежные средства подрывной деятельности, подтвердили версию следствия о том, что Сарельд и Энгстрем — эмиссары клерикально-подрывного центра, использовавшие канал туризма для вывоза из СССР клеветнической информации с целью публикации ее в буржуазной прессе.

«Брат» Стефан, как представлял себя верующим Сарельд, оказывается, окончил физико-математическое отделение философского факультета. Получил степень магистра философии. Но это не удовлетворило молодого педагога. Он совершенствует свои знания в русском и английском языках. С 1963 года успел 7 раз побывать в СССР с недоброй миссией.

Под настоящей, своей фамилией — Перссон, он совершил вояж в Ленинград. В период подготовки к празднованию 50-летия образования Советского государства, тогда еще студент Стокгольмского университета Бенгт Перссон с напарницей врачом Маргарет Хек пытался распространить в Ленинграде около 300 экземпляров антисоветской клеветнической литературы двенадцати наименований *. За противоправную деятельность, прикрываемую религиозной фразеологией, его выдворили из города на Неве.

Однако горький опыт не пошел ему впрок. Отправился в Польшу. Его и оттуда выдворили. Снова потянуло в Советский Союз. Стал оформлять туристическую визу. Во въезде в страну, разумеется, учитывая его прошлые «заслуги», отказали. К тому времени, по показаниям разоблаченного эмиссара Черничука, было известно, что Перссон является кадровым работником «Славянской миссии» и помощником ее генеральком

* Ленинград. правда, 1967, 12 окт.

ного секретаря Мартинссона. Тогда он заявил ближайшим друзьям:

— Считайте, что Перссона больше не существует!

Так в «миссии» появился новый сотрудник — Сарельд.

Под тяжестью приведенных следователями многочисленных доказательств оба шведа поняли, что дело принимает для них весьма скверный оборот. Оба стали говорить монотонно, будто читать проповедь. Начал тяжело вздыхать Перссон, несмело бормотать Энгстрем.

Наконец, Перссон написал собственноручное признание:

«Уже при первой поездке в 1963 году я содействовал вывозу материалов о положении верующих для дальнейшей публикации в Швеции.

...При моей последней поездке я также пытался вывезти большое количество материалов антисоветского характера с искажением и клеветой, направленной против общественного строя Советского Союза... В 1974 году я просил Анатолия Власова, пятидесятника, проживающего в Москве, чтобы он собирал для «Славянской миссии» статьи на религиозные темы из газет Советского Союза. Мне известно, что членами нашей группы был провезен множительный аппарат, который был сдан Власову. Мне также известно, кто из нашей группы провозил и советскую валюту, которая была отдана пятидесятникам в Киеве. Кроме того, я знаю, что Мартинссон, руководитель «Славянской миссии», устроил денежную помощь Аркадию Михайлову, который проживает в Ленинграде... В скромной мере мы также передали материальную помощь верующим в виде одежды, магнитофонов и т. д.

Мы нарушали советские законы, ввозя литерауру и другие предметы и вывозя клеветнические материалы в тайниках без ведома советских властей. Я глубоко сожалею и раскаиваюсь в этом.

Я сейчас понимаю, что политическая сторона нашей деятельности гораздо серьезнее и обширнее, чем я раньше предполагал. Я наивно смотрел на вещи. Блуждал в мире противоречивых информаций. Поступал незаконно. Публикация такого рода материалов приносила ущерб общественному строю Советского Союза, делу социализма именно тем, что самая выдающаяся стра-

18 Зак. 1823

на социализма очернялась перед общественностью стран Запада, люди которых принимали эту ложь за правду... Имея достаточно времени для размышления, я сегодня вправе осудить себя и свои поступки.

...Я от всего сердца прошу прощения у всего советского народа за то, что я сделал».

В том же духе сделал заявление «от всего сердца» и Энгстрем.

Конечно же, оба «туриста» надеялись, что на признании ими вины в совершении враждебных акций против Советского государства дело и завершится. Они всячески уклонялись от показаний, способных прояснить, чья же рука направляет в нашу страну ядовитые стрелы антисоветизма, по чьей указке проводится подрывная работа против СССР под флагом сугубо религиозных интересов. Эмиссары упорно уходили от ответа на любой вопрос об их покровителях. Но, видя неопровержимость собранных доказательств и неотвратимость возмездия, первым молчание нарушил Энгстрем. Он даже расплакался. Вслед за ним заговорил и Перссон.

На службе антикоммунизма

Туман, которым эмиссары так старательно окутывали «Славянскую миссию», постепенно стал рассеиваться. Нехотя, по крупицам раскрывают Перссон и Энгстрем, что за фасадом «миссии» кроется самый обыкновенный шпионско-подрывной центр, готовящий и проводящий тайные операции против социалистических стран по всем канонам рыцарей плаща и кинжала. Вот выдержки из показаний обвиняемых:

Перссон: Мне лишь приходится сожалеть, что вся наша работа, носящая тайный и конспиративный характер, приобрела политическую окраску. Она ставит перед собой задачу опорочить Советский Союз в глазах мировой общественности. Публикация за границей таких материалов, какие изъяты у нас при досмотре, наносит ущерб интересам Советского государства, подрывает его авторитет.

Энгстрем: Я сейчас сознаю, что подобного рода деятельность является по существу политикой вмешательства во внутренние дела Советского государства. Клеветнические материалы готовились для публикации

специально перед 60-летием Октябрьской революции с тем, чтобы оклеветать на Западе Советское государство. Они были бы пропагандистским оружием против СССР.

«Славянская миссия» активизировала свои усилия после подписания на совещании в Хельсинки Заключительного Акта. Эмиссары перед поездкой знакомились с этим документом, чтобы в случае задержания они смогли сослаться на Декларацию и заявить, что в СССР якобы «нарушаются права человека».

Как говорится, вполне ясные и вполне недвусмысленные признания! Подрывная деятельность «миссии» прикрывается религиозной фразеологией. Распространение библий, как заявили Перссон и Энгстрем, служит лишь приманкой для верующих, пролагает эмиссарам пути к неофициально действующим сектантским группам. Именно главари «миссии» рассчитывают использовать в своих грязных целях добытую их представителями всевозможную информацию, хоть в какой-то мере пригодную для антисоциалистической пропаганды. Главная их цель — пытаться превращать хотя бы отдельных верующих в идеологических диверсантов.

После обработки и анализа собранных клеветнических материалов разрабатывались коварные акции, подчиненные задаче вызвать у верующих граждан социалистических стран недовольство органами власти, спровоцировать их хоть на какие антигосударственные действия. Вот такими способами куется информация, которая передается затем в буржуазную прессу, столь поднаторевшую в лживых антисоветских шумихах.

Истинная цель деятельности «Славянской миссии» строго скрывается. Ее штаб-квартира на окраине Стокгольма. Хозяин трехэтажного особняка, генеральный секретарь «миссии» «брат во Христе» Ингемар Мартинссон все скрупулезно продумал, дабы сберечь тайны этого осиного гнезда. На первом и втором этажах особняка — штатные сотрудники «миссии», на третьем — квартиры кое-кого из них, живущих здесь с семьями. Без предупреждения сюда входят только свои люди. Остальные же, даже подобранные для практических дел эмиссары, могут зайти, лишь заранее получив разрешение на визит. Штаб-квартиру знают только те, кого снабжают здесь кодами, явками, средства-

ми тайнописи, адресами, антисоветской литературой, отправляя их в СССР и страны социалистического содружества.

У Мартинссона немалый штат работников, у каждого — свои функции. Сам он — швед. Непосредственно отвечает за сбор информации по СССР. Финансовая сторона дела лежит на Геатруд Струше. Алвар Проссен ведает изданием религиозно-пропагандистской литературы на славянских языках. У него же сосредоточены адреса советских граждан. К жене Проссена, болгарке Стелле, стекаются материалы о положении верующих в Болгарии. Она их переводит на шведский язык. Аналогичные функции по Югославии выполняет Груич Моймир. Переводы с русского делает финка Хапамяки. Складом с антисоциалистической литературой, кинофильмами, множительной аппаратурой, различными вещами, выдаваемыми в порядке вознаграждения за «услуги», ведает Ингеборг Анссон.

Мартинссон и его ближайший помощник — кадровый сотрудник «миссии» Перссон, сменивший фамилию на Сарельд, не могли не понимать, что их клерикальная антисоциалистическая организация своими подрывными акциями не может не привлечь внимание советских органов государственной безопасности. И Мартинссон, следуя своему правилу «излишне знать больше, чем необходимо», предложил как-то «прикрыть» саму «миссию», оставить ее в тени. Для этого он создал так называемые «рабочие группы», непосредственно организующие поездки в СССР, в страны Восточной Европы под вполне благовидными предлогами.

Координация деятельности «рабочих групп» возложена на Сарельда и Мулин Лилиан — женщину, весьма влиятельную и заметную в «Славянской миссии», не однажды бывавшую в СССР. В первой группе, планирующей и организующей поездки, ведущую скрипку играет Мулин. Заседания этой группы порой посещает сам Мартинссон и Проссен. Особенно, когда решаются вопросы о «туристах» в нашу страну.

Все члены группы — кадровые сотрудники «миссии». У мадам Мулин полно забот: график поездок с учетом свободных машин с тайниками, подбор эмиссаров, поддержание связи с ними. Кандидатуры, конечно же, согласовываются с Мартинссоном. Новичков отправляют в поездки с теми, кто уже бывал за границей

с «поручениями». После первой поездки определяется пригодность новичка к дальнейшему выполнению заданий.

Начинающие эмиссары проходят подготовку. Энгстрем рассказал, что для этого он прочел изданные за рубежом книги «Божьи контрабандисты», «Мученик за Христа» и «Вера Христа перед советским судом». Ему поручалось выяснить адреса церквей в социалистических странах для «справочной работы», обобщить полученные сведения о постах ГАИ на дорогах СССР, чтобы «туристы» не останавливались вблизи, когда нужно достать материалы из тайников. Выполнить первое поручение просто было невозможным. Второе оказалось не менее сложным: одни отмечали километраж по спидометру, другие — по столбам. Тем не менее Мулин Лилиан неплохо оценила усердие Энгстрема.

Вторую группу возглавляет Сарельд. В нее входит и Энгстрем. Он отнюдь не новичок — дважды бывал в СССР с заданиями «миссии». Группа детально готовит каждую поездку. Решается, с кем конкретно должны встретиться эмиссары, как лучше попасть по нужному адресу. Здесь собраны маршруты движения, поддерживаются контакты с туристскими фирмами, координируются идеологические диверсии. Так было, например, во время подготовки к Олимпийским играм в Москве.

Сарельд номинально руководит и третьей группой, которая оборудует тайники в автомашинах. Ведущую же роль в этих делах играет Роланд Ларссон, владелец автомастерской, где изготовляется шпионское снаряжение, изобретаются тайники. А член группы Мулин Ленарт объясняет эмиссарам тонкости эксплуатации всей этой хитроумной машинерии.

Обычно Ларссон Роланд и приобретает машины. Чтобы скрыть причастность к темным делишкам «миссии», купленный автотранспорт регистрируется на подставных лиц, от которых затем эмиссары, едущие под видом туристов, получают машины по доверенности. Геатруд Струше оплачивает фиктивным владельцам автомашин все расходы — страховку и налоги. «Форд-консул-2000», на котором закончился бесславный вояж в СССР Сарельда и Энгстрема, был оформлен на родственницу Мартинссона — Линден.

Во избежание провала Мартинссон ограничил до

минимума контакты между членами «рабочих групп». Он одобрил создание еще одной группы для завоза в Советский Союз и другие социалистические страны различной контрабанды и сбора там информации, годной для интерпретации ее в антисоциалистическом духе. Люди из новой группы никого не знают из тех, кто уже совершал поездки. Они пользуются новыми машинами, новыми тайниками, посещают новые адреса. Следовательно, в случае задержания соответствующими советскими органами они не в состоянии выдать других эмиссаров и подвести «миссию».

— О существовании этого звена знает ограниченный круг людей,— заявил Сарельд.

Для рабочих встреч членов групп подальше от штаб-квартиры и людских глаз имеется лесной домик, в котором раза два в год проводятся «большие совещания» с эмиссарами.

— Что касается обмена опытом и информацией, то на одном из совещаний спорили, не пора ли прекратить пользоваться машинами с тайниками? Ведь их все равно обнаруживают.

В дискуссионном пылу выдавались фантастические предложения: забрасывать «продукцию «миссии» в СССР с помощью спортивных самолетов, переправлять ее в бочках по пограничным рекам и, наконец, для усыпления бдительности таможенников давать им взятки. Все варианты, однако, признали нереальными и очень опасными.

Но спор спором, а денег затрачивается предостаточно: оплата за работу штатным сотрудникам, другим миссионерам, эксплуатация 15 автомашин, оборудованных тайниками, недешево стоит. И услуги мастерской Роланда Ларссона, где наловчились создавать эти хитроумные шпионские приспособления, надо оплачивать.

Последнее слово, как всегда, оставалось за строгой и решительной Лилиан Мулин:

— Довольно! Обсуждение прекращается. «Брат» Мартинссон полагает работать с тайниками.

Перед каждой поездкой в СССР и другие социалистические страны после получения адресов советских граждан, с которыми нужно установить конспиративную связь, карт-схем городов, звукозаписывающей и множительной техники, религиозно-пропагандистских

материалов, предназначаемых в качестве подачек за «услуги», в лесном домике эмиссары проходят тщательный инструктаж, как лучше выполнить задания. Начинаются уроки конспирации. Все взоры обращаются к Сарельду. Он, надо сказать, поднаторел в обучении «птенцов» — начинающих диверсантов.

Опытный сотрудник «миссии» Сарельд когда-то сам усваивал правила конспирации. Но тогда это было устное творчество. А сейчас создан чуть ли не учебник «Добрые советы». Эти весьма квалифицированные «советы» разработаны в 1974 году самим Мартинссоном и братом Сарельда — «знатоком психологии разведчиков» Андерсом Перссоном, занимающимся этими проблемами в часы, свободные от работы в министерстве обороны Швеции.

«Добрые советы» носят отнюдь не библейский характер.

Обнаруженные записи эмиссаров пестрят несвязанными терминами. Код — это условный язык. И он не распознаваем, пока не станет известно о договоренных условностях. Сарельд рассказал о них: СССР — Смоланд, Румыния — Скон, Киев — Нэсш, тайник — ухо, пятидесятник — летчик, верующие — пробки, баптист — лодочник.

Изобретательно, ничего не скажешь!

А вот инструкции Сарельда: если возникает необходимость установить непосредственный контакт с «миссией», извольте обращаться к Ядербергу. Этот официальный сотрудник знает, что делать и как поступать. А если нужно срочно что-то решить, звоните на дежурный телефон Анне Карлссон. Господин Мартинссон наделил ее соответствующими полномочиями.

Разумеется, Сарельд рекомендовал не записывать номер телефона, а запоминать его, как нужные адреса и фамилии людей.

Когда обсуждались враждебные акции для проведения их в период Олимпийских игр в Москве, возлагалась большая надежда на то, что советские таможенники не смогут достаточно бдительно нести вахту — ведь одних только туристов сколько будет! Вот и предполагалось как можно эффективнее использовать такую ситуацию.

Всех эмиссаров, провожая в путь, строго предупреждали:

— В случае провала — замок на уста!

Эмиссары так и держались в начале следствия.

По каждой поездке составляются специальные отчеты о выполнении задания. Их обобщает Мулин Лилиан.

Затем сводные данные попадают на стол Мартинссона.

После передачи добытых различного рода клеветнических материалов и документов заполняется специальная анкета — вопросник с дюжиной граф: особенности таможенного досмотра, на каком КПП досматривались, вызвали ли к себе подозрение, сколько предметов, взятых с собой, оставлено в стране пребывания, полученные адреса новых лиц, уничтожены ли записи адресов, полученных в «миссии», и т. п.

Хотелось бы видеть, с каким лицом Мулин Лилиан предстала перед Мартинссоном с данными, добытыми Сарельдом и Энгстремом о Брестском КПП! Наверно, в соответствующих графах вопросника не хватило места.

Ныне окончательно сорвана маска поборников веры со «Славянской миссии» — одного из разведывательно-подрывных центров. По формам и методам деятельности эта «религиозная» организация ничем не отличается от разнообразных враждебных формирований, активно используемых империалистическими разведками. Многие из таких формирований пытаются маскироваться под внешне респектабельными вывесками. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «Многочисленные идеологические центры империализма стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность. Особая ставка делается на религиозных экстремистов. Одновременно распространяются измышления о «нарушениях свободы совести в СССР».

По показаниям Сарельда и Энгстрема, своими подрывными акциями «Славянская миссия» охватывает все социалистические страны Восточной Европы. Ее эмиссары направляются в Чехословакию, Венгрию, Польшу, Румынию, Болгарию, ГДР и Югославию. В сопредельных капиталистических странах (ФРГ, Австрия), а также в Западном Берлине они поддерживают контакты с политическими группами, никак не

связанными с религией. Там для них созданы специальные перевалочные пункты, базы, имеются виллы, где можно хранить контрабанду, получить инструктаж об изменениях обстановки, мастерские техосмотра и ремонта машин с тайниками.

В распоряжении «миссии» радиостанция «Ибра». Ее главная редакция в Стокгольме, передачи же ведутся с территории Португалии. На СССР вещает уже упоминавшийся Ярл Пейсти, использующий клеветнические материалы о нашей стране.

Штаб-квартира Мартинссона широко и тесно сотрудничает со многими центрами, институтами, организациями, миссиями, объявившими очередной «крестовый поход» против социализма. Ей сродни злобная антисоветская организация НТС: в пресловутом журнале «Посев» печатаются добытые «миссией» клеветнические материалы о СССР.

«Миссия» обменивается полученными сведениями с «Центром по изучению религии и коммунизма» в Англии, руководимым Майклом Бордо. «Центр» занимается «информационной работой» по материалам, касающимся СССР. «Миссия за железным занавесом» (Норвегия) подарила обители Мартинссона микроавтобус «Пежо», в котором затем оборудовали тайник. Материальная помощь оказывается и организацией «Международная амнистия», находящейся в Лондоне.

Мартинссоном финансируются Восточный библейский институт в Швеции за переводы религиозно-пропагандистской литературы на языки народов СССР, а также библейский институт «Муди» в США, который дублирует на русский язык ущербного для нас характера кинофильмы.

На поприще антисоветизма поддерживаются тесные связи с миссионерским обществом «Свет на Востоке», которое находится в ФРГ, и с его филиалом в Голландии. Созданное в 1920 году из числа белоэмигрантского отребья, бежавшего за границу после свершения Великого Октября, общество снискало более чем худую славу: в период немецко-фашистской оккупации его миссионеры рьяно проводили человеконенавистническую политику гитлеровских захватчиков. Теперь в одной упряжке с этим обществом «миссия» издает пасквильную газетенку «Свет на Востоке».

Кроме того, идет взаимный обмен информацией и

контактирование деятельности с «Народной миссией», находящейся в Финляндии, миссией «Брат Андрей», расположенной в Голландии *, и католическим издательством «Жизнь с богом», созданным в Брюсселе. В «Народной миссии» имеется славянское отделение, оно снабжается материалами непосредственно Мартинссоном. Все указанные организации, по признанию Энгстрема, выполняют те же задачи, что и «Славянская миссия», обмениваются тенденциозно собранной в шпионских поездках информацией и используют ее в антисоветских целях.

В ходе следствия было убедительно доказано, что Сарельд и Энгстрем по заданию «Славянской миссии» неоднократно ввозили в СССР контрабандным путем валюту, множительную технику, враждебную литературу, собирали клеветническую информацию о нашей стране, вывозили ее в тайниках с целью инспирации на Западе антисоветских кампаний. Кроме того, они подбирали на трассах следования удобные места для устройства тайников, необходимых при проведении враждебных акций.

Своими действиями оба не только вмешивались во внутреннюю жизнь СССР, но и подталкивали верующих к нарушению советских законов. Сарельд и Энгстрем назвали более тридцати эмиссаров, которые занимались на территории СССР и других социалистических стран тем же, чем и они.

Разоблачение Сарельда и Энгстрема нанесло сильный удар «миссии», вскрыло наготу неприглядной деятельности других зарубежных клерикальных центров.

От сурового наказания Сарельда и Энгстрема спасли добрососедские отношения между Швецией и СССР. Советские власти пошли навстречу шведскому правительству и ограничились выдворением эмиссаров. Отпустили с миром: идите, да не грешите, челядь «брата во Христе Мартинссона». Строгое, но доброжелательное предостережение.

В стокгольмском аэропорту «гонимых» окружили корреспонденты, фоторепортеры. Сарельд и Энгстрем категорически отказались отвечать на вопросы, сославшись на усталость. Думаете, случившееся пошло им

---

* «Народная миссия» и миссия «Брат Андрей» — религиозные миссионерские организации.

на пользу? Никак нет. Презрев исповедуемые ими божьи законы и отказываясь от собственноручно написанных признаний, они стали давать насквозь пропитанные ложью интервью, устраивать антисоветские пресс-конференции. Изолгавшиеся эмиссары то и дело сажали себя в лужу перед представителями прессы. Но их мало заботит логика. Любой ценой сохранить свое положение в «Славянской миссии» — вот мотивы слов и поступков этих оборотней.

Честно говоря, очень хотелось бы посоветовать Сарельду, Энгстрему и иже с ними: уймитесь, господа!

В. П. ПРОКУДИН

ОБОРОТЕНЬ

Под стук колес

Анна сидела в углу купе и украдкой бросала нежные взгляды на Николая.

В купе они остались одни, и, в очередной раз перекусив, Николай прилег отдохнуть. А на Анну обрушился рой видений ее будущей жизни, ее, казалось, теперь уже совсем близкой женской, материнской и семейной радости.

Да, она пошла на все ради этого человека, который моложе ее на восемь лет, любимого и, кажется, любящего. Пошла на все и сознательно переступила незримую черту между правдой и кривдой, добродетелью и преступлением, законом и незаконом. Лишь бы быть вместе с Николаем, исподволь втянуть его в тихую семейную жизнь. Тогда вернется здоровье, будут дети и все-все будет хорошо.

Вот уже и огни Оренбурга. Здесь ее знакомые. Помогут на первых порах... Здесь...

Неужели наконец-то и ей улыбнулось счастье?!

Она еще раз посмотрела на Николая, неслышно поправила сдвинувшееся одеяло. Стройный, худощавый, но сильный, с мужественным лицом и этими светлыми льняными волосами! Она любовалась им и ловила себя на том, что питала к нему сразу и чисто женские и материнские чувства...

Ресницы его дрогнули. Блеснула голубизна глаз. Веки бессонно распахнулись, и Анну ознобил пристально властный, незнакомый ей доселе гипнотизирующий свет остекленевших зрачков.

— Коля, милый, что с тобой?

Он будто не слышал ее слов, молча встал, мимолетно покрасовался перед зеркалом и, приблизившись, обдавая табачным дыханием, повелительно сказал:

— Вот что... У меня сейчас начинается припадок,— гадкая полуулыбка.— Слышишь! Ты выскочишь, крикнешь, что я сошел с ума, и — ходу. Чтоб я тебя больше не видел. Никогда! Поняла?

Он придвинулся совсем близко, лицом к лицу:

— Ни-ког-да! И не вздумай пикнуть обо мне. Я до тебя доберусь везде и — ты-то знаешь! — моя рука не дрогнет.

Беззвучные слезы заволокли глаза Анны и покатились, щекотно дрожа на щеках и подбородке. Он еще что-то сказал, но Анна больше ничего не слышала. Карточные домики грез, которые она только что строила с такой опрометчивой поспешностью, рухнув, оглушили ее больную душу... Она чувствовала только его костлявые, словно когти коршуна, пальцы, впившиеся ей в плечи.

Сломленное сознание Анны стало мутиться, но, потеряв свою волю, она привычно и слепо поддалась воле своего повелителя, как старая ломовая лошадь подчиняется любой прихоти своего возницы: какой вожжой дернет, туда и свернет.

Николай рванул на себе рубашку — пуговицы скользнули, как арбузные семечки,— красивое лицо его страшно перекосилось, и, в одну минуту перевернув все в купе, он больно ударил Анну. Ударил еще раз, еще больней и свирепей. Испугавшись за себя, Анна лязгнула дверью и, вырвавшись в коридор, побежала к проводнице:

— Уймите его, он сошел с ума!

Она кричала что-то еще, рыдая и убиваясь по своей горькой судьбе, в отчаянии, что и на этот раз столь рискованный поворот в жизни привел ее лишь к новому бездорожью.

Между тем мужчины кинулись к беснующемуся, скрутили его, кусающегося, плюющегося, и, наспех устраняя последствия потасовки, дежурили у связанного, чтобы без новых происшествий сдать на станции врачам.

Анна все же еще раз подошла к Николаю. Увидев ее, он опять принялся буйствовать, и пассажиры уговорили несчастную уйти...

Ставка на жалость

Восемь дней пролежал Экерт в Оренбургской психиатрической больнице. В его истории болезни против диагноза «эпилепсия» сначала появился большой вопросительный знак, выведенный красным профессор-

ским карандашом, потом Экерту сказали, что он здоров, и выписали из лечебницы.

Выписать выписали, а в больничном архиве появилась карточка, в которой значилось, что Неведомский Николай Иванович, 1914 года рождения, уроженец города Витебска, белорус...

А коли есть такая «карточка», то, стало быть, можно получить справку, что, мол, с такого-то по такое-то гражданин Неведомский Н. И. находился на лечении в Оренбургской психиатрической больнице. Все как положено, законно!

Это неважно, что все анкетные данные для врачей имеют третьестепенное значение и записаны они формы ради со слов самого «больного», который сочинил, что во время приступа был ограблен и что все его документы потеряны. Все это неважно! Важно, что совершенно законная, на бланке, с печатью, с размашистой подписью справка эта появилась на свет и оказалась в руках Экерта.

Воодушевленный первым успехом, Экерт продолжал осуществлять свой замысел, еще более тщательно обдумывая каждый шаг и его последствия. Обладая железными нервами матерого преступника и расчетливым рассудком конспиратора, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что в обыкновенной жизни рано или поздно его все равно ждет разоблачение. Он понимал, что сможет обвести вокруг пальца отдельных беспечных, слишком жалостливых или просто глуповатых людей, но что ему никогда не удастся ввести в заблуждение всех. Понимая это, Экерт отыскивал самые потаенные щели, чтобы спрятаться и отсидеться до того часа, когда, как он надеялся, представится возможность снова развернуться.

Поэтому, согласно ранее разработанному им сценарию, Экерт не ушел из психиатрической больницы. Только теперь он уже не симулировал эпилепсию — пройденный этап! — теперь он сделал ставку на жалость. Прикинувшись казанской сиротой, он стал заливать сердобольной женщине в белом медицинском халате такие пули, что та — сердце вдовье не камень — замолвила о «бедняге» одно словечко, другое, и ее, а вместе с ней и Экерта пожалели. Он получил возможность жить при лечебнице психических больных и работать молотобойцем.

Около года провел Экерт рядом с душевнобольными. Вошел в доверие к руководству больницы, пролез в местком, заручился хвалебной характеристикой и направился в военкомат. Получив военный билет, Экерт поспешил в милицию, и скоро его фотография красовалась на паспорте, где стоял штамп о прописке в жилом доме сотрудников психиатрической лечебницы.

Все это он обставил так ловко, что, обладая и паспортом с постоянной пропиской, и военным билетом, в адресном бюро Оренбурга Николая Ивановича Неведомского не значилось. Неведомского, конечно, никто не искал. Экерт это знал, но на всякий случай перестраховался.

Вот так одна бумажка — справка о лечении некоего Неведомского — породила другую, более солидную, которая, в свою очередь, ослепила доверчивых людей и помогла Экерту стать Неведомским, из латыша превратиться в белоруса, из Артуровича перекреститься в Ивановича.

Другой бы теперь стал держать себя повольнее. Но осторожный Экерт решил продлить карантин. Время шло, и ради сохранения своей маски он искалечил жизнь еще одной женщине, которая пожалела его и поверила его басням.

...Овдовев, Ксения Никаноровна выждала положенное время и стала подумывать о вторичном замужестве. Тут, казалось, сама судьба свела ее с Неведомским. Тихий такой, замкнутый, тоже, думалось, обездоленный. Все внимательнее присматриваясь к нему, к его робким ухаживаниям и ненавязчивому желанию сблизиться, она вдруг решила, что этот не из тех, кто будет попрекать ее, мать троих детей, что он сам ищет душевного тепла и ласки и оценит ее простое, открытое сердце.

Медицинской сестре вроде бы и не обязательно заходить к кузнецу — Неведомский к тому времени стал уже кузнецом — однако находилось то одно, то другое... И она стала привыкать к нему. Ксения даже скучала, если не видела его день-другой. Беседы их затягивались и скрашивались той интимной доверительностью, какая возникает, когда оба понимают, что нужны друг другу. Особенно запомнился Ксении Никаноровне тот долгий вечерний разговор, когда Николай как бы исповедовался перед нею:

— Знаешь, Аксинья, у меня, как и у тебя, слишком много боли накипело на сердце. Я из Витебска. Были у меня и семья, и дети. Всего лишился. Немцы расстреляли. Все отняла у меня война... До сих пор снятся пожарища... Потом партизанил... И вот как вернулся в Витебск, так понял, что не могу ни часу быть там, где оставлено полжизни. Потом заболел... ограбили... От одного воспоминания обо всех этих ужасах в душе все переворачивается. Только здесь, вдалеке от Белоруссии, мне немного спокойнее стало.

Ксения Никаноровна увидела, как из голубых глаз Николая выдавливались упрямые слезы, и сама заплакала, объятая жалостью и к нему, и к самой себе...

Тогда они и решили сойтись.

Жизнь это жизнь: разное у них было. Однако, когда она видела его, ласкающего детей, когда с ней самой он был нежен, ей казалось, что все нормально.

Так ей казалось.

Да и как ей, открытой, бесхитростной женщине, было разобраться в этом хамелеоне, который, годами живя рядом, на самом-то деле ни секунды не был с нею по-человечески близким. Откуда ей было знать, что эти, ласкавшие ее детей руки, эти же самые руки запирали избы, в которых живыми сжигали беспомощных старух и стариков, ребятишек, даже грудных?

В Риге

А где же Анна? Как сложилась ее судьба после того, как Экерт расстался с ней в поезде?

Анна даже знакомым стыдилась показаться: ведь писала, что едет с мужем. Потом все же стала искать встречи. Долго не нападала на его след. Наконец на пустынной улице окликнула:

— Ко-ля...

Он остановился, присмотрелся, узнал, медленно-медленно подошел и тоже тихо, но с металлом в голосе сказал:

— Увижу еще раз — убью!

И ушел. Уверенный, спокойный. И это еще больше устрашило Анну.

Боясь новой, пускай нечаянной встречи, Анна вернулась в Ригу, опять пошла в домработницы. Когда хозяева узнали, что она припадочная, уволили. Подалась

к другим, третьим... Лежала в психиатрической больнице. Снова нанялась в домработницы...

Где бы Анна ни была, что бы ни делала, ее думы неуклонно возвращались к тем временам, когда она познакомилась с Николаем, полюбила его.

После окончания войны вместе с другими репатриантами Экерта направили в Ригу. Тогда он был еще не Экертом, думал о другой доле. А вернулся в Советский Союз случайно. Он не успел преобразиться. Но уже умел приспосабливаться к самым неожиданным причудам неправедной своей судьбы.

«Репатриант» устраивается на работу в строительное управление, потом — чернорабочий, истопник, кладовщик в бане. Вместе с дружком Болдыревым, тоже бывшим полицаем, пьянствует, заводит сожительниц и к скромным официальным заработкам прибавляет доходы от реализации краденого: кладовщику запустить руку в государственный карман проще простого.

Однако вскоре Экерт, несколько озадачив Болдырева, вдруг все свое внимание начинает отдавать уборщице Анне, которая и неказиста, и старше его, и душевнобольная к тому же.

Болдырев был озадачен, а Экерт целеустремленно принялся за осуществление новой, осенившей его идеи. Анна привлекла его... своей болезнью. Встретив несчастную женщину, Экерт влюбил в себя свою жертву и, сблизившись, внимательно изучал признаки душевного недуга. Как актер, осваивая новую роль, случается, сближается с прототипом своего героя, так и Экерт перенимал все тонкости поведения и ощущения больной, порой умышленно вводя свою жертву в припадочное состояние.

Почувствовав власть над Анной, Экерт, чтобы окончательно покорить ее, открывается ей в своем преступном прошлом. Внушив Анне, что теперь, вступив с ним в связь, она делит всю тяжесть его прошлого и настоящего, новоявленный «друг» делает ее своей активной помощницей.

В часы душевного равновесия Анна осознавала, конечно, что ступила на скользкую дорожку, но минуты благоразумия оказались неспособными отрезвить ее, и она махнула рукой: как будет, так и будет...

Одна из махинаций сорвалась: Надеждина, сожительница Болдырева, была поймана на толкучке с во-

рованным бельем, и при допросе в милиции выдала и своего любовника, и Экерта...

Достаточно много узнавший об эпилепсии, Экерт воспринял этот провал как сигнал к побегу. Он сделал вид, что поддался наконец уговорам Анны уехать из Риги, чтобы начать трудовую семейную жизнь.

И вот теперь, опять оказавшись в Риге, Анна стала безразлична ко всему на свете. Ко всему, кроме одного. Днем и ночью преследовал ее Экерт, и несчастная женщина вместо того, чтобы раскрыть свою тайну, разоблачить фашистского прихвостня, открыть себе путь к спокойствию и здоровью — молчала.

А болезнь все глубже проникала в ее душу. В часы просветления она что-то делала, куда-то шла, что-то ела, пила, говорила,— все это внешне, для других, а страдала и думала она лишь об одном: о том, как бы избежать мести Экерта.

Мести за что? Она этого не знала. Она знала только туман густущего безотчетного страха.

Оборотень

Чего уж говорить — жизнь Анны была окончательно загублена.

Зато Экерт жил спокойно. Жена, дети, работа... И не знала Ксения Никаноровна, с кем свела ее судьба...

Отец Экерта был из обрусевших немцев. Отчаянный хулиган и скандалист, он довел свою жену латышку до того, что та повесилась, да и сам умер раньше срока. Советская власть избавила сирот от нищенской сумы. Младшая сестра Экерта стала врачом, брат — механиком. После школы Экерт окончил курсы трактористов, получил специальности токаря и шофера. Работал в колхозе, потом на торфозаводе. Жил в полном достатке, женился, сам стал отцом...

Словом, до войны жизнь у Экерта сложилась так, что Советскую власть он должен был почитать, как мать родную. Должен был! А пришла беда, и Экерта будто подменили...

Оболь — небольшой поселок в Витебской области, но в нем много рабочих. Три завода — кирпичный, торфяной, льняной. С первых же дней оккупации гитлеровцы учли это и сразу же организовали там опор-

ный пункт по борьбе с советскими патриотами. Все лучшие люди, сослуживцы и товарищи Экерта, ушли кто в Красную Армию, кто в партизаны. А Экерт подался в полицию. Он стал первым полицейским в районе. Сначала люди думали, что это какая-то уловка — кому-кому, а уж только не Экерту поднимать руку против Советов! — а потом, как узнали его «работу», как хватили от него горя, окрестили оборотнем.

Такая мелочь, как грабеж, в полицейской биографии Экерта — пустяк, что о ней вроде и говорить не стоит. Нужна свинья — отобрал и все. Попалась на глаза гармонь — взял и точка. К свадьбе (в оккупацию он снова женился, породнившись с местным бургомистром) невесте приспичило новую шубу.

— Присмотрись, на ком понравится — та и твоя! — заверил ее Экерт.

Однако, чтобы войти в доверие, выслужиться у иноземных поработителей, грабить, избивать, насиловать — мало. Экерт был инициатором, самым ревностным исполнителем такого, что, не только пережив, а лишь узнав об этом, не забудешь никогда.

Деревня Барсуки окружена лесом. Однажды возле этой деревни партизаны обстреляли проезжавших гитлеровцев. На другой же день в Барсуки нагрянули каратели. Все население собрали на поляну в центре улицы. Их имущество полицейские погрузили на подводы, а дома подожгли.

Даже гитлеровцы сочли, что дело сделано, и вместе с обозом награбленного двинулись восвояси. Так считали оккупанты, а их холуй не остановился. Впрочем, то, что случилось там, лучше передать словами Екатерины Агрызко:

— Тогда мне было около десяти лет. Но я очень хорошо помню, все помню, все, как было... Экерт зашел к нам в дом и потребовал угощения. Выпив водки и закусив, он тут же распорядился, чтобы все, что понравилось ему, унесли на повозки, и поджег наш дом. «Не бойтесь,— ухмылялся Экерт,— вам ничего не будет. Сожжем хату и уйдем...» А потом, когда немцы уехали, Экерт опять вернулся с дружками-полицаями. Всех, кто оставался в деревне, загнал в отдельный, еще уцелевший дом. Женщины, дети... Из нашей семьи туда попали все — и отец, и мать, и мы, ребята, даже трехмесячная моя сестренка... Отец, взяв на руки ма-

лютку, помню, стал умолять Экерта, своего бывшего школьного товарища, чтобы тот пощадил хоть грудную... Экерт приоткрыл дверь и, толкнув отца внутрь, задвинул засов. Почуяв недоброе, люди начали кричать, плакать. Когда едкий дым заполнил комнату и стало нестерпимо жарко, попробовали выбрасываться из окон, но нарывались на пули. Через окно влетела граната, разорвалась... Потом те, кто остался жив, проломили дверь, вырвались наружу, но попали под пулеметные и автоматные очереди. Мне тоже удалось выскочить. Платье на мне все обгорело и дымилось. Я была полуголая. В огороде меня нагнал четырехлетний братишка. Мы побежали в лес. Вдруг брат повис на моей руке: лежит в борозде между картофелем, из затылка кровь струится... А позади вопли, стоны... Я снова бросилась к лесу. Добежав до опушки, увидела своего раненого деда. Потом залезла на березку. Стала рассматривать, что творится в деревне. Хотела,— глупая совсем была,— опять бежать к отцу с матерью, к горящему дому... Вдруг замечаю, что кто-то из полицаев выстрелил в дедушку и метится в меня. Я спрыгнула с дерева — платок остался на березе — и кинулась к болоту. Обгоняя меня, свистели пули... Обессилев, упала на землю... Когда очнулась, голосов уже не слыхала. Мерещилась мне только гармошка, которая вроде бы не играла, а собакой заливалась. Из всех загнанных в избу живой осталась одна я... Так в один день я лишилась отца, матери, двух сестер, братика и деда. Около сорока человек погибло. Весь этот ужас до сих пор жжет мою душу, стоит перед глазами...

— Катя тогда еще ребенком была,— дополняет рассказ Екатерины Агрызко другая свидетельница трагедии деревни Барсуки Наталья Герасимовна Щербакова,— где ей было примечать. А я тогда, это случилось 24 июня 1942 года, шла в Барсуки к родственникам и, увидев пожарище, спряталась в кустах, что рядом с деревней. Я-то хорошо видела, как гнался этот гад, Экерт, за Катюшей. Потом еще хвалился, что «седьмой пулей, а все же уложил!». Думал: упала — значит, попал. Нет, Кате гармошка не казалась. Дом еще горел, еще слышались стоны, а они играли на этой гармошке — людоеды. На моих глазах Экерт пристрелил мою десятилетнюю сестренку Верочку, кото-

рая кричала: «Мама, дай водички! Мама, пить хочется!» А мама была уже мертвая. Я — рядом, сердце разрывается, а помочь не могу. Бабушку мою закололи ножом...

— Люди передали мне, что Экерт расстрелял моего брата, Павла Иосифовича Акуционка, с женой и девятимесячной дочкой. Указали место. Я едва признала их: лица изуродованы разрывными пулями. У крошечной девочки в кулачке зажата немецкая конфета. Такие конфеты были только у фашистов. Видно, перед тем как расстрелять, дали ей эту проклятую конфету, чтобы не плакала. Сначала конфету, потом пулю.— Это из рассказа жительницы деревни Зуи Марии Иосифовны Жеребковой.

Семидесятисемилетняя колхозница Анна Павловна Малашенко свидетельствует еще об одном преступлении, совершенном Экертом на ее глазах:

— Со мной жила женщина, дочка которой была связана с партизанами. Как-то дочка эта получила через партизан письмо от мужа, который был в рядах Красной Армии. Пронюхав об этом, Экерт ворвался в дом и налетел на мою жиличку. Та слова сказать не успела, как оказалась на полу. Как он ее терзал! Топтал, бил сапожищами по лицу, рвал волосы. «Работал»!

Долго не удавалось арестовать оккупантам бывшего председателя сельского Совета Владимира Алексеевича Алексеева. Наконец гитлеровский холуй достиг цели. Связав коммунисту руки проволокой, каратели швырнули его в кузов машины. Жена Алексеева рванулась к мужу, хотела разделить его страшную участь, но Экерт не пустил:

— Ишь ты, на машине захотела покататься. Беги так!

Автомобиль тронулся, женщина, цепляясь за борт, побежала. По рукам ее били прикладом, она оторвалась, стала отставать. Этого и дожидался злодей: вскинул винтовку и стал стрелять. Ранил, остановил машину, сошел, прикончил и поехал дальше, оставив труп на дороге.

Когда в Оболе развернула свою деятельность молодежная организация «Юные мстители», гитлеровцы поручили Экерту выловить молодых патриотов. И здесь приложил он свои грязные руки.

Вот таким оказался Экерт, когда над страной бушевала гроза.

При приближении советских войск к Оболю унтер-офицер Экерт вместе с фашистами кинулся на запад. Он прибился к армии Власова. После разгрома гитлеровской Германии Экерт попытался найти убежище в американской зоне, написал просительное заявление. Но в 1945 году в военной американской администрации нашлись люди, которые побрезговали им.

Одна из 2648

Экерт превратился в Неведомского, однако поиски палача не прекращались. Стали искать Анну.

Нелегкая задача выпала на долю сотрудников Комитета госбезопасности Белоруссии, особенно Сергея Петровича Юрьева. Тогда было известно об Анне только то, что она Анна. И больше ничего. Даже фамилии ее не знали — работала она уборщицей в бане временно, без оформления, по договору с тем же Экертом. Сергей Петрович тщательно изучил все, что было известно об Экерте, и принялся за розыски.

Розыск шел не неделю и не месяц — уж очень умело завилась веревочка. В очерке не расскажешь о необычайной выдержке, кропотливости, бережном отношении к людям и не всегда бережном к себе, о находчивости и прозорливости, которые проявили Сергей Петрович, его руководители и помощники.

Сергей Петрович приехал в Ригу. Он надеялся, просмотрев в психиатрической больнице истории болезней женщин, которых называли Аннами, довольно быстро напасть на след жертвы Экерта. Однако Анна, попав в больницу, тоже скрыла свое настоящее имя. И тут розыск зашел в тупик.

Но Юрьев не отчаивался. Он прибегнул к испытанному средству советских чекистов — обратился за помощью к людям, которые встречались с Анной.

Беседы, беседы, беседы... Дни и ночи, недели. По крупицам собирая нужные ему сведения, Сергей Петрович пришел к выводу, что и до встречи с Экертом Анна сочиняла о себе всякие небылицы. Кое-что все же оказалось добытым — словесный портрет Анны и то, что в Риге, до работы в бане, она жила у кого-то в домработницах в районе порта.

Обойдя множество припортовых улиц, дворов и домов, Сергей Петрович узнал о трех Аннах — домработницах. Потом, после дополнительной проверки, осталось две, а чуть позже — одна. Стало известно, что жила она в семье моряка Голодушко. Семья эта давно уехала из Риги, но Юрьеву довольно быстро удалось встретиться с женой Голодушко. Беседа с нею подтвердила, что домработницей у них в Риге была та самая Анна, которую он разыскивает, что отчество ее Ивановна, а вот фамилия забылась. Сложная какая-то фамилия была у Анны Ивановны. Стало известно и то, что из Риги Анна уехала в Ленинград.

Трудно было отыскать Анну в Риге. А каково в Ленинграде! Где она там живет, где работает? Работает ли, живет ли теперь? Ко всему прочему оказалось, что в Ленинграде жило тогда 2648 женщин, которых называли одинаково: Анна Ивановна.

Вот тут-то и пригодились Сергею Петровичу его терпеливость и работоспособность. Надо было изучить все собранные материалы — ведь интересовали данные не сегодняшние, а того времени, когда Анна переехала в Ленинград. А что, если она наврала своей бывшей хозяйке и уехала не в Ленинград, если она переменила имя, если...

Конечно, не один Сергей Петрович ломал тогда голову над этими вопросами. Были у него надежные помощники. Они-то и установили, что наиболее подходящая Анна — Анна Ивановна Брек-Стефановская жила в няньках у торгового работника, который после неприятностей по службе переведен в Горький. Домработница выписалась из Ленинграда вместе с хозяевами.

Казалось бы, дело шло к развязке. Ан, нет!

В Горьком от Семена Михайловича и его супруги Фаины Захаровны Юрьев только и узнал, что Анна Ивановна Брек-Стефановская действительно выехала одновременно с ними из Ленинграда, а куда... она якобы не сказала. И уже другими путями, но опять же при содействии честных людей Сергей Петрович узнал, что Семен Михайлович и Фаина Захаровна могут скрывать место жительства своей домработницы из опасения, как бы эта самая Анна Ивановна не разоблачила их в таких спекулятивных махинациях, за которые одним понижением по службе не отделаешься.

Опять следуют долгие поиски, пока не выяснилось, что Анна Ивановна на самом деле не Брек-Стефановская, а Телегина и что живет она все последние годы под Каширой у своей одинокой престарелой тети.

Конец?

Еще нет.

Анна Ивановна Телегина оказалась действительно тяжело больным человеком. Душевное равновесие приходило к ней совсем редко, но и тогда она решительно ничего не хотела говорить об Экерте: боялась его пуще смерти. А еще хуже было то, что нервы ее совсем сдали, и чаще всего она была далека от реального мира...

Однако Сергей Петрович не отступил. Анну Ивановну осматривают крупнейшие психиатры. Болезнь ее признается излечимой, но... Но для этого потребуется слишком много времени.

Долго, ой как долго тянется время. Однако врачи оказались правы, и восстанавливающееся здоровье разгоняет туман, мутивший сознание бедной женщины. Анна Ивановна пробирается и через другой, не менее пагубный туман — туман ложной убежденности во всесилии Экерта. Наконец приходит день, когда она готова к деловым беседам.

Теперь это совсем другая женщина. Доказательно и логично, с полной ясностью и точностью повествует она о своей сломившейся из-за войны жизни, когда голод и бродяжничество столкнули ее с уголовщиной, о том, как познакомилась с Экертом, попала в его паутину, как была брошена им.

Юрьев едет в Оренбург и убеждается в правильности рассказа Телегиной: Неведомский — это Экерт.

Любопытна картина ареста.

Сергей Петрович, поджидая, разговаривает с престарелой матерью Ксении, которая, как и дочь, не подозревала, что много лет они прожили рядом с лютым преступником. Старая женщина словоохотливо ведет свой рассказ о Николае, и Юрьев видит, как за, казалось бы, самыми невинными деталями встает облик врага. Во сне Экерт вскрикивает непонятные слова военных приказов. Не любит бывать в людных местах. Очень подозрителен к каждому новому человеку и любому письму. Слушая говорливую старуху, Юрьев

осматривается в комнате, видит на стене под стеклом, среди других фотографию незнакомого мужчины.

— А кто это?

— Муж моей Аксиньи.

Это не Экерт! Неужели снова ошибка?

— Первый муж,— добавляет женщина.— А Николай сниматься не любит.

Все становится на свои места.

Когда Экерту было предъявлено постановление на арест, он спокойно отодвинул бумагу в сторону и с добродушной улыбкой сказал:

— Это, видно, какое-то недоразумение, дорогой товарищ. Вы ошиблись. Я не этот, как его... Экерт Николай Ар-турович. Черт, имя-то какое, сразу не выговоришь! Я — Николай Иванович Неведомский.

— Ни к чему тянуть комедию,— так же спокойно говорит Юрьев.— Собранными доказательствами установлено, что Николай Иванович Неведомский и Экерт Николай Артурович — одно и то же лицо.

Экерт меняется в лице. На скулах вздулись желваки. Глаза стекленеют.

В ходе следствия Экерт долго упорствовал, но после очных ставок, после изобличения его же бывшими помощниками по полицейскому разгулу в годы оккупации — припертый к стене, понял, что отпираться дальше нет смысла.

Возмездие

— Суд идет!

Зрительный зал клуба торфоизоляционных изделий имени Даумана — самое вместительное помещение в Оболе — забит до отказа. Многие из пришедших — братья и сестры, отцы и матери, дети тех, кого истязал, жег и убивал взбесившийся выродок. Долго ждали они этого часа.

Судья потребовал от Экерта повернуться лицом к зрительному залу. Экерт в замешательстве. Потом как-то по-бандитски криво оборачивается, но поначалу не может поднять своих теперь уже не голубых, а каких-то белых, как у дохлой рыбы, глаз. Он понимает: если бы не надежная охрана, окружившая его, через минуту судить было бы некого — страшен гнев народный.

Но закон есть закон, и выездная сессия Верховного суда Белорусской ССР приступает к рассмотрению дела изменника Родины. Оглашается обвинительное заключение, идет допрос подсудимого, потом приглашают свидетелей, которых больше, чем в списке дела: они — весь зал, они и там, на улице, кто не вместился здесь, и слушают процесс через репродукторы.

Со мной рядом сидит комсомольский вожак легендарной подпольной организации «Юные мстители». Тогда ее, отчаянную девушку, звали Фрузой. Теперь она Ефросинья Савельевна Зенькова, Герой Советского Союза. Теперь у нее своя семья, растет дочь. Фруза рядом, но с нею нет Героя Советского Союза Зины Портновой, Володи Езовитова, Нины Азолиной, Марии Лузгиной и других замечательных ребят, уничтоженных гитлеровцами и их холуем Экертом. Никак не может удержать рыдания Екатерина Агрызко — с нею нет ее матери, отца, сестер, брата и деда. Вот уткнулась в мокрый платок Наталья Герасимовна Щербакова — с нею нет матери, сестры и бабушки. Куда ни глянешь — везде слезы, у каждого в глазах свое неутешное горе, которое ни простить, ни забыть невозможно.

А Экерт?

Время ничуть не изменило его. О раскаянии он и не помышляет. То прикидывается слепым орудием, выполнявшим волю гитлеровцев, то объявляет о полном провале в памяти, то мечет на уличающих его свидетелей злобный взгляд, а то вдруг неожиданно ухмыльнется, и смех его, вызывая ужас, напоминает ту гармошку, что, как сказала Екатерина Агрызко, не играла, а собакой заливалась. Я подхожу поближе, чтобы сфотографировать его, и на какой-то миг мне кажется, что я один на один в клетке со взбесившимся зверем.

Вот некоторые из его ответов на суде:

— Подсудимый Экерт, пули, которые вы применяли при уничтожении семьи Павла Акуционка, были разрывные?

— Не знаю. Какие были, такими стрелял.

— Кто дал конфету девятимесячной дочке Акуционка?

С кривой усмешкой:

— Не помню.

— Не сможете ли вы припомнить содержание письма, полученного через партизан семьей советского воина?

— Нет!

— Вы участвовали в сожжении тридцати восьми советских граждан в деревне Барсуки?

— Да!

— И вы своей рукой задвинули засов?

— Да, я!

— Сколько домов подожгли вы лично в деревне Барсуки?

— По-моему, пять.

— Что заставило вас совершать все эти зверства?

— Повторяю: был в полиции. А какая там работа... сами знаете.

— Назовите по именам, кто был у вас в полицейском отряде?

— Не помню!

— Вы же около двух лет были начальником полиции в звании унтер-офицера. Под вашей командой было, как вы утверждаете, лишь двенадцать человек. Неужели за два года совместной «работы» вы не запомнили ни одной фамилии своих подчиненных? — спрашивает Экерта государственный обвинитель.

— Представьте, не запомнил,— кривит губы Экерт.

За четыре дня суда присутствовавшие, как бы переместившись на 20 лет назад, вновь пережили ужасы оккупационного произвола. Жуткими были эти 4 дня, и все же это было только далекое эхо еще более страшных, тяжких лет войны со всеми ее непередаваемыми муками.

За совершенные тяжкие злодеяния Экерт Верховным судом Белорусской ССР приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу.

В. Г. ПОНОМАРЕВ

ПОЗОВИ МЕНЯ, РОДИНА!

Сидим вместе, неторопливо беседуем. И пьем чай. Кажется, уже по третьей чашке. Чай отменный, душистый и ароматный, пахнет удивительно. Я, кажется, улавливаю запахи летнего леса, луга, поля. Говорю об этом Валентину Афанасьевичу.

— Чай — моя слабость,— отвечает.— Люблю, ох и люблю чаевничать! Ну, а как готовить — тут целая наука. Моя собственная. Но заваривать дома никому не разрешаю, только сам. И домашние, и друзья говорят, что неплохо у меня это получается, по крайней мере, от моего чая никто не отказывается.

Вижу: Валентину Афанасьевичу по душе мой интерес к этому его увлечению. Хотя — разве только увлечение? Как-то признался мне: сколько себя помнит — никогда, чтоб без чая. Потому и пристрастился.

Итак, наша беседа за чаем. Выплывают интереснейшие страницы жизни этого человека.

А в сердце — память о границе

Он ровесник нашей революции. А родом из города Гурьева. Отца не помнит: тот умер, когда Валеньке шел лишь второй годик. Маленькими умерли его братик Николай и сестричка Серафима — от голода и болезней. Мать с Валей переехала жить в Астрахань. Там было немножко легче, но мать в постоянных трудах да лишениях совсем подорвала свое здоровье, и в одиннадцать лет Валя остался круглым сиротой. Рыбачил, работал старшим мотористом на плавучем рыбзаводе Урало-Каспийского госрыбтреста. Трудно было, но работы никакой и никогда не боялся, смело брался за самую тяжелую, пусть она была ему и совершенно незнакомой. Это качество характера — не бояться, не пасовать ни перед какими трудностями — осталось в нем на всю жизнь. И во многом определило судьбу Валентина Афанасьевича.

Судьба. Куда только она ни забрасывает человека.

Тем более, если человек решил посвятить всю свою жизнь военному делу. Думал ли, гадал ли когда-нибудь Валя Горшков, что начинать военную службу придется ему на востоке нашей страны, в горах. А потом — в войну, защищал Ленинград. А после войны — работа в Белоруссии. И может, здесь не только судьба. Просто военный человек Валентин Горшков был там, где такие люди, как он,— смелые, мужественные, готовые преодолеть любые трудности,— очень нужны были нашей Родине.

Словом, в 1938 году Горшков был призван в пограничные войска, его направили охранять восточные рубежи нашей Родины. Попал в отдельную Чингистайскую пограничную комендатуру. Знойная Азия. Дикие горы. Здесь, на склоне горы Белок, в поселке Урыль, и обосновалась Чингистайская комендатура. Чем было вызвано ее рождение? Вооруженные банды, обосновавшиеся на китайской стороне, тогда часто нападали на наши поселения, на пограничные наряды. И были среди бандитов кулаки, или бап, как их называли казахи, а также бежавшие за рубеж колчаковцы. Надо сказать, что главари банд располагали неплохой информацией о жизни наших пограничных застав — получали ее от начальников китайских постов. Условия службы для советских пограничников были здесь очень тяжелые — длинные горные участки, отсутствие надежной связи, бездорожье, нехватка людей на заставах... С китайской же стороны граница не охранялась. Потому и проникали вооруженные банды на нашу территорию беспрепятственно.

Случалось, что горстка советских пограничников сталкивалась с конным отрядом, совершавшим разбойничий набег, в сто и более бандитов. И на границе, и в тылу наших застав столкновения пограничников с 1929 по 1935 годы происходили постоянно. Поэтому в 1932 году из нескольких застав пограничного отряда была сформирована Чингистайская комендатура. В ее состав входила застава «Матвеевка». Заместителем командира этой заставы и был назначен Валентин Горшков.

— «Матвеевка» была хорошей школой для пограничников, особенно молодых,— вспоминает Валентин Афанасьевич.— Находилась она, ну если можно так выразиться, на очень горячей точке. Граница от заста-

вы — в нескольких метрах, она проходила по реке Ак-Каба. Застава располагалась на правом берегу реки. До комендатуры — свыше 100 километров, и все — сплошные горные тропы. Самая отдаленная, самая глухая застава. Но жила она по всем законам пограничной жизни. И я, еще до того, как прибыл на «Матвеевку», знал ее поистине героическую историю. А приехал сюда — представляете мое состояние: своими глазами вижу те места, где несколько лет назад произошли трагические события...

Тогда на китайской стороне действовала крупная банда, которую возглавлял некто Новоселов. Долго и тщательно готовились бандиты к налету на «Матвеевку». Почему именно эту заставу выбрали для своего коварного замысла налетчики? До Чингистайской комендатуры очень далеко. Ближайшая от «Матвеевки» застава находилась на расстоянии 25—30 километров, местность вокруг гористая, без населенных пунктов. Бандиты рассчитывали, что легко расправятся с «Матвеевкой». И время для нападения выбрали, казалось, самое удобное: раннее утро, когда ночные наряды, как правило, отдыхают, а дневные уже ушли на участки охраны.

Бандиты мелкими группами рассеялись в горах. Как впоследствии выяснилось, план их сводился к следующему: прорваться через границу и зайти заставе в тыл. Затем окружить пограничников с трех сторон, прижать к реке и разгромить.

Валентин Афанасьевич поднимается, достает с полки книгу.

— Это о нас, о пограничниках,— говорит.— Книга так и называется: «Боевые будни границы». Написал ее генерал Степан Анисимович Банных. Мы были с ним знакомы. Почти всю свою жизнь отдал Степан Анисимович охране наших государственных границ. В 20-е годы начинал службу помощником начальника пограничной заставы. А закончил ее в должности начальника штаба пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР. Да, генерал Банных остался верен границе до конца, с таких людей мы брали пример. Одно время он был комендантом на заставе «Матвеевка» и вот как рассказывал о тех событиях:

«Около двухсот всадников окружили заставу. Предрассветную тишину разбудили пулеметные очереди,

горное эхо откликнулось на сотни винтовочных выстрелов. Пограничники не успели даже выбежать из казармы: двери, окна — все оказалось на прицеле. Бандиты обстреливали заставу с высот, укрываясь в кустарнике. Помещение и двор были видны оттуда как на ладони.

Горстка пограничников заставы мужественно приняла неравный бой. Те, кто пытался прорваться сквозь шквальный огонь, погибли, остальные продолжали стрельбу из окон. Над горами уже поднялось солнце. Бандиты не ожидали столь упорного сопротивления. Несколько раз они предлагали пограничникам сдаться. Наконец подожгли заставу. В ответ на последнее предложение бандитов сдаться из окна огрызнулся единственный пулемет осажденных. Рушились объятые пламенем стропила старой избы. Выбегающих во двор пограничников настигали пули. Упал посредине двора начальник заставы Глазунов в тлеющей гимнастерке. Застыл с зажатой в руке лентой пулеметчик Бекренев. Но к пулемету подполз другой раненый боец... Уже погибло больше половины защитников заставы. Оставшиеся в живых продолжали сражаться.

Бандиты сжимали кольцо окружения. «Сдавайтесь! — кричали они.— Сдавайтесь быстрей! Сгорите живьем!» Но охваченная пламенем деревянная изба держалась как крепость до тех пор, пока у обгоревших, истекающих кровью пограничников не кончились патроны...

Семнадцать героев погибли в неравном бою...»

Как драгоценную реликвию бережет Валентин Афанасьевич эту книгу. Ведь ее подарил Горшкову сам генерал Банных, своей же рукой сделал он на титульном листе такую трогательную надпись: «Ветерану-пограничнику Горшкову Валентину Афанасьевичу. Пусть эта книга будет долгой памятью тяжелой, но почетной службы пограничной на восточных рубежах нашей Родины, где мы с Вами шагали рядом. Автор С. А. Банных. Чингистай — Минск — Москва».

Что ж, рядом с талантливым пограничником Степаном Анисимовичем Банных шагал его достойный ученик Валентин Горшков. Недаром Банных после так писал своему другу-сослуживцу: «Ваше письмо так взволновало меня и еще раз напомнило о годах пограничной юности, тяжелых условиях службы на участке Чингистайской комендатуры, напомнило о боевых

друзьях, с которыми делили радости и невзгоды тех лет. Вот они заставы — «Орловка», «Матвеевка», «Владимировка» и другие Вам хорошо известные».

На той героической заставе с 1938 по июль 1941 года и пришлось служить Горшкову. Как известно, для пограничника дом там, где его служба. Потому и к «Матвеевке» Горшков привык быстро. С большой охотой, настойчивостью и желанием постигал он искусство пограничной службы. А постигать было что. Ну, во-первых, горные условия, где пограничная служба имеет свои особенности.

— На «Матвеевке» мне пришлось стать кавалеристом,— вспоминает Валентин Афанасьевич.— Дело в том, что вся пограничная служба выполнялась там на конях.

Правда, повезло: очень уж хороший конь попался Горшкову. Спокойный, без всякого норова. Тут постарались пограничники. «Вообще-то у нас есть кони — огонь,— говорили они.— Но зачем вам такой. Вам нужен конь покладистый, поскольку кавалерист вы, можно сказать, начинающий».

И многозначительно улыбались, глядя на своего командира. Горшков не обижался: правы ведь пограничники. Но стать кавалеристом — это не значит только уверенно держаться в седле, хорошо ездить верхом. Надо знать кавалерийский устав. И знать отлично, ведь ты заместитель командира заставы. И Горшков принялся за изучение устава. Надо уметь владеть шашкой. Что ж, будем учиться и этому искусству.

Выезды на участок границы. Тщательное изучение рельефа местности, обстановки. Занятия с бойцами. Главное — постоянная бдительность, умение правильно вести наблюдение за сопредельной стороной. Горшков учил подчиненных, учился и сам, постепенно, но уверенно постигал сложную науку охраны рубежей нашей Родины. Горы не то что знал — чувствовал. И хорошо понимал: здесь, на границе, тишина в горах — обманчива. Ей нельзя верить.

Первое серьезное дело было в июле 1939 года. Застава получила приказ: усилить охрану. На нашу сторону пробрался японский шпион. Шло их двое, но один утонул во время переправы через реку.

Комендатура предупредила «Матвеевку», что, поскольку участок ее самый отдаленный и глухой, не

исключено, что шпион именно там и пойдет. Поэтому надо быть все время начеку. И иметь в виду: шпион очень опытный, хорошо вооружен и готов к любым неожиданностям.

Комендатура не ошиблась в своих предположениях. Как после выяснилось, тот японский шпион действительно решил пробираться дальше на нашу территорию именно на участке заставы «Матвеевка». Он отлично знал расположение «Матвеевки», ее большую удаленность от комендатуры и соседней заставы «Владимировка». Учитывая это, шпион надеялся, что пограничники «Матвеевки» не так бдительны, охрана границы не столь надежна. Легче будет проскользнуть. Он хорошо передохнул в заросшей кустарником горной щели и двинулся в путь.

Шпион ошибся. Пограничники «Матвеевки» хорошо знали свое дело. Они достойно несли честь заставы, славу 17 погибших. В тот день пограничный наряд в составе 4 бойцов под командой Горшкова вышел на свой участок. И хотя японский шпион очень искусно заметал следы, пограничники читали на дозорной тропе все. К тому же они знали, как одет шпион, какого он роста — эти данные успела сообщить комендатура. Взяли шпиона чисто. Вскоре его доставили в комендатуру. Конвоировал его туда Горшков. На допросе шпион признался, что шел на нашу сторону с важным заданием.

Были еще ответственные операции. Так прошли три с лишним года. Беспокойная, полная тревог служба на границе закаляла характер Валентина Горшкова.

На самое рискованное дело

И сейчас Горшков помнит: сколько служил на границе, все время просился, чтоб его направили в военно-политическое училище.

— Погоди немного,— отвечали старшие начальники.— Пополнение новое на заставу прибывает, кто с ним будет работать? У тебя же опыт. А училище никуда не уйдет, ты еще молод, вся жизнь впереди.

Ну что оставалось делать Горшкову? Конечно, соглашаться. Он и сам хорошо понимал, что его опыт, с таким трудом приобретенный во время службы на горной пограничной заставе, очень и очень нужен моло-

14 Зак. 1823

дым бойцам, которым выпало на долю охранять восточные рубежи нашей Родины. Понимал и добросовестно, с полнейшей ответственностью занимался с молодыми пограничниками. Однако был верен себе: при каждом удобном случае вновь напоминал своему начальству о том самом военно-политическом училище.

Ах это училище! Только им и жил тогда пограничник Горшков. И разве можно было в том его упрекать? Но очень нужен был Горшков и на заставе.

Однажды, было это в июне 1941 года, поехал Горшков в райцентр. Он был членом райкома комсомола. На заседании райкома обсуждалось несколько важных вопросов, разговор затянулся, и когда Горшков освободился, уже вечерело. Потому остался ночевать в райцентре. Утром поднялся — и страшная весть: война.

Итак, война, которая вчера, позавчера, да и многие месяцы стояла, по сути, у порога нашей страны, стала жестокой реальностью. Горшков торопился в свою пограничную комендатуру. Прибыл, и сразу же попросил направить его на фронт.

— Отправляйтесь-ка на свою заставу,— ответили ему.— Пока несите службу там, дальше видно будет.

А в июле неожиданность: поступило предписание — направить 10 пограничников, членов партии, в штаб погранвойск Казахского военного округа с дальнейшим следованием в военно-политическое училище в город Новый Петергоф Ленинградской области. Горшков оказался в числе этих десятерых. И воспринял такой поворот в судьбе как свою сбывшуюся мечту. Только вот мысль одна не давала ему покоя: «Война ведь идет. Тяжелая война. А я что — учиться буду? Как же так? Такие, как я, должны сейчас быть на фронте, должны с гитлеровцами драться...»

Мысли мыслями, но через несколько дней группа была в штабе погранвойск. Горшков, как старший группы, доложил начальнику политотдела полковнику Николаеву о прибытии. Разговор занял не больше часа. На прощание, как бы напутствуя пограничников, полковник Николаев сказал:

— Не знаю, как долго вам придется учиться. Но воевать — это уж, товарищи, придется точно. Не посрамите же Чингистай!

— Не посрамим, товарищ полковник,— ответил Горшков.— Мы же пограничники!

Прибыли в Новый Петергоф. И стали пограничники курсантами Ново-Петергофского Военно-политического училища имени К. Е. Ворошилова. Почти все они, как и Горшков, пришли с пограничных застав. И у всех была такая же жажда к учебе.

Но враг рвался к Ленинграду. Через полтора-два месяца войны гитлеровцы вышли на подступы к городу. Здесь начались кровопролитные бои. В такой напряженной ситуации на учете был каждый боец. Из курсантов училища сформировали два батальона. Горшков попал в 1-й батальон, которым командовал майор Николай Шорин.

Навсегда осталось в памяти Валентина Афанасьевича Горшкова то раннее августовское утро 1941 года. Курсанты выстроились на плацу. Они стояли перед знаменем училища — юные, симпатичные. Серьезны и сосредоточены были у курсантов лица, в глазах — смелость и решительность. Да, трудные времена настали для Родины, но есть у нее сыновья!

Они стояли и произносили слова:

— До последнего вздоха... клянемся!

Курсантский батальон Николая Шорина. Легендарный батальон! О нем знали все защитники Ленинграда. Курсантов звали шоринцами — по фамилии командира. Шоринцы — это значит удивительное мужество и стойкость. Для курсантов майор Николай Александрович Шорин служил примером мужества, хладнокровия, таланта и боевого умения. Знали шоринцев и гитлеровцы. Знали и боялись их.

Вот несколько номеров красноармейской газеты «На разгром врага». Здесь целые страницы посвящены батальону. Крупные заголовки: «За любимый город Ленина, за нашу Родину мужественно сражаются бойцы тов. Шорина», «Будьте, как шоринцы,— хладнокровными, инициативными, решительными и бесстрашными в бою!». Боевое донесение: «Отважные бойцы тов. Шорина в трех боях уничтожили 128 фашистов, взяли в плен 2 чел., захватили трофеи». «Слава об отважных шоринцах растет с каждым днем. Бесстрашие, упорство в бою, решительные налеты на врага, постоянная боевая разведка обеспечивают им победу...»

Такими были боевые друзья Валентина Горшкова. Так они сражались с гитлеровцами. А сам Горшков? Чем он отличился в тех тяжелых кровопролитных боях

14*

за город Ленина? Его однополчанка Вера Фелисова в своей книге «Все мои братья» пишет так: «Хладнокровно и умело, расчетливо и решительно выполнял В. А. Горшков все боевые задания. С ним каждый охотно шел на самое рискованное дело».

Вместе со своими боевыми друзьями сражался Горшков на знаменитом Ораниенбаумском плацдарме.

Деревня Пирожки. Сколько воспоминаний связано с ней у Валентина Афанасьевича!

— Вышло так,— рассказывал он,— что Пирожки одно время стали ключом к Ораниенбауму. Это случилось после того, как мы оставили местечко Гостилицы. Нет, Гостилицы защищали очень стойко, но так сложилась обстановка. И вот гитлеровцы — целый пехотный полк, усиленный артиллерией и минометами,— ударили по Пирожкам. Замысел их был понятен: здесь узел дорог, прямой путь на Петергоф. Словом, противник захватил Пирожки и начал накапливать в деревне силы. Следующая цель у него была — Ораниенбаум. Вот тут и началось. Несколько раз деревня переходила из рук в руки. Помню нашу первую атаку на Пирожки. Мы не могли рассчитывать на достаточную огневую поддержку, и комбат Шорин поставил задачу: как можно ближе подобраться к противнику, не обнаруживая себя. Ползли по-пластунски. Затем — стремительный бросок вперед. Деревня была наша. Но вскоре фашисты вновь навалились на нас.

Пятьдесят дней и ночей вел наш батальон беспрерывные кровопролитные бои. Помню, за все это время я только раз переночевал в сарае — и это считал за комфорт. А то все — небо над головой да вражеские самолеты. Они шли на нас каруселью, усиленно бомбили наши позиции. А мы держались. Не отступали. Шутили: гитлеровцы сломали свои зубы на наших Пирожках. Так оно и было.

Совершали мы и смелые вылазки в тыл противника. Помню, однажды наша группа, которой командовал лейтенант Бородачев, отбила у гитлеровцев автомашину, нагруженную награбленным добром. С нами был шофер Иван Шеламов, он завел машину, мы забрались в кузов, укрылись за лежавшими здесь тюками шерстяных тканей. И на полной скорости — за убегавшими гитлеровцами. Те, когда увидели грузовик, нисколько не сомневались, что это их: ведь машина была с немец-

кими опознавательными знаками. И хотели остановить нас. А мы открыли по фашистам дружный огонь. Стреляли по ним с близкого расстояния. У нас был с собой пулемет. И гитлеровцы дорого заплатили за свою оплошность. Пока поняли, в чем дело, да опомнились — мы умчались вперед. Вскоре оказались среди своих. Да, шоринцы были вооружены, как и наши бойцы в других подразделениях. Но мы всегда искали противника, чтобы нанести ему удар первыми. Нас часто выручала смекалка. О наше упорство и стойкость разбивались атаки гитлеровцев.

Еще один бой — 26 сентября 1941 года у деревни Коровино. Бой упорный. Шоринцы, как всегда, были верны себе: решительно рванулись в атаку прямо на вражеские окопы. Но и гитлеровцы подняли свои цепи. Схватка приняла ожесточенный характер. Горшков был в самом центре. Вдруг он почувствовал: обожгло правую ногу. И сразу дикая боль в бедре. Упал на землю и не выдержал — громко застонал. К нему подполз боец:

— Потерпи, братец, немного,— говорит.— Сейчас санитары прибудут.

Лежал, терпел. А тут гитлеровцы стали бить из минометов. На сей раз Горшкову повезло: мины разрывались рядом, но его не задело.

— И вот несут меня в медсанбат, у меня в глазах темно от адской боли, ведь, как после выяснилось, ранение получил тяжелое, была повреждена кость. Но я держусь. Знай шоринцев! Несут, значит, меня на плащпалатке, навстречу наш командир Шорин. «Кого несете?» — спрашивает он санитаров. Как только я услышал знакомый голос комбата — не мог выдержать, собрался с силами и отвечаю ему: «Курсант Горшков, товарищ майор!» Шорин посмотрел на меня, вы знаете,— никогда не забуду этого взгляда. Шорин был человеком твердым, временами даже жестким. И очень решительным. И на удивление хладнокровным в любых ситуациях. Эти свойства характера нашего комбата выдавали его глаза. А тот взгляд? В нем была и грусть, и боль. Мы знали, как остро переживал Шорин гибель своих подчиненных. Он дотронулся до моего плеча и сказал мягко, ласково: «Крепись, курсант Горшков. Мы ждем тебя». И пошел.

Вернуться к славным ребятам-шоринцам Горшкову,

однако, не пришлось. И никогда больше не стоял он в боевом строю с этими смелыми курсантами. Родина приказала — и Горшков встал в другой строй. Но это будет позже, после окончания войны.

А после того ранения ему пришлось перенести сложнейшую операцию. Не давался врачам, а тут каждая минута может стать роковой.

— Да что на него смотреть! — не выдержал наконец главный врач медсанбата.— Берите за руки — и на операционный стол.

Операцию делали без наркоза...

В блокадном Ленинграде пришлось Горшкову 6 месяцев лежать в госпитале, совершенно неподвижно и только на спине. Он был весь забинтован, да еще положили на него 20 килограммов гипса. Те страшные полгода в госпитале он вспоминает с содроганием. Это было похуже, чем идти в атаку на вражеские траншеи.

Храбрый, сильный воин, прошедший через кровопролитные бои, человек очень дисциплинированный, Горшков самым добросовестным образом выполнял все предписания врачей. Безропотно подчинялся медсестрам. Так надеялся, так хотелось быстрее стать на ноги, да к своим, к шоринцам. Но вот беда: у Горшкова никак не срасталась кость.

В марте 1942 года Горшкова вместе с другими тяжелоранеными бойцами эвакуировали из Ленинграда. По знаменитой «дороге жизни» — через Ладожское озеро. Везли в кузовах грузовых машин, правда, всех завернули в одеяла. А Горшков по-прежнему был в гипсе. Опять госпиталь — в Кировской области. И вот Горшков, наконец, на ногах. Дали ему 2-ю группу инвалидности, взял костыли — и поехал в родной Гурьев. Отдыхать некогда было: работал в горкоме партии. Через некоторое время его пригласили в управление Народного комиссариата государственной безопасности по Гурьевской области. Сказали:

— Вы человек военный, служили на границе,— попробуйте поработать следователем.

Так в жизни Валентина Афанасьевича началась новая страница.

В Белоруссию

В родном Гурьеве пришлось пожить и поработать недолго. В июне 1944 года по указанию Наркомата госбезопасности СССР Горшкова направили для работы в Наркомат Белоруссии, который к тому времени вместе с наступавшими частями Красной Армии пробивался к столице республики Минску. Горшкову не надо было долго собираться. Как только получил приказ — тут же и готов отправиться в путь. Но добирался долго. По понятным причинам военного времени путь из Казахстана до Москвы был нелегкий. А от Москвы до Минска, пожалуй, еще труднее. Ехали в тамбурах грузовых вагонов целых 10 суток.

Белоруссия... Горшков много слышал, читал об этой республике, но ни разу здесь не был. Сейчас ехал и смотрел на задумчивые зеленые леса, на синие реки... Нравились ему эти места. Красиво! Но на сердце не было радости. Он видел разрушенные города, сожженные дотла деревни. Руины, пепелища. Измученные люди. Слушал их рассказы о диких зверствах, которые чинили в Белоруссии гитлеровцы.

Не думал, не гадал тогда, летом 1944 года, что отныне вся его дальнейшая жизнь будет связана с Белоруссией.

С юных лет на долю Горшкова выпадали сложные дела. Наверное потому, что никогда не был он в стороне, стремился туда, где, чувствовал, очень нужен в данный момент. И здесь, в Белоруссии, сразу принялся за работу. В конце июля 1944 года Валентина Афанасьевича назначили на должность следователя Наркомата государственной безопасности республики. Вел самые разнообразные и очень сложные уголовные дела. А опыта-то еще ох как не хватало! Поэтому и работал, и учился. Необходимо было как можно быстрее приобретать специальные знания, практические навыки. И, конечно же, должен был безукоризненно знать все законы, владеть всеми тонкостями юриспруденции.

Что требовалось от каждого чекиста во все времена и требуется сейчас? Глубокое знание советских законов и их строжайшее соблюдение. Это требование он всегда свято выполнял. Уже тогда молодой следователь Горшков взял себе за правило — любое дело вести с железной последовательностью и непреклонностью.

Чтобы всегда торжествовали истина и справедливость! Такое требование к самому себе с первых шагов Горшкова-следователя навсегда стало незыблемым законом его работы, выражением его нравственной сущности как чекиста. В полной мере эти качества характера Валентина Афанасьевича проявились, когда он занимался делом гитлеровских пособников, служивших в годы войны в Колдычевском лагере.

Но тогда, в 1944 году, до этого было еще далеко. Тогда Горшков работал в Минске. Трудные были времена...

Белоруссия очищалась от всякой нечисти, наплывшей сюда в годы оккупации. Перед чекистами вставали новые, более сложные задачи.

Горшков поступает учиться на заочное отделение юридического факультета Белгосуниверситета и успешно оканчивает его. Затем он направляется на работу в Управление КГБ по Брестской области.

Здесь Валентин Афанасьевич всем сердцем, памятью, всем своим существом понял, что значат для советских людей святые слова: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Эта особая работа...

Он даже и представить себе не мог, какая многотрудная работа предстоит впереди. И что ему придется узнать в ходе следствия по делу предателей, сотрудничавших с нацистами в годы войны в Колдычевском лагере смерти.

...В кабинет к Горшкову ввели высокого мрачного человека. Он почему-то не смотрел на следователя, опускал глаза вниз. Это был бывший комендант охраны Колдычевского лагеря Н. А. Калько. Его арестовали и доставили в Брест из Воркуты. Понятно, после того, как собрали о нем достаточно изобличительных материалов. Матерый каратель, скрыв свою преступную деятельность, личное участие в массовых расстрелах советских граждан, после войны всячески заметал кровавые следы. Надеялся: никто не узнает, что он творил в Колдычеве. Время, дескать, идет, все забывается. Ошибся. Суровая рука правосудия настигла предателя.

Так встретились двое. Следователь Горшков, который по первому зову Родины готов был пойти туда, куда она, Родина, его пошлет. Который не раз смотрел смерти в глаза, пролил свою кровь в боях с гитлеровцами. И второй, продавший все и всех, для которого понятия Родины, наверное, и не существовало. У которого руки были обагрены кровью безвинных жертв.

Слушаю рассказ Горшкова и вижу по лицу: нелегко ему все вспоминать. Спрашиваю:

— Валентин Афанасьевич, вы перед началом следствия уже многое знали о злодеяниях Калько, знали, что перед вами опасный преступник, гитлеровский прислужник. Тяжело ведь, наверное, было знать все это и видеть перед собой врага, разговаривать с ним, выслушивать его.

— Понятно, что нелегко. Но здесь нет места эмоциям. Заглуши свои чувства, возьми нервы в кулак — и работай. Я прежде всего следователь-чекист. И должен во всем объективно разобраться.

Валентин Афанасьевич говорит, что на следователе-чекисте лежит большая ответственность. В любом деле он обязан разобраться до мелочей, до тонкостей. Он должен быть строго объективным. Вообще, если следователь необъективен хоть малую малость, делать ему в органах госбезопасности нечего. Таково его твердое мнение. Подчеркивает, что работа следователя — это, по сути, глубокое и всестороннее исследование, только со своей спецификой.

Подобные исследования много недель вел Горшков, занимаясь расследованием злодеяний в Колдычевском лагере смерти. Разумеется, Валентин Афанасьевич работал не один. Была создана группа из опытных сотрудников Управления КГБ по Брестской области. Им предстояло выполнить большой объем работы, и чекисты справились с ней. Они изучили и тщательно проанализировали огромное количество материалов в различных государственных архивах. Длительное время кропотливо работали на территории Белоруссии и за пределами республики в поисках очевидцев злодеяний нацистов. В ходе бесед с местным населением выявлялись многочисленные факты чудовищных преступлений, совершенных в Колдычевском лагере. Высокое профессиональное мастерство и большой труд сотрудников УКГБ Брестской области позволили разыскать

скрывавшихся от справедливого возмездия карателей. Эта работа потребовала от Горшкова и его товарищей по службе многого. Ну, хотя бы знания психологии предателя. Ведь Калько во время следствия всячески изворачивался, хитрил. Стремился увести следствие в сторону.

— Вы представляете, какой уголь в Воркуте,— начинал вдруг.— А сколько его там! Такое богатство, на века нам его хватит. Но работать в шахте тяжело. Уголек рубить — не с удочкой на берегу речки сидеть...

И понесло-понесло. Начинает расписывать, как уголь добывают. Горшков слушает. Терпелив следователь, удивительно терпелив. Пусть выговорится, пусть. Главное — не торопиться.

— Все? — спрашивает наконец Валентин Афанасьевич.

— Ну, почему все,— отвечает Калько.— О шахтах можно долго рассказывать, люблю я их. А знаете, какой случай произошел со мной однажды в шахте. Послушайте...

— Оставим шахты. Расскажите подробно о том, чем вы занимались в годы войны. Особенно в лагере смерти Колдычево. Вспомните и расскажите.

Калько сразу становится мрачным. Прячет глаза, молчит.

— Ну, я участвовал несколько раз в единичных расстрелах узников. А что мог сделать — немцы приказывали. Приходилось и допрашивать заключенных...

Не хотел Калько признаваться во всех совершенных зверствах. Но с каждым днем в процессе следствия пополнялся список черных дел предателя. И звериный облик его все более четко вырисовывался перед Горшковым. Итак, кто же такой Калько?

Рос и воспитывался он в бывшей буржуазно-помещичьей Польше. Отец Калько когда-то служил в царской жандармерии. В 1920 году родители переехали на свою родину — в деревню Малая Быховщина Несвижского района. Когда началась война и гитлеровцы оккупировали Белоруссию, Калько поступил к ним на службу. Сначала работал в клецкой городской управе на должности техника дорожного отдела. Но этому человеку со звериной душой хотелось чего-то иного. И осенью 1942 года он добровольно поступает на службу в антисоветское военное формирование — «Белорус-

скую краевую оборону». Ее гитлеровцы и белорусские националисты пытались использовать для борьбы против Красной Армии и партизан.

Затем — учеба в Минске. Здесь почти полгода Калько обучался в школе офицерского состава, готовившей кадры из числа белорусских националистов для тех самых военных формирований БКО. Нет, не по ошибке попал сюда Калько. Он собирался служить новым хозяевам преданно и долго. Потому после окончания школы принял присягу на верность нацистским оккупантам.

Когда, уже после, в суде прокурор попросил Калько вспомнить текст присяги, тот ответил:

— Полностью текста не помню. Но присяга содержала слова о том, что буду служить верой немецким оккупантам и белорусским националистам. За отступление от этого буду наказан сам и моя семья. Принимал у нас присягу Кушель.

Да, сам Кушель, один из главарей белорусских буржуазных националистов, прямой соучастник кровавых преступлений, совершенных нацистами в Белоруссии, благословил этого предателя на черные дела.

И вот Калько — командир взвода 13-го белорусского батальона СД. Он всячески выслуживается перед гитлеровскими оккупантами, жестоко расправляется с советскими патриотами. До осени 1943 года вместе со своими подчиненными он неоднократно участвовал в карательных операциях против жителей Минска, против партизан и мирного населения Минской и Витебской областей.

Май 1943 года. Карательная операция гитлеровцев против партизан в районе станции Негорелое. Калько принимает в ней самое непосредственное участие.

Лето 1943 года. Вместе с другими подразделениями чинит страшные расправы над советскими патриотами в Минске.

Лето того же года. Гитлеровцы проводят крупную акцию против партизан в районе лепельских озер. Сюда брошены немалые силы регулярной армии. Вместе с двумя ротами 13-го батальона Калько тоже здесь. При блокаде партизанских соединений он особенно отличился.

Гитлеровцы заметили и оценили старательность своего холуя: вскоре Калько назначили коман-

диром роты того же 13-го батальона. С декабря 1943 по март 1944 года батальон действовал в Витебске.

А затем — лагерь в Колдычеве. Сюда Калько прибыл в конце марта 1944 года.

От имени убитых и замученных

Да, так оно и было: от имени многих тысяч советских людей, убитых и замученных палачами в Колдычеве, действовал во время того следствия Валентин Афанасьевич Горшков.

В январе 1945 года специальная комиссия составила акт о массовом истреблении советских граждан в Барановичах и его окрестностях и об угоне их в фашистское рабство гитлеровскими захватчиками. Приведем выдержку из этого документа:

«В 1942 г. в 18 км от гор. Барановичи, по шоссе Барановичи — Новогрудок, в имении Колдычево, был создан концлагерь для мирных советских жителей всех славянских народов, в котором содержалось до 10 тыс.* чел. мужчин, женщин и детей.

Созданные лагеря имели незначительное количество помещений летнего типа без печей и нар, вмещавших 30—40 проц. находящихся заключенных. Территории лагерей огораживались несколькими рядами колючей проволоки, устанавливалась усиленная охрана с использованием дзотов, прожекторов, специально выдрессированных собак и даже вкопанных в землю танков. Общение с внешним миром заключенным воспрещалось, а также не разрешались передачи продуктов. За попытки получить что-либо из продуктов или одежды заключенные расстреливались.

...В лагерях гитлеровцы установили голодный режим при непосильном, изнуряющем физическом труде, что неизбежно вызывало массовые эпидемии инфекционных заболеваний (сыпной тиф, дизентерия). Во всех лагерях медпомощь заключенным не только не оказывалась, а, наоборот, создавались условия для еще большего распространения болезней и увеличения смертности».

---

* В Колдычевском лагере в 1942—1944 гг. замучено 22 тыс. советских граждан.

— Обвиняемый Калько,— уже в который раз спрашивает Горшков.— Вспомните и расскажите подробно, как вы прибыли в Колдычевский лагерь, с кем здесь вместе работали, какие обязанности выполняли?

Калько смотрит на Горшкова. Долго смотрит. Наверное, сейчас лихорадочно думает, что знает следователь о его делах в этом лагере. И как ему быть — признаваться или нет?

— Я жду,— напоминает Горшков.

— В конце марта сорок четвертого года меня направили в барановичское СД. Там я встретил Кушеля. Сразу же получил приказ — отбыть в Колдычево. В этом лагере еще до меня был установлен жесточайший режим для заключенных. Немцы, создавая такие условия, ставили цель: из лагеря никто не должен выйти живым. Колдычевский лагерь называли «лагерем смерти». Или «ямой смерти».

— Это мы знаем,— говорит Горшков.— Рассказывайте, чем конкретно занимались вы в том лагере.

Калько понял: будет хитрить — сам себе сделает хуже. Следователь, видно по всему, располагает достаточным материалом по Колдычевскому лагерю.

Но как же не хотелось выродку вспоминать, что делал он в том страшном лагере. Оно и понятно: знал, что придется отвечать. За все. И сполна.

Нехотя рассказывает:

— В апреле сорок четвертого года я расстрелял женщину. В мае присутствовал при пытках мужчин и женщин в помещении столовой. Над ними дико издевались, затем расстреляли. В июне того же года принял участие в повешении узника, пытавшегося бежать из лагеря...

Скупо, ох скупо! Память, что ли, подводит предателя? Ну что ж, решает следователь,— очная ставка. Он просит привести свидетеля Костюка.

— Ефим Селивестрович,— обращается к нему Горшков.— Известен ли вам человек, находящийся сейчас с вами на очной ставке? Если известен, то какие у вас с ним были взаимоотношения в Колдычевском лагере смерти?

— Это же Калько,— сразу отвечает Костюк.— Да, фамилия его Калько, а вот имени и отчества не знаю. В марте или апреле сорок четвертого года меня арестовали по подозрению в связях с партизанами. Привезли

в Колдычевский лагерь. Там я впервые и встретил этого человека. Мои взаимоотношения с ним? Сами знаете, какие, если я был узником, а он — начальник. Калько много раз меня допрашивал, избивал резиновой палкой...

Следователь смотрит на Калько. Тот сидит, опустив голову.

Горшков:

— Обвиняемый Калько, знаете ли вы человека, находящегося сейчас на очной ставке с вами?

Калько:

— Этого человека я не помню. Возможно, он один из многих узников Колдычевского лагеря.

Горшков — к свидетелю Костюку:

— Что вы можете показать о деятельности Калько в Колдычевском лагере?

Костюк:

— Как только нас доставили в тот лагерь, меня сразу вызвали к коменданту. Калько стал меня допрашивать. Я сказал, что не знаю о причине своего ареста. И тут Калько начал избивать меня резиновой палкой с оловянным наконечником. Так бил, что все мое тело было в кровоподтеках. Избивал Калько и мою жену. И других людей, которых немцы вместе с нами привезли в лагерь. После этого мы еле добрались до барака и там несколько дней лежали.

Горшков — к Калько:

— Подтверждаете ли вы показания свидетеля Костюка?

Калько:

— Он правильно говорит о фактах допроса. Лично я также принимал участие в допросах, но сейчас не помню, избивал ли Костюка.

Уходит от прямого ответа предатель. Еще очные ставки. Послушаем, что скажут другие свидетели.

Валентин Медушевский:

— С заключенными Калько обращался жестоко. Лично меня неоднократно избивал палкой, норовя наносить удары по голове. Заставлял прыгать, как лягушка, ходить гусиным шагом, ползать по грязи. Были случаи, когда Калько приходил на допрос с другими охранниками, заставлял узников сбрасывать в кучу обувь, затем быстро отыскивать каждому свою. Или заходил в барак, приказывал заключенным лечь на пол

лицом кверху, а сам ходил по ним. Это было страшное издевательство.

Борис Ярошко:

— Меня доставили в Колдычевский лагерь ночью. Как только Калько узнал, что я арестован за связь с партизанами и на допросах в СД не сознался, он вызвал меня к себе и сказал: «Не сознался там, шкура, тут во всем сознаешься». Допрашивал меня и избивал резиновой палкой, кулаками по голове, спине. Я упал и потерял сознание. Тогда они начали лить на меня воду, пока я не пришел в себя. Калько стал мне на грудь, давил меня коленями и кричал: «Сознавайся, гад, иначе я тебя угроблю!» Я видел, как Калько заставлял одного заключенного избивать свою же мать, и бедную женщину истязали до тех пор, пока она не умерла.

Николай Букато:

— Нас выводили на прогулку под охраной. Калько сидел на стуле, и все заключенные, проходившие мимо него, должны были низко ему кланяться. Если Калько не нравилось, как кто-либо кланялся, то по его приказу этого заключенного охранники тут же избивали.

Федор Шумейко:

— Помню, в начале июня сорок четвертого года каратели вешали юношу восемнадцати лет за попытку убежать из лагеря. Калько приказал повесить этого парня трем узникам, но те отказались. Тогда Калько приказал это сделать своим охранникам. И вот порвалась веревка, парень упал на землю. Калько крикнул: «Будем десять раз его вешать, но повесим!» Труп парня висел трое суток, а нас Калько заставлял ходить вокруг казненного и говорить: «Я бежать не буду».

Очень убедительно говорили свидетели о преступлениях Калько. В конце концов под неопровержимыми уликами ему ничего не оставалось, как подтвердить эти показания. Но необходимо было полностью изобличить предателя в самом страшном злодеянии, совершенном гитлеровцами и их пособниками в Колдычевском лагере — массовом расстреле узников в ночь с 29 на 30 июня 1944 года.

О своем участии в этой расправе Калько так показал сначала на допросе:

— Лично я стрелял в ту ночь из пистолета системы

«Вальтер». В числе расстрелянных были мужчины, женщины, дети.

Горшков прекрасно понимал: обвиняемый раскрывает далеко не всю картину этого ужасного преступления. Опять поиски свидетелей.

И вот рассказ узницы концлагеря Валентины Антоновны Извековой:

— В ночь перед отступлением каратели проводили массовый расстрел заключенных. Они бегали по лагерю с засученными рукавами, руки их были в крови. В нашу камеру забежал один из них и приказал всем выходить и раздеваться. После этого каратели связали нам шпагатом руки, крепко, до крови, и всех погнали к березкам, где в яме расстреливали узников.

Возле ямы стояло примерно 30 карателей, среди которых я узнала Калько. Нас повели к яме, в которой лежало много трупов женщин, мужчин, стариков и детей. Из ямы доносились крики, хрипы, стоны, она бурлила кровью. Каратели подводили узников группами к яме и стреляли им в затылок, толкая вниз. Один из карателей выхватил из рук матери ребенка, примерно двухмесячного, и головкой ударил его о березу. А мать тут же столкнул в яму и расстрелял. Беременной женщине каратель распорол живот штыком.

— Когда очередь дошла до меня,— закончила свой рассказ Валентина Антоновна,— каратель по фамилии Ждан отвел меня в сторону и сказал немцу, что я его сестра. Так я избежала гибели. После расстрела узников каратели взорвали лагерь, меня забрали с собой, я смотрела за скотом, который гнали гитлеровцы, а потом сбежала.

Как впоследствии выяснилось, Извекова действительно состояла в каком-то далеком родстве по матери с предателем Жданом. Это ее и спасло.

Были и еще свидетели дикого истребления заключенных в ту июньскую ночь. Тогда гитлеровцы расстреляли 574 человека. Особенно много женщин и детей.

И Калько, наконец, был вынужден сознаться. Собственно, куда же ему деться? Вот что показал он на допросе:

— Если говорить про общую картину этого расстрела, то она была ужасной. Стоны, плач, рыдания, душераздирающие крики женщин и детей, стрельба — все смешалось и наводило страх.

29 июня шеф лагеря Иорн предупредил Калько, что оставшиеся узники, около 600 человек, ночью должны быть расстреляны. Это сделают охранники. Калько был комендантом охраны лагеря. С вечера он установил усиленную охрану заключенных.

— Некоторых мы сталкивали прямо в яму и там расстреливали,— продолжал рассказ Калько,— а других убивали возле ямы, в которую они падали. Я стрелял в обреченных не целясь. Расстрел мы закончили утром, присыпали яму землей и через 30—40 минут уехали из лагеря.

Много еще пришлось поработать Горшкову и его товарищам по службе, чтобы полностью изобличить Калько и его соучастников, виновных в тягчайших преступлениях перед советским народом. Ведь помимо Н. А. Калько тогда обвинялись еще трое гнусных предателей — М. М. Кухта, Л. А. Сенкевич и А. И. Королевич. Они также всеми силами выслуживались у гитлеровцев, также длительное время совершали злодеяния в Колдычевском лагере. Коварные, жестокие, услужливые, они безоговорочно выполняли любое приказание гитлеровцев, успешно продвигались по службе. Был еще небезызвестный Сергей Гутырчик, возглавлявший в Колдычевском лагере группу «охотников»: именно они всегда изъявляли желание расстреливать узников. Палачу Гутырчику удалось избежать справедливой кары, он проживает сейчас в США недалеко от Нью-Йорка. Американская администрация вопреки требованиям народа укрывает фашистского холуя Гутырчика, других ему подобных преступников. Но непреходящая память и боль наша взывают к справедливости и возмездию. К такому возмездию, которое настигло изувера Калько.

Годы, годы... Сколько же их уже за плечами чекиста Горшкова. Но еще светятся живым, задорным огнем его глаза. Добрые, ласковые глаза. И душа рвется к делу. Не хочет, да просто и не может сидеть Валентин Афанасьевич сложа руки. Для него, ветерана Великой Отечественной войны, кавалера боевых орденов и медалей, награжденного знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», спокойная жизнь противопоказана. Часто встречается с молодежью. И в такие волнующие часы человеческого откровения, соприкосновения с подвигом учатся юноши и девушки у старого чекиста

патриотизму, беспредельной верности своей Родине, стойкости и мужеству. Они учатся, как жить, у человека, свято и честно выполнившего свой нелегкий, но высокий долг.

Как слушают его ученики 55-й средней школы Минска! Какими глазами смотрят на старого чекиста мальчишки! Наверное, многие из них думают: нелегкая была жизнь у этого человека. Но всегда он оставался настоящим человеком и коммунистом.

Еще вот радостное, волнующее событие. Получил недавно Валентин Афанасьевич письмо из далекой деревни Приходьки, что на Полтавщине. Приглашал Горшкова в гости его однополчанин. Читал это письмо старый чекист и так разволновался. Не забывают, значит, бывшие шоринцы друг друга. И это очень хорошо.

Хоть и неблизкий путь, но быстро собрался, поехал. А там столько встреч! И самая, пожалуй, дорогая — в местной школе. Валентин Афанасьевич участвовал в уроке мужества. Рассказал ребятам, как жил, как защищал свою Родину. Какие славные были у него боевые друзья. Приняли школьники Горшкова в почетные пионеры. И стала для него далекая украинская деревня Приходьки близкой и родной.

Да еще приходят в гости к Валентину Афанасьевичу его старые друзья. Посидят, поговорят, вспомнят былое. И обязательно угостит хозяин гостей чаем. Отменный он готовит чай, ничего не скажешь!

Михаил ШИМАНСКИЙ

БИТАЯ КАРТА

Из прошлого

История эта началась давно — более 30 лет назад, когда один из ее участников — белорусский парень из Полесья, вовлеченный, как и многие миллионы его сверстников, в водоворот бушевавшей на советской земле войны, оказался по ту сторону баррикад...

А закончилась она в середине прошлого года лаконичным официальным сообщением:

«В Комитете государственной безопасности СССР: ...в г. Москве при проведении шпионской акции был задержан с поличным атташе посольства США Луис Томас. В ходе расследования получены уликовые материалы, полностью изобличающие этого американского дипломата в осуществлении разведывательной деятельности, несовместимой с его официальным статусом. За противоправные, шпионские действия Л. Томас объявлен персона нон грата».

Какая же ниточка протянулась между разведчиком ЦРУ Луисом Томасом, прятавшимся за ширмой атташе американского посольства в Москве, и Михаилом Алексеевичем Борщевским, когда-то очень молодым белорусским парнем, которому в далеком сорок первом было едва ли восемнадцать лет? Что связало разделенные десятилетиями события, в которых вновь оказалось замешанным шпионское ведомство США — Центральное разведывательное управление?

Однажды утром Михаил Алексеевич Борщевский, живущий сейчас в одном из белорусских городов, обнаружил в своем почтовом ящике удивившее его письмо. Оно, как явствовало из синего штемпеля, было из Москвы, где у него вроде и знакомых-то нет. Не говоря уже о родственниках, которых вообще осталось мало. Война, годы — кого пулей сразило, как родного брата осенью 44-го под Брестом, кого хворь да старость в могилу свели.

«Дорогой друг,— начиналось письмо,— давай встретимся поскорее. Обещаю тебе долгую разлуку компенсировать гостеприимством...» И вдруг такая фраза:

«Мы хорошо помним тебя, помним дорогого нам Карла!» Машинально дочитал до конца полное намеков и условностей письмо, где неизвестный пока отправитель приглашал приехать в Москву, называл место встречи и конкретное время.

Перечитал еще раз Борщевский эти неожиданные и так поразившие его строки. Страшные воспоминания пришли на ум, болью защемило сердце. «Неужели вспомнили-таки, отыскали, опять в омут тянут?..»

1952 год. Хмурый январский Мюнхен с его разношерстной, разноязычной толпой, занесенной сюда войной. На улицах снуют военные «джипы» и «доджи» с американскими военнослужащими. Янки здесь чувствуют себя хозяевами. Понастроили казарм, полигонов и стрельбищ. И еще кое-что, что старались держать в секрете,— вроде одного из неприметных зданий в пригородном местечке Кауфбайерн. Там размещалась американская разведывательно-диверсионная школа. В нее и попал тогда, в 52-м, молодой Борщевский.

Как очутился он за границей, что привело его в шпионское гнездо? Об этом он сам мне рассказывает, ничего не скрывая и не приукрашивая. Встретились мы с ним в его гостеприимном доме, где живет сейчас с семьей Михаил Алексеевич.

— Будь она проклята, война,— с горечью начинает Борщевский.— С нее все и пошло. Осенью сорок первого стрелковый полк, где я служил, попал в окружение. Было это на Смоленщине. Шли тяжелые бои. Потом плен. Лагерь военнопленных в Рославле. Затем каторжные работы в Германии под дулом автомата. Пришлось хлебнуть горя, отведать подневольного труда. Когда закончилась война, я оказался в американской зоне оккупации. Возвратиться сразу на Родину побоялся. Пугали нас «сибирскими лагерями», а сами новые хозяева оборудовали для тысяч и тысяч запуганных, плохо разбирающихся в политике людей свои лагеря — для «перемещенных лиц». Так нас тогда называли...

Смотрю на смуглое широкое лицо моего собеседника, вглядываюсь в его очень живые, молодые еще, но с постоянной грустинкой глаза. Думаю, какой бедой оборачивается в жизни каждый неверный шаг в молодые годы. На чужбине приглядели его главари белорусских националистов — бывшие фашистские пособ-

ники и прихлебатели вроде избежавшего справедливого возмездия Бориса Рогули, быстро нашедшие себе новых покровителей в американской разведке.

Не сообразил молодой еще Борщевский, что так называемая организация белорусских скаутов, куда его втянули и где заставили даже принять «присягу», все эти «кружки» и «землячества» были просто приманкой для несведущих людей, которых одурманивали, играя на их национальных чувствах, а на деле готовили человеческое сырье для западных спецслужб, и в первую очередь американских.

В тот самый день, когда Борщевский приехал в Мюнхен и встретился там с высоким мрачным американцем, назвавшимся Полом, он понял: попал в руки разведчиков. Пол разместил его на конспиративной квартире ЦРУ, дал немного денег на питание. К делу приступил немедленно: уже в первый день во время обеда потребовал рассказать о себе, назвать друзей и знакомых. На следующий день Борщевского уже осматривали, ощупывали дюжие врачи с офицерской выправкой. Другие незнакомцы в штатском заполняли какие-то карточки, снимали отпечатки пальцев.

От всего этого Михаилу стало не по себе. Неужели же придется возвращаться на Родину такой ценой? Жизнь в чужой стране опостылела ему. Где только не мотался он в поисках заработка — слесарничал на заводе вблизи Франкфурта-на-Майне, очищал жернова на водяной мельнице где-то в горах у Рейна. Потом завербовался на английские угольные шахты вблизи Ковентри. Вот там-то в местной пивной его и «облагодетельствовал» своим вниманием тот самый Рогуля, у которого, все это знали, руки были по локоть в крови, которого боялись даже его подручные. Он снисходительно похлопал по плечу Борщевского и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Мы еще возьмем свое, мы еще повоюем...— Потом добавил: — Поезжай, парень, в Бельгию. Поучись в гимназии, поработай. Там есть наши люди. Они тебя найдут...

И вот «нашли». «Помогли». Устроили в американскую шпионскую школу...

Из показаний Борщевского на заседании военного трибунала: «В разведшколе мне дали кличку «Карл». Еще троих молодых парней примерно с такой же, как

у меня, судьбой окрестили — «Бен», «Джо» и «Фин». Нас стали обучать радиоделу, топографии, прыжкам с парашютом. Потом нас разделили, учили по одному: подделке паспортов, военных билетов, печатей, владению оружием, стрельбе ночью, в темноте, приемам самбо. Много времени уделяли отработке легенд. Мне выдали советский паспорт на вымышленную фамилию. Я должен был рассказывать, что якобы во время войны потерял родителей, жил у родственников, с 1942 по 1947 год служил в Советской Армии, потом работал на заводе.

Проводили занятия по тайнописи, учили переписке с помощью симпатических чернил, другим способам связи с американской разведкой. Дали адрес конспиративной квартиры в Париже, где жил один из подручных Рогули, куда велели направлять сообщения, если бы прервалась радиосвязь».

И вот в один из августовских дней 1952 года Борщевского и его группу разведчики ЦРУ повезли на американский военный аэродром. Предстоял полет на территорию СССР — тот роковой полет, который подвел черту под первой половиной жизни Борщевского.

Прозрение

Рассматриваю захваченное шпионское снаряжение. Чего здесь только нет: большие зеленые, под цвет листвы, шелковые парашюты, автоматы времен минувшей войны, пистолеты, ножи, бинокли, карты, компасы, приемники, радиопередатчики. И три спальных мешка. Все это было обнаружено у разведывательно-диверсионной группы, в состав которой входил Борщевский. Все сохранено как зловещий символ «холодной войны», которую развязали против СССР бывшие западные союзники.

В ночь с 26 на 27 августа 1952 года четырехмоторный самолет без опознавательных знаков тайком проник в советское воздушное пространство.

Тревожное то было время. Еще недавно наши и американские солдаты, встретившись на Эльбе, с радостью обнимали друг друга, горячо приветствовали, поднимали тосты за долгожданную победу. Еще жива была в памяти боевая союзническая дружба. Но уже вовсю повеяли ветры «холодной войны», и в американских

армейских штабах, еще вчера планировавших совместные операции против фашистского вермахта, рождались зловещие замыслы атомных бомбардировок советских городов, ударов с воздуха и моря по социалистическим странам. Этот варварский план носил название «Дропшот». Разрабатывала и другие агрессивные акции американская военщина.

Вовсю развернулось и шпионское ведомство — ЦРУ. Для обеспечения воинственных планов Пентагона оно приступило к операциям по созданию разведывательно-диверсионного подполья на территории СССР. Разрабатывались планы массированной заброски в нашу страну агентов-диверсантов, которых в срочном порядке обучали в специальных школах ЦРУ в Западной Европе. Денег на это не жалели. Какие только ухищрения не придумывали в американском шпионском ведомстве, чтобы забрасывать в Советский Союз свою агентуру! Специальные ранцы с легким реактивным двигателем — для преодоления преград, воздушные шары, крохотные одноместные вертолеты, специальные водолазные костюмы, надувные лодки, плотики и другое снаряжение. Излюбленным приемом ЦРУ была заброска шпионов с самолетов.

...Шел второй час ночи, когда темно-зеленый «Дуглас», кравшийся над советской землей, резко начал снижаться. Что впереди, как сложится дальше судьба? Мрачные мысли нарушила команда:

— Прыгать!

Четыре темные точки отделились от самолета. Диверсанты приземлились удачно. Было это вблизи деревни Клетище тогдашней Молодечненской области. Осмотрелись, зарыли парашюты. Потом передали по радио в шпионский центр в Западной Германии свои координаты, доложили, что готовы для дальнейших действий. Что же поручили им делать на советской земле хозяева из ЦРУ?

В следственных материалах читаем: «Инструктировал нас перед заброской американский генерал, назвавшийся Виктором. Он и сформулировал задание: организовать шпионскую сеть, вербовать агентов, подбирать удобные площадки для выброски новых шпионских групп, вести наблюдение за оборонными объектами, за передвижениями войск, изучать вокзалы, автотрассы, добывать документы, используемые на

территории СССР,— паспорта, военные билеты и другие. Вести антисоветскую и националистическую пропаганду. Если потребуется, применять оружие, часовых снимать с помощью бесшумных пистолетов...»

Агентов-диверсантов забрасывали надолго, оснащали капитально: помимо автоматов, пистолетов и взрывчатки экипировали их авторучками для стрельбы ядовитым газом, чтобы расправляться с намеченными жертвами. Имели они с собой лопаты, топор, пилу-ножовку для строительства землянок. Что еще? Карандаши с подсветкой, чтобы и по ночам можно было донесения писать, компасы, бинокли. Спальных мешков почему-то оказалось три на четверых — четвертый диверсант должен был согласно этому нехитрому замыслу постоянно бодрствовать, нести охрану.

Но не помогли ни ночные бодрствования, ни легенды, ни по-кошачьи осторожные рейды в близлежащие города и поселки. Не помогли и попытки оказать сопротивление, когда обнаруженная при активной помощи местных жителей шпионская группа обезвреживалась чекистами. Диверсанты предстали перед военным трибуналом.

Измена Родине, шпионаж... Полагается за это суровое наказание. Но учли молодость Борщевского, его чистосердечное раскаяние. Годы, проведенные в заключении, не прошли бесследно. Много передумал, читал, вникал в суть происшедшего, добросовестно трудился, овладел несколькими рабочими профессиями. Понял, осмыслил, осудил свои ошибки и преступления. Проклял все, что связывало его со шпионским прошлым.

Начал новую жизнь, создал семью. Растет сынишка, на работе уважают за честный труд. Садовый участок завел.

И вдруг это письмо, зовущее обратно в пропасть. Нет, господа из ЦРУ, не тот уже Борщевский. Слишком дорогой была его плата за ошибки молодости. Слишком долгим и трудным путь к высокому званию советского гражданина. Он знал теперь, как поступить — решил дать бой тем, кто однажды толкнул его на тяжкое преступление.

И вот в назначенное в письме ЦРУ время Борщевский приехал в Москву и направился поздним вечером в обусловленный район. Это был небольшой сквер, где уже прогуливался невысокий человек с черным пуде-

лем. Вроде бы вышел на прогулку перед сном — в синей спортивной куртке, светлой майке, бежевых брюках. Картина довольно обычная для тех, кто держит собак.

Увидев Борщевского, незнакомец окинул его внимательным взглядом и решительно направился в его сторону. Спросил по-английски:

— Вы Карл?

Получив утвердительный ответ, ловким профессиональным движением извлек из кармана и вручил Борщевскому небольшую пачку конфет «Холодок». Успел только сказать:

— Это для вас, внутри вы найдете необходимые инструкции...

В этот момент американский разведчик был задержан. Потрясенный неожиданным провалом, он долго не мог прийти в себя.

В безобидной пачке из-под конфет действительно была спрятана инструкция ЦРУ. В ней, в частности, содержались подробные указания для отыскания и изъятия тайника со шпионскими материалами. Для опознания задержанного с поличным пригласили сотрудников посольства США. Они-то и удостоверили, что задержанный — атташе Луис Томас. Когда обнаруженный позже шпионский контейнер, изготовленный «умельцами» из ЦРУ в виде булыжника, показали этим дипломатам посольства США, смущенным американцам оставалось только развести руками. Никаких комментариев, когда они уводили с собой незадачливого разведчика, не последовало...

Уехал в свой родной город и Михаил Алексеевич Борщевский. Уехал с сознанием выполненного долга перед своим народом. Он дал свой последний бой американскому шпионскому ведомству и выиграл его.

Так закончилась тщательно подготовленная и спланированная ЦРУ шпионская акция. Расчеты спецслужб США на агента Карла рухнули.

Ю. В. ДМИТРИЕВ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ГЕРОЯХ ОЧЕРКОВ

ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ БЫЧЕК

О. С. Бычек родился в 1921 году в местечке Бобровица Козелецкого района Черниговской области в семье рабочего. Кандидат в члены КПСС. В 1941 году окончил Буйнакское пехотное училище. В сентябре — ноябре 1941 года — помощник командира взвода отряда Шпилевого, выполнявшего специальное задание на оккупированной территории Калининской, Смоленской и Витебской областей. С марта 1942 года — комиссар, а с июня 1943 года — командир спецотряда «Третьи», действовавшего на территории Витебской, Минской, Вилейской областей и Литовской ССР.

О. С. Бычек погиб 7 мая 1944 года при выполнении боевого задания.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года посмертно.

СТАНИСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАУПШАСОВ

С. А. Ваупшасов родился в 1899 году в деревне Грузджяй Шяуляйского района Литовской ССР в семье батрака. Член КПСС. В 1918 году добровольно вступил в Красную Армию, участвовал в боях на Западном фронте. В 1920—1925 годах руководил партизанским отрядом в Западной Белоруссии. С 1925 года на административно-хозяйственной работе в Москве, с 1930 — в органах госбезопасности. Участник антифашистской борьбы в Испании (1937—1938 гг.) и войны с Финляндией.

В начале Великой Отечественной войны командовал батальоном отдельной мотострелковой бригады особого назначения, оборонявшей Москву. С марта 1942 по июль 1944 года С. А. Ваупшасов (Градов) — командир спецотряда «Местные», действовавшего на территории Минской области. При отряде базировался Минский подпольный горком партии, членом которого являлся С. А. Ваупшасов. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

В послевоенный период продолжительное время работал на руководящих должностях в органах государственной безопасности. Проживал в Москве. Умер в 1976 году.

БОРИС ЛАВРЕНТЬЕВИЧ ГАЛУШКИН

Б. Л. Галушкин родился в 1919 году в городе Шахты Ростовской области в семье рабочего. Член КПСС. В 1937—1941 годах учился в Московском институте физкультуры. Осенью 1941 года участвовал в боях с немецко-фашистскими оккупантами под Ленинградом. В 1942 году выполнял спецзадание в тылу врага. С мая 1943 по июнь 1944 года — командир специального партизанского отряда «Помощь», действовавшего в Минской и Ви-

тебской областях. Погиб 15 июня 1944 года во время прорыва вражеской блокады в районе озера Палик Борисовского района Минской области.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года посмертно.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЗЕБНИЦКИЙ

Н. В. Зебницкий родился в 1919 году в селе Новосухотино Красноармейского района Кокчетавской области в семье крестьянина. Член КПСС. В 1941 году окончил Орловское пехотное училище. В Отечественную войну в июне — августе участвовал в боях с немецко-фашистскими войсками, в сентябре — ноябре — командир взвода отряда особого назначения Западного фронта. С апреля 1942— комиссар, с июля 1942 по ноябрь 1943 года — командир партизанского отряда «Вторые», действовавшего на территории Орловской, Смоленской, Могилевской, Гомельской и Черниговской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 1 января 1944 года.

В послевоенное время Н. В. Зебницкий работал в органах госбезопасности Белоруссии. Умер в 1975 году.

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ЛОПАТИН

П. Г. Лопатин родился в 1907 году в деревне Излегоще Усманского района Липецкой области в семье крестьянина-бедняка. Член КПСС. В Красной Армии служил с 1929 года, в 1934—1935 годах — в органах НКВД. С 1936 по 1941 год работал на железнодорожной станции в Минске. С июля 1941 года — в отдельной мотострелковой бригаде особого назначения. В сентябре — декабре 1941 года — командир отделения, затем взвода спецотряда, действовавшего под командованием Д. Н. Медведева на территории Смоленской, Могилевской и Орловской областей.

В феврале 1942 года П. Г. Лопатин назначается командиром разведывательно-диверсионной группы «Бывалые», которая в марте 1942 года перешла линию фронта и направилась в Борисовский район Минской области. С августа 1942 года — командир партизанской бригады «Дяди Коли». Звание Героя Советского Союза присвоено 15 августа 1944 года.

С 1944 года П. Г. Лопатин работал заместителем председателя Борисовского горисполкома, а затем райисполкома. В 1955—1962 годах находился на хозяйственной работе. Проживал в городе Борисове. Умер в 1974 году.

НИКОЛАЙ АФАНАСЬЕВИЧ МИХАЙЛАШЕВ

Н. А. Михайлашев родился в 1917 году в станице Прочноокопская Новокубанского района Краснодарского края в семье крестьянина. Член КПСС. В 1939—1941 годах служил в органах госбезопасности. С июля 1941 года в тылу врага — командир группы, взвода, заместитель командира Чечерского партизанского отряда, с августа 1942 года — заместитель начальника разведки отряда НКГБ «Вперед», с мая 1943 года — заместитель командира Добрушской партизанской бригады. В апреле —

июле 1944 года — командир специальной разведывательно-диверсионной группы «Буря», действовавшей на территории Вилейской области. Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

В 1944—1976 годах работал в органах госбезопасности Белоруссии. Живет в городе Минске.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ МИРКОВСКИЙ

Е. И. Мирковский родился в 1904 году в городе Минске в семье служащего. Член КПСС. С 1921 по 1926 год — рабочий бондарной мастерской в городе Дмитриеве Курской области, бетонщик стройучастка в Минске. В 1927—1941 годах служил в пограничных войсках. В 1941 году, будучи командиром роты отдельной мотострелковой бригады особого назначения, участвовал в обороне Москвы. С марта 1942 по август 1944 года — командир партизанского отряда специального назначения «Ходоки», действовавшего на территории Орловской, Гомельской, Черниговской, Житомирской и Брестской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 17 ноября 1944 года.

В 1944—1955 годах Е. И. Мирковский работал на руководящих должностях в органах госбезопасности в Москве. С 1955 года пенсионер, проживает в Москве.

ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ НЕКЛЮДОВ

В. Л. Неклюдов родился в 1910 году в Омске в семье служащего. Член КПСС. В 1931 году окончил Новосибирский коммунистический университет. С 1933 года — в органах госбезопасности. Участник обороны Москвы. С февраля 1942 года — комиссар, а с августа того же года — командир партизанского отряда специального назначения «Боевой», действовавшего на территории Витебской, Вилейской областей и Литовской ССР.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

В 1944—1958 годах работал на ответственных должностях в органах МГБ и МВД Белорусской и Молдавской ССР.

Жил в Кишиневе. Умер в мае 1979 года.

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ОЗМИТЕЛЬ

Ф. Ф. Озмитель родился в 1918 году в селе Липовицкое Мартукского района Актюбинской области в семье крестьянина. Член КПСС. В Красной Армии служил с 1938 года. Участвовал в боях под Москвой. В феврале 1942 года направлялся в тыл врага командиром партизанского отряда особого назначения «Грозный», действовавшего в районе Орша — Витебск — Смоленск. В мае 1943 года снова в тылу врага во главе спецотряда «Гром», действовавшего на территории Минской области. В июне 1944 года во время вражеской блокады возле озера Палик Ф. Ф. Озмитель командовал штурмовой группой по прорыву окружения, был тяжело ранен. Когда гитлеровцы приблизились, чтобы взять его в плен, подорвал связкой гранат себя и окруживших его врагов. Похоронен в деревне Маковье Борисовского района.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года посмертно.

КИРИЛЛ ПРОКОФЬЕВИЧ ОРЛОВСКИЙ

К. П. Орловский родился в 1895 году в деревне Мышковичи Кировского района Могилевской области в семье крестьянина. Член КПСС с 1918 года. В 1915—1918 годах служил в армии. В 1918 году поступил на службу в органы ВЧК. В 1918—1920 годах — командир партизанских отрядов, сражавшихся с кайзеровскими, польскими оккупантами, бандами Булак-Балаховича и Савинкова. Последующие пять лет возглавлял партизанский отряд, действовавший на территории Западной Белоруссии. В 1930 году окончил Коммунистический университет в Москве.

Участник гражданской войны в Испании (1937—1938 гг.). В 1942—1943 годах — командир спецотряда «Соколы», действовавшего на территории Минской и Брестской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 сентября 1943 года.

С 1944 по 1968 год работал председателем колхоза «Рассвет» Могилевской области. Являлся делегатом XX, XXII и XXIII съездов КПСС. На XX съезде был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, на XIX—XXVI съездах КПБ избирался в состав ЦК КПБ. Депутат Верховного Совета СССР 3—7-го созывов.

Умер в 1968 году.

МИХАИЛ СИДОРОВИЧ ПРУДНИКОВ

М. С. Прудников родился в 1913 году в деревне Новопокровка Ижморского района Кемеровской области в семье крестьянина. Член КПСС. С 1931 года служил в войсках НКВД, окончил Харьковское пограничное училище. В Отечественную войну — командир батальона отдельной мотострелковой бригады особого назначения, участник обороны Москвы.

В марте 1942 года со спецотрядом прибыл в Полоцкий район. Вскоре отряд значительно пополнился новыми бойцами и был преобразован в партизанскую бригаду «Неуловимые». М. С. Прудников командовал ею до мая 1943 года, после чего был отозван в Москву, где продолжал служить в органах госбезопасности.

Звание Героя Советского Союза присвоено 20 сентября 1943 года.

М. С. Прудников — автор книг «Неуловимые», «Неуловимые действуют», «Особое задание», «Разведчики «Неуловимых» и других.

Сейчас на пенсии. Живет в Москве.

АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ РАБЦЕВИЧ

А. М. Рабцевич родился в 1898 году в деревне Лозовая Буда Бобруйского района Могилевской области в семье крестьянина. Член КПСС. С 1910 по 1916 год — батрак имения Кочеричи, в 1916—1917 годах — рядовой, унтер-офицер 6-го гренадерского полка. Участник гражданской войны. В 1921—1923 годах — участник партизанского движения в Западной Белоруссии. С 1924 по 1937 год находился на хозяйственной работе. В 1937—1938 годах участвовал в гражданской войне в Испании, позже работал в хозяйственных органах.

В Великую Отечественную войну, начиная с 1941 года, на

фронте в должности командира роты отдельной мотострелковой бригады особого назначения. С июня 1942 по июль 1944 года — командир разведывательно-диверсионного отряда «Храбрецы», действовавшего на территории Могилевской, Полесской и Пинской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года. После войны служил в органах госбезопасности Белоруссии в Минске. Умер в 1961 году.

АЛЕКСАНДР НИКИТИЧ ШИХОВ

А. Н. Шихов родился в 1914 году в деревне Песчанка Орычевского района Кировской области в семье крестьянина. Член КПСС. С 1933 по 1936 год работал на машиностроительном заводе в Кирове, в 1936—1938 годах служил в Красной Армии. С 1939 по 1941 год — работник Кировского облисполкома. В первые же дни Великой Отечественной войны ушел в действующую армию, участвовал в обороне Москвы. В мае — сентябре 1943 года — командир специальной группы, действовавшей в Гомельской области, а с января по июль 1944 года — командир специального отряда «Богатыри», выполнявшего задание Центра в тылу врага на территории Минской, Пинской и Барановичской областей.

Звание Героя Советского Союза присвоено 5 ноября 1944 года.

С 1945 по 1970 год служил в органах госбезопасности. Живет в Москве.

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ МАКСИМЕНКО

А. П. Максименко родился в 1905 году в городе Орск Оренбургской области в семье крестьянина. Член КПСС. Трудовую деятельность начал с тринадцати лет — батрачил у кулаков, работал рассыльным в уездном комиссариате, учеником в шорной мастерской, секретарем губернского отдела профсоюза пищевой промышленности. С 1925 года — в органах госбезопасности.

В годы Великой Отечественной войны — руководитель оперативно-чекистской группы, действовавшей в районе Витебска, а с мая 1943 года — командир разведывательно-диверсионной группы «Неуловимые» и зам. командира 1-й партизанской бригады имени К. С. Заслонова по разведке.

В 1944—1952 годах работал в органах госбезопасности Белоруссии.

В 1959 году умер.

СОДЕРЖАНИЕ

Высокий долг/[Сост. П. А. Киеня,
В 93 В. А. Жур].— Мн.: Беларусь, 1985.— 399 с.,
8 л. ил., 1 л. портр.
В пер.: 1 р. 20 к.

В сборнике публикуются очерки о чекистах, активно боровшихся против врагов Советской власти в довоенный и послевоенный период, а также против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии. Многие из них стали Героями Советского Союза.

В $\frac{1203030000-338}{М 301(05)-85}$ БЗ 206—85 ББК 67.99(2)116.2+
+63.3(2)722

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

Составители:
Павел Артемович Киеня
Владимир Антонович Жур

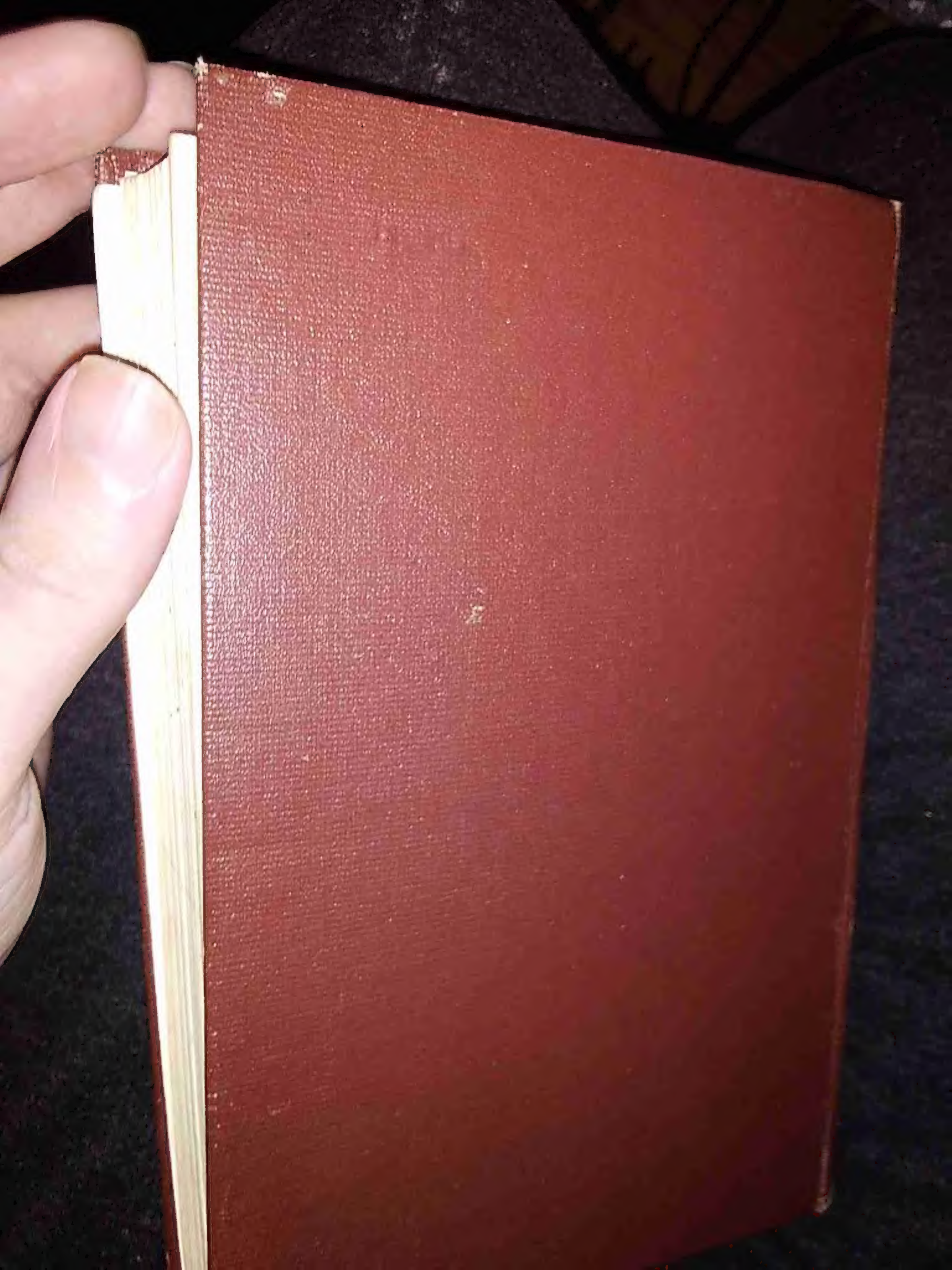
Заведующий редакцией П. С. Щедров
Редактор С. Г. Козлюк
Художник Ф. М. Барановский
Художественный редактор И. Г. Славянин
Технический редактор Я. С. Шляшинская
Корректоры Ю. Ц. Карпович, О. П. Соболева

ИБ № 3371

Сдано в набор 18.09.85. Подп. в печ. 20.11.85. АТ 06866. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,0+0,94 вкл. Усл. кр.-отт. 23,62. Уч.-изд. л. 20,65+0,75 вкл. Тираж 50 000 экз. Зак. 1823. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.



PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190